
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 3(67), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Адамова М.А., Кандыба Р.А., Манкиева А.В. Теоретические аспекты миграционных процессов в современном политическом дискурсе..... 588

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Великая Н.М., Новоженнина О.П. Социально-политические ценности в образе будущего российских граждан как основание политической и экономической модернизации страны 596

Тюков Н.А., Шаповалов В.Л. Механизмы и мотивация участия представителей российского педагогического сообщества в политических процессах 606

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Аствацатурова М.А., Ян Фулинь. Патриотические аспекты программного дискурса современных коммунистических партий: (локальный сравнительный анализ)..... 617

Абрамова М.А. Трансформация современного российского общества в евразийском социокультурном пространстве: обоснование подхода к исследованию 628

Муравых А.И., Никитенко Е.Г. Уцененная элита общества потребления 636

Назаров А.Д. Достижения, проблемы и перспективы современного этапа освоения космоса 651

Бубнов А.Ю., Савельева М.А. Память о Великой Отечественной войне в Беларуси как пространство «мемориальных войн» (на примере анализа онлайн-дискуссии)..... 663

Добрынина М.В. Инженерное образование в контексте проблем обеспечения национальной безопасности РФ 675

Фельдман П.Я., Фарниев С.А., Миронов С.И. Теоретико-прикладные аспекты применения манипулятивных политических технологий в условиях информационной войны (на примере пандемии COVID-19)..... 686

Никушкин А.Б. Цифровые платформы как инструмент коммуникации и формирования стратегии политических партий: сравнительный анализ 695

Мажидов О.И. Основные направления политики строительства гражданского общества в Узбекистане 707

Савельева У.С. Консолидация российского общества: вызовы и перспективы..... 714

Байков С.А. Стратегия коммуникации политической элиты и общества в России в условиях международной конфронтации	719
Венцель С.В. Политический экстремизм в пространстве новых медиа: проблемные аспекты и технологические нюансы	728
Ву Тхи Хыонг. Интернет-технологии в избирательных кампаниях в современном политическом процессе	738
Басов О.Н. Инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть с использованием медиа	744
Мазуев А.А., Мандрицкий М.Ю. Перспективные механизмы и технологии противодействия политическому экстремизму в виртуальной среде	752
Санчат С.С. Исследование региональных политических систем в современной России: актуальность и перспективы	760

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Исмоилова Г. Влияние экономических реформ на духовно-нравственное развитие личности	767
Пилягин К.А. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации культурной политики	773

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

Воронина Н.А. Мигранты в Москве: культурное разнообразие и грани этнополитики	780
Жетпымбаев С.К. Этнополитика Казахстана: к единству через многообразие	791

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Тушков А.А., Данилова А.И. Этнополитический конфликтный потенциал современного Китая	804
Альжаруан Мохд Хиер Джаруан. Конфликтные отношения Ирана в контексте сирийского кризиса (на примере Израиля)	813

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Тушков А.А., Федоренко У.В. Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции «Сообщества единой судьбы человечества»	819
Пряхин В.Ф. О принципиальных и тактических отличиях внешней политики республиканской и демократической администраций США	826
Хлопов О.А. Проблемы энергетической безопасности Турции	835

Родионова М.Е., Назарова Н.А., Гималаев В.Г. Современные тенденции электоральных процессов в государствах ЕС	846
Кочетков Е.Е. Проблемы и перспективы федерализации и регионализации некоторых арабских стран	856
Моисеев А.В., Шангараев Р.Н. Международное сотрудничество по снижению уровней глобальных ядерных угроз: концепции и практика.....	864
Авакян Д.А., Трофимова К.М. Социально-политический конфликт как фактор развития трудовых отношений в Великобритании	872
Попов С.И., Менаждинова А.Р. Специфика регулирования иммиграционной политики в ФРГ как условие политической стабильности.....	879
Семенова О.В. Музыкально-информационное пространство поликультурной среды как фактор «мягкой силы» государства.....	886
Адоунде Яови Сильвестр. Особенности политико-экономических реформ в Республике Бенин при президенте Патрисе Талоне (2016-2021 гг.)	895
Агоннуде Бидолей Вианней Фредди. ЮАР, США, БРИКС: экономическое сотрудничество и политическое противостояние на международной арене	901
Шолкова М.А. Официальная помощь Японии развитию и обеспечение устойчивого развития Азиатско-Тихоокеанского региона	906
Полтавцева О.Н. Угрозы и перспективы развития новых медиа во внешней политике современных государств в период пост-COVID-19.....	913
Эбру Биринчи. Меняющаяся роль Израиля в политике России на Ближнем Востоке/The Changing Role of Israel in the Russian Middle Eastern Policy	920
Барья Сохраб. Проблемы мирного урегулирования в Афганистане: политика России в регионе	928
Чжэн И. Энергетическая безопасность – конкуренция цен между РФ, США и КСА.....	934

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Краснов М.И., Бурлаков П.Д., Козленко М.В. Участие студенческой молодежи в общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: ценностные установки и политическое поведение	941
Степанькова Д.С., Тарасочкина Д.Д. Историко-теоретические основы американского федерализма и их практическая реализация в контексте выборов президента США 2020 года.....	949

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Слизовский Д.Е. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев: внушивший доверие? (Рецензия на статью Улькер Мастафа кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)» 956

НАШИ АВТОРЫ 964

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 975

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLITICS

Adamova M.A., Kandyba R.A., Mankieva A.V. Theoretical Aspects
of Migration Processes in the Modern Political Discourse..... 595

POLITICAL SOCIOLOGY

Velikaya N.M., Novozhenina O.P. Socio-Political Values
in the Image of the Future of Russian Citizens as the Basis
for the Political and Economic Modernization of the Country..... 605

Tyukov N.A., Shapovalov V.I. Mechanisms and Motivation
for the Participation of Representatives of the Russian
Pedagogical Community in Political Processes..... 616

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Astvatsaturova M.A., Yang Fulin. Patriotic Aspects of the Program
Discourse of Modern Communist Parties: (Local Comparative Analysis)..... 626

Abramova M.A. Transformation of Modern
Russian Society in the Eurasian Socio-Cultural Space:
Justification of the Research Approach..... 634

Muravykh A.I., Nikitenko E.G. The Discounted Elite
of the Consumer Society..... 650

Nazarov A.D. Achievements, Challenges and Prospects
of the Current Stage of Space Exploration 661

Bubnov A.Yu., Savelyeva M.A. The Memory of the Great Patriotic War
in Belarusas a Space of “Memorial Wars”
(on the Example of Online Discussion Analysis) 673

Dobrynina M.V. Engineering Education in the Context
of National Security Issues in the Russian Federation:
Development According to the Mobilization Scenario..... 685

Feldman P.Ya., Farniev S.A., Mironov S.I. Theoretical and Practical Aspects
of the use of Manipulative Political Technologies in the Information War
(on Example of the COVID-19 Pandemic)..... 694

Nikushkin A.B. Digital Platforms as the Communication Channel
and the Party Politics Tool: a Comparative Analysis..... 705

Majidov O.I. The Main Directions of the Policy of Building a Civil Society in Uzbekistan.....	713
Saveleva U.S. Consolidation of Russian Society: Challenges and Prospects.....	718
Baykov S.A. Communication Strategy of the Political Elite and Society in Russia in the Context of International Confrontation	727
Ventsel S.V. Political Extremism in the Space of New Media: Problematic Aspects and Technological Nuances.....	737
Vu Thi Huong. Internet Technologies in Election Campaigns in the Contemporary Political Process.....	742
Basov O.N. Instruments of Elite Struggle for Political Power in Bureaucratic Systems with the use of Media.....	751
Masuev A.A., Mendritzki M.Yu. Prospective Mechanisms and Technologies for Countering Political Extremism in a Virtual Environment.....	759
Sanchat S.S. Research of Regional Political Systems in Modern Russia: Actuality and Prospects	766

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

Ismoilova G.I. Impact of Economic Reforms for Spiritual and Moral Development of Personality.....	772
Pilyagin K.A. Essence and Content of Political Mechanisms for Formation and Implementation of Cultural Policy	778

POLITICAL REGIONALISM AND ETHNOPOLITICS

Voronina N.A. Migrants in Moscow: Cultural Diversity and Facets of Ethnopolitics.....	790
Zhetpysbaev S.K. Ethnopolitics of Kazakhstan: Towards Unity Through Diversity	803

POLITICAL CONFLICTOLOGY

Tushkov A.A., Danilova A.I. The Ethnopolitical Conflict Potential of Modern China	811
Aljarwan Mohd Khier Jarwan. Conflict Relations of Iran in the Context of the Syrian Crisis (Case Study of Israel).....	818

THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS, FOREIGN AND WORLD POLICY

Tushkov A.A., Fedorenko U.V. China's Peripheral Diplomacy as a Basis of "Community of Common Destiny" Concept.....	825
--	-----

<i>Pryahin V.F.</i> On the Principal and Tactical Differences in the Foreign Policy of the Republican and Democratic Administrations of the USA.....	834
<i>Khlopov O.A.</i> Turkey’s Energy Security Problems	845
<i>Rodionova M.E., Nazarova N.A., Gimaliev V.G.</i> Current Trends in Electoral Processes in the EU Countries.....	855
<i>Kochetkov E.E.</i> Problems and Prospects of Federalization and Regionalization of some Arab Countries	863
<i>Moiseev A.V., Shangaraev R.N.</i> International Cooperation to Reduce Global Nuclear Threats: Concepts and Practice	870
<i>Avakyan D.A., Trofimova K.M.</i> Social and Political Conflict as a Factor in the Development of Labor Relations in the UK.....	878
<i>Popov S.I., Menajdinova A.R.</i> Specifics of Regulation of Immigration Policy in Germany as a Condition of Political Stability.....	885
<i>Semenova O.V.</i> Musical and Informational Space of the Multicultural Environment as a Factor of the “Soft Power” of the State	894
<i>Adohounde Yaovi Sylvestre.</i> Features of Political and Economic Reforms in the Republic of Benin under President Patrice Talon (2016-2021)	900
<i>Agonnoude Bidoley Vianney Freddy.</i> South Africa, USA, BRICS: Economic Cooperation and Political Confrontation on the International Stage	905
<i>Sholkova M.A.</i> Japan’s Official Development Assistance and Ensuring Sustainable Development of Asian Pacific Region	912
<i>Poltavtseva O.N.</i> Threats and Prospects of New Media in Foreign Policy of Modern States in Post-COVID-19 Period	919
<i>Ebru Birinci.</i> The Changing Role of Israel in the Russian Middle Eastern Policy	921
<i>Sohrab Barya.</i> Problems of Peaceful Settlement in Afghanistan: Russia’s Policy in the Region	933
<i>Zheng Yi.</i> Energy Security – Price Competition Between Russia, USA and KSA.....	939

STUDENT SCIENCE

<i>Krasnov M.I., Burlakov P.D., Kozlenko M.V.</i> Participation of Student Youth in the General Russian Vote on the Approval of Amendments to the Constitution of the Russian Federation: Value Attitudes and Political Behavior	948
<i>Stepankova D.S., Tarasochkina D.D.</i> Historical and Theoretical Foundations of American Federalism and their Practical Implementation in the Context of the 2020 US Presidential Elections	955

REFLECTIONS ON THE READ

Slyzovskiy D.E. President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev: Someone who Inspired Confidence? (Review of the Article by Ulker Mastaf Kyzy Mehdiyeva “The Image of a Political Leader in the Historical Context (on the Example of President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev”)..... 963

OUR AUTHORS.....970

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 975

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.001

УДК 327

М.А. АДАМОВА

*кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений, политологии
и мировой экономики Института международных отно-
шений Пятигорского государственного университета,
Россия, г. Пятигорск*

Р.А. КАНДЫБА

*кандидат политических наук, доцент
кафедры международных отношений, политологии
и мировой экономики Института международных отно-
шений Пятигорского государственного университета,
Россия, г. Пятигорск*

А.В. МАНКИЕВА

*кандидат политических наук, доцент кафедры
правового обеспечения деятельности органов власти
Северо-кавказского института-филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Пятигорск*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается эволюция подходов к исследованию феномена миграции. Представлены определение и классификация миграции, выделены основные типы. Дается обзор работ зарубежных исследователей, оказавших влияние на становление учения о миграции населения. Определены основные тренды в изучении миграционных процессов.

Ключевые слова: *миграция, международная миграция населения, факторы миграции, классификация миграции, интеграция мигрантов.*

Феномен миграции сопровождает человечество со времен его появления на Земле. К концу палеолита вся суша на территориях, пригодных для жизни человека, была освоена. Ареал расселения людей распространялся по всей планете и способствовал возникновению новых очагов культуры. Одним из наиболее ярких примеров миграции является эпоха «великих переселений», начавшаяся в XVI веке. После становления капиталистиче-

ского способа производства появляются все новые формы миграции, например, маятниковая и сезонная.

Термин «миграция» (от лат. *migratio* – переселение) обозначает переселение, перемещение людей из одного региона в другой с целью перемены постоянного или временного места жительства [6. С. 3]. Она «является не только демографической характеристикой социума, но и способом жизни людей, освоения новых земель, взаимодействия цивилизаций» [4. С. 202]. Сам термин с соответствующим ему научным определением встречается уже в XIX веке в работах Е. Равенштайна, который рассматривал миграцию как «постоянное или временное изменение местожительства человека», как непрерывный процесс, который определяется через различные группы факторов, действующих в первоначальном месте (стране) жительства мигранта, в стране въезда, а также наличествующих на стадии перемещения мигранта факторов личного характера (система взглядов личности, демографические характеристики и т.д.) [9. Р. 41-42]. Кроме того, Равенштайном сформулированы 11 миграционных законов, которые можно рассматривать в качестве отправной точки для развития теорий миграции в будущем. Среди основных миграционных законов можно выделить следующие: чаще всего миграции совершаются на короткие расстояния; привлекательность территориального центра прямо пропорциональна его размерам; основной причиной роста крупных городов по большей части является миграция населения, а не естественный прирост; определяющие причины миграции – экономические, вследствие чего и сами масштабы миграции увеличиваются с развитием промышленности, торговли, а также инфраструктуры.

Значение термина «миграция» претерпевает впоследствии ряд изменений. В узком смысле его можно понимать, как «переселение на новое место жительства» и в широком, когда миграция охватывает «все территориальные передвижения межпоселенного характера» [6. С. 22-25]. В настоящее же время данный термин приобретает более универсальный характер.

Стоит отметить, что «международная миграция» как понятие чаще всего означает перемещение людей через границы государств; можно выделить 2 ее составляющих: иммиграция и эмиграция. Таким образом, международная миграция – это перемещение людей через государственные границы со сменой постоянного места жительства или возвращением к нему.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 5; 7; 8; 13].

Однако проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы, связанной с теоретическими аспектами миграционных процессов, продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Изучение миграции во второй половине XX в. характеризуется, прежде всего, тем, что в этот период начинают развиваться течения, базирующиеся на экономической науке. Экономический подход рассматривает миграционные процессы, опираясь в основном на упрощенную модель человека, получившую название *homo economicus*, который хорошо проинформирован и нацелен лишь на рациональный подход в достижении конечной цели по увеличению прибыли. Однако возникает необходимость принимать во внимание и неэкономические факторы, например, социокультурные, связанные с проектами и личными желаниями мигранта, его представлениями о будущем в рамках соответствующей картины мира и ценностного восприятия, перспективами адаптации к иной социокультурной среде.

Первой школой в теории международных отношений, акцентировавшей внимание на идентичности мигранта, которая потенциально может стать ключевым фактором в рамках конфликта национальных идентичностей с местным населением, стала школа социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман). В рамках данной школы для анализа процессов миграции и ее последствий серьезному анализу подвергался сам мигрант как отдельный индивид со свойственными ему потребностями, мировоззрением, национальной идентичностью, индивидуальными мотивами и причинами для эмиграции [2. С. 31-32].

Помимо этого, современная тенденция изучения международной миграции в большей степени нацелена на анализ миграционной политики государств, политического пространства, аспекта институционализации миграционных процессов и действующих миграционных режимов, что в совокупности представляет собой комплекс ограничений и потенциальных возможностей индивида в процессах эмиграции и иммиграции. Современные теории миграции во многом являются продолжением ранее разработанных концепций, однако содержат в себе специфику реалий постбиполярной мировой системы, что подразумевает учет ряда факторов, которые в эпоху зарождения миграционных теорий и дальнейшего их развития (в т.ч. и во второй половине XX века) либо не учитывались в силу отсутствия такого рода реалий, либо расценивались как несущественные. Так, в рамках неоклассического подхода, базирующегося на неоклассической экономической теории, международная миграция рассматривается как фактор нивелирования экономического неравенства между странами. Базируясь на принципе обмена факторами производства между странами, уровень заработной платы также рассматривается как основная причина подвижности людей в рамках международной миграции, вследствие чего данная теория также носит название «пространственно-экономического баланса» [6. С. 22-25]. Имеет значение и географическое распределение рабочей силы, в связи с чем международные потоки направлены в регионы с недостатком трудовых ресурсов из стран с их избытком.

Согласно структурно-историческому подходу, во многом противопоставленному неоклассическому, подчеркивается маргинализация менее развитых стран, которая только усиливается в силу происходящих процессов распространения капиталистической системы и экономического расслоения мира. В подобном ключе миграционные процессы рассматриваются в рамках «мир-системной теории» И. Валлерстайна, согласно которой потоки направлены из стран периферии и полупериферии в центр [14. Р. 56].

Кроме того, существует концепция мобильного перехода, в которой мобильность населения рассматривается в тесной связи с демографической ситуацией в стране и с ее дальнейшей модернизацией. Большую мобильность населения обеспечивает развитие транспортных и коммуникационных технологий, экономический рост, увеличение благосостояния населения и т.п. [12. Р. 113-114]. Однако недостаток данной теории заключается в отсутствии объяснения того, как международная миграция непосредственно влияет на демографические показатели и процессы модернизации внутри государства.

Подход Дугласа Массея, предложенный в конце XX в., можно рассматривать как синтетическую теорию миграции, обусловленную значительным воздействием миграции на функционирование современного социума. Миграционные перемещения являются следствием всесторонних изменений в социальной, политической и экономической жизни из-за интенсивного экономического роста. Основным фактором устойчивости потоков миграции Массей считает «формируемые мигрантами сети, отвечающие за связи с родиной и диаспорой, кроме всего прочего и в форме денежных переводов» [4. С. 207]. Теорию Массея также можно причислить к группе институциональных теорий миграции, рассматривающих деятельность международных и частных организаций, защищающих права легальных и нелегальных мигрантов, обеспечивающих институционализацию миграции [10. С. 57].

Классификация миграционных процессов достаточно многоаспектна. Так, миграция населения делится на внутреннюю (перемещение населения между городами или регионами в пределах одной страны) и внешнюю (перемещение населения из одной страны в другую) по признаку географического направления. Внешняя миграция подразделяется на межконтинентальную и внутриконтинентальную. Помимо этого, можно выделить более подробную классификацию международной миграции, согласно которой она подразделяется на следующие виды, которые в действительности зачастую не встречаются в чистом виде, сочетаясь в различных комбинациях:

1. Постоянная миграция характеризуется безвозвратным перемещением граждан из одной страны в другую (переселения, брачная эмиграция, «утечка умов»).

2. Временная миграция: перемещение граждан, ограниченное сроком их пребывания в другой стране обычно не превышающим 1-6 лет. Таких

мигрантов зачастую называют рабочими мигрантами, постоянно трудящимися, трудовыми и т.п.

3. Сезонная миграция, как правило, спровоцирована трудовой деятельностью сезонного характера. Срок пребывания мигрантов в другой стране не превышает 1 год.

4. Маятниковая (приграничная) миграция представляет собой каждодневное пересечение границы страны.

5. Нелегальная миграция понимается как незаконный въезд мигранта в страну, что чаще всего сопровождается нелегальным трудоустройством.

6. Вынужденная миграция происходит под влиянием природных или техногенных причин, когда жизнь гражданина поставлена под угрозу. Также представляет собой миграцию в результате военных действий и политических конфликтов. Мигранты такого типа чаще всего относятся к категории беженцев.

7. Эпизодическая (циркулярная) миграция представляет собой совершаемые в различных направлениях и на разные сроки деловые или рекреационные поездки.

С учетом современного политического процесса, в первую очередь на территории Европы, необходимо ввести разграничение между двумя терминами, понимание которых зачастую вводит в заблуждение в силу их неверного использования и толкования, в том числе средствами массовой информации. Так, под словом «мигрант» следует подразумевается лицо, которое легально либо нелегально сменяет страну своего проживания на временной или постоянной основе, в то время как «беженец» – лицо, покидающее страну проживания в силу чрезвычайных обстоятельств (дискриминация, угроза жизни и здоровью в силу развертываемых военных действий и др.), вследствие чего данное лицо получает статус беженца либо иной вид международной защиты в стране, в которой он пребывает. В связи с этим возможна дальнейшая дифференциация на «просителей убежища» – лиц, только еще претендующих на получение статуса беженца, и «экономических мигрантов» – индивидов, осуществляющих миграцию по причине поиска лучших условий жизни с точки зрения заработной платы, социального финансирования и т.п.

Одним из следствий современных миграционных тенденций становится сепаратизм «белых европейцев», проводимый большинством населения европейских городов в ответ на существование новых меньшинств, которые распространяют идею мусульманского «параллельного общества», базирующуюся на разделении людей согласно их религиозной идентичности [1. С. 237].

Подходы государств, применяемые по отношению к иммигрантам, отличаются разнообразием, что становится особенно актуальным в современный период интенсификации миграционных потоков. Процесс включения имми-

гранта в социальную жизнь другой страны в общем виде осуществляется в 4 формах: ассимиляция (процесс, в ходе которого иммигрант полностью принимает новую культуру и идентифицирует себя с национальной идентичностью страны-реципиента при отрицании собственной национальной идентичности), сепарация (отрицание иммигрантом культуры большинства, изоляция, что может приводить к созданию этнических гетто), маргинализация (более радикальная форма сепарации, которой характерен активный поиск национальной и религиозной идентичности при агрессивном отрицании оных большинства) и интеграция (взаимное приспособление как результат компромисса между собственной идентичностью мигранта и культурой принимающей страны при адаптации к ее основным ценностям). Государства нацеливаются на реализацию включенности мигрантов в социальную жизнь (аккультурацию), исходя из своих национальных интересов и проводимой миграционной политики.

Как отмечает Е.А. Соловьева, понятие «миграционный процесс» подразумевает еще и правовое основание и может рассматриваться как правовое понятие, в связи с чем его стоит отличать от понятия «миграция». Поэтому ему становятся присущи такие характеристики, как закономерность и последовательность, а стадии данного процесса необходимо подчинять правовому регулированию на основе как международного, так и национальных законодательств [6. С. 56].

Полное раскрытие термина «международная миграция» подразумевает также анализ причин, которые ее стимулируют. К числу причин международной миграции населения в первую очередь относят экономические потребности населения, различия в доходах граждан, в размере их заработной платы; органическую безработицу; международное перемещение капитала и трудовых ресурсов крупных корпораций, а также причины внеэкономического характера: политические, социальные, религиозные, национальные, семейные, расовые и т.п., анализ которых дает возможность отследить определенную динамику ее протекания, выражающуюся в оформлении и интенсификации конкретных направлений перемещения людей.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить многоаспектный характер процессов международной миграции. Несмотря на значительный массив знаний, накопленных в данной области в течение длительного периода времени, исследования с целью создания всеобъемлющей междисциплинарной миграционной теории, охватывающей такие аспекты данного феномена, как его причины, функции, оказываемое влияние на страны-доноры и страны-реципиенты, методы регулирования и управления миграционными процессами в зависимости от характеристик миграционных потоков разного типа и др., становятся все более актуальными в связи с усилением процессов глобализации и растущей взаимозависимости государств на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Адамова М.А., Какорина М.В., Манкиева А.В., Сергеев С.И. Сепаратизм как угроза европейской региональной безопасности // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 7 (35).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии сознания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум. 1995.
3. Гаджимурадова Г.И., Апанович М.Ю., Медведь В.А. Секьюритизация миграционной политики стран Европы в эпоху миграционной турбулентности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 10 (67).
4. Гусейнова А.И., Козлова Е.И. Классические и современные теории миграции населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 2 (36).
5. Единова М.С. Транснациональные сети городов в имплементации политики интеграции мигрантов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 6 (63).
6. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999.
7. Прончева Н.Г., Прончев Г.Б., Калинин В.С. Об особенностях миграционных процессов и миграционной политики в России в 2020 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 11 (68).
8. Рязанцев С.В., Леденева В.Ю. Интеграция иммигрантов в условиях этнодемографических трансформаций регионов России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 12 (69).
9. Соловьева Е.А., Иванченко Д.Ю. Понятие и сущность миграционного процесса // Университетские чтения – 2016. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск, 2016.
10. Трофимова О.Е. Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. 2020. № 5.
11. Ravenstein E. The Laws of Migration // Journal of Historical Geography. 1977. № 1 (3).
12. Solimano A. International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. Syzykova, Z., Medvedev, N., Suleymanova, S., Nazarova, E., & Volokh, V. Governance of Cross-Border Migration in Asia. // *Space and Culture, India*. 2020. 7 (4), 264-273. // <https://doi.org/10.20896/saci.v7i4.568>.
14. Wallerstein I. World-systems analysis, in World-System History / ed. George Modelski, in Encyclopedia of Life Support Systems (EOLSS). UK: Oxford, 2004.

M.A. ADAMOVA

*Candidate of political sciences,
associate professor of the department of International
relations, political science and world economics,
Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia*

R.A. KANDYBA

*Candidate of political sciences,
associate professor of the department of International
relations, political science and world economics,
Pyatigorsk State University,*

Pyatigorsk, Russia

A.V. MANKIEVA

*Candidate of political sciences, associate Professor
legal support of the activities of the authorities
North Caucasus Institute-branch, Russian Academy
of National Economy and Public administration
under the President of the Russian Federation,
Pyatigorsk, Russia*

THEORETICAL ASPECTS OF MIGRATION PROCESSES IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE

The article discusses the evolution of approaches to the study of the phenomenon of migration. The definition and classification of migration are presented, and the main types are highlighted. A review of the works of foreign researchers that influenced the formation of the doctrine of population migration is given. The main trends in the study of migration processes are determined.

Key words: *migration, international migration of population, migration factors, classification of migration, integration of migrants.*

*доктор политических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук; декан социологического
факультета РГГУ, Россия, г. Москва*

*старший научный сотрудник Института
социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Россия, г. Москва*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ОБРАЗЕ БУДУЩЕГО РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН КАК ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ¹

Статья, написанная по результатам проведенного социологического исследования, основана на анализе эмпирических данных и посвящена выявлению доминирующих политико-идеологических ориентаций, которые определяют процесс социально-политической модернизации современного российского общества. Отдельное внимание уделено представлениям россиян о возможном будущем России в политической сфере.

Показано, что модернизационные проекты, запускаемые властью и политической элитой, не всегда отвечают требованиям российского общества, в котором сохраняется высокая ценность социальной справедливости.

На основе анализа динамических рядов, данных сделан вывод о высоком уровне преемственности в идеологических предпочтениях, и о имеющемся ценностном расколе российского общества, что затрудняет выработку сценария модернизации, который устраивал бы все социальные группы. Несмотря на относительно высокий потенциал поддержки действующей власти, в общественном мнении присутствует хорошо артикулированное несогласие с текущим политическим курсом.

Ключевые слова: *образ будущего, модернизация, социальные ожидания, консолидация общества, социально-политическая идентификация.*

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31185.

Исследования будущего, несмотря на очевидную попытку прогнозирования ситуации, всегда обращены к настоящему, к тому, какое место в нем занимает будущее в виде социальных ожиданий, настроений, проектов, опасений. Этот условный «образ будущего» позволяет оценить имеющиеся риски общественного развития, имеющиеся страхи общественного сознания. Основные методологические подходы, разработанные М.К. Горшковым [1. С. 3-17; 2. С. 6-33; 3. С. 302-318; 6], В.К. Левашовым [8; 9. С. 107-119; 10. С. 32-46; 11], И.В. Желтиковой [4. С. 15-32; 5. С. 99-106, 12] и др., были использованы нами при разработке программы и инструментария социологического исследования «Устойчивость социально-политического развития российского общества и меняющийся образ будущего в массовом сознании граждан», результаты которого и легли в основу данной статьи.

Образ будущего, доминирующий в сознании большинства российских граждан, отражает актуальные тенденции жизни общества, ожидания, связанные с возможным развитием этих тенденций, а главное, существенным образом влияет на аксиологическое ядро общественного сознания и в конечном итоге определяет перспективы устойчивого развития социума.

Будущее российского общества и государства часто описывалось в российском политическом и научном дискурсе через модернизацию политической системы. Однако модернизация, как инструмент политических и экономических изменений, по-разному понималась представителями разных групп интересов, что приводило к формированию разных проектов модернизации. Наиболее популярными в России были проекты, связанные с реализацией либерального курса в 90-е годы прошлого века, а также во время президентского срока Д. Медведева, когда термин «модернизация» активно использовался в политическом и научном дискурсе.

Сама по себе попытка сформулировать некую цель общественного развития видится целесообразной, т.к. в годы радикальных либеральных реформ россияне «тосковали» если не по национальной идее, то по ясному образу будущего, социальному идеалу счастливой жизни, и иными словами, мечтали об уверенности в завтрашнем дне, о поступательном и понятном развитии страны, государства и общества.

Заметим, что за последние годы, несмотря на определенные кризисные периоды в отечественной экономике, уровень социального оптимизма в стране, если и менялся, то не существенно. Российские граждане, привыкшие жить в условиях постоянного внешнего давления, мобилизационной экономики и смены политических режимов, отличаются довольно высоким уровнем адаптации и социально-экономического оптимизма.

Рассуждая об изменениях положения дел в различных сферах, 41% респондентов убеждены, что текущие экономические и социальные проблемы в стране носят временный характер, и в ближайшие 5 лет произойдут изменения в лучшую сторону. Однако удивительным является то, что наиболь-

ший пессимизм россиян вызывает как раз уровень жизни населения – доля тех, кто уверены в его ухудшении, составляет 30%. Самыми «стабильными» сферами жизни общества, по мнению опрошенных, являются сферы «культуры и искусства», «демократии, прав и свобод граждан» и «борьба с коррупцией» – 63%, 60% и 59% респондентов уверены, что никаких изменений в ближайшие 5 лет в них не произойдет [7. С. 29].

При этом динамика оценок, как мы уже отметили, за последние 20 лет не линейная, а самые пессимистические прогнозы, особенно в последние 10 лет, связаны именно с развитием демократии, с взаимоотношением между властью и гражданским обществом.

Тем не менее, наиболее существенными рисками современного российского общества, по мнению российских граждан, на протяжении последних 20 лет являются дороговизна жизни, повышение цен на ЖКХ, произвол чиновников, повышение цен на продукты питания [14. С. 10-11], что подчеркивает значимость экономических проблем для в жизни каждой российской семьи.

Именно поэтому уровень доверия к политическим институтам остается важнейшей проблемой современного политического процесса.

Традиционно, лидерами по уровню доверия населения остаются Президент РФ (64%), армия (60%) и правительство (51%). Лидерами «рейтинга недоверия» среди россиян из года в год являются банковские/предпринимательские круги (61%), полиция/суд/прокуратура (61%), СМИ (46%) и политические партии [7. С. 16-17].

Проблема социально-политической консолидации российского общества, заключается, однако, не только в том, что власть так и не предложила внятного проекта будущего, но и в том, что российское общество в идеологическом и политическом смысле остается обществом, расколотым.

По результатам опроса 2020 г. респонденты придерживаются в основном демократических (23%) и патриотических (22%) взглядов, далее с большим отрывом следуют социалисты (10%), консерваторы и социал-демократы (по 6% и 5% соответственно).

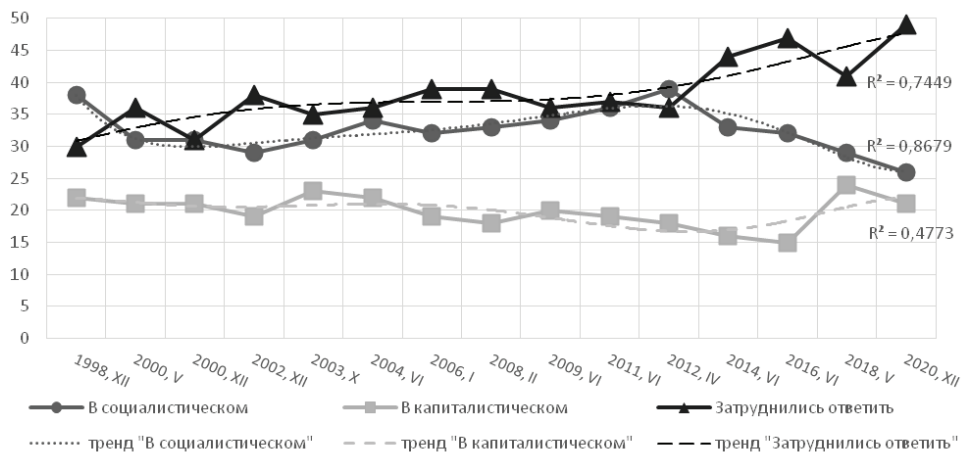
За последние годы существенных сдвигов в идеологической самоидентификации не происходило. Так, к группе условных «демократов» и «патриотов» за последние 10 лет причисляют себя примерно по четверти опрошенных. Довольно стабильна группа, симпатизирующих коммунистической и социалистической идее: в совокупности она составляет порядка 15-20%. Либералы и социал-демократы, которые традиционно ассоциируются в общественном мнении с Западом, составляют по последним данным 5% и 6% соответственно. К националистам себя причисляет только 1%, причем на протяжении последних 20 лет эта группа не превышала 4% [7. С. 41].

Впервые за последние 10 лет, на фоне снижения интереса к политике, вариант ответа «затрудняюсь ответить», достигнув рекордных 36%, стал

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 1. Мнение респондентов о том, как может измениться положение дел в различных сферах жизни российского общества в ближайшие 5 лет (РФ, декабрь 2020 г. % от числа опрошенных. N = 1563)

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос, в каком обществе хотели бы жить респонденты (РФ, % от числа опрошенных)

самым популярным среди россиян. Можно предположить, что сложившаяся партийно-политическая модель, во-первых, не является когерентной реальным идеологическим установкам граждан, а во-вторых, у большинства жителей России представления о многих идеологических конструктах являются весьма расплывчатыми. Исключение здесь составляет социализм и коммунизм, ценности которого довольно успешно воспроизводятся общественным сознанием через механизмы исторической памяти, и активно транслируются современными СМИ, наполняя социальные и политические реминисценции о прошлом исключительно позитивными коннотациями.

«Социализм» и «капитализм», как две диалектически связанные системы ценностей и ориентаций, лежат в той или иной форме, в большей или меньшей степени в фундаменте всех современных идеологий, в большинстве политических движений и союзов. В своем развитии эти две формации самоорганизации материальной и духовной жизни смешиваются и возникают в общественном сознании и в объективной реальности в новых превращенных качествах. Они определяют мотивацию труда, политическую культуру, экономическую и финансовую сферы, духовную жизнь общества.

Мониторинговые измерения показывают, что качественного перелома в сторону социалистических или капиталистических ценностей и идей в видении образа будущего пока не произошло, в обществе идут сложные процессы социополитической идентификации (см.: рис. 2).

Образ будущего отражает представления людей о конкретных и возможных формах развития общества, в котором они живут, и как таковой, он не может быть статичным. Хотя сторонников социалистической модели пока больше, количество симпатизирующих социализму как оптимальной модели общественного развития на последние 10 лет постепенно снижается. В декабре 2020 года четверть от общего числа респондентов заявили, что они хотят жить в социалистическом обществе (26%), пятая часть – в капиталистическом (21%). Хотят жить в каком-то другом обществе 4% опрошенных, а почти половина респондентов (49%) затруднились ответить на вопрос. Приведенные на графике полиномиальные тренды шестой степени отражают динамику представлений российских граждан о том, каким они хотят видеть социальное устройство будущего российского общества. Доля респондентов, которые видят свое будущее в социалистическом обществе, изменяется разнонаправленно, но имеет выраженную тенденцию после 2012 года к снижению (достоверность аппроксимации 87%), хотя пока превышает долю тех, что предпочел бы жить при капитализме. В этом смысле закономерным выглядит тот факт, что большинство россиян готовы пожертвовать личными свободами и демократическими ценностями во благо светлого будущего. Так, более двух третей опрошенных убеждены, что России больше нужна твердая рука (68%) и стабильность (71%), нежели свобода, политическая конкуренция (32%) или перемены (29%).

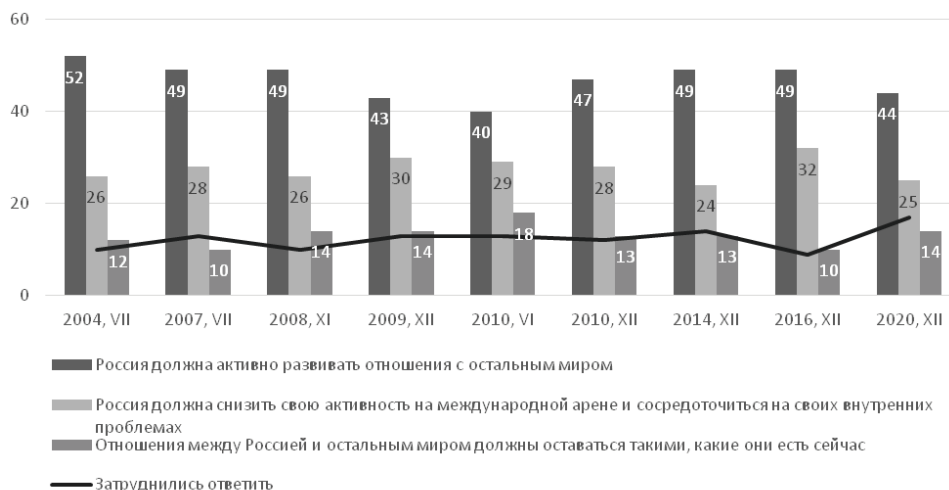
Представления о социализме и капитализме формируются в процессе множественных социальных практик, в том числе вербальных. За прошедшие годы значительно меньше стало тех, кто может реально, из опыта собственной жизни рассказать о различных сторонах жизни при социализме. С другой стороны, за прошедшие годы либеральных реформ капитализм в нашей стране оборачивался далеко не лучшими своими сторонами к представителям всех возрастных когорт. Обратим, однако, внимание на уверенный рост числа респондентов, затрудняющихся с выбором образа будущего социального устройства России. Если в 1998 году их число составляло треть, то в 2020 году – уже половину опрошенных. И это свидетельствует о том, что все большая часть российских граждан ищет обновленные социально-политические ориентиры, не видит свое будущее в узком навязываемом черно-белом смысловом континууме «капитализм–социализм».

Реальность сегодняшнего дня такова, что политика, которая сегодня реализуется в России, по-прежнему ориентирована на отделенные стратегические цели: от укрепления статуса нового центра мировой политики до выплаты внешнего долга, от объединения «русского мира» до построения цифровой экономики. При этом вопросы конкурентоспособности России, а точнее ее технологического отставания от ряда стран Запада, экономические сложности и замедленные темпы экономического роста неоднозначно оцениваются обществом. Формируемый российскими СМИ образ врага в лице ряда зарубежных стран приводит к тому, что более половины россиян (59%) убеждены в том, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа [7. С. 27], четверть респондентов (25%) выступают за снижение международной активности, а 14% не видят необходимости в изменениях текущих взаимоотношений России с остальным миром (см. рис. 3).

Другая, значительная часть общества (41% опрошенных), наоборот, полагают, что причины наших проблем находятся внутри страны. Тем не менее, большинство опрошенных респондентов утверждают, что сейчас Россия развивается в правильном направлении (61%) и действующая власть, при всех своих недостатках, нуждается в поддержке населения (63%), что демонстрирует довольно высокий уровень устойчивости [7. С. 27].

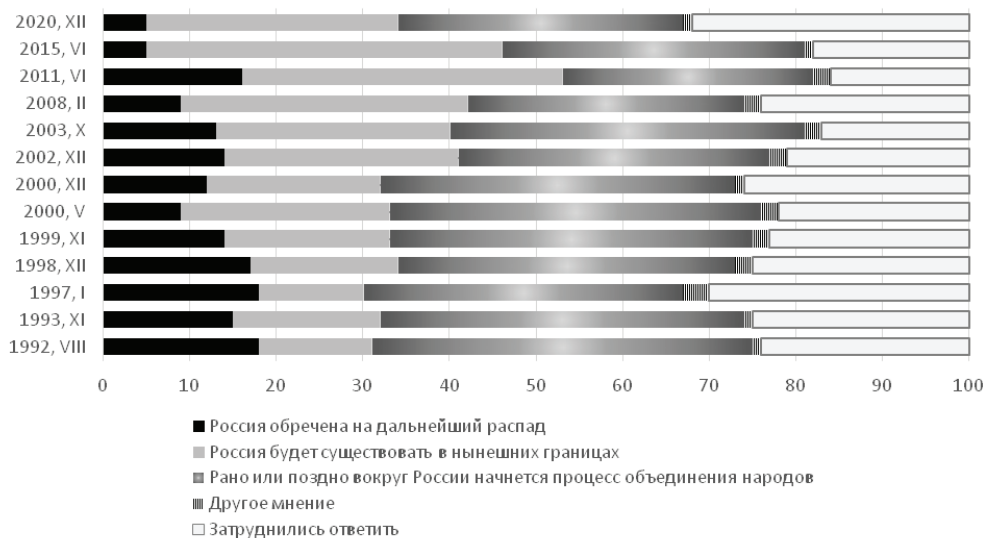
Важнейшим при выборе пути развития для России всегда был вопрос о территориальной целостности страны. Здесь россияне настроены вполне оптимистично: доля тех, кто убежден в неминуемом распаде страны в 2020 году повторила исторический минимум 2015 года в 5%. Треть россиян (33%) убеждены, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов, 29% уверены, что наша страна будет существовать в нынешних границах (см.: рис. 4).

Однако сегодня стал очевидным факт, что Россия так и не смогла вырваться из ловушки догоняющего развития, что перевод экономики страны на инновационный путь развития буксует, Россия не смогла ни догнать Пор-

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 3. Мнение респондентов о том, каким образом Россия должна строить свои отношения с окружающим миром, исходя из своих национальных интересов (РФ, % от числа опрошенных)

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Рисунок 4. Мнение респондентов о будущем, которое ожидает Россию (РФ, % от числа опрошенных)

тугалию по душевому доходу, ни увеличить в два раз ВВП, а «План 2020» не выполняется [13].

Как следствие, в последние годы мы наблюдаем рост настроений социального пессимизма и политической дезориентации. Чтобы преодолеть ловушки догоняющего развития и запустить модернизационные проекты, которые смогут стать предпосылкой обновления экономической системы и формирования политических альтернатив, необходимо не просто широкое общественное обсуждение альтернатив развития страны, но и включение в социальные и политические процессы различных групп населения.

Образ будущего в зафиксированных в ходе исследования мнениях российских граждан не является статичным. Сегодня он скорее, объединяет в себе динамические суждения, трансформируясь в зависимости от внешних и внутренних условий и факторов, и во многом связан с действиями властей, с социальным самочувствием и самоопределением самих граждан.

Проведенное изучение тенденций и рисков устойчивого социально-политического развития российского общества в контексте формирования образа будущего России в массовом сознании граждан показывает, что в российском гражданском обществе еще не сформирован образ будущего России, адекватный вызовам и задачам времени, который мог бы стать одним из системных факторов повышения социально-политической устойчивости общества. Можно предположить, что социальная база модернизации, даже инициированной властью, не значительна и требует дополнительных усилий от государства по включению различных групп населения в модернизационные процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Горшков М.К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. DOI: 10.31857/S013216250007445-2.

2. *Горшков М.К.* Реальности пореформенной России: четверть века социальных трансформаций в социологическом измерении // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. Вып. 16. DOI: 10.19181/ezheg.2018.1.

3. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018.

4. *Желтикова И.В.* Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» // Философская мысль. 2020. № 2. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302.

5. *Желтикова И.В.* Когда наступает будущее? Образы будущего России второй половины XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 8.

6. Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае: [монография] / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэй-линь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016.

7. Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др.; отв. ред. В.К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021 // <http://испи.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf>. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-344-7.2021.

8. *Левашов В.К.* Российское государство и общество в период либеральных реформ: монография / В.К. Левашов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020.

9. *Левашов В.К.* Новые социально-политические противоречия на пути достижения устойчивого развития // Социологические исследования. 2018. № 12. DOI: 10.31857/S013216250003174-4.

10. *Левашов В.К.* Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7.

11. *Левашов В.К.* Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010.

12. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография / И.В. Желтикова, Д.В. Гусев. Орел: Издательство ОГУ, 2011. ISBN 978-5-9929-0130-6.

13. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение от 8 декабря 2011 года № 2227-р // <https://digital.gov.ru/common/upload/2227-pril.pdf>.

14. Экспресс-информация. Как живешь, Россия? 50 этап социологического мониторинга, август-сентябрь 2020 года: [монография] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др.; отв. ред. В.К. Левашов. ФНИСЦ РАН. М.: Перспектива, 2020. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-463-1.2020 ISBN 978-5-88045-463-1.

N.M. VELIKAYA
*Doctor of Political Science, Professor,
Deputy Director of Science and Research, Institute
of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences; Dean of the Faculty of Sociology, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia*

O.P. NOVOZHENINA
*Senior researcher, Institute of Socio-Political Research
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

SOCIO-POLITICAL VALUES IN THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIAN CITIZENS AS THE BASIS FOR THE POLITICAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF THE COUNTRY¹

The article written on the results of the conducted sociological research, is based on the analysis of empirical data and is devoted to identifying the dominant political and ideological orientations that determine the process of socio-political modernization of modern Russian society. Special attention is paid to the ideas of Russians about the possible future of Russia in the political sphere.

It is shown that the modernization projects launched by the government and the political elite do not always meet the requirements of the Russian society, in which the high value of social justice is preserved.

Based on the analysis of dynamic data series, we conclude that there is a high level of continuity in ideological preferences, and that there is a value split in Russian society, which makes it difficult to develop a modernization scenario that would suit all social groups. Despite the relatively high potential for support for the current government, there is a well-articulated disagreement with the current political course in public opinion.

Key words: *image of the future, modernization, social expectations, consolidation of society, socio-political identification.*

---

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31185.

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.003

УДК 32.323

Н.А. ТЮКОВ

*кандидат исторических наук,
исполнительный директор Центра общественно-политических
проектов и коммуникаций, доцент кафедры
социально-политических исследований и технологий МПГУ,
Россия, г. Москва*

В.Л. ШАПОВАЛОВ

*кандидат исторических наук, доцент,
заместитель директора Института истории и политики
МПГУ, доцент кафедры сравнительной политологии
МГИМО МИД России, Россия, г. Москва*

МЕХАНИЗМЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ¹

Статья посвящена исследованию особенностей политического участия социально-значимой профессиональной группы, учителей российских общеобразовательных школ. Исследование проводилось в 2020-2021 гг. на территории трех субъектов Федерации: Свердловской области, Ставропольского края и Томской области. Методами исследования были фокус-группы и глубокие интервью. Исследование продемонстрировало низкий потенциал личного участия в политических процессах. Деятельность, связанная с политикой, для большинства респондентов ограничивается официальными выборными практиками, в основном – голосованием на избирательном участке. Участие в политической жизни вне выборов является крайне редким.

Ключевые слова: *учителя, педагогическое сообщество, политическое участие, политические процессы, выборы, политический протест, политический активизм, политические партии.*

Объектом данного исследования являются педагогические сообщества российских городов. Предметом исследования – механизмы и мотивация участия представителей педагогического сообщества в политических процессах.

---

¹ Статья подготовлена в рамках совместного гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31630 «Педагогическое сообщество: механизмы и мотивация участия социально значимой профессиональной группы в педагогических и гражданских процессах».

Педагогическое сообщество является одной из ключевых профессиональных групп, вовлеченных в процессы гражданской и политической деятельности. Учителя осуществляют в рамках своей профессиональной деятельности формирование системы ценностных ориентаций детей и молодежи, организуют и обеспечивают их вовлечение в общественно-значимые активности. Школа, несмотря на значительную эволюцию общественных отношений в условиях развития информационного общества, по-прежнему остается главным инструментом политической социализации, трансляции ценностных ориентаций подрастающему поколению. Именно педагог выполняет ключевую функцию в формировании представлений о фундаментальных политических ценностях общества, принципах функционирования политической системы, политических институтах, отношении государства и личности, комплексе гражданских и политических прав и свобод человека, роли гражданина в принятии политических решений и его возможном участии в политической деятельности. Следовательно, гражданская и мировоззренческая позиция педагога, выступающего транслятором смыслов и ценностей будущим поколениям, является фундаментом устойчивого и осознанного воспроизводства и развития политической идентичности общества.

Участие педагогов в различных по своей направленности политических акциях (от лоялистских до протестных) требует четкого понимания мотивации этих действий, соотнесения ее с ценностными ориентирами. Это определяет актуальность научной задачи, на которую направлено данное исследование.

Исследование мотивов, механизмов, факторов, форм политического участия населения представляет значительный научный интерес. Значительный вклад в актуализацию и концептуализацию политического участия в демократическом государстве, определение политического участия, его уровней и форм был внесен С. Вербой, Н. Наем и Дж. Кимом [9. Р. 428; 10. Р. 394].

В исследованиях М. Ольсена, Б. Добраца, Л. Уолднера, Т. Буззелла рассматривается классификация ролей в политическом участии, дифференциация в общества по отношению к политическому участию, распределение власти в зависимости от степени политического участия [7. С. 189-225; 8. Р. 318].

В российской политической науке проблематика политического участия в настоящее время приобретает все большую популярность. Особенности процесса политической мобилизации в современном российском обществе были рассмотрены в трудах М.А. Кукарцевой [2. С. 43-5].

Большое внимание исследователей в последние годы обращено к изучению протестного активизма. Различные аспекты данной темы были изучены Р.В. Петуховым, А.В. Соколовым, Д.Е. Палатниковым, И.А. Левченко [4. С. 19-28; 5. С. 29-37; 6. С. 79-99].

В ряде работ рассмотрены вопросы формирования ценностных ориентаций молодых и будущих педагогов в контексте формирования политической идентичности [1. С. 2598-2608; 3. С. 2690-2699].

Вместе с тем необходимо отметить отсутствие работ по проблематике механизмов и мотивов участия педагогического сообщества в политических процессах. Это обуславливает необходимость научной разработки данной темы.

В работе были использованы качественные социологические исследования, направленные на выявления мотивации участия в политических и гражданских процессах. Методами исследования были глубинные интервью и фокус-группы. Объектом исследования выступили педагоги российских городов. В исследовании приняли участие педагоги средних по численности населения городских населенных пунктов, расположенных в трех субъектах Федерации, представляющих разные федеральные округа: Свердловская область, Ставропольский край, Томская область. Городские населенные пункты будут разбиты на две группы: с численностью населения от 100 тысяч до 500 тысяч человек и города с численностью населения от 500 тысяч до 1 миллиона человек. В рамках исследования планируется было проведено 16 фокус-групп и 48 глубинных интервью.

Степень включенности участников исследования в политическую информационную повестку – достаточно высокая: несмотря на то, что часть респондентов заявляет о слабом личном интересе к политике (в Свердловской и Томской областях – чаще, чем в Ставропольском крае), все в курсе политических событий в стране и соседних государствах, в целом следят за политическими новостями.

Примечательно, что в Ставропольском крае практически все респонденты заявили, что целенаправленно интересуются новостями о политике. Как и в Томской области особое внимание участников исследования из Ставрополья привлекает политическая обстановка в своем регионе.

Большинство респондентов интересуются новостями политического содержания для того, чтобы составить личное мнение о происходящих событиях. Часть следит за политикой еще и для того, чтобы «быть в теме» – иметь возможность аргументированно вести диалог с учениками, которые, по словам педагогов, регулярно задают вопросы о политике.

По мнению респондентов из Ставропольского края, школьники подвергаются воздействию либеральных СМИ и пабликов в интернете, а задача педагога – отстаивать государственнические ценности, направлять учеников в русло патриотизма. В других регионах исследования эта точка зрения не встречалась.

Новости о политике респонденты получают из следующих источников (ранжировано по частоте называния):

- социальные сети:
  - местные новостные паблики в ВКонтакте, в Инстаграм – напр., группы «Типичный Екатеринбург», «Портал vtomske.ru» и др.;
  - блоги в соцсетях – напр., личные блоги федеральных, региональных и местных политиков в Инстаграм; канал «вДудь» на YouTube, и др.;

- телевидение – напр., «Вести» на канале «Россия 24», ТК «Культура» и др.;
- общение с друзьями, коллегами;
- поисковые системы – напр., Google (единичное упоминание);
- газеты (единичное упоминание).

Респонденты, склонные высказывать осторожные критические оценки действующей власти в социальных сетях чаще наблюдают за представителями оппозиции. Среди них – Алексей Навальный, Николай Платошкин, Николай Бондаренко, Евгений Ройзман. Эти политики вызывают у респондентов эмоциональное присоединение к их идеям, сочувствие, любопытство. Примечательно, что за деятельностью Алексея Навального внимательно следят как недовольные, так и лояльно настроенные педагоги.

В Ставропольском крае, в отличие от других регионов исследования, лоялистски настроенная часть педагогов в социальных сетях внимательно наблюдает за деятельностью представителей действующей власти: за Instagram-страницами губернатора Ставропольского края Владимира Владимирова, депутата Государственной думы РФ Ольги Казаковой (партия «Единая Россия»), мэра Кисловодска Александра Курбатова. Перечисленные политики вызывают у этой части респондентов чувство благодарности, уважение, восхищение, желание на них равняться, а также ощущение доступности и прозрачности власти.

Примечательно, что молодые педагоги в возрасте до 35 лет из крупных и средних городов чаще остальных респондентов заявляют о том, что не смотрят телевизор. Основные причины:

- недоверие к правдивости и объективности информации, передаваемой по ТВ;
- отсутствие на ТВ актуальной для молодежи повестки.

Участники исследования старше 35 лет чаще сообщали о том, что отдают предпочтение разным источникам информации — для получения максимально широкого спектра точек зрения:

Потенциал личного участия в различных формах политической активности среди участников исследования – низкий. Деятельность, связанная с политикой, для большинства респондентов ограничивается официальными выборными практиками. Участие в политической жизни в не выборов является крайне редким. Мотивация — чаще внутренняя, за исключением Ставропольского края, где участие в политике для большинства рядовых педагогов является вынужденным и осуществляется под административным давлением.

Участники исследования назвали следующие формы политической активности, в которых они принимают участие (ранжировано по частоте названия):

- участие в выборах в качестве избирателей;
- работа на выборах в качестве членов участковых избирательных комиссий (УИК) или наблюдателей;

- членство в политических партиях (единичные упоминания);
- участие в выборах в качестве кандидата, депутатская деятельность (единичные упоминания);
- участие в выборах в качестве доверенного лица кандидата в губернаторы (единичное упоминание, директор школы, г. Ставрополь);
- участие в конкурсе «Лидеры России» (единичное упоминание, директор школы, г. Ставрополь);
- участие в публичных общественных дискуссиях совместно с Общероссийским народным фронтом (ОНФ) (единичное упоминание, г. Ставрополь).

Примечательно, что в Ставропольском крае у представителей административного персонала набор политических активностей шире, чем у рядовых педагогов. В других регионах исследования формы политического участия рядовых учителей и представителей административного персонала школ не различаются.

Онлайн-активности политического характера респондентами не практикуются. По словам участников исследования, их интерес к политике не настолько высок, чтобы уделять созданию собственного тематического контента. Кроме того, лайки и репосты, комментирование политических постов, ведение страниц и блогов политического содержания респонденты считают небезопасным («Да не дай Бог комментариев в Инстаграме оставишь...»).

Основная форма политического участия российских педагогов – голосование на выборах. О своем участии в выборах в качестве избирателей заявляют все респонденты. В Томской области выявлен особенный интерес участников исследования к информации о выборах всех уровней.

Основные мотивы участия в голосовании (ранжировано по частоте называния):

- следование семейной гражданской традиции, заложенной воспитанием. Голосование воспринимается как семейная традиция, вышедшая из бытовых и общественно-политических практик Советского Союза. Этот мотив в основном актуален для лоялистски настроенных респондентов, реже – для недовольных. Является характерным для всех регионов исследования.

- потребность выразить протест. Этот мотив характерен для агрессивных сторонников кандидата «против всех», которые ходят на выборы без надежды на перемены, без веры в силу своего голоса, зачастую с единственной целью – обезопасить свой голос, «не дать его украсть». Нередко тотальное недоверие ко всем кандидатам и к выборной системе в целом подталкивает таких избирателей к порче бюллетеня, в единичных случаях они склоняются к бойкоту голосования. Мотив наиболее характерен для Томской области и Ставропольского края, и менее популярен в Свердловской области.

- желание политических перемен, когда голосование воспринимается как реальная, доказанная предыдущим опытом, возможность влияния на состав выборных органов власти. Этот мотив актуален в основном для

оппозиционно настроенных респондентов, чаще – из Томской области. Они «верят в выборы», в решающую силу своего голоса; доказывают, что высокая явка ведет к победе над «Единой Россией»; зачастую приходят проголосовать «за меньшее зло». Мотив перемен близок и отдельным сторонникам партии «Новые люди» (партия упоминается только респондентами из Томской области).

– исполнение профессионального долга. Некоторые участники убеждены, что необходимость принимать участие в голосовании напрямую связана с их профессиональной принадлежностью: голосование – это долг педагога как государственного служащего. Этот мотив наиболее характерен для респондентов из Ставропольского края.

Обсуждая выборы в контексте профессионального долга, респонденты во всех регионах исследования спонтанно поднимали тему административного принуждения к голосованию. Мнения педагогов в оценке этого явления разделились. Большинство учителей признались, что испытывают негативные эмоции по поводу принуждения к участию в голосовании со стороны администрации школ.

Только отдельные участники заявляли, что воспринимает административное принуждение к участию в голосовании как норму: «Меня чисто как человека это не напрягает. На мне вообще, мне кажется, есть ответственность. Все-таки я учитель». При этом все участники с пониманием относятся к руководству школ – стараются отчитываться о факте своего голосования, чтобы «не подводить» своих руководителей («И я понимаю, что здесь ни администрация, никто не виноват, потому что их так же заставляют отчитываться и отслеживать»).

Заявленная мотивация к участию в голосовании – внутренняя. Несмотря на то, что многие респонденты рассказали об административном принуждении к участию в голосовании, каждый считает решение прийти на избирательный участок результатом собственного выбора.

Примечательно, что тему административного принуждения к голосованию респонденты в ходе интервью поднимают спонтанно. Большинство педагогов признались, что испытывают негативные эмоции по поводу принуждения к участию в голосовании, читают это для себя унижительным.

В Томской области некоторые респонденты принимают решение об участии в голосовании (поддержка кандидата/партии от действующей власти/ оппозиции; порча бюллетеня; бойкот) в зависимости от уровня выборов и ситуации, сложившейся вокруг них. Так, например, один и тот же голосующий может поддержать на муниципальных выборах кандидата от действующей власти, на выборах областного парламента – представителя оппозиции, а федеральные выборы – бойкотировать. В других регионах такая модель выборного поведения не отмечена.

В выборах в качестве членов избирательных комиссий в Томской и Свердловской областях принимает участие небольшая часть респонден-

тов. Чаще всего предложения об участии в деятельности УИК поступают педагогам от партии «Единая Россия», через директоров школ. По словам респондентов, участие в работе УИКов является добровольным, организаторы выборов в этих регионах обходятся без административного нажима на учителей.

Мотивация к участию в деятельности избиркомов здесь внутренняя. Респонденты, задействованные в работе УИКов, воспринимают ее как дополнительную подработку, а также как шанс расширить кругозор и составить личное мнение о том, как проходят выборы («Это было просто интересно, классно посмотреть, попробовать что-то новое, изнутри хотя посмотреть, что происходит после того, как ты опустил [бюллетень]»).

Примечательно, что все респонденты из Томской и Свердловской областей, имеющие опыт работы на избирательных участках, сошлись во мнении, что выборы проходят честно, без нарушений; все заявили о личной приверженности букве закона.

Большинство рядовых педагогов на Старополе недовольны необходимостью работать на УИКах, т.к. «это тяжело и физически, и морально»; отсутствует достойная оплата за работу на избирательных участках; зачастую приходится тратить свои личные деньги и время.

Некоторые участники исследования, работающие в составе УИКов Ставропольского края, заявили о чувстве стыда в связи с необходимостью присутствовать при фальсификациях.

В то же время представители административного персонала школ воспринимают возможность принять участие в работе УИКа позитивно, в том числе как шанс расширить собственный кругозор и лично убедиться в том, что выборы проходят честно, без нарушений. Мотивация к участию – внутренняя (присоединение).

Характерно, что идея удалить УИКи из школ вызвала интерес только у респондентов из Ставропольского края. Большая часть из них сообщила о положительном отношении к переносу избирательных участков. Основные аргументы в пользу переноса – присутствие избирательной комиссии на территории школы:

- препятствует учебному процессу;
- нарушает баланс труда и отдыха педагога;
- не позволяет провести день выборов в семейной гражданской традиции (проголосовать вместе несколькими поколениями семьи).

Членство в политических партиях во всех регионах исследования является для участников исследования редкой практикой. Чаще всего о членстве в политических партиях сообщали респонденты из Ставропольского края: здесь рядовые педагоги, как правило, вступают в партии не по личной инициативе, а по просьбе руководства школы («вступила по просьбе», «попросили вступить в партию в школе», «кроме того, что вступила, больше

ничего [не знаю]»). В большинстве случаев педагогам поступает предложение о вступлении в партию «Единая Россия» («наши учителя – в большинстве своем, мы все члены «Единой России»), единично упоминалось вступление в «Партию Роста». После получения партбилета рядовые педагоги чаще всего партийной деятельности не ведут, контактов с парторганизацией не поддерживают («Кроме того, что вступила, больше ничего не знаю»). Партийное членство рядовых педагогов, таким образом, является сугубо формальным. Мотивация к участию в большинстве случаев – внешняя (принуждение).

Отказ вступать в партию «по просьбе» описан единично. Также описаны два случая личного добровольного участия в партийной жизни («Единая Россия»). Респонденты сообщили, что вступили в партию, потому что разделяют программные цели «Единой России» и приветствуют постепенные позитивные изменения в жизни города. Один респондент и в настоящее время продолжает принимать активное участие в жизни местной партийной ячейки. Мотивация к участию в этих случаях – внутренняя (присоединение).

В Томской области описан один случай личного добровольного участия в партийной жизни («Единая Россия») и еще один – в работе околопартийной молодежной организации (Молодая гвардия «Единой России», МГЕР). Участница исследования сообщила, что вступила в «Единую Россию», чтобы получить финансовую и организационную поддержку для развития школьной детской организации, созданной ранее по ее личной инициативе.

Другой участник исследования поделился опытом участия в создании отделения МГЕР в своем районе. Из группы активной молодежи, занимавшейся музыкальным творчеством в местном ДК, была сформирована ячейка МГЕР. По словам респондента, на момент вступления, участники юношеского музыкального коллектива не понимали, что вступают в политическую организацию. Мотив вступления – внутренний: повышение личной самооценки и социальной значимости в связи с приобщением к формальной общественной структуре (удовлетворение потребности в уважении и признании).

В настоящее время оба участника исследования не поддерживают связь с «Единой Россией» и МГЕР: сотрудничество с партийной организацией перестало приносить общественно полезный результат, а ячейка МГЕР распалась. Несмотря на то что речь идет о разных населенных пунктах, причина в обоих случаях одинаковая: уход организаторов, обладавших лидерскими качествами («есть человек – есть работа, нет человека – не работы»).

В Свердловской области о членстве в политических партиях не заявил ни один из участников исследования из Свердловской области.

Участие в выборах в качестве кандидатов и последующую депутатскую деятельность респонденты из всех регионов исследования называют прерогативой школьных директоров. При этом отмечается, что в средних и малых

населенных пунктах депутатами могут становиться и рядовые учителя. Выдвижение чаще всего происходит от партии «Единая Россия».

О личном опыте участия в выборах в качестве кандидатов в депутаты заявили двое участников исследования – из Ставропольского края. В обоих случаях инициатива выдвижения не принадлежала самим кандидатам. С предложением баллотироваться к педагогам обратились директора школ и представители партии «Единая Россия». Участие в избирательной кампании описано респондентами как формальное. Примечательно, что победивший кандидат не смог назвать результат голосования по своей кандидатуре.

В депутатской работе привлекает возможность делать конкретные «добрые дела», помогать людям, добиваться общественно-полезных результатов («Интересно, когда что-то по твоим просьбам начинает получаться, и эта просьба нравится людям, которые живут на этой территории»). И личная депутатская работа, и работа депутатов любого уровня (от местного до федерального) воспринимается респондентами не столько как политическая деятельность, сколько как общественно-полезный труд («Я думаю, что выборы... В любом случае, что это общественно-полезная деятельность. Я участвовал в выборах»). Мотивация к участию – внутренняя (присоединение, желание быть полезным).

Один участник исследования из Томской области также рассказал о личном опыте депутатской деятельности, однако в период избрания и работы в представительном органе местного самоуправления он еще не являлся учителем, а стал педагогом впоследствии.

По результатам проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Потенциал личного участия в различных формах политической активности среди участников исследования – крайне низкий. Деятельность, связанная с политикой, для большинства респондентов ограничивается официальными выборными практиками, в основном – голосованием на избирательном участке. Участие в политической жизни вне выборов является крайне редким.

В целом в эффективность политических инструментов влияния на собственное социально-экономическое положение российские учителя не верят. Неверие в возможность получить результат от политического действия – основная причина неучастия педагогов в широких политических практиках. По мнению подавляющего большинства респондентов, любые попытки решения проблем политическими методами – тщетны, обречены на провал. К участию в политике их смог бы подвигнуть пример результативного участия, причем не важно, под какими знаменами его удалось бы достичь.

2. Вероятность участия школьных учителей в акциях протеста – низкая. Основные причины: неверие в возможность решения проблем с помощью протестных действий; страх увольнения; угроза личной безопасности.

3. По мнению участников исследования, заменить уличные протестные мероприятия можно другими, более безопасными, форматами – интернет-акциями (флешмобами, видеообращениями) и петициями (официальными письмами в вышестоящие инстанции).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананченко А.Б., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.* Ценностные ориентации студентов педагогических вузов и молодых педагогов в контексте формирования российской политической идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 12 (57) // http://www.souzpolitolog.ru/ru/nifo_12_2019.php.

2. *Кукарцева М.А.* Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // Обозреватель-Observer. Май 2017. № 5 (238).

3. *Львов С.В., Максимова А.А., Тюков Н.А., Шаповалов В.Л.* Ценностный профиль студентов педагогических вузов и молодых педагогов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52) // <http://voprospolitolog.ru/index.php/ru/soderzhanie-vypuskov/12-52-2019>.

4. *Петухов Р.В.* Гражданское и политическое участие в условиях формирования запроса на перемены (на примере опыта протестных выступлений против повышения пенсионного возраста) // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 4 (24).

5. *Соколов А.В., Палатников Д.Е.* Протестная активность: опыт индексного анализа // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 1 (13).

6. *Соколов А.В., Левченко И.А.* Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 2.

7. *Dobratz B., Waldner L.K., Buzzell T.* Chapter 6: Political Participation // Power, Politics, and Society: An Introduction to Political Sociology. Routledge, 2012.

8. *Olsen M.* Participatory Pluralism: Political Participation and Influence in the United States and Sweden. Chicago: Nelson-Hall, 1982.

9. *Verba S., Nie N.H.* Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper and Row, 1972.

10. *Verba S., Nie N.H., Kim J.* Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Chicago: University of Chicago Press, 1978.

N.A. TYUKOV
*Candidate of Historical Sciences,
Executive Director Center for Socio-Political
Projects and Communications,
Associate Professor of the Department
of Socio-Political Research and Technology,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

V.L. SHAPOVALOV
*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of History and Politics
of the Moscow State Pedagogical University,
Associate Professor of the Department
of Comparative Political Science MGIMO University,
Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia*

MECHANISMS AND MOTIVATION FOR THE PARTICIPATION OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN PEDAGOGICAL COMMUNITY IN POLITICAL PROCESSES

The article examines the peculiarities of political participation of a socially significant professional group, teachers of Russian general education schools. The study was conducted in 2020-2021 on the territory of three federal subjects: the Sverdlovsk Region, the Stavropol Territory and the Tomsk Region. The research methods were focus groups and in-depth interviews. The study demonstrated a low potential for personal participation in political processes. For the majority of respondents, the activities related to politics are limited to official electoral practices, mainly voting at the polling station. Participation in political life outside of elections is extremely rare.

Key words: *teachers, the pedagogical community, political participation, political processes, elections, political protest, political activism, political parties.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.004

УДК 329.1

М.А. АСТВАЦАТУРОВА

доктор политических наук, профессор
Хэйлуунцзянского института иностранных языков,
КНР, г. Харбин
ЯН ФУЛИНЬ (杨富林)
проректор Хэйлуунцзянского института
иностраных языков,
КНР, г. Харбин

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГРАММНОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: (ЛОКАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Статья содержит сравнительный политический анализ программных идей Коммунистической партии РФ (КПРФ) и Коммунистической партии Китая. Прослеживаются общие детерминанты партогенеза, общие идейные основы, общих функционал, а также сущностно-функциональные различия партий. В качестве объединяющей идеи программного дискурса обеих партий выделяется патриотизм в его широком общественно-политическом гражданском значении. Исследуется программно-дискурсное понимание патриотизма в уставных документах политических партий, выявляется социально-классовая, гражданско-политическая коннотация патриотизма, которая предполагает его трактовку как широкую социальную справедливость, как достижение интересов трудящегося народа, как единство партии и граждан.

Ключевые слова: *сравнительная политическая аналитика партии, коммунистические партии, программный дискурс, патриотизм социально-классовой, гражданско-политической детерминации, социальная справедливость, национальные модели социализма.*

Постановка проблемы. Важнейшей составляющей деятельности политической партии является ее программный дискурс, в котором отражены главные политические идеи, стратегические цели и тактические задачи и который широко проявляется в партийном представительстве в избирательном процессе [2]. Без эффективного программного дискурса политическая партия не в состоянии транслировать свои идеи в обществе, влиять

на принятие значимых политических решений, воздействовать на продвижение законодательных инициатив. Также привлекательный программный дискурс создает благоприятные условия для достижения успеха политической партии у избирателей и способствует завоеванию политической партией устойчивых позиций в политико-властной конъюнктуре [5. С. 544].

В начале XXI в. необходимость адекватности и референтности программного дискурса политических партий возрастает в связи с усложнением содержания и форм политического процесса в его международном и государственном выражении, а также в связи с новыми рисками: терроризм и экстремизм, конфликты и гибридные войны, агрессия, экологические проблемы, эпидемиологические угрозы и социальные девиации и др. В этой связи исследование принципов организации программного дискурса политической партии, а также его конкретных техник и технологий можно обозначить как актуальную нишу политической науки. Сравнительная политическая аналитика, адресованная партогенезу, предусматривает внимание политическому дискурсу, общественно-политическому дискурсу и программному дискурсу политических партий наряду с институциональным дизайном, функциональным имиджем и др. [1]. Очевидны широкие возможности для выявления как общих, так и частных принципов программного дискурса политических партий [4]. Наиболее выпукло эти принципы прослеживаются в дискурсе тех политических партий, которые являются «партиями власти», парламентскими партиями, определяющими динамику политического процесса в конкретных странах и обществах. При этом одним из ведущих принципов программного дискурса таких политических партий выступает **патриотизм**, что четко выражено в программах партий коммунистической направленности.

Понимание патриотизма (от греч. patriotes – соотечественник, patris – родина) в общем плане предусматривает, что патриотизм – чувство любви к своей родине, к отечеству, готовность к его защите от врагов. Классики марксизма-ленинизма определяли его как «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» [10. С. 190]. Патриотизм определяется как особое расположение, отношение, проявляемое человеком, социальной группой, населением к своей стране, своему народу, Родине, желание поддержать своим участием процветание своей страны, отечества, любовь к отчизне [16. С. 360]. Общеизвестно, что патриотизм имеет выраженную нравственную составляющую, которая предполагает чувство уважения и любви к родной стране, к нации народу, а также к традициям своего народа (этнический патриотизм), к «малой Родине» (региональный патриотизм), к семье, к родным людям. *В то же время патриотизм имеет важную гражданскую составляющую. Гражданский патриотизм* предусматривает активную преданность Отечеству, понимание его интересов и готовность подчинять личные стратегии стратегиям Родины.

Программный патриотический дискурс Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) и Коммунистической партии Китая (КПК). Среди партий, которые отличаются выраженной патриотической преемственностью программного дискурса, выделим современные политические партии коммунистической направленности. В их программатике существенные позиции отводятся патриотизму в особой – социально-классовой, гражданско-политической – коннотации при акцентировании конкретных формационных социально-экономических и политических условий и в соотнесении с положением и состоянием трудящихся. Это присуще, прежде всего, партиям, которые сформировались с XIX в. на базе коммунистической идеологии и для которых идейными основами программного дискурса стали такие классические произведения, как «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [12], «Что делать?» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В.И. Ленина [11].

Отметим, что программные трактовки патриотизма в документах коммунистических партий имеют, прежде всего, социально-классовое содержание, стречнем которого является защита интересов трудового народа. Такое понимание патриотизма отражено, в частности, в современном программном дискурсе КПРФ (лидер – председатель ЦК КПРФ – **Г. Зюганов** с 1993 г.) и в современном программном дискурсе КПК (кит. 中国共产党, лидер – председатель **Си Цзиньпин** с 2012 г.). Выбор этих партий для сравнительной политической аналитики обусловлен как их сходством, так и различиями.

Сходство состоит в том, что КПК и КПРФ: формировали свои программы на основе ортодоксального марксизма-ленинизма; имели такие революционные цели, как освобождение труда и трудового народа, от эксплуатации и угнетения; сложились организационно на принципе демократического централизма – подчинении меньшинства большинству; являются выразителями интересов трудящихся; стремятся к построению современного социализма как общества социальной справедливости.

Различие состоит в том, что КПК и КПРФ имеют разный статус в партийно-политической системе Китая и России. КПК является партией, которая определяет и осуществляет политический курс развития китайского общества и КНР. За период существования, несмотря на сложные и проблемные сюжеты, КПК не утратила своего правящего положения, а, напротив, нарастила политические, управленческие, организационные ресурсы. Распад Советского Союза в 1991 г. оказал большое идеологическое воздействие на китайский народ, породил сомнения в самой идее социализма. Однако КПК выбрала эффективный политический курс на «социализм с китайской спецификой» и не только определяет политическую повестку (программы, проекты, лозунги, призывы), но и внедряет свою программу в жизнь. В уставе КПК предусматривают служение народу, и она реализует это на практике, проводит политику во благо народа, что убедительно проявилось, например, в борьбе с пандемией COVID-19 (1).

КПРФ – партия политического и в известном смысле оппозиционного меньшинства и не имеет нужной позиции в Государственной Думе ФС РФ, чтобы проводить свои законопроекты. Богатая политическая предыстория и прямая связь с КПСС подверглись существенному ущербу в ходе распада СССР и запрета на деятельность КПСС в 1991 г. Сегмент политического и электорального «красного пояса» в современной РФ сужается, несмотря на усилия руководства КПРФ обновить программу, провести ротацию лидеров и расширить социальную базу. Тем не менее, КПРФ остается верна программным принципам социализма как принципам социальной справедливости, на которые у части российских граждан есть большой запрос в современных социально-экономических условиях.

Весьма симптоматично, что и КПРФ и КПК трактуют патриотизм как верность интересам трудящегося народа. Обе партии формируют программный дискурс как исключительно гражданско-патриотический и социально-ориентированный. Патриотические идеи заложены в программах обеих партий и подтверждаются в материалах партийных съездов.

КПРФ имеет в качестве идеологии идеи социализма и коммунизма как единственно возможного справедливого общества труда, благополучия, безопасности, стабильности. Программа КПРФ в методологическом отношении базируется на принципах марксизма-ленинизма и транслирует классовый подход к политической и социальной действительности. Программа КПРФ принималась в 1993 г., когда серьезно обострились внутренние и внешние проблемы, а также угрозы суверенитету и целостности РФ. Поэтому, как отмечено в Программе КПРФ, применительно к 90-м гг. XX в. *«Чувство унижения угнетенных и обездоленных сливается с болью патриотов за поруганную честь державы. На этой основе ширится народно-патриотическое движение за независимость страны»* [7].

Программа КПРФ имеет в своем содержании Программу-минимум, что является прямым отнесением к первой программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г. В задачах Программы-минимум КПРФ подчеркивает преемственность политических установок и программного дискурса партии на протяжении всей ее организационной эволюции. В частности, задачу: *«установления власти трудящихся, народно-патриотических сил»* [8], которую однозначно можно трактовать как патриотическую.

Патриотические идеи Программы КПРФ детерминированы славной историей России. Патриотизм и патриотическое сознание трактуются в Программе КПРФ как коллективные историко-обусловленные и чрезвычайно значимые свойства российского народа, прошедшего через многие испытания: *«Основополагающими... ценностями являются общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства. Отсюда вытекает стремление народа к воплощению выс-*

ших идеалов правды, добра и справедливости, к равноправию всех граждан независимо от национальных, религиозных и других различий» [7]. Примечательно, что патриотизм в программном дискурсе КПРФ увязан с интернационализмом, с реализацией важнейших социальных прав граждан, с социальной справедливостью, а также с гармоничным развитием человека.

Программа КПРФ трактует патриотизм в расширительном контексте в соотнесении с международной конъюнктурой, с противоречиями и рисками геополитической детерминации. Учет международных реалий побуждает КПРФ к осуществлению некоторых инициатив за пределами современной РФ в связи с тем, что в бывших союзных республиках – современных суверенных государствах – осталось тысячи русских и русскоязычных соотечественников, тяготеющих к культуре России и к русскому языку. В этой связи «...партия призывает соотечественников к укреплению и расширению союза патриотических сил для борьбы за социализм, для защиты национально-государственных интересов страны» [9].

КПК имеет в качестве идеологии современное понимание марксизма-ленинизма, которое развито Мао Цзедунем, Дэн Сяопином, Си Цзиньпином. Это такие идеи, как социализм с китайской спецификой и китайский национализм в его гражданско-патриотическом понимании. Девиз КПК также имеет исключительно социально-классовое и патриотическое содержание: «*Служи народу!*» (кит. 为人民服务!).

Программа КПК имеет выраженный социально-классовый народно-ориентированный характер и провозглашает верность китайскому народу как стержень программного дискурса [6]. Методологической основой программного дискурса КПК выступает сочетание политической теории марксизма с китайской политической практикой, диалектичное сочетание концептуальных идей Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, а также инновационных идей Си Цзиньпина. Это позволяет добиться максимального соответствия программного дискурса партии актуальным задачам партийного функционирования и в то же время соотнести собственную деятельность с деятельностью ведущих коммунистических партий других стран, прежде всего, России [13].

В Уставе КПК, принятом 19 Всекитайским съездом КПК 24 октября 2017 г., подчеркивается что КПК – «авангард китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой» [14]. Также как и Программа КПРФ, Программа КПК демонстрирует преимущество политических идей и политического курса, который составлен «идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства, научной концепцией развития, идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи» [14].

Программный дискурс КПК отражает верность современной партийной организации Китая, во-первых, общим принципам марксизма-лениниз-

ма; во-вторых, частным принципам строительства самобытного китайского социализма. Именно учет специфики китайского общества позволил КПК в течение долгих лет (с 1921 г.), преодолевая кризисные этапы и переходные периоды оставаться авангардом не только рабочего класса, но и всего китайского народа. Китайский народ признает за КПК безусловную руководящую роль, которая обуславливает общенациональное единство. *«Коммунистическая партия Китая объединена с рабочими, крестьянами и интеллигенцией всех народов в стране, объединена с патриотическими силами всех демократических партий, лицами, не принадлежащими к партии, и всех патриотов, и далее развивает и укрепляет широчайший единый патриотический фронт, который включает всех социалистических тружеников, строителей социалистического дела, патриотов, поддерживающих социализм, и патриотов, стоящих за объединение Родины и отдающих свои силы великому возрождению китайской нации»* (кит.: 中国共产党同全国各民族工人、农民、知识分子团结在一起, 同各民主党派、无党派人士、各民族的爱国力量团结在一起, 进一步发展和壮大由全体社会主义劳动者、社会主义事业的建设者、拥护社会主义的爱国者、拥护祖国统一和致力于中华民族伟大复兴的爱国者组成的最广泛的爱国统一战线。中国共产党党章) [17].

Отметим, что патриотическое содержание программного дискурса КПК проявляется в постоянном декларировании значимости интересов китайского многонационального народа и подчинении партийного функционирования главной цели, которую отметил председатель КПК Си Цзиньпин – *«оставаясь верными нашей первоначальной цели и ни на минуту не забывая о нашей миссии, высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху, неустанно бороться за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации»* (кит.: «不忘初心, 牢记使命, 高举中国特色社会主义伟大旗帜, 决胜全面建成小康社会, 夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利, 为实现中华民族伟大复兴的中国梦不懈奋斗») [15].

Как и в программном дискурсе КПРФ, в программных документах КПК подчеркиваются верность коммунистическим и социалистическим идеалам, твердость *«национального духа, ядро которого патриотизм, и дух времени»*, национальное достоинство, дисциплинированность, уверенность в себе, стремление к самосовершенствованию, а также традиционализм, который составляет базу политического процесса Китая [3]. Можно утверждать, что китайский народ любит Родину и в историко-культурном и в политико-гражданском плане и социальный опыт китайцев им подсказывает, что *«без Компартии не было бы и Нового Китая»*.

Как и КПРФ КПК нацелена на формирование *«широчайшего единого патриотического фронта, который включает всех социалистических тружеников, строителей социализма, патриотов, поддерживающих социа-*

лизм, и патриотов, стоящих за объединение Родины и отдающих свои силы великому возрождению китайской нации» [14]. Единый патриотический фронт крайне важен для китайского народа также и с учетом неблагоприятных внешних факторов, прежде всего, политического и экономического давления США. Здесь также отметим, что и российская и китайская нации традиционно спланиваются перед внешней угрозой на основе гражданского патриотизма.

Контент-анализ программного дискурса КПРФ и КПК позволят выделить симптоматические лексические единицы патриотического содержания:

Программа Коммунистической партии Российской Федерации	Устав Коммунистической партии Китайской Народной Республики
человек труда, рабочий класс силы социализма зреют и растут общинность, коллективизм и патриотизм общественная энергия и инициатива трудящихся «Русское чудо» созидательный энтузиазм трудящихся честь державы народно-патриотическое движение единый народный фронт трудящиеся классы и слои трудовой народ народное доверие народный референдум народно-патриотические силы союз рабочих, крестьян и народной интеллигенции политическая активность трудящихся патриотическое движение	коммунизм – высший идеал – 共产主义最高理想 авангард китайского народа – 中华民族的先锋队 патриотический фронт – 爱国阵线 коллективный разум – 集体智慧 социализм с китайской спецификой – 中国特色社会主义 потребности народа – 人民需要 интересы масс – 群众利益 интересы рабочего класса и широчайших народных масс – 工人阶级和最广大人民群众的利益 тесная связь с массами – 密切联系群众 развитие во имя народа – 为人民发展 стратегия подъема страны – 兴国战略 великое возрождение китайской нации – 中华民族的伟大复兴 демократическая диктатура народа – 人民民主专政 национальный дух – 民族精神 борьба за дело коммунизма – 为共产主义事业而奋斗 беззаветное служение народу – 全心全意为人民服务 сохранение сплоченности и единства партии – 保持党的团结和统一 единый патриотический фронт – 爱国统一战线 патриотические силы – 爱国力量 твердые убеждения – 坚定信念

Некоторые обобщения. Как показывает локальный сравнительный анализ отдельных фрагментов программного дискурса КПРФ и КПК, обе партии демонстрируют идейную верность теории марксизма-ленинизма при идеологической и мировоззренческой модернизации классических идей коммунизма и социализма применительно к современности.

Программный дискурс КПРФ и программный дискурс КПК характеризуются высокой уважительностью к историческим традициям, революционным достижениям и политическим завоеваниям народов России и Китая. КПК и КПРФ во многом идут параллельными курсами, разрабатывая общероссийские и всекитайские патриотические стратегии в отношении соотечественников за рубежом, предполагающие сплочение разных групп русских (русскоязычных), сплочение разных групп китайцев и на основании общей истории, общего языка, менталитета, общих целей.

Политическим идеалом для обеих партий остается социализм как общество свободного созидательного труда, народного творчества, а также социальной справедливости и максимального вовлечения народных масс в принятие политических и управленческих решений. КПРФ и КПК в своих программных и уставных документах подтверждают социально-классовый характер своего формирования и функционирования, так как на первый план они выводят борьбы за интересы трудящегося народа, рабочего класса, а также крестьянства и трудовой интеллигенции.

Для программного дискурса обеих партий типичны обращения к истории России и Китая, к достижениям и победам великих мировых наций – россиян и китайцев – в борьбе за независимость, государственность, суверенитет. Также программный дискурс обеих партий характеризуется уважительным отношением к российскому и китайскому народам как к величайшим творцам истории, творцам политики и геополитики в глобальном планетарном масштабе.

Патриотизм в программном дискурсе КПРФ и КПК является стречневой идеей, вокруг которой нации объединяются на пути к стабильности, прогрессу, возрождению и расцвету. Патриотическое единство трактуется в документах обеих партий как общенациональное единство всех классов и социальных групп вокруг трудящихся классов – рабочих и крестьян. Патриотизм рассматривается как необходимая интегративная база развития России и Китая, так как именно под патриотической идеей могут быть объединены все прогрессивные силы для обеспечения прогресса российской нации и китайской нации.

Прямые параллели обнаруживаются в программных документах обеих партий в социально-классовом толковании феномена патриотического единства, патриотического фронта, который предусматривает социальную справедливость, справедливое распределение национального богатства.

Функциональное понимание патриотизма в контексте уставных документов обеих партий включает верность членов партии, партийных функционеров и партийных лидеров интересам народа, а также честность, неподкупность, дисциплинированность, преданность, готовность жертвовать своими интересами ради интересов народа и Родины. В качестве магистральной морально-нравственной составляющей патриотизма КПРФ

и КПК называют в своем дискурсе верность интересам народа, преданность Родине, непримиримость к врагам и предателям интересов народа, к коррупционерам.

В целом, патриотический дискурс КПК и КПК отражает традиционализм программной и уставной деятельности данных партий, однако успешно трансформируемый в современных социальных, экономических, политических условиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Эффективность КПК убедительно проявились в организации антиковидных акций всекитайского масштаба. Так, например: в г. Шицзячжуане (столица провинции Хэбэй с населением более 10 млн человек) в связи с местным случаем заболевания COVID-19 за 20 дней января 2021 г., за счет государственных средств трижды проведено тестирование всех горожан; в начале 2020 г. в г. Ухань для оказания помощи населению был организован выезд множества медицинских отрядов из других провинций и городов страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. Гаман-Голутвина О. Особенности эволюции системы партийно-политического представительства в России // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-evolyutsii-sistemy-partiyno-politicheskogo-predstavitelstva-v-rossii/viewer/>.
3. Го Ян, Смагина С.М. Западное политическое мышление и основы китайского политического традиционализма: сравнительный анализ // Актуальные проблемы социальной истории: сб. науч. ст. / под ред. П.Я. Циткилова. Новочеркасск: Лик, 2016. Вып. 17.
4. Джанда К. Сравнение политических партий: исследование и теория // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., 1997.
5. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект. Гаудеамус, 2013.
6. Инцинь У. Генконсул КНР в Казани: почему неразделимы Коммунистическая партия Китая и китайский народ. 30.11.2020 г. Реальное время // <https://realnoevremya.ru/articles/195243-u-incin-kogda-vse-horoshho-v-kitae-v-mire-stanovitsya-esche-luchshe>.
7. Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа партии. 2. Уроки истории и пути спасения Отечества // <https://kprf.ru/party/program>.
8. Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа партии. 4. Программа-минимум // <https://kprf.ru/party/program>.

---

9. Коммунистическая партия Российской Федерации. Программа партии. 5. Идейное и организационное укрепление КПРФ // <https://kprf.ru/party/program>.

10. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // ПСС. Т. 37 // <http://leninvi.com/t37/p190>.

11. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // О национальной гордости великороссов. СПб.: Изд. группа «Азбука – классика», 2010.

12. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Манифест Коммунистической партии. М.: ООО Изд-во «Аст», ЛитРес, 2020 // <https://www.litres.ru/karlmarks/principyu-kommunizma-manifest-kommunisticheskoy-partii/chitat-onlayn/>.

13. Общество Российско-Китайской дружбы и Центр новейшей истории Китая ИДВ РАН провели «Круглый стол», посвященный 95-летию Коммунистической партии Китая. Круглый стол «Коммунистическая партия: путь в 95 лет» 27 июня 2016 г. Сайт Общества Российско-Китайской дружбы // http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=229&cntnt01category_id=11&cntnt01returnid=65.

14. Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК 2017.11.03 // http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536_10.htm.

15. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. 19-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая. 2017.11.03 // http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

16. Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. М., 2012.

17. Устав Коммунистической партии Китая. Принят 24 октября 2017, с частичными поправками 19-м Съездом КПК. 2017年10月24日通过 // <http://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw/>.

M.A. ASTVATSATUROVA

*Doctor of Political Science, Professor,
Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Harbin, China*

YANG FULIN

*Vice-rector, Heilongjiang Institute
of Foreign Languages, Harbin, China*

PATRIOTIC ASPECTS OF THE PROGRAM DISCOURSE OF MODERN COMMUNIST PARTIES: (LOCAL COMPARATIVE ANALYSIS)

The article contains a comparative political analysis of the program ideas of the Communist Party of the Russian Federation (KPRF) and the Communist Party of China. Common determinants of pathogenesis, common ideological

---

foundations, common functionality, as well as essential-functional differences of the parties are traced. As a unifying idea of the program discourse of both parties, patriotism in its broad socio-political and civic significance is highlighted. The authors examine the program and discursive understanding of patriotism in the charter documents of political parties, reveal the social-class, civil-political connotation of patriotism, which implies its interpretation as broad social justice, as the achievement of the interests of the working people, as the unity of the party and citizens.

Key words: *comparative political analysis, party, communist parties, program discourse, patriotism of social-class, civil-political determination, social justice, national models of socialism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.005

УДК 316.36+323.2

М.А. АБРАМОВА

доктор педагогических наук,
ведущий научный сотрудник, заведующая отделом
социальных и правовых исследований Института философии
и права Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск
<https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОБОСНОВАНИЕ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ

Актуальной проблемой для современной России является определение своего места как в глобальном, так и в цивилизационном социокультурном пространстве. Адекватность понимания ситуации, а также выбора эффективных стратегий развития во многом определяется уровнем рефлексии относительно происходящих процессов, что предполагает изучение их не в локальном измерении, а в диалектической связи с происходящим в других странах.

Статья имеет своей целью обоснование исследовательской позиции выбора подхода к изучению когерентности процессов трансформации социокультурного пространства (пространств). Важно отметить, что существенным недостатком макросоциологических теорий при построении прогностических сценариев является недостаточный учет специфики содержания, культурно-исторических и региональных особенностей влияющих на формирование тенденций, а также условность применения в аргументации данных качественных и количественных методов исследования процессов. Эта ситуация отчасти обусловлена тем, что решение каждой конкретной задачи требует постоянной рефлексии исследователем своей методологической позиции, в виду отсутствия опоры на интегративную теорию, которая в рамках макросоциологии пока отсутствует.

В статье сделан вывод, что объединяющей различные методы основной исследования при изучении процессов трансформации социокультурного пространства может выступить социокультурный подход, рассматривающий формируемые причинно-следственные связи трансформационного воздействия на разных уровнях: социетальном, институциональном, групповом, личностном. Он позволяет учитывать специфические особенности и динамику влияния различных факторов на субъектов пространств (а), а также воспроизводя дедуктивный индуктивных характер связей, при-

---

менять etic-etic подходы, традиционно применяющиеся в этнопсихологии для изучения процессов и факторов обуславливающих поведение конкретных субъектов сообщества. Учет противоречивых и разноуровневых тенденций процессов трансформирующих как внутреннее, так и внешнее социокультурное пространство, повышает прогностические возможности разрабатываемых сценариев развития сообществ.

Ключевые слова: *социокультурное пространство, социокультурный подход, макросоциология, прогностические сценарии, трансформация общества, когерентность процессов.*

Для современной России, несмотря на существенные социокультурные трансформации общества в постсоветский период, по-прежнему остается проблемой определение своего места как в глобальном, так и в цивилизационном социокультурном пространстве. Если в экономической и политической сферах российское общество является в большей степени объектом глобализационных воздействий с его императивами конкуренции, рынка, представительной демократии, то в сфере культуры и духовной жизни в значительной мере продолжают доминировать, как свидетельствуют многие исследования [2. С. 44-45; 3. С. 449; 8. С. 466; 9. С. 262], традиционные ценности российской многовековой цивилизации.

Следует отметить, что сама концепция цивилизации, несмотря на классические разработки Н. Данилевского, П. Сорокина, М. Вебера, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ш. Эйзенштадта, а также концепция евразийской цивилизации (мира, социокультурного пространства) являются остро дискуссионными и попытки их применения в анализе современных процессов требуют углубленного, междисциплинарного исследования.

В то же время исследование трансформационных процессов изолировано без анализа, происходящего в соседних государствах является малоэффективным, поскольку в условиях динамичного развития важно понимание тенденций происходящих процессов не только внутренних, но и внешних в их диалектическом единстве. В рамках данной статьи мы преследуем задачу – обоснования базовых исследовательских позиций. Обобщение накопленных за многолетние исследования результатов как конкретных социологических исследований, проведенных нами в Сибири и Дальнем Востоке, приграничных территориях [1. С. 150; 6. С. 128; 7. С. 176], Монголии [5. С. 351; 12. С. 264], так и опубликованных материалов российских и зарубежных исследователей по изучению процессов трансформации, позволяют осуществить комплексное междисциплинарное исследование, но требуют для его реализации разработки методологии исследования когерентности происходящих процессов в их диалектическом единстве. Полагаем, что исследование конвергентности и дивергентности социокуль-

турных процессов в будущем будет иметь теоретическое и практическое внутри- и внешнеполитическое значение в отношении изучения содержания и факторов, влияющих на процессы трансформации российского общества, а также когерентности данных процессов с происходящими в государствах евразийского социокультурного пространства.

Обращаясь к изучению феномена социокультурного пространства важно отметить, что его концептуализация в рамках нашего исследования проводится на основе применения социокультурного подхода в интерпретации П. Сорокина «общество, культура, человек». Для раскрытия данного понятия исследователь применяет системный подход в работе «Система социологии» [11. С. 1176] демонстрируя зависимость взаимодействия субъектов от сформированной системы «социальных координат» [10. С. 1008]. Социокультурный подход позволил зафиксировать не только существование определенных правил поведения субъектов, но и социальную стратификацию общества. В результате социальное пространство приобрело свойства, приписываемые ранее лишь пространству культуры. Расширение возможностей в рамках использования термина «социокультурное пространство» позволяет сфокусировать внимание на акторах и условиях их бытия.

В данном контексте нам кажется весьма полезной для изучения условий созданных и формирующихся в определенной пространстве, обращение к теории культурно-исторического развития Л.С. Выготского, обосновавшего зависимость процессов формирования психики индивида от деятельности среды, определенной эпохой. Преломляя данный тезис в отношении изучения процессов трансформации, мы фактически выделяем ту же диалектическую связь между процессами происходящими в рамках конкретного социума с процессами, осуществляемыми во вне или в рамках других социокультурных пространств. Даже не обращаясь к детализированному анализу межстрановых исследований мы можем зафиксировать некоторые общие тенденции трансформации социокультурного пространства, которые коснулись всех.

Наиболее яркие изменения происходят во временном континууме, сжимающем временное пространство взаимодействия, и дистанционном, поскольку «далекое» в физическом пространстве может оказаться «близким» в виртуальном, а «близкое», за счет имеющейся социальной дистанции между субъектами – «далеким». Этот феномен особенно стал заметен во времена вынужденного перехода из режима off-line в режим on-line в период коронавируса, когда проведение веб-семинаров с одной сторон облегчило возможности научных коммуникаций, сократив расстояния, а с другой усложнило их, поскольку частота и длительность необходимого присутствия на многочисленных совещаниях, обсуждениях, круглых столах постепенно стала искажать реальность происходящего, подменяя ценности осуществляемой деятельности. Быть или казаться хорошим про-

фессионалом в виртуальном мире и осуществлять реальные исследования в реальном времени – это мы полагаем следующая стадия анализа влияния посткоронавирусного периода на восприятие людьми своего места в мире, и в профессии в частности. Возможно будет удивительным, но сложившаяся ситуация актуализирует обращение к разработанной А. Эйнштейном теории относительности, которая по нашему мнению заложила основы для сформировавшегося позднее постмодернистского восприятия пространства и пространственно-временных характеристик явлений и тел, находящихся в постоянном движении, в результате которого происходят изменения конкретных объектов и начинают формироваться отношения, развивающиеся во временном континууме.

В рамках применения социокультурного подхода к изучению процессов трансформации пространства мы также имеем возможности рассмотрения географических критериев его измерения, которые перестают быть односложными, поскольку границы между локальным, национальным и глобальным постепенно размываются, что достаточно сильно поддерживается изменениями в традиционных обществах. И теперь, чтобы установить субъектные характеристики группы или индивида уже недостаточно определить их причастность к определенной территории.

Включаясь в изучение динамических процессов становления той или иной общности мы фактически уходим от позиции стороннего наблюдателя, который может вместить весь спектр характеристик в «объективные» параметры, ограничиваясь лишь указанием символических маркеров. Для нас становится более актуальным изучение скрытых процессов с применением качественных и количественных методов исследования, с рефлексией относительно параметров проведения сравнительного анализа. И в этом отношении мы являемся сторонниками позитивизма (Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм). Здесь мы бы не хотели загонять себя в рамки определенного направления в рамках макросоциологии, поскольку интегративная теория пока не создана, а конкретные задачи, которые требуется решать при анализе когерентности процессов осуществляющихся в разных социокультурных пространствах или в рамках одного, например, евразийского (которое трактуется слишком широко и также требует обозначения в каждом из представлений), требуют применения подчас совершенно разных подходов: структурно-функционального, интеракционистского, аксиологического и пр. Единственным и, наверное, связующим в рамках осуществляемых исследований является социокультурный подход, заставляющий рассматривать формируемые причинно-следственные связи трансформационного воздействия, проявляющиеся на разных уровнях: социальном, институциональном, групповом, личностном. В данном контексте мы солидарны с позицией Н.И. Лапина, считающего социокультурный подход универсальным методом комплексного анализа, аккумулирующим

в себе «принципы цивилизационного, формационного, структурно-функционального и системного методов» [4. С. 6-8].

Используя *etic* и *etic* подходы мы получаем возможности анализа взаимодействия субъектов социокультурного пространства (или разных социокультурных пространств), и изучения опосредованности их поведения субъективной картиной мира и социокультурными особенностям. Такое уточнение методологических позиций позволяет выйти за рамки абстрактных моделей, приблизив их к описанию реальных процессов и улучшая тем самым прогностические возможности.

Существующие допущения в рамках абстрактных моделей вызывают множественные погрешности при попытке экстраполяции выводов с одной общности на другую. Так, например, В.А. Ядов развивая концепцию «гло-локал-анклавизации», демонстрирует возможность несимметричных ответов разных сообществ на процессы глобальной трансформации, отмечая, что вопреки всему остаются отдельные анклав, не затронутые этими процессами, продолжающие развиваться в собственной локальности [13. С. 349-363]. Мы бы усилили этот акцент, зафиксировав, что ожидаемый синхрон скорее соответствует прогнозной модели, построенной в рамках системного подхода. Но в рамках использования социокультурного подхода в сочетании с интеракционистским, позволительно предположить, что наличие внутреннего ресурса у цивилизации или общества для реализации механизма «противостояния глобальным» процессам может обусловить нахождение в состоянии «консервации», что создаст закрытое социокультурное пространство, не подверженное влиянию со стороны других пространств.

В результате мы вправе представить абсолютно футуристичную картину, когда именно это «закрытое» общество останется единственным оплотом разумной цивилизации, а социокультурные пространства других цивилизаций погибнут в силу развивающейся дестабилизирующей ситуации глобального характера. Так, В.А. Ядов отмечал, что воплощение пространства в формы глобального-локального-индивидуального снижает возможности его контроля, что способствует усилению стохастических социальных процессов, изменяющих его (пространства) поверхность и структуру [13].

Таким образом, адекватность прогноза относительно успешности любой модели развития конкретной общности (государства) будет зависеть не только от анализа внутренних процессов и внешних влияний, но и от своевременности учета тенденции как внутренних трансформаций, так и идущих в соседних (других) социокультурных пространствах. Поскольку они являясь следствием внутреннего развития, а также принятия или непринятия внешнего влияния, обуславливают трансформацию политических стратегий и, как следствие оказываемого влияния на своих соседей. Учет данных процессов становится особенно актуальным в условиях формирования виртуального социокультурного пространства.

Подводя итоги сделаем вывод, что в рамках разработки методологической основы исследования когерентности процессов трансформации социокультурного пространства подход П. Сорокина (культура, общество и человек) с опорой на комплексный анализ содержания и практик взаимодействия открывает новые перспективы в изучении становящейся реальности в условиях воздействия противоречивых тенденций глобализации и локализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамова М.А., Костюк В.Г., Зазулина М.Р.* Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России. Новосибирск, 2017.
2. *Бердяев Н.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990.
3. *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Иванов А.В., Попков Ю.В., Шишин М.Ю., Тюгашев Е.А., Четырова Л.Б., Цоохуу Х., Цэдэв Х.* / Ответственный редактор доктор философских наук, профессор Ю.В. Попков. Новосибирск, 2010.
4. *Латин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000.
5. *Монгольский мир: между Востоком и Западом / Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Иванов А.В., Шишин М.Ю., Белокурова С.М., Персидская О.А., Четырова Л.Б., Гончарова Г.С., Цэдэв Х., Цэцэнбилэг Ц., Золзая М., Баяр Н., Намжил Т., Оюунсүрэн Б., Амарсанаа Ж., Дорж Т., Алимаа Д., Баасансүрэн Д., Мухийт Р., Маналжав Г. и др.* / под редакцией Ю.В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск, 2014.
6. *Попков Ю.В., Костюк В.Г., Тугужекова В.Н.* Этноссы Сибири в условиях современных реформ (социолог. экспертиза); Рос. акад. наук, Сиб. отделение, Ин-т философии и права. Новосибирск, 2003.
7. *Региональные модели государственной национальной политики современной России / Абрамова М.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В.* Новосибирск, 2016.
8. *Россия как цивилизация: материалы к размышлению / под общей редакцией О.И. Шкаратана, В.Н. Лексина, Г.А. Ястребова.* М.: Редакция журнала «Мир России», 2015.
9. *Россия как цивилизация: сибирский ракурс / Костюк В.Г., Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Ерохина Е.А., Мархинин В.В., Удалова И.В., Ушаков Д.В.* / под редакцией В.Г. Костюка. Новосибирск, 2008.
10. *Сорокин П.А.* Система социологии. М.: Астрель, 2008.
11. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.
12. *Трансформирующиеся общества: проблемы модернизации и цивилизации (на примере России и Монголии) = шилжилтийн нийгэм: шинэтгэл, соёлиргэншилйн асуудлууд (орос тонголын жишээгээр авч үзэх нь) / Горшков М.К., Лүндээжанцан Д., Железняков А.С., Даваадаш Ч., Голенкова З.Т.,*

Литвинова Т.Н., Ерохина Е.А., Попков Ю.В., Дулина Н.В., Токарев В.В., Цэ-цэнбилэг Ц., Родионов В.А. УлаанБаатар, 2012.

13. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002.

M.A. ABRAMOVA

Doctor of Sciences (Education),

Leading Researcher, Doctor of Pedagogical Sciences,

Leading Researcher, Head of the Department of Social and

Legal Research, Institute of Philosophy and Law SB RAS,

Novosibirsk, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY IN THE EURASIAN SOCIO-CULTURAL SPACE: JUSTIFICATION OF THE RESEARCH APPROACH

An urgent problem for modern Russia is to determine its place both in the global and in the civilizational socio-cultural space. The adequacy of understanding the situation, as well as the choice of effective development strategies, is largely determined by the level of reflection on the ongoing processes, which implies studying them not in a local dimension, but in dialectical connection with what is happening in other countries.

The article aims to substantiate the research position of choosing an approach to the study of the coherence of the processes of transformation of socio-cultural space (spaces). It is important to note that a significant drawback of macrosociological theories in the construction of prognostic scenarios is the insufficient consideration of the specifics of the content, cultural, historical and regional features that affect the formation of trends, as well as the conditionality of using qualitative and quantitative methods of process research in the argumentation of these data. This situation is partly due to the fact that the solution of each specific problem requires constant reflection by the researcher of his methodological position, since there is no support for integrative theory, which is still absent in the framework of macrosociology.

The article concludes that the sociocultural approach, which considers the formed cause-and-effect relationships of the transformational impact at different levels: societal, institutional, group, and personal, can serve as the unifying basis for the study of the processes of transformation of the socio-cultural space. It allows us to take into account the specific features and dynamics of the influence of various factors on the subjects of spaces (a), as well as reproduc-

---

ing the deductive inductive nature of connections, to apply emic-etic approaches traditionally used in ethnopsychology to study the processes and factors that determine the behavior of specific subjects of the community. Taking into account the contradictory and multi-level trends of the processes that transform both the internal and external socio-cultural space increases the prognostic capabilities of the developed scenarios for the development of communities.

Key words: *sociocultural space, sociocultural approach, macrosciology, predictive scenarios, transformation of society, coherence of processes.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.006

УДК 32.327

А.И. МУРАВЫХ

*доктор экономических наук, профессор
кафедры государственного управления и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Е.Г. НИКИТЕНКО

*генерал-майор, кандидат исторических наук,
профессор кафедры государственного управления и
национальной безопасности Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

УЩЕНЕННАЯ ЭЛИТА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье анализируется эволюция правящей элиты общества потребления. На основе системно-синергетического и кибернетического подходов рассмотрены общие закономерности функционирования и развития элит. Проводится критический анализ феномена транснациональной элиты (глобалисты), неолиберальной идеологии, западных ценностей и идеи инклюзивного капитализма. Исторический путь элиты общества потребления свидетельствует об ее качественных изменениях: от социальной значимости до социального ничтожества и перспективы фашизации.

Ключевые слова: *общество потребления, глобалисты, элиты, сетевая власть, идеология, ценности.*

Политическую управленческую сферу образно можно рассматривать как «мозг и центральную нервную систему социального организма», соответственно выделяя – центр принятия значимых решений и систему управления общественными процессами. От того какие реальные цели будут поставлены, и какими способами и средствами они будут достигаться определяющим образом зависит функционирование и развитие экономики, социальной сферы, культуры, информационной, военной, экологической и других сфер жизнедеятельности общества. Важнейшей социальной группой в политико-управленческой сфере является *властвующая элита*, которая занимает привилегированное положение, непосредственно и систематически участвует в процессах формирования и принятия стратегических управленческих решений, принимаемых к исполнению. *Правящая элита* отражает интересы господствующей коалиции, которая, в свою очередь,

строится на основе доминирующих элитарных групп, обладающих значимыми финансовыми, административными и информационными ресурсами. В предельных случаях управляющая система реализует интересы либо узких олигархических групп, либо интересы общества в целом (среднего класса). Соответственно социальный организм либо деградирует, либо эволюционно развивается.

Общие закономерности функционирования и развития элит. Правящая элита является ядром управляющей системы (схема 1), которая производит управляющие воздействия на управляемые общественные процессы. Властвующая элита представляет собой организационную подсистему, границы которой определяются областью осуществляемого контроля (глобальный, национальный, локальный уровни). Институт управления генерирует формальные нормы (нормативно-правовая база) и неформальные нормы (система ценностей, идеологические установки). Управление лишено смысла, если не задано стратегическое целевое состояние, за формирование которого ответственна властвующая элита. Промежуточный результат от управляющих воздействий (реакция общества) через обратную связь возвращается в управляющую систему для корректировки ее действий и приближения к целевому состоянию. На управленческий цикл может оказывать существенное влияние внешняя система.

Согласно кибернетическим закономерностям (Закон Эшби о необходимом разнообразии), адекватное понимание логики системы и эффективное

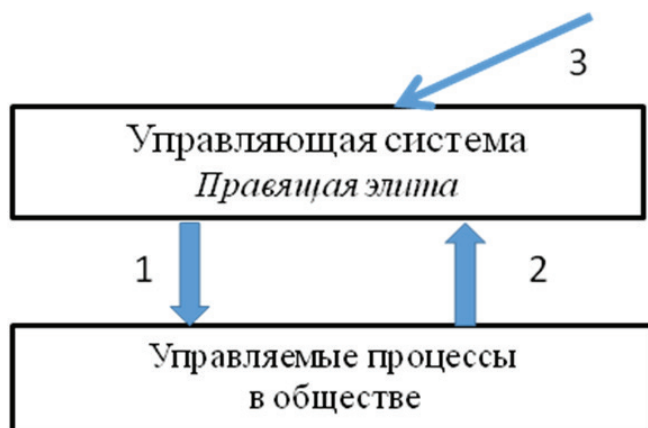

Схема 1. Правящая элита в системе управления:
1 – управляющие воздействия; 2 – реакция общества;
3 – внешние воздействия

управление ее функционированием и развитием требуют *большого разнообразия и более высокого уровня управляющей системы по сравнению с объемом управления*. Соответствующие необходимые требования адресуются господствующей коалиции и правящей элите – наличие высокого интеллектуального, профессионального и культурного уровня. В соответствии с синергетическими закономерностями, управление сложными системами, включающими человеческий фактор, строится на основе *соответствия управляющих воздействий внутренним тенденциям развивающихся систем*. Возникает важное необходимое условие – совместная согласованная деятельность правящей и интеллектуальной элит общества, позволяющая научно обосновано формировать стратегическое целевое состояние и способы его достижения. Наличие полноценной обратной связи правящей элиты с обществом критически важно, как для долговременного существования самой элиты, так и для обеспечения безопасности и развития общества. Особо отметим внешнее воздействие на правящую элиту, через которое может транслироваться внешнее управление, обслуживающее интересы внешней системы. Самый разрушительный для общества стереотип поведения внешне зависимой элиты описан в модели «бандит-гастролер» [6]. Как для любых целенаправленных организационных систем, время существования элит данного системного качества определяется их *жизненным циклом* (Закон жизненного цикла). Рассмотренные объективные закономерности обуславливают ряд необходимых требований к правящей элите в целях осуществления эффективного и результативного управления.

Системный подход позволяет выделить два принципиально различающихся вида проблем. Сущность *проблемы функционирования* состоит в разрешении постоянно возникающих рутинных противоречий, но без кардинальной трансформации системы, ее содержания, структуры и типа функционирования. Допускается лишь некоторая «внутривидовая» изменчивость системы. *Проблема развития* может быть решена эволюционным или революционным путем, но только в результате сущностного изменения ее содержания и радикальной структурно-функциональной реорганизации. Правящая элита должна правильно оценивать проблемную ситуацию, иначе возможна судьбоносная ошибка.

Власть имущая элита, будучи целенаправленной организационной системой, имеет ряд целевых установок. Первичная цель – это самосохранение, т.е. укрепление своей власти и сохранение привилегированного положения элиты, предоставляющего возможности максимизации личного благосостояния. Вторая группа целей правящей элиты связана с управлением общественными процессами. Исходя из современной природы человека, первичная цель с течением времени становится все более значимой по отношению к управленческим целям. Ограничителем степени приоритетности является кризисное состояние общества, которое может привести к смене власти.

Смена элит носит циклический характер и может осуществляться эволюционным или революционным способами. На первых стадиях жизненного цикла новая элита растет и развивается, укрепляет свою власть и начинает проникаться личностной выгодой своего особого положения. На этих стадиях воздействие правления новой элиты на общество имеет, как правило, прогрессивный характер, поскольку предыдущая конкурентная борьба со старой элитой выдвинула плеяду прогрессивных управленцев и идей общественного развития. Затем интересы общества отступают на второй план, и в полную силу начинает работать инстинкт самосохранения элиты. Степень закрытости элиты возрастает, социальные лифты перестают работать, происходит искусственный отбор управленцев по критерию преданности, а не компетентности, все отчетливее проявляется реликтовое стремление передачи власти по наследству. Кибернетический критерий содержательного разнообразия для организационной системы «правлящая элита» резко падает, соответственно значительно снижается управленческая способность элиты, что самым негативным образом сказывается на общественных процессах. Нарастающее напряжение в обществе детерминирует смену власти, если элита не предпримет адекватных усилий по изменению ситуации. Вырождаются и утрачивают свою привлекательность пропагандируемая властной элитой система ценностей и господствующая идеология, которые достигают гипертрофированного состояния и фактического самоотрицания, превращаясь в антиценности и регрессивную идеологию. В это время эмбрион контр-элиты начинает бурно развиваться, вступая в конкурентную борьбу теперь уже со старой элитой. Циклический процесс может быть растянут во времени, что может создать впечатление окончательной победы «старой» элиты. Возможны также масштабная смена властных персоналий в рамках прежнего системного качества элиты, и даже переход властной элиты и общества на более низкий уровень развития. Однозначный исторический вывод заключается в том, что без развития общества в целом любая элита вырождается и навсегда уходит в прошлое. Важнейшей проблемой является создание прогрессивной системы воспроизводства элит, что позволит организовать общие жизненные циклы воспроизводящейся элиты и эволюционирующего общества.

Феномен транснациональной элиты (глобалисты). В первые десятилетия после 2-й мировой войны во многих странах Запада произошли так называемые «экономические чудеса», и в целом наблюдался значительный экономический рост. Эффективно работала рыночная экономика по «кейнсианским» рецептам, ориентированная на рост совокупного платежеспособного спроса, т.е. покупательной способности широких слоев населения, что существенно повышало их благосостояние. Так, например, в США реальная заработная плата американцев росла до начала 70-х годов. Интересы бизнеса, прежде всего малого и среднего, совпадали с интересами боль-

шинства членов общества, способствуя формированию среднего класса. В 1974 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Хартия экономических прав и обязанностей государств, главной целью которой являлось установление справедливого международного экономического порядка, построенного на основе сотрудничества, суверенного равенства и общности интересов государств вне зависимости от их принадлежности к различным социально-экономическим системам. На этой верхней точке стадия прогрессивного развития общества потребления начинает сворачиваться. В дальнейшем желание мирового сообщества реализовать данную Хартию постепенно сошло на нет. В начале 80-х годов доминирующий способ максимизации прибыли стал осуществляться за счет финансовых спекуляций. По мнению ведущих мировых экспертов, подготовивших юбилейный доклад Римскому клубу [7], глобальный финансовый капитализм привел человечество к критическому обострению системного социо-эколого-экономического кризиса. *Экологическая катастрофа неизбежна* при инерционном ходе событий, поскольку антропогенное давление на окружающую среду возрастает пропорционально экспоненциальному росту населения Земли и потребностей людей [3]. В своей речи на форуме в Давосе (2021) президент РФ В. Путин отметил: «Начиная с 1980 года глобальный ВВП по паритету покупательной способности в реальном выражении на душу населения удвоился. Но опять же, если говорить о прибыли компаний, кому достались доходы? Ответ известен, он очевиден – одному проценту населения». «За последние 30 лет в ряде развитых стран доходы более половины граждан в реальном выражении стагнировали, не росли, а вот стоимость услуг образования, здравоохранения увеличилась втрое» [8]. *Следует особо выделить, что в условиях обострения мирового кризиса целевая установка глобальной элиты на мировое господство одновременно является необходимым условием выживания касты избранных.*

Фундаментальная ошибка власть имущей элиты Запада заключается в том, что современные проблемы мирового уровня оцениваются в качестве проблем функционирования общества потребления. Тогда как они по своей сути являются проблемами развития (эволюции) этого общества. Соответственно, применяются старые неадекватные новым реалиям методы, которые априори неспособны разрешить глобальные проблемы, а лишь усиливают кризисные явления. Такое понимание и такие действия Запада не смогут предотвратить развитие мирового системного кризиса до масштабов глобальной катастрофы. Проблема предотвращения глобальной чрезвычайной ситуации является проблемой выживания и развития современной цивилизации. Жизненный цикл западного общества потребления после прохождения этапов зарождения и прогрессивного роста завершается переходом на нисходящую линию развития и полной деградацией, если оно не претерпит преобразований качественного характера.

Достаточно очевидна взаимообусловленность процессов социально-экономического развития (деградации) и трансформации правящей элиты общества потребления. Период высокой социальной значимости властвующей элиты Запада постепенно завершается, все в большей степени начинают доминировать интересы крупного капитала и транснациональных корпораций (ТНК). Доминирующая цель общества потребления – максимизация прибыли наиболее успешно достигается на международном уровне транснациональными банками (ТНБ) и ТНК при подчиненном содействии национальных элит. Процессы экономической и информационной глобализации порождают и воспроизводят в расширенном виде самоорганизующуюся глобальную элиту, готовую с большой выгодой для себя инвестировать капиталы в политическую сферу. Получаемые колоссальные финансовые ресурсы позволяют целенаправленно формировать глобальное политическое пространство с наднациональным уровнем принятия управленческих решений.

Системообразующая целевая установка (мировое господство) в результате процесса самоорганизации генерирует примерно следующую структуру транснациональной элиты. На вершине иерархической пирамиды располагается финансовый олигархат с доминантой в лице руководства мировых банков (ТНБ), контролирующих Федеральную резервную систему США. Вторую ступень иерархической лестницы занимают топ менеджеры и главные акционеры ТНК в различных секторах экономики. Особую значимость имеют медиа олигархи и управленческая элита таких IT-гигантов таких, как Google, Apple, Amazon и Facebook. В «матрицу глобализма» входят также представители высшей международной бюрократии, транснационального экспертного сообщества, известные журналисты, актеры и другие «граждане мира». Пограничное положение занимает обширный класс части национальной элиты во многих странах мира, ориентированной на получение доступа в глобальную элитарную группу. Глобалисты раскручивают дьявольское искушение – приобщение национальных элит к избранному транснациональному клану за счет покупки их властного капитала и возможности воздействовать на общественные процессы. Новые горизонты формированию мировой касты «избранных» открывают новейшие достижения медицины по проблеме редактирования генома человека, позволяющие искусственно способствовать рождению здоровых и способных детей и, что весьма важно, активному здоровому долголетию. Глобальная элита постарается монополизировать эти архи важные медицинские технологии, позволяющие манипулировать национальными элитами и укрепить ее властные полномочия в мире. Многие представители национальных элит уже находятся в сильной вассальной зависимости от американского суверена, поскольку значительная часть их активов находится за рубежом и долларовые операции в любой момент могут быть заблокированы.

Глобалисты используют сетевой способ организации, объединяющий их общей целью, неолиберальной идеологией и западными ценностями. В качестве «мозговых» координирующих центров называют Совет по международным отношениям (*Council on Foreign Relations*, CFR) и Трехстороннюю комиссию (*Trilateral Commission*). Основной страной базирования глобальной элиты служат США, обладающие огромной военной машиной и мощными финансовыми рычагами. Поэтому глобальное лидерство США чрезвычайно важно для глобалистов, которые с помощью своей лоббистской структуры – демократической партии вели ожесточенную борьбу за президентское кресло в 2020 году. Приход в Белый дом администрации Дж. Байдена и контроль обеих палат конгресса означает полную победу глобалистов, открывающую большие перспективы для реализации их политики мирового господства.

Неолиберализм – метаморфоза либеральной идеи и ценностей. Классическая либеральная идея не лишена многих привлекательных сторон. Высшей ценностью объявляются права и свободы индивида, что становится главным универсальным критерием оценки политических и социальных систем, критерием принятия значимых управленческих решений. Основным принципом в экономической и политической сферах жизнедеятельности общества является принцип свободной добросовестной конкуренции. Именно действующий политический рынок, наличие конкурентной политической среды обеспечивает выживаемость демократии и возможность управления с помощью демократических институтов. К ключевым принципам относятся отказ от догматического установления истины и наличие многообразия мнений, а также неприемлемость весьма опасного тезиса – «цель оправдывает средства ее достижения». Либеральный идеал предполагает такое взаимодействие гражданского общества и государства, при котором обеспечиваются интересы большинства – среднего класса – главной опоры демократии. Важнейшую роль в формировании жизненных смыслов, стереотипов и моделей поведения людей в обществе играют духовно-нравственные ценности. В Договоре о Европейском Союзе (1992 г.) обозначены основные либеральные ценности: уважение человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и соблюдение прав человека.

Глобализация в экономической и информационной сферах кардинальным образом сказалась на сущностном содержании либеральной идеологии, которую можно трактовать как неолиберализм. Основная трансформация связана с адаптацией либеральной идеологии к защите интересов глобальной элиты, поэтому синонимом неолиберализма служит такое понятие как глобализм. Декларируется свободный глобальный рынок, позволяющий глобальному капиталу, включающему агрессивный спекулятивный капитал, и ТНК преодолевать национальные границы с большой выгодой для себя и ощутимыми экономическими потерями для национального биз-

неса. Альфой и омегой неолиберализма является рынок и рыночные отношения, которые переносятся в социальную сферу. Любое социальное взаимодействие рассматривается в рамках договора или контракта и носит конкурентный характер. Национальные государства трактуются как определенного рода предприятия, соответственно их классические функции и национальные интересы нивелируются. Одной из основных целей глобальной касты избранных является получение контроля за ресурсами и активами, находящимися в распоряжении национальных государств. Закономерности рыночного фундаментализма переносятся в целом на общество, включая рациональное поведение индивидов, семейные отношения, взаимоотношения работников организаций. Институт международного права обесценивается в виду его бесплодности, на его место приходят умело используемые глобалистами моральные критерии – права человека и либеральная демократия. Глобальный рынок в итоге генерирует создание общемирового гражданского общества по глобалистской кальке. *В последние десятилетия вышло и обострилось фундаментальное противоречие между интересами транснациональной элиты и интересами национально ориентированных элит мирового сообщества.* Однако либералы-глобалисты не видят этого противоречия и празднуют свою идеологическую победу. Манифестом глобалистов можно считать книгу Ф. Фукуямы «Конец истории или последний человек» (1992 г.), в которой утверждается, что идеал общественного развития окончательно достигнут в рамках западной системы ценностей и либеральной демократии.

В реальности же происходит сущностное преобразование ценностно-идеологической парадигмы общества потребления. Главенствующей неформальной, но фактической ценностью окончательно утверждается культ денег. Ценностная доминанта явно не афишируется, однако правит в обществе потребления именно «золотой божок», формируя жизненные смыслы и стереотипы поведения людей. Тотальная пропитка общества потребления этой ценностной установкой кратно усиливается в эпоху глобального финансового капитала. Такая ценностная ориентация общества потребления, всемерно поддерживаемая глобалистами, ведет к духовному вакууму западного общества и выхолащивает первоначальную сущность либеральных ценностей. Западные ценности достигают гипертрофированных форм и начинают отрицать сами себя, превращаясь в антиценности.

Уникальный факт унижения достоинства целого народа организовал коллективный Запад. Зависимые от него спортивные структуры лишили российских спортсменов права выступать под флагом России, нельзя также исполнять гимн России. Потеря знамени на войне означает позорное поражение. Эта публичная «порка» должна показать всему миру, что Россия – это токсичная страна-изгой, «приручать» россиян к унижению и провоцировать на борьбу с властью. Маниакальное желание унижить Россию про-

явилось во время проведения чемпионата мира по лыжным видам спорта в немецком Оберstdорфе (2021 г.), когда организаторы чемпионата заклеивали российскую символику на одежде и автомобилях национальной команды. Вместо того, чтобы наказать только спортсменов и спортивных функционеров, имеющих отношение к допингу, наказали «чистых» спортсменов и огромную армию болельщиков, т.е. российский народ. О каком уважении достоинства человека и обеспечении его прав может здесь идти речь?

Верховенство закона неоднократно и самым вопиющим образом было нарушено по отношению к РФ. Сразу же без суда и следствия виновной определялась РФ и выносилось наказание (санкции) в случаях отравления Скрипалей, Новального, крушения малайзийского «Боинга» и т.д. После распада Советского Союза была уничтожена конкурентная равновесная среда на международном уровне и возобладало первобытное право сильно-го – «США больше ООН». Бомбежки Югославии, военные операции в Ираке, Ливии и т.д. подтверждают этот тезис. Апофеозом беспредельного поведения «глобального лидера» стал факт государственного терроризма США – убийство Касема Сулеймани, который являлся одним из первых должностных лиц суверенного государства (Иран – член ООН). Международное преступление было совершено открыто в мирное время на суверенной территории с классической террористической целью – устрашение. Вместо гневной реакции практически все международное сообщество, включая основной правовой институт современной цивилизации – ООН, решило оставить без внимания это *преступление против мира и безопасности человечества*, демонстрируя истинную приверженность к западным ценностям. Мировой гегемон в очередной раз добивается своих целей и «приручает» мировое сообщество к жизни по американским «понятиям».

Современная мировая экономика в принципе не может быть конкурентной, поскольку такие центры эмиссии мировой валюты, как ФРС создают изначально неравные стартовые условия, что позволяет осуществлять неэквивалентный экономический обмен. Глобальный капитал и ТНК в значительной мере монополизировали мировую экономическую систему. Глобальная офшорная сеть (десятки трлн. долл. США) разрушает остатки конкурентного механизма создавая условия не для эффективного размещения ресурсов, а для ухода от налогов и сокрытия капиталов, способствуя формированию мировой теневой и криминальной экономики. Зато недобросовестная конкуренция политического характера возводится в ранг демократических завоеваний. Ярчайший пример – проект «Северный поток-2», да и в целом западная безудержная политика экономических санкций позволяет говорить о новом виде экономических отношений, которые можно назвать «политизированной экономикой». Безусловно процесс разрушения конкурентного механизма в сфере экономики находит свое продолжение в политической сфере, что особенно впечатляюще продемонстрировали по-

следние выборы президента США – стране-оплоте западной либеральной демократии.

Прошедшие в США (2020 г.) президентские выборы считаются одними из самых грязных в истории этой страны. Архаичная система выборов, не отражающая мнение большинства населения, лишена механизмов общественного контроля, как за организацией самого избирательного процесса, так и за подсчетом голосов. Это даже не уровень стран третьего мира. Ключевые ценности американского общества – свобода волеизъявления граждан, и свобода слова попораны самым вопиющим образом. Половина граждан США выступают за президента Д. Трампа, а практически все СМИ – против! Цифровые гиганты Google, Facebook, Twitter безоговорочно взяли сторону Дж. Байдена. Были заблокированы все социальные сети и президент США был лишен возможности публичного общения с гражданами своей страны. Совершенно очевидно, что американские СМИ и основная часть интернет-пространства контролируется глобалистами (транснациональным финансовым олигархатом). Двойные американские стандарты давно уже стали общим местом во внешней политике США. Кровавый майдан на Украине, свергнувший законную власть, – это поощряемые действия свободолюбивых граждан. А вот штурм Капитолия американцами, выступающими за честные выборы, – это преступные действия протестующих. Волна репрессий сторонников президента Д. Трампа захлестнула Америку. Выборы в США продемонстрировали всему миру истинную сущность «свободного и демократичного государства». Окончательно развеян миф о «Сияющем Граде на холме», который десятилетиями служил привлекательной моделью «правильного государства», островком стабильности для инвесторов и активов национальных элит со всего мира. Развеян также миф о непревзойденном военном превосходстве США. Американский «зонтик безопасности», раскинутый над миром (сотни военных баз), оказался «дырявым» перед российским гипероружием, что в значительной степени обнуляет диктаторскую внешнюю политику США. Именно военная мощь России отодвигает человечество от пропасти 3-й мировой войны.

Отдельного внимания и изучения заслуживает беспрецедентная в истории человечества гендерная политика Запада во главе с США. В последние десятилетия вдруг стало ясно, что вся предыдущая эволюция социума в гендерном отношении была ошибочной. Наступило прозрение, жестко поддерживаемое государством и огромными деньгами, вместо унылого двуполого однообразия раскрылось половое богатство из 54 вариантов гендерной идентичности [9]. И если кто-то неправильно определил эту идентичность, или неудачно пошутил на этот счет, то его ждет огромный штраф, проблемы на работе и даже тюремный срок. Сексуальные меньшинства вывели из многовекового подполья и позволили агрессивно отвоевывать жизненное пространство у аморфного большинства, не осознавшего еще своей истин-

ной половой принадлежности. Атака на интересы большинства (среднего класса) идет по всем направлениям. Члены ЛГБТ-сообщества имеют особые преференции, прежде всего, в системе государственного управления и менеджменте, а также в сфере культуры и образования. Гендерная политика глобалистов особенно «безжалостно» проявляется по отношению к детям. С ясельного возраста им навязывают в качестве важнейшего жизненного смысла – определение своей гендерной идентичности и затем ее реализацию. Находясь под мощным информационным прессом, дети массово меняют свой биологический пол (это модно и интересно), подвергаются соответствующим операциям и гормональному воздействию. В зрелом возрасте приходит осознание трагической ошибки, что имеет тяжелейшие последствия вплоть до суицида.

Каковы же цели гендерной политики глобалистов? Конечно же нужно заполнить духовный вакуум бесцельного существования общества потребления, чтобы граждане не отвлекались на борьбу за истинные либеральные ценности и интересы среднего класса. Еще важнее воспитать когорту гендерных особистов в сфере управления, культуры, образования, которые могут проводить жесткую политику в отношении инородного большинства. С этой же целью используются также другие меньшинства – афроамериканцы, «цветные», мигранты, феминистки, противостоящие в той или иной мере большинству. Любой белый американец находится под постоянной угрозой обвинения в расизме. Обладая властью, деньгами, контролируя информационное пространство, можно умело играть на этом противостоянии. Осуществляется управление обществом посредством манипуляции меньшинствами. Транснациональная каста избранных строит свой миропорядок, реализуя древний принцип – «разделяй и властвуй».

Неолиберальный фашизм и инклюзивный капитализм. Идеология и формируемый глобалистами миропорядок все в большей степени носят черты неофашизма. Развернутое толкование либерального фашизма представлено в известной работе [1], согласно которой либеральная идеология вырождается в фанатичную веру, не терпящую инакомыслия, тотально навязывается обществу посредством социального, информационного и силового давления. Неолиберализм (глобализм), отражающий интересы транснациональной элиты, в перспективе переходит в стадию планетарного неолиберального фашизма. Его сущность заключается в социальном разделении человечества на особую касту избранных и далее по иерархической лестнице – остальное управляемое человечество. При этом глобальная элита будет учитывать новый феномен, по своей антисоциальной сущности не имеющий аналогов в истории человечества – появление огромного числа «лишних» людей (отверженные). В эпоху роботизации, автоматизации, использования искусственного интеллекта и других достижений 4-й промышленной революции высвобождаются колоссальные трудовые ресур-

сы. Если ранее элиты эксплуатировали труд рабов, крепостных, рабочих, то в обозримом будущем потребность в рабочей силе существенно снижается. Глобальной элите уже нет нужды в оставшемся большинстве общества, которое еще и обостряет экологическую ситуацию. Огромные инвестиции нужны будут только для обеспечения приемлемого уровня жизни «нерентабельных» отверженных людей и предотвращения социальных катаклизмов. В таких условиях необходимо сохранить внешнее демократическое обличье, осуществляя сетевое тоталитарное управление. Речь идет о «цифровом» управлении жизненными циклами людей (от рождения – до смерти), включающем формирование мировоззрения, системы ценностей, стереотипов поведения с использованием виртуальных моделей. Например, система образования будет построена дистанционно на основе использования искусственного интеллекта, т.е. изначально она будет программируема. Поведенческими фабриками являются крупнейшие цифровые корпорации, такие как Amazon, Google, Facebook. «Лишние люди», условно говоря, переводятся в виртуальный мир с высокой степенью управляемости и внешней зависимости. Такое управление позволит воспроизводить в массовом порядке жизненные циклы людей с примитивным набором в основном материальных потребностей и простейшими формами поведения, а также снижать общую численность популяции за счет гендерной революции. Грубую, но весьма доходчивую оценку будущему миропорядку открыто и публично дают российские либералы-глобалисты: мир будет разделен на избранную касту глобальных управленцев и массовое примитивное «быдло», постепенно снижающее свою численность.

Очевидный кризис финансового капитализма и неолиберальной идеологии продуцирует у транснациональной элиты потребность в разработке новых идеологических подходов. Нужна привлекательная идеологическая «упаковка» для осуществления целей глобальной элиты. На этот запрос ответил К. Шваб, предложив идею «Великая перезагрузка» и введя понятие «инклюзивный капитализм» (капитализм всех заинтересованных сторон). К. Шваб в своей книге «COVID-19: великая перезагрузка» (2020 г.) сразу же «успокоил» все человечество, жестко и однозначно заявив – пандемия навсегда, и «это узкое окно возможностей для размышлений, решений и перезагрузки нашего мира». Поэтому логично определить «инклюзивный капитализм» как «инклюзивный пандемический капитализм». Инновационный проект глобалистов «информационно-психологическая пандемия» рассмотрен в работе [3]. К. Шваб с оптимизмом заявляет: «Мир больше не будет прежним, капитализм примет иную форму, у нас появятся совершенно новые виды собственности, помимо частной и государственной. *Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя большие социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага*», при этом «*Вопрос о мировом*

правительстве – в центре всех остальных вопросов». Постепенно глобальные корпорации будут брать на себя функции национальных государств. Новая форма капитализма включает следующие составляющие: мировая цифровая криптовалюта, экономика совместного пользования, тотальная автоматизация рабочих мест, всемирная сеть цифрового контроля, универсальный базовый доход. Фармацевтические ТНК и гиганты IT-индустрии в условиях пандемии получают фантастическую прибыль, но нет сведений о том, чтобы эти флагманы пандемического капитализма проявляли повышенную социальную ответственность и альтруистические наклонности. Скорее они пойдут на любое преступление, увидев прибыль в 300%.

Конец неолиберальной истории и последний человек. Не потеряли актуальности, на наш взгляд, результаты эксперимента «Вселенная-25», полученные Д. Кэлхуном в серии из 25 опытов [5]. Экспериментальные исследования позволили выявить ряд поведенческих закономерностей популяции мышей в условиях ресурсного изобилия и практически полной безопасности. Численность популяции достигала максимального значения, а затем снижалась до полной гибели популяции. Наверное, это явление можно назвать «ресурсным проклятием». По мере протекания эксперимента выстраивалась некая иерархическая структура, появилась каста «избранных» и «отверженные», а затем стали доминировать «красавчики» – самцы, которые только ели, пили, спали и чистили шерстку, а также «феминистки» – самки-одиночки, лишённые желания производить потомство. Наблюдалось тотальное старение мышинного сообщества (продолжительность жизни особей значительно увеличилась), а также вспышки агрессивного поведения и даже каннибализм. В условиях комфортной «райской» жизни у членов популяции атрофируются функции борьбы за выживание, за более высокое «социальное» положение, за удовлетворение полового инстинкта, производства потомства и его защиту. Беспроblemное существование выхолащивает сложные формы поведения, уничтожает здоровое биоразнообразие, заменяя все это простейшими стереотипами поведения и «клонированной» безликой совокупностью особей. Д. Кэлхун обобщил эти утраченные функции одним термином – смерть «духа», за которой неизбежно наступает физическая смерть популяции.

Невольно напрашиваются аналогия и параллели с обществом потребления («золотой миллиард»), которое «заточено» на удовлетворение материальных потребностей. Речь, конечно же, идет лишь о ряде характерных тенденций. Человек представляет собой биосоциальное существо, и когда сущностно-социальные (духовно-интеллектуальные) аспекты человека минимизируются, то на передний план выходит его простейшее «биоповедение». В наибольшей степени рассматриваемая аналогия относится к создаемому глобалистами «инклюзивному пандемическому капитализму», социальная структура которого будет включать «избранных», «отвержен-

ных», «красавчиков», «феминисток», трансгендеров. Эта структура будет воспроизводиться в расширенном варианте при общем снижении численности человеческой популяции. Тотальная примитивизация общества не обойдет стороной саму транснациональную элиту. Именно в ее рядах в первую очередь будут усиливаться процессы духовно-нравственного и интеллектуального разложения. Общий финал достаточно очевиден – завершение эволюционного развития современной цивилизации.

Образно говоря, общепланетарная власть глобалистов – это власть желтого дьявола или антихриста, явившегося, по преданию, в конце человеческой истории, которая может завершиться по сценарию Д. Кэлхуна «Вселенная – 25». Символ либерализма – Статуя Свободы постепенно меняет свой лик, и все отчетливее проступают черты Левиафана. Тысячи раз соблазняли человечество сказками о справедливом прекрасном мире, прикрывая животное желание «избранной касты» выжить и властвовать, максимизируя в свою пользу вычет из общественного благосостояния. Пока значимая часть человечества эволюционно не выйдет на более высокий нравственный уровень самосознания и понимания необходимости всеобщего развития, все благостные идеи, типа Великой Перезагрузки, будут использоваться для идеологического обслуживания интересов, властвующего олигархата. Неолиберальная идеология завершает свой исторический путь откровенной утопией со скрытой сущностью неонацизма. Детская надежда на перевоспитание и проявление альтруистического сознания у акул капитализма (представителей ТНБ и ТНК) воспринимается как политический анекдот. Исторический путь элиты общества потребления свидетельствует об ее качественных изменениях: от социальной значимости до социального ничтожества и перспективы фашизации. Российские либералы-глобалисты подобострастно стремятся получить допуск хотя бы в низший слой транснациональной касты избранных, или пристроиться обслуживающим персоналом к «хозяевам мира». Прозападная элита испытывает патологический страх за свои зарубежные активы и готова далеко пойти в предательстве национальных интересов России. В заключение еще раз подчеркнем объективную историческую закономерность: без развития общества в целом властвующая элита рано или поздно обречена на деградацию и гибель. Только цена за время правления транснациональной элиты будет исчисляться миллионами искалеченных человеческих судеб.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Голдберг М.Д.* Либеральный фашизм. М., 2012.
2. *Медведев Н.П.* Политические кризисы и конфликты: теория и практика. Монография. М., 2017.
3. *Муравых А.И., Никитенко Е.* Проблемы глобальной и национальной безопасности. Монография. М., 2021.

-
4. Шваб К. COVID-19: великая перезагрузка. М., 2020 г.
  5. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population. Proc. roy. Soc. Med. January 1973. Volume 66.
  6. Mancur Olson. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. New York: Basic Books, 2000.
  7. Weizsäcker E., Wijkman A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Report to the Club of Rome, 2018.
  8. <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-onlain-fo-rume-davoskaja-povestka-dnja-2021-27-01-2021.html>.
  9. <https://www.russianreality.ru/analytic/articles/rr/653172/>.

A.I. MURAVYKH

D.Sc. (economics), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E.G. NIKITENKO

Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

THE DISCOUNTED ELITE OF THE CONSUMER SOCIETY

The article analyzes the evolution of the ruling elite of the consumer society. On the basis of the systemic-synergetic and cybernetic approaches, the general laws of the functioning and development of elites are considered. A critical analysis of the phenomenon of the transnational elite (globalists), neoliberal ideology, Western values and the idea of inclusive capitalism is carried out. The historical path of the elite of the consumer society testifies to its qualitative changes: from social significance to social insignificance and the prospect of liberal fascism.

Key words: *consumer society, globalists, elites, network power, ideology, values.*

ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ОСВОЕНИЯ КОСМОСА

В статье содержится анализ набирающего темпы нового этапа в «космической гонке», становящегося глобальным трендом современного мирового развития. Более 120 стран мира в той или иной степени вовлечены в этот процесс, в котором с большим отрывом лидируют 8-10 наиболее развитых государств. Как и любое новое явление в освоении космического пространства, порожденное научно-техническим развитием, оно несет в себе новые возможности и особенности (в частности, начинающее доминирование частного бизнеса в межпланетной сфере, повышенный интерес к индустриальной разработке ресурсов астероидов и околоземного пространства, напряженная борьба за первенство в обустройстве и заселении Луны или Марса, правовое регулирование усложняющихся международных отношений и т.д.), так и непредвиденные последствия, чему пока уделяется неоправданно малое внимание. Следует отметить, что здесь недооценивается важность информационно-пропагандистского сопровождения космической деятельности среди разных слоев населения, медленно разворачивается эта работа среди школьников и студентов.

Ключевые слова: космос, новая лунная гонка, лунный проект, информационное сопровождение освоения космического пространства, МКС, корпорация «Роскосмос», NASA.

Разворачивающаяся в мире волна повышенного интереса к освоению космического пространства носит в целом весьма позитивный характер, позволяет по-новому взглянуть на некоторые устоявшиеся тенденции, строже оценить ранее достигнутые результаты и открывающиеся перспективы. Подтверждением тому может служить увеличившийся поток научных и научно-публицистических публикаций отечественных и зарубежных ученых и специалистов, представителей экспертного сообщества, журналистов.

Отличительной особенностью современного этапа освоения космоса становится информационный запрос на достижения в этой области, рас-

ширяющееся участие детей и подростков в научно-технических кружках и смотрах по проблемам космоса. По мнению экспертов, это, отчасти, напоминает атмосферу 1950-60 гг., когда СССР был охвачен широко издававшимися научно-популярными журналами и брошюрами, а участие в кружках научно-технического творчества было нормальным явлением в молодежной среде [19. С. 1141-1142].

Думается, что истоки информационного бума в сфере космоса в нашей стране берут начало намного раньше. Так, например, в конкретно-аллегорическом контексте Луна упомянута даже в названиях ряда довоенных изданий, к которым относятся «Луна с правой стороны или необыкновенная любовь» С. Малашкина (1926 г.) [14], «Повесть непогашенной Луны» Б. Пильняка (1926 г.) [21], которые впоследствии были в эпоху «оттепели» дополнены книгами «Незнайка на Луне» Н. Носова (1965 г.) [20], «На полпути к Луне» В. Аксенова (1966 г.) [1]. Поистине, космические размеры Страны Советов приводит в своей книге «Над картой Родины» Н. Михайлов, отмеченной в 1948 г. Сталинской премией [17]. В частности, в ней он пишет, что, когда читатель в дни полнолуния увидит лик Луны, он вспомнит, что видимая им часть этой планеты меньше советской территории и что к лунному полушарию нужно было бы прибавить, скажем, Аргентину, чтобы оно по площади сравнялось с нашей страной.

Специалисты подчеркивают, что это не первый опыт подсчета упоминаемых планет в трудах литераторов – весьма интересные данные литературоведа Г. Лесскиса, касающиеся упоминания Луны в романе «Мастер и Маргарита» [5]. Так, при описании событий в Ершалаиме (это около 1/8 части текста всего произведения) автором 26 раз отмечено Солнце, 13 раз – Луна, а при повествовании о делах в Москве, а также в Ялте и под Киевом, Луна упоминается 78 раз, а Солнце – 18 раз [30].

Специалисты полагают, что, делая упор на популяризацию проблем космоса среди школьников и студентов, можно достичь высоких результатов. Известно, что человека, способного продвигать идеи освоения космоса, следует искать среди подростков 13-14 лет, у которых есть бесстрашие, творческое мышление новой формации [27. С. 9]. Как показывает анализ, в целом ряде стран мира ведется активная работа по созданию конкурентоспособных космических кораблей, задан высокий темп в разработке новых технологий, но действенной моральной поддержки этой деятельности, грамотного информационного сопровождения по-прежнему не наблюдается. Тем не менее, наметившийся в общественном сознании т.н. инженерный уклон, фиксируемое увеличение интереса молодежи к технике, ориентация ее на инженерные специальности, рано или поздно приведет к позитивным результатам.

Современным и весьма позитивным примером информационно-пропагандистского сопровождения космической деятельности может служить

опыт Северо-Восточного административного округа города Москвы (СВАО), самого «космического» в России и мире. Здесь располагаются Мемориальный дом-музей С.П. Королева, Музей космонавтики, на территории округа проживает много выдающихся людей, внесших значительный вклад в освоение космического пространства. Поэтому в СВАО и столице в целом большой интерес представляют фотомонтажи с космической тематикой, удобные места для их жителей для селфи в честь памятной даты, отмечаемой в этом году – 60-летия первого полета в космос, а в целом по округу запланировано более 50 тематических мероприятий и интересных встреч, посвященных памятной дате, включая викторины, мастер-классы, концерты [13. С. 2].

Серьезные меры по популяризации предпринимаются на федеральном уровне. Это касается запуска телеканала «Первый Космический», подготовленного госкорпорацией «Роскосмос» и телекомпанией «Первый ТВЧ». Этот проект, старт которого состоялся 4 марта 2021 г., предназначенся зрителям спутникового и онлайн-телевидения, а его эфирное наполнение планируется за счет новостей отечественной и зарубежной космической сферы, научно-популярных передач об устройстве Вселенной, тематических художественных и документальных фильмов, объединив научный подход и доступность повествования.

Как считают специалисты, главной «изюминкой» канала «Первый Космический» станут прямые эфиры запусков космических аппаратов, прямые включения из космоса, встречи, беседы с участием экспертов и российских космонавтов [32].

Весьма актуальными представляются меры по более эффективному задействованию экспертного научного потенциала и специалистов при подготовке новых и уточнению действующих законопроектов и директивных документов в сфере популяризации науки, включая космонавтику. Так, по мнению эксперта А. Хохлова, действительно избыточными представляются такие меры, как, например, решение приравнять детские кружки Политехнического музея к образовательным, т.е. требующим наличия педагогического образования у лекторов, а от самого музея – лицензии на образовательную деятельность [23. С. 6]. Видимо, поэтому, из-за недостаточного информационного обеспечения, несомненные достижения в области космонавтики зачастую остаются на периферии новостных лент и аналитических обзоров. Так, например, в широко развернувшейся новой лунной гонке пока весьма скромные результаты демонстрирует Россия, хотя ее последние достижения в космосе более чем очевидны. Так, стали обыденным делом регулярные полеты «Союзов» к МКС, в том числе целых 17 лет NASA было вынуждено оплачивать Роскосмосу услуги за доставку на МКС американских астронавтов с помощью этого российского космического корабля. Давно и надежно работают на орбитах целевые спутники. О том, что ресурсы «Союза» и МКС далеко не исчерпаны, свидетельствует полет кора-

бля «Союз МС-17» к МКС по сверхскоростной двухвитковой схеме, потратив на это 3 часа и 3 минуты, что является абсолютным рекордом [24. С. 56].

Следует отметить, что практически для всех стран, включившихся в лунную гонку, а это на сегодня РФ, США, КНР, Япония и Израиль, главной целью является создание лунного поселения как первого этапа колонизации этой планеты. Среди основных факторов освоения и заселения этой планеты, – считают специалисты, – особо выделяются обеспечение межпланетных космических миссий (космопорт для отработки новых технологий и техники для экспансии на Марс), добыча полезных ископаемых, перенесение с Земли на Луну вредных и опасных производств и, что немаловажно – престиж страны, подтверждение высочайшего уровня науки, обладания передовыми космическими технологиями [4. С. 54-61].

Эти устремления отчасти отражает, например, и состоявшийся в мае 2020 г. полет американского космического аппарата с двумя астронавтами NASA, который менее чем через сутки, в автоматическом режиме и привычно успешно состыковался с МКС, подтвердив тем самым высокий стандарт достигнутого уровня сотрудничества в космосе. Тем не менее, это обстоятельство, почти незамеченное широкой общественностью в нашей стране, стало поводом для эмоционального обращения президента США Д. Трампа к американцам. В нем он, в частности, подчеркнул: «Десятилетия, в течение которых мы лишь теряли время и почти ничего не предпринимали (в космосе – А.Н.), теперь официально остались в прошлом» [10].

Он особо отметил, что США отправили к МКС «американских астронавтов на американской ракете и с американской территории и пообещал, что «скоро мы высадимся на Марсе» [10]. В этом случае речь шла о том, что для США это был первый с 2011 г. пилотируемый полет на собственном космическом корабле, поскольку именно тогда закрытая программа Space Shuttle вынудила американцев пользоваться услугами Роскосмоса при доставке своих астронавтов на МКС на российских «Союзах».

Весьма символично, что именно в 2020 г. исполнилось двадцать лет как Международная космическая станция стала обитаемой – 2 ноября 2000 г. сюда научных международных на «Союзе» прилетел и приступил к работе на постоянной основе первый экипаж в составе россиян Ю. Гидзенко, С. Крикалева и американца У. Шеперда. Это был экипаж такой квалификации, что позволяло в случае возникновения нештатных ситуаций с максимальной вероятностью решить все проблемы и сделать так, чтобы станция ожила. Как подчеркнул впоследствии Ю. Гидзенко, – «мы готовили почву для длительного пребывания землян в космосе и обширных международных научных исследований, по крайней мере, на следующие 15 лет. Ответственность зашкаливала» [33].

По мнению специалистов, расконсервирование и подготовка МКС к работе стали самым большим и важным экспериментом, проведенным тогда

на орбите в процессе первой пилотируемой экспедиции, а с начала работы станции не было ни одного дня, чтобы на высоте 400 км не работали люди. Как известно, первый экипаж отработал тогда 140 суток, ему посчастливилось встретить на орбите новый XXI в [33].

Каждый раз, когда заходит разговор о российско-американском космическом сотрудничестве, его эффективности, совместная деятельность на МКС воспринимается как должное, порой даже замалчиваются его сильные стороны, как технологические, так и организационные, и кадровые. Между тем, проект МКС первоначально разрабатывался для работы в течение 15 лет, затем срок увеличили до 2020 г., ныне партнеры согласились – до 2024 г. Однако уже обсуждается продление срока до 2028 г. и дальше [33].

Параллельно идет разработка проекта новой отечественной станции (рабочее название: Российская орбитальная служебная станция), которая будет составлять 3-7 модулей, ее экипаж – от 2 до 4 человек, а развертывание на орбите намечается после 2024 г. В качестве основной задачи нового проекта станции определены такие, как дистанционное зондирование; исследования и эксперименты; связь и навигация; обнаружение техногенных катастроф; геологическая разведка, мониторинг лесного хозяйства; космический туризм [26. С. 30].

Сегодня же на МКС работает уже 64-я долговременная экспедиция, на ней побывали семь космических туристов. До неузнаваемости изменилась сама МКС, она весит 420 тонн и увеличилась до 15 основных модулей, достигнув размера футбольного поля. Став огромной научной лабораторией, работающей непосредственно в космическом пространстве, она содействовала установлению многих рекордов и проведению уникальных научных экспериментов. Так, среди них выделяется годовой по продолжительности полет российского космонавта М. Корниенко и астронавта США С. Келли, начавшееся впервые в мировой космической практике выращивание на 3D-биопринтере живых тканей и т.д. [33].

Таким образом, ведущееся более 20 лет сотрудничество в космосе России и США – основных космических держав, заслуживает высокой оценки и свидетельствует, что у наших стран накоплен солидный технический потенциал и для дальнейшей совместной работы. А таких проектов, где целесообразно объединить усилия немало, хотя предпочтение, как и прежде отдается не сотрудничеству, а конкуренции.

Весьма характерно, что при этом США пользуются сомнительными приемами из арсенала советской пропаганды – посвящать те или иные свершения к конкретным политическим событиям. Весьма жесткие сроки президента Д. Трампа (уже бывшего), наметившего на 2024 г. отправку на Луну двух американских космонавтов, объяснялось его громким анонсированием: «При моей администрации мы восстанавливаем превосходство NASA и мы возвращаемся на Луну...». Эксперты полагают, что это поручение

президента связано с его желанием украсить свой возможный второй срок историческим событием, остаться в истории великим президентом» [16].

В рамках американской лунной программы NASA выбрало 11 компаний, которые займутся разработкой прототипов космических аппаратов для совершения мягкой посадки и доставки тонны различного оборудования, включая несколько луноходов. Специально для полетов на Луну создается трехступенчатая система – это будет многоразовая первая ступень, сам космический аппарат, а также спускаемые для посадки ступени. Видимо, не все у них получается в срок – глава NASA недавно признал нереалистичным обозначенный ранее срок высадки на Луну – 2024 г. [7. С. 3].

О том, что при подготовке полетов не исключены аварии свидетельствуют три подряд неудачи запусков космического корабля «Starship SN10» компании SpaceX Илона Маска. Впрочем, это его не сильно огорчило. «Однажды настоящим мериллом успеха будет то, что полеты Starship станут обычным явлением», – считает И. Маск [32].

К пилотируемому полету на Луну тщательно готовятся и в КНР, которая планирует осуществить эту миссию в течение ближайшего десятилетия и последовательно проводит испытания спутника. Не отказываясь от общеизвестных достижений в исследовании Луны, Китай уверенно осваивает свой «Марсианский проект». Так, например, 24 февраля с.г. его первый космический аппарат для исследования Марса «Тяньвэнь-1», выполнив маневры на орбите, вышел на опорную орбиту Марса, где ему предстоит в течение почти трех месяцев заниматься научными исследованиями. Китайские специалисты считают, что им помогает накопленный ранее технологический опыт полетов с Земли, пребывания в космосе и исследования Луны, заложившие тем самым техническую основу для изучения Марса и даже глубокого космоса [31].

Что касается России, следует подчеркнуть, что в ней разработана трехэтапная Концепция освоения Луны, рассчитанная до 2040 г. Так, в ходе первого этапа (2021-2025 гг.) будет создан базовый модуль окололунной станции, испытан пилотируемый корабль «Федерация», совершены беспилотные облеты этим кораблем Луны. На втором этапе (2025-2035 гг.) намечены пилотируемые полеты с облетом Луны в 2026 г., а в 2030 г. высадка на ее поверхность для создания и размещения первых элементов посещаемой базы. Третий этап (после 2035 г.) – завершение строительства полноценной посещаемой лунной базы [16].

В текущем году, впервые за 45 лет, Россия готовится запустить автоматическую станцию к Луне. Ее название «Луна-25» символизирует преемственность по отношению к советской серии исследований Луны, завершившейся в 1976 г. По расчетным данным, аппарат впервые прилунится в районе Южного полюса, раздвинув прежние рамки, ранее ограничивавшиеся экваториальной областью. Этот полет, как и последующие, подгото-

вят необходимые условия для первой высадки человека на Луну в 2030 г., после чего официальными документами корпорации «Роскосмос» предусмотрены регулярные миссии на эту планету и развертывание постоянной лунной базы [34].

Эти и другие неоспоримые результаты свидетельствуют, что при правильной постановке дел Россия может и должна достойно включиться в лунный проект. Согласно имеющимся прогнозам, к началу 2030-х гг., когда станет возможной пилотируемая экспедиция с высадкой на лунную поверхность, будет разработан новый космический корабль «Орел». Он может войти в серию как энергетический модуль будущей российской орбитальной станции, идущей как на замену устаревающей МКС, так для планируемой станции уже на лунной орбите. Предполагается, что начнутся летные испытания ядерного буксира – транспортного модуля с ядерной установкой мегаваттного класса, что сделает рентабельными перелеты между земной и лунной орбитами и обратно. Это позволит России опередить своих конкурентов примерно на целое десятилетие, получить значительные возможности не только по перемещению полезных грузов между орбитами, но и при полетах в дальний космос.

Реализация этих планов в освоении Луны представляется возможной в тесном партнерстве с Китаем. Как известно, сотрудничество этих стран в области пилотируемой космонавтики во многом облегчается тем, что их техника базируется на проверенных делом и временем советских технологиях [28. С. 1229-1234; 35]. Кооперирование в освоении космического пространства имеет немало положительных примеров. Это, в частности, касается созданного Россией совместно с Германией КА «Спектр-РГ», подтвердившего выгоду такого подхода: деньги в складчину, а научные открытия – общие.

Это поняли и в США, которые вовлекают в свой лунный проект как можно больше стран [6. С. 2]. О том, насколько важна финансовая составляющая планов, свидетельствуют данные, приведенные президентом РАН А. Сергеевым на заседании Комитета Госдумы РФ по образованию и науке: из-за недофинансирования мы не можем конкурировать в космосе с другими державами, что является катастрофой для отечественной науки. «В текущем году финансирование научного космоса, которое есть в России, в 60 раз меньше, чем финансирование научного космоса в NASA», – заявил он [6].

Состоявшаяся в декабре 2020 г. очередная (третья по счету) миссия китайского космического аппарата «Ченьэ-5» на Луну, успешный сбор образцов лунного грунта и его доставка на Землю, несомненно, знаковое событие. Специалистов все это наводит на мысль о начале поэтапной отработки технологии для пилотируемых полетов на Луну своих тайконавтов [6. С. 2]. Начав космическую эру с запуска в 1970 г. первого простейшего спутника, ныне КНР стала третьей державой, обладающей развитой пилотируемой

космонавтикой, способной осуществлять весьма сложные научные миссии в космосе.

По мнению экспертов, уже в ближайшие планы Китая входит создание собственной орбитальной станции, базовый блок которой намечается вывести на орбиту уже в 2021 г., что станет своего рода двойником российской станции «Мир». Следуя логике китайских конструкторов, за созданием орбитальной станции неизбежно последуют лунные пилотируемые экспедиции, а новый корабль для этого они уже успешно испытали.

Целенаправленно включается в освоение космического пространства Индия, правительство которой в декабре 2018 г. утвердило национальную пилотируемую программу, в соответствии с которой уже в 2021 г. на собственном корабле, с собственного космодрома на орбиту впервые будут отправлены индийские космонавты (гаганавты). К настоящему времени в Индии выполнено более 70 успешных космических запусков. В начинающемся десятилетии эта страна рассчитывает стать четвертым государством в мире (после РФ, США и КНР), самостоятельно отправляющим в космос граждан [2. С. 50-56]. Полагаем, что именно Китай и Индия могли бы в перспективе стать надежными партнерами России в освоении космического пространства.

К серьезным проблемам в начинающемся освоении ресурсов космоса [25; 11. С. 31; 12. С. 39; 3. С. 78-82] следует отнести отсутствие в мировой практике четких законов и правил деятельности в космической сфере. Как показывает практика, это порождает достаточно эгоистическое поведение ряда стран, способно привести к серьезным конфликтным ситуациям. Так, в апреле 2020 г. тогдашний президент США Д. Трамп издал указ в поддержку коммерческого освоения ресурсов на Луне и других небесных телах, предписывающий американской администрации противиться любым попыткам рассматривать космическое пространство в качестве всеобщего достояния человечества. Стало известно и о том, что США также готовят международное соглашение об освоении ресурсов Луны [22], которое изначально не предполагает участие в этом процессе России [18].

Специалисты уверены, что попытки т.н. «экспроприации» космического пространства и агрессивные планы по фактическому захвату территорий других планет едва ли настраивают страны на плодотворное сотрудничество. Так, глава «Роскосмоса» Д. Рогозин назвал соглашение о добыче полезных ископаемых «приватизацией» Луны, сравнил его со вторжением США в Ирак и обещал, что Россия этого не допустит [22]. В свое оправдание глава NASA Дж. Брайденстайн сравнил Луну с Мировым океаном, где все могут добывать океанские ресурсы, но «это не значит, что вы владеете океаном. Вам должно быть позволено добывать ресурсы на Луне: вы владеете ресурсами, но не владеете Луной» [22].

Одновременно с этим, как стало известно, Роскосмос готовит предложение по совместному изучению и освоению богатств космоса в рамках меж-

дународных проектов. И задел для того уже существует: в сентябре 2019 РФ и КНР договорились о сотрудничестве в области создания объединенного центра по исследованию Луны и дальнего космоса [18].

Существующая в РФ Федеральная космическая программа включает в себя раздел о научном космосе, достижения в котором на протяжении десятилетий являлись предметом гордости космических держав. Однако, как уже отмечалось, осуществляемое ныне финансирование космических исследований в явно недостаточных объемах привело к тому, что из 15 млрд рублей для т.н. «скромного присутствия» в этой сфере, – пишет президент РАН А.М. Сергеев, – в 2020 г. выделено на космос 5-6 млрд и предвидится перспектива еще большего сокращения до 3 млрд в течение 3 лет [29. С. 3]. Сегодня российская космическая наука финансируется в разы меньше, чем научные проекты NASA», а уменьшение финансирования заставляет сдвигать планы, переносить запуски в будущее, до конца 2020-х гг., порождая т.н. научный долгострой, – полагает он. Это происходит в то время, когда американцы и китайцы уже высадят там своих астронавтов и начнут строительство лунных баз, – констатирует академик А.М. Сергеев.

О том, что надо торопиться, свидетельствуют данные о том, что Илон Маск намерен направить первого человека на Марс в ближайшие 6 лет, хотя не исключается даже через четыре года [9. С. 8].

Позитивные перемены в космической сфере сулит 2021 г. – первый год нового десятилетия, который в РФ официально провозглашен как Год науки и технологий. Он же является и стартовым в реализации Программы фундаментальных исследований на 2021-2030 гг. [8]. К главным направлениям, а их три, относятся следующие. *Первое.* Привлечь в сферу науки и технологий талантливую молодежь. *Второе.* Сделать более активным участие профессионального сообщества в реализации Стратегии научно-технологического развития страны. *Третье.* Дать широкому кругу россиян полное и понятное представление о прорывных достижениях российской науки, что делает для этого государство, корпоративный сектор и бизнес [15].

Отличительной особенностью Года науки и технологий является то, что каждый его месяц будет связан с тем или иным весьма важным научным направлением. В частности, по составленному расписанию, апрелю отведено освоение космоса, что дает основание к началу прорывного развития отечественной космонавтики, включению России в число лидеров в освоении космического пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аксенов В. На полпути к Луне. М.: Советская Россия, 1966.
2. Александров Б. От «Рохини» до гаганавтов: четыре десятилетия индийской космонавтики // Взлет. 2019. № 3-4.

3. *Багров А.В.* Исследования и промышленное освоение космических ресурсов // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 1.

4. *Бобин В.А., Бобина А.В.* Проект создания простейших поселений на этапе разведки недр Луны // Воздушно-космическая сфера. 2020. № 2.

5. *Булгаков М.* Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1973.

6. *Волгин В.* На Луну через Пекин // Военно-промышленный курьер. 8-14 декабря 2020.

7. Глава НАСА признал // АИФ. 2021. № 8.

8. *Емельяненко А.* Умные будут с деньгами: В РФ утверждена единая Программа фундаментальных работ на 2021-2030 годы // Российская газета. 20 января 2021.

9. Илон Маск // АИФ. 2020. № 51.

10. Инновационный корабль Crew Dragon пристыковался к МКС: США вернули себе независимость в пилотируемой космонавтике // Независимая газета. 25 декабря 2020.

11. Как достать алмазы с Урана и Нептуна? // АИФ. 2020. № 28.

12. Какое топливо можно добыть в космосе? // АИФ. 2020. № 48.

13. *Каранов М.* Ко Дню Космонавтики на улицах округа планируют установить тематические фотозоны // Звездный бульвар. Москва: Издание СВАО, 2021. № 7 (март).

14. *Малашкин С.* Луна с правой стороны или необыкновенная любовь: Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1927.

15. *Медведев Ю.* Наука – расписание на год: Каждый месяц научного года получил свою тему // Российская газета. 15 февраля 2021.

16. *Медведев Ю.* Объявлена лунная гонка: Американцы через пять лет намерены высадиться на спутник Земли // Российская газета. 20 мая 2019.

17. *Михайлов Н.* Над картой Родины. М.: Молодая гвардия, 1947.

18. *Мухин В.* Москва вступает в гонку по добыче лунных ресурсов // Независимая газета. 14 декабря 2020.

19. *Назаров А.Д.* Информационно-пропагандистское сопровождение космического соперничества СССР и США (по материалам отечественных и зарубежных публикаций) // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. Вып. 4 (56).

20. *Носов Н.* Незнайка на Луне. М.: Детская литература, 1965.

21. *Пильняк Б.* Повесть непогашенной луны // Новый мир. 1926. № 5.

22. Подписано соглашение о добыче ресурсов на Луне: Россия и Китай отказались присоединиться к «Соглашению Артемиды» // Независимая газета. 25 декабря 2020.

23. Просвещение без лицензии будет запрещено // Эксперт. 22-28 февраля 2021.

24. *Рязанцев О.* Космос. Итоги минувшего года // Авиация и космонавтика. Вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2.

25. *Симонов А.* Дорогая Психея: Астероид оценили в квадриллионы долларов // Российская газета. 2 декабря 2020.

---

26. Соловьев В. Надо ли ждать, пока МКС рассыпится на части? // АИФ. 2020. № 49.

27. Хардести В., Айсман Дж. История космического соперничества СССР и США / пер. с англ. СПб.: Питер, 2009.

28. Цзячу Лян. Освоение космического пространства как фактор внешней политики Китая // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. Вып. 4 (56).

29. Черняк И. Будет нам наука: Президент РАН Александр Сергеев – о насущных проблемах и надеждах российских ученых // АИФ. 2020. № 51.

30. Юдин Ю.Б. Погасло дневное светило: Солнце и Луна в Советском Союзе // Независимая газета. 4 марта 2021.

31. Юй Цзяньбинь. Движение вверх: Космический аппарат «Тяньвэнь-1» свидетельствует о достижениях Китая в инновационных технологиях // Российская газета. 5 марта 2021.

32. Ячменникова Н. Взрыв после аплодисментов // Российская газета. 5 марта 2021.

33. Ячменникова Н. Когда все дома: Двадцать лет на МКС впервые поселились люди // Российская газета. 2 ноября 2020.

34. Ячменникова Н. Лунная колея: «Роскосмос» опубликовал рассекреченные документы к юбилею первой мягкой посадки на Луну // Российская газета. 5 февраля 2021.

35. Ячменникова Н. Лунным экспресом: На Землю летят два килограмма кусочков Луны // Российская газета. 16 декабря 2020.

A.D. NAZAROV

*Professor, Doctor of Historical Sciences,
Deputy Head of the Department for scientific work,
Moscow Aviation Institute,
Moscow, Russia*

ACHIEVEMENTS, CHALLENGES AND PROSPECTS OF THE CURRENT STAGE OF SPACE EXPLORATION

The article contains an analysis of a new stage in the “space race” that is gaining momentum and becoming a global trend of modern world development. More than 120 countries of the world are involved in this process to some extent, in which eight to ten of the most developed countries are leading by a large margin. Like any new phenomenon in the exploration of outer space, generated by scientific and technological development, it carries new opportunities and features (in particular, the emerging dominance of private business in the interplanetary sphere, increased interest in the industrial development of asteroid and

---

near-Earth space resources, an intense struggle for primacy in the development and settlement of the Moon or Mars, legal regulation of increasingly complex international relations, etc.), as well as unforeseen consequences, which still receive unjustifiably little attention. It should be noted that the importance of information and propaganda support for space activities among different segments of the population is underestimated and such work among schoolchildren and students is developing too slowly.

Key words: *space, new lunar race, lunar project, information support for space exploration, ISS, Roscosmos Corporation, NASA.*

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и теории политики
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

аспирант кафедры социологии и психологии
в политике факультета политологии Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В БЕЛАРУСИ КАК ПРОСТРАНСТВО «МЕМОРИАЛЬНЫХ ВОЙН» (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОНЛАЙН-ДИСКУССИИ)¹

В статье рассматривается память о Великой Отечественной войне в Беларуси в контексте «мемориальных войн». Показано, что специфика белорусских мемориальных войн связана с двойственным и незавершенным характером белорусской идентичности. Демонстрируется столкновение двух основных исторических дискурсов: западного и неосоветского. Исследование выполнено на примере анализа онлайн-комментариев к документальным фильмам оппозиционного канала «БелСат». Стереотипность суждений участников онлайн-дискуссии позволяет выделить несколько доминирующих в дискуссии нарративов о войне: роль партизанского движения, оценка пакта 1939 года, отношение к коллаборационизму. Ревизии подвергаются ключевые нарративы белорусской идентичности, в первую очередь героическая роль партизанского движения на территории БССР. В то же время белорусско-советская идентичность, в основе которой лежит официальный нарратив о войне, продолжает сохранять свое значение даже среди оппозиционеров.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мемориальные войны, память о войне, Беларусь, онлайн-комментарии, исторические дискурсы.

Белорусская идентичность и мемориальные войны. Современная белорусская национальная идентичность определяется как незавершенная,

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ-ЭИСИ, проект № 20-011-31600.

находящаяся в процессе формирования. Конструирование нации по этнокультурной модели сильно запоздало, а влияние основных соседей – России, Польши, Литвы, обогнавших Беларусь в процессе нациестроительства, определило пограничный и амбивалентный характер белорусской нации. В условиях практически полного доминирования русского языка, вопросы национальной самоидентификации смещаются в область исторической памяти и актуальной политики.

В.Г. Шадурский выделяет четыре типа связи национальной идентичности с языком, историей и политикой. Западнорусистов (сторонников наиболее полной интеграции с Россией), советских белорусов (сторонников культурного и экономического единства с Россией при сохранении суверенитета), евробелорусов (сторонников интеграции с ЕС) и белорусов (интеграция в ЕС при сохранении хороших отношений с Россией) [11. С. 16]. Г.В. Иоффе фиксирует два основных исторических дискурса, определяющих конструкции национальной памяти. Русоцентричный (неосоветский) дискурс, в котором белорусская история рассматривается как часть русской и советской, и западнический дискурс, ориентированный на Великое княжество литовское и антисоветские альтернативы (БНР и белорусских коллаборационистов в годы войны) [6. С. 438-482]. Первые два типа идентичности, выделяемые Шадурским, очевидно, соотносятся с русоцентричным дискурсом, а вторые с западническим.

Постсоветский период истории Беларуси характеризуется метаниями властей республики, под влиянием геополитической конъюнктуры, между разными типами идентичности и соответствующими им моделями политики памяти. Это привело к последовательной смене трех этапов политики памяти [3]. После обретения независимости, в 1991-1995 годах доминирует евробелорусская модель. В 1996 году на волне пассивного сопротивления основной части населения языковой и исторической белорусизации к власти приходит А.Г. Лукашенко и радикально разворачивает курс политики памяти к укреплению советской белорусской идентичности. Нежелание Лукашенко идти на политическую интеграцию с Россией, приводят после 2003 года к новой политике одновременного обособления от России и сохранения советской идентичности. «Многовекторность» во внешней политике Беларуси дополняется «национализацией» советского периода. Наряду с этим происходит частичное включение западнического исторического дискурса в официальную политику памяти, что соответствует политике «мягкой белорусизации». С 2014 года под влиянием украинского кризиса эта политика резко интенсифицируется.

Важным фактором в повороте к белорусско-советской идентичности в эпоху Лукашенко стали исторические обстоятельства, возникновение БССР в рамках советского проекта, и та роль, которую сыграла Великая Отечественная война в становлении национального самосознания белорусов. Как

показывают результаты массового опроса, проведенного в 2016 году, война остается самым значимым событием национальной истории для большинства белорусов, этой точки зрения придерживается около 70% [7. С. 21-32].

«Национализация» памяти о Великой Отечественной войне основывается на широком распространении нарративов, подчеркивающих особую роль Беларуси в войне, таких как сопротивление Брестской крепости, самые большие в процентном отношении потери мирного населения, партизанское движение. Центральную роль в укреплении белорусско-советской идентичности играет миф о «Республике-партизанке», в основе которого лежит память об обретении политической субъектности в ходе массового сопротивления внешнему экзистенциальному врагу [6. С. 463].

Массовое закрепление этого основополагающего мифа связано с таким важным элементом политики памяти как учебники, в которых доминирует характеристика партизанского движения как «всенародной» борьбы пользующейся массовой поддержкой населения, в то время как роль органов НКВД и усилий центрального правительства уводится на второй план. Как подчеркивается в исследовании О.В. Перовской: «Подробное описание успехов партизанского движения, а также утверждение, что партизаны контролировали 60% территории Белоруссии, формирует у школьников несколько гипертрофированные представления о вкладе белорусского народа в Победу» [8. С. 70]. В русле этой тенденции лежит и повышение оценок жертв войны с четверти населения (по советским оценкам) до трети населения БССР.

Важным фактором трансформации идентичности в современной Беларуси выступают мемориальные войны, ставшие результатом распада общей системы исторических образов и нарративов на постимперском пространстве. В связи с двойственным и незавершенным характером белорусской идентичности, специфика белорусских мемориальных войн определяется борьбой за гегемонию между неосоветским (русоцентричным) историческим дискурсом и западничеством (евробелорусским). Несмотря на фиксируемое социологическими опросами доминирование неосоветского дискурса, историческая память современных белорусов неоднородна. Это связано как с поколенческим переходом, так и с попыткой частичной интеграции в официальный исторический дискурс нарративов, традиционных для евробелорусской версии истории, в первую очередь литвинизма. В тоже время память о Великой Отечественной войне остается в целом в рамках неосоветского дискурса, что проявляется в негативной оценке коллаборационизма.

Наращение мемориальных войн определяется и переносом значительной части публичной полемики в интернет-пространство, как центр оппозиционной политической активности и распространения альтернативных исторических нарративов. Интернет как медиатор памяти характеризуется рядом особенностей, в том числе возникновением виртуальных полемических сообществ, являющихся пространством столкновения конкурирую-

щих исторических дискурсов и тесной связью исторических представлений с актуальной политикой [1. С. 19-28]. Белорусская блогосфера уже на этапе своего возникновения стала пространством ретрансляции альтернативных исторических нарративов и фактором воздействия на историческую память [10]. Вместе с вовлечением значительной части белорусского общества в интернет-коммуникацию повышается и степень влияния виртуального пространства мемориальных войн на историческую память.

Дизайн исследования. В качестве площадки для анализа онлайн-дискуссии о Великой Отечественной войне был выбран видеохостинг «YouTube». На сегодняшний день это вторая по популярности социальная сеть в мире, которая охватывает 80 языков, что позволяет понимать ее 95% населения планеты [9]. «YouTube» формирует медиасреду и оказывает влияние на политические предпочтения граждан, в силу этого является объектом пристального внимания журналистов и политических активистов. Для анализа мемориальных войн было выбрано несколько документальных фильмов о Беларуси в период немецкой оккупации, снятых оппозиционным белорусским каналом «БелСат» [2].

«БелСат» – это польский спутниковый телеканал, вещающий на белорусском языке. Его трансляцию Польша запустила в рамках государственной стратегии «мягкого воздействия» на страны «Восточного партнерства» (Украина, Беларусь), основанной на «политике исторического влияния» [12]. В целом идейная концепция канала «БелСат» напоминает работу западных радиостанций времен «холодной войны», действовавших в целях свержения существующего политического и социального строя.

В течение всего периода работы канал подвергался критике со стороны официального Минска, доступ к нему с территории Беларуси был закрыт в августе 2020 года. Канал имеет большой вес и в интернет-пространстве – 413 тыс. подписчиков и 231 млн. просмотров.

Для анализа были выделены комментарии под семью документальными фильмами производства «БелСат» с наибольшим количеством просмотров, которые содержат критику официальной версии войны (см. табл. 1).

Всего проанализировано в общей сложности 1498 комментариев. Изучение исторических нарративов в онлайн-комментариях опиралось на модель, разработанную и апробированную на материалах дискуссии о Гражданской войне в России [4; 5. С. 29-43]. Тематическое кодирование осуществлялось с помощью программы MaxQDA v.10. Было выделено 493 кода, включающие отдельные комментарии, и содержащие высказывания об истории и актуальной политике в контексте истории Великой Отечественной войны. Поскольку «БелСат» выступает ретранслятором антисоветской версии белорусской истории, комментирование отражает столкновение представителей двух лагерей, носителей западнического и неосоветского дискурсов. Были выделены симметричные нарративы о Великой Отечественной войне, соот-

**Видео Youtube-канала «БЕЛСАТ ГІСТОРЫЯ»,
посвященные Великой Отечественной войне**

Видео	Комментарии	Просмотры
«Хатынь спаліў... былы савецкі афіцэр Хатынь сжег бывший советский офицер». https://www.youtube.com/watch?v=Qf0m1uurfc4	313	52 001
«Як Сталін дапамог Гітлеру пачаць вайну Как Сталин помог Гитлеру начать войну». https://www.youtube.com/watch?v=q8rzcC9Ll4&feature=youtu.be&ab_channel=%D0%91%D0%95%D0%9B%D0%A1%D0%90%D0%A2%D0%93%D0%86%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%AB%D0%AF	670	26 909
«Беларусь пад нямецкай акупацыяй, дак. фільм, ч. 1 Беларусь под немецкой оккупацией». https://www.youtube.com/watch?v=9L7TyckfU_0&feature=youtu.be&ab_channel=%D0%91%D0%95%D0%9B%D0%A1%D0%90%D0%A2NEWS	176	27 444
«Беларусь пад нямецкай акупацыяй, дак. фільм, ч. 2 Беларусь под немецкой оккупацией». https://lenta.ru/articles/2018/01/11/white_power/	26	8 417
«Беларусь пад нямецкай акупацыяй, дак. фільм, ч. 3 Беларусь под немецкой оккупацией». https://www.youtube.com/watch?v=66J9Y5pBuTM&feature=youtu.be	49	7 194
«Як савецкія партызаны забівалі «здраднікаў» Партизанское движение в ВОВ». https://www.youtube.com/watch?v=xub_-bOmN-0&t=669s	148	14 098
«Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Часткі 1-3». https://www.youtube.com/watch?v=HessQZ7D8Gk&t=26s	116	37 043

ветствующие данным дискурсам: отношение к партизанскому движению, отношение к коллаборационизму, исторический контекст, задаваемый чрез оценку советской истории и периода Российской империи. Каждому из нарративов соответствует набор тем, вокруг которых строится дискуссия. Дополнительно анализировалась связь нарратива с современным контекстом.

Сравнительный анализ нарративов о Великой Отечественной войне в онлайн-дискуссии. Западнический исторический дискурс в дискуссии соответствует евробелорусской и белорусской идентичностям. Около половины комментариев, относимых к данному дискурсу, написаны на белорусском языке. Базовая тема дискуссии – конструирование антипартизанского нарратива, направленного на разрушение официального мифа основания современной Беларуси о партизанах как народных мстителях и защитниках. Комментаторы стремятся подкрепить содержащиеся в фильмах «БелСат» утверждения ссылками на семейную память: *«Мне, когда бабушки рассказывали про войну, то для меня, советского пионера, было шоком от того, с какой ненавистью они отзывались о партизанах. По их рассказам немцы были хорошие, пусть и враги... В школе я читал про партизан-героев, а народ их ненавидил».* Партизанский миф симметрично заменяется «антимифом», на первое место выводятся эксцессы, скупно упоминаемые в официальной учебной литературе, утверждается, что партизаны массово грабили местное население. Важную роль играет противопоставление партизан народу, это были не местные, а сотрудники НКВД, присланные из Москвы. Опровергается эффективность партизан: *«Мой сотрудник собирал мемуары партизанских командиров и читал сколько уничтожили немцев, оказалось фронта не было, партизаны всех перебили, армии не с кем воевать было».*

С антипартизанским нарративом связана тема нормализации коллаборационизма, как пассивного, так и активного. Самый повторяющийся у комментаторов сюжет, то, что партизаны своими действиями навлекли на местное население немецкие репрессии, как резюмирует один из комментаторов *«Не трогали немцев, немцы не трогали местное население!».* В этом вопросе видна специфическая «ущербность» национализма в евробелорусской версии. В отсутствие фактов массового сопротивления советской власти со стороны белорусов, он вынужденно выстраивается вокруг темы хороших хозяев-немцев и вредности сопротивления оккупационной администрации. Впрочем, по утверждению ряда комментаторов, «плохими» оккупантами были венгры.

Наиболее развернутым вариантом деконструкции партизанского нарратива следует признать интерпретацию событий периода немецкой оккупации, как Гражданской войны: *«не было в Беларуси никакого партизанского движения... были разведывательно-диверсионные отряды НКВД, которые грабили местное население, были отряды дезертиров-полицаяв которые прятались в лесах от немцев и которые также грабили местное население и были отряды местной самообороны которые отстреливали в лесах и диверсантов и полицаяв и еще были отряды белорусских националистов стрелявших и немцев и полицаяв и диверсантов..всех стреляли как бешеных собак!...здесь уместнее говорить о гражданской войне на территории Республики Беларусь в годы войны».*

Не все комментаторы готовы открыто признавать коллаборационизм как позитивную альтернативу партизанскому движению. Важную роль играет защитная реакция с антирусско-антисоветским вектором. Коллаборационисты был у всех народов, у русских гораздо больше, чем у других: *«Всего на стороне Германии прислуживало 70 000 белорусов, 250 000 украинцев, 400 000 русских»*. Часто упоминается бригада СС «Дружина» В. Родионова, и то, что Хатынь уничтожили *«картели 118-го полицейского батальона, сформированного из офицеров и рядовых Красной Армии»*.

Важным историческим контекстом дискуссии выступает отношение представителей противоположных лагерей к советскому периоду. В целом для западнического дискурса характерно выстраивание нарратива о причинах войны и ее последствиях по классической схеме двух тоталитарных режимов: *«370 тысяч белоруссов пошли в партизаны. А около 400 тысяч белоруссов советская власть репрессировала. Вот так два друга – Сталин и Гитлер уничтожали этих белоруссов. Парадокс? Скорее закономерность»*. Важными опорными точками этого нарратива выступают пакт Молотова-Риббентропа, «дружба» СССР и Рейха, а также советская репрессивная политика. *«Как в СССР делали оружие для Германии и потом спонсировали сырьем, по сути, пули из которых убивали белорусов и украинцев были сделаны в Москве»*. Одно из популярных доказательств советско-германского военного союза – совместный «парад в Бресте»: *«зачем этот обман и подмена истории, почему оккупанты русские называют оккупантами немцев, одни оккупанты других, нужно вспомнить парад советских и фашистских войск в Бресте и расстрелы мирных жителей в Гродно на Собачьей горке»*.

В то же время можно утверждать, что антироссийский нарратив является не менее важным идентификатором западнического дискурса, чем антисоветизм. Как только дискуссия уходит в более широкий исторический контекст, появляются характерные обороты «литвинизма» – *«Московия, ордынцы, «наши литовские гетманы», «белорусов называли литвинами»*. Ведь как известно: *«политику Москвы в отношении Белоруссии сформулировала еще Екатерина 2: «мы должны вытравить из местного народа саму память о их собственном языке и истории, эту задачу мы возложим на русского наставника, чиновника и попа»*.

Неосоветский дискурс в онлайн-дискуссии, соответствует советско-белорусской идентичности (и в меньшей степени западнорусистам). Для носителей этого дискурса характерен просоветский белорусский патриотизм, оценка фильмов как пропаганды фашизма и позитивное отношение к партизанскому движению.

В ядре таких взглядов лежит официальный нарратив о происхождении современной Беларуси от БССР. Как резюмирует один из авторов: *«Вы свяdomые скажите спасибо Ленину, что создал нашу республику, которую*

наши союзники (по речи посполитой) Поляки, даже не думали создавать, а ополячивали изо всех сил, чтоб от нас и следа не осталось». Что характерно данный нарратив в дискуссии тесно связан с антипольскими настроениями: «Польша гиена восточной Европы!!! СССР объединил Беларусь, половину которой оккупировала Польша!!!».

Второй «опорный» нарратив, также соответствующий легальной памяти, это потери населения БССР в годы войны (в двух вариантах, «четверть» и «треть» населения). «Я конечно не знаю случая в истории где за три года оккупации вырезана четверть населения, а потомки назвали бы это порядком!!!!». «Беларусь до сих пор не возродилась, больше всего пострадала в ту войну, больше других стран. Так еще и очернить ее надо?».

Защита партизанского нарратива носителями неосоветского дискурса, связана с риторическим оппонированием основным «антимифам». К ним можно отнести отрицание обвинений против партизан со ссылкой на семейную память. Объяснение эксцессов немецкими провокациями: «немецкой контрразведкой создавались ложные партизанские отряды с уголовников и отребья». Одна из типично сетевых риторических стратегий это ироническая инверсия: «Белорусские партизаны – это обычные мужики, которые от гостеприимных немцев ушли в леса. Они, конечно, должны были их встретить цветами и радостно петь песни. А в лесу кушать охота .... результаты деяний добрых, отзывчивых, интеллигентных немцев далее по ссылке».

Оценка коллаборационизма в несоветском дискурсе резко отрицательная. Коллаборационисты рассматриваются как исполнители немецкой репрессивной политики на оккупированных территориях, при этом их национальность не важна: «Нет прощенья тем, кто отдавал приказы и исполнял это злодеяние, независимо от национальности и принадлежности предателей. Хватало там и русских и украинцев и белорусов и литовцев и латышей, но из за кого весь этот ужас произошел тоже не надо забывать». Присутствуют отсылки к советской идентичности: «Помним Хатынь, помним, что в Великой Отечественной Войне победил Советский Народ, а не какая то отдельная нация». Дополнительными маркерами неосоветского дискурса выступает упоминание в позитивном ключе Победы и негативное восприятие БЧБ-флага.

У носителей советско-белорусской идентичности своя коммуникативная память, связанная с рассказами о жестокости немцев. «Мы росли, когда были живы наши бабушки и дедушки, родители мои 1928 г., были угнаны в качестве рабов в Германию. Моей тете, молодой девушке, немцы прострелили ногу, когда она пряталась в болоте с другими односельчанами».

Исторический контекст в неосоветском дискурсе, судя по анализу дискуссии, задается позитивным отношением к пакту Молотова-Риббентропа, одним из последствий которого стало оформление белорусской государ-

ственности в современных границах. К наиболее упоминаемым аргументам следует отнести «Мюнхенский сговор» (отдельно артикулируется участие Польши в дележе Чехословакии) и заключение пактов с Германией ведущими европейскими державами. Как резюмирует один из участников дискуссии: *«Англия и Франция вели игру чтобы не допустить войны с Германией, а СССР делая тоже самое виновата в развязывании войны... идиотская логика господ»*. Можно констатировать, что проблема оценки пакта Молотова-Риббентропа относится к числу самых важных тем мемориальной войны вокруг интерпретаций советского периода истории. Сторонники не-советского дискурса так же оппонировали «литвинизму», когда он проявляется в дискуссии о войне. В том числе через оспаривание тезиса о тождестве белорусов и литвинов и благотворности польско-литовского периода для белорусской культуры.

Среди комментаторов необходимо отдельно выделить группу, критически относящуюся к советской версии войны, но при этом не приемлющую восхваления коллаборационизма и немецкой оккупации. Как отмечает один из участников дискуссии: *«Я понимаю, что от приторной советской версии истории Беларуси под немецкой оккупацией уже подташнивает, но этот фильм – это же без пяти минут нацистская пропаганда. Я понимаю, что цель фильма – оправдать во всем позицию коллаборационизма, но при этом приходится не только абсолютно демонизировать все партизанское движение и бел поляков заодно, но и петь оды Кубе и прочим нацистам»*. Эту позицию можно условно отождествить с белорусской идентичностью по Шадурскому, как неким центром между евробелорусами и советскими белорусами. Подобная позиция может быть интерпретирована как результат постепенного смещения советско-белорусской идентичности под влиянием «мягкой белорусизации», на что указывает нарратив особой роли Беларуси и ее трагической судьбы как пограничья великих держав.

Наконец, стоит прояснить вопрос о связи исторических нарративов в дискуссии с актуальной повесткой. С учетом статуса и аудитории канала «БелСат», большая часть комментаторов может быть отнесена к критикам действующей в Беларуси власти. В комментариях видны следы политической полемики характерной для публичной сферы современной Беларуси, использование мема «Жыве Беларусь», ссылки на подрывную роль США, хорошего Сталина, плохого Путина и войну на Донбассе. Память, как показывает анализ аналогичных сетевых дискуссий на российском материале, зачастую выступает средой и набором символов и метафор для актуальной политики [5]. Как пишет один из участников, подразумевая антиправительственные протесты 2020 года *«а сейчас белорусские партизаны сражаются с продажной армией у себя дома»*. Не менее важен и другой аспект, фильмы «БелСат», фактически навязывающие образ «другой войны», с реабилитацией коллаборационизма и дегероизацией партизан, вызывают размежева-

ние в лагере противников Лукашенко. Часть комментаторов задается вопросом «это точно белорусский канал вещает? Больше похоже на пропаганду Лукашенко о протестах и их участниках».

Важной чертой политики памяти в Беларуси стала доминирующая роль событий XX века, как определивших возможность существования независимого белорусского государства и в первую очередь основополагающая роль памяти о Великой Отечественной войне. В ходе мемориальных войн ревизии подвергаются ключевые мифы белорусской идентичности о героической роли партизанского движения на территории БССР и исключительном характере потерь среди белорусов. Анализ дискуссии показывает, что западнический дискурс в отношении Великой Отечественной войны неоднороден. Наряду с прославлением коллаборационизма, заметен и более умеренный подход, критически воспринимающий как нарратив «Республики-партизанки», так и сотрудничество с немцами. Общим знаменателем в западническом дискурсе выступают антисоветизм и «антимосковитство». В то же время официальный нарратив о Великой Отечественной войне продолжает выступать важным элементом политической идентификации белорусов, характерным для части оппозиционеров действующему режиму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аникин Д.А., Бубнов А.Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Том 10. № 1 (53).
2. «Белсат гісторыя» // [видеозаписи]/видеохостинг YouTube // https://www.youtube.com/channel/UCDxJuZDTYjq1_0YKC6Xh_jw.
3. Бикетова Е.А. Политика памяти в Беларуси: особенности национального дискурса // Дневник алтайской школы политических исследований. 2020. № 36.
4. Бубнов А.Ю. Память о Гражданской войне в России как часть публичной полемики в цифровом пространстве // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 9 (95) // <https://history.jes.su/s207987840011428-9-1/>.
5. Бубнов А.Ю. Гражданская война памяти: конструирование нарративов о гражданской войне в России в онлайн-дискуссии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6.
6. Иоффе Г.В. О национальной памяти белорусов // Политика памяти в России и в странах Восточной Европ. Актеры, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера и Д.Е. Ефременко. СПб., 2020.
7. Денисова Н.Ф. Историческая память белорусов: социологический анализ / Н.Ф. Денисова, Н.М. Бровчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2018. Т. 63. № 1.
8. Петровская О.В. Белоруссия. Республика-партизанка // «Расскажу вам о войне...». Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учеб-

---

никах и сознании школьников славянских стран / кол. авт.: Т.С. Гузенкова, Д.А. Александров, А.Б. Едемский и др. М.: РИСИ, 2012.

9. Статистика YouTube 2019. Инфографика // «Ex Libris» – агентство медийных исследований. 3 июля 2019 // <https://exlibris.ru/news/statistika-youtube-2019-infografika/>.

10. Чернявская Ю.В. «Заклятые друзья»: к проблеме репрезентации отношений белорусов и россиян в белорусской блогосфере // Неприкосновенный запас. 2010. № 3 // http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6964-zaklyatyedruzya-k-probleme-reprezentacii-otnoshenij-belorusov-i-rossiyan-v-belorusskoj-blogosfere.html.

11. Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого // Труды факультета международных отношений БГУ: научный сборник. Минск, 2014. Вып. V.

12. *Ociepka B.* Polish Public Diplomacy // E-international relations. 8 oct. 2012 // <http://www.e-ir.info/2012/10/08/polish-public-diplomacy>.

A.YU. BUBNOV

*Candidate of philosophical sciences, docent,
associate Professor of the Department of history and
theory of politics, Moscow State University,
Moscow, Russia*

M.A. SAVELYEVA

*PhD student of the Department of Sociology and
Psychology of Politics, Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN BELARUS AS A SPACE OF “MEMORIAL WARS” (ON THE EXAMPLE OF ONLINE DISCUSSION ANALYSIS)

The article examines the memory of the Great Patriotic War in Belarus in the context of the “memorial wars”. It is shown that the specificity of the Belarusian memorial wars is associated with the dual and incomplete nature of the Belarusian identity. The clash of two main historical discourses is demonstrated: Westernism and Neo-Sovietism. The research was carried out on the example of the analysis of online comments to documentaries of the opposition channel “BelSat”. The stereotypical judgments of participants in online discussions allow us to identify several dominant narratives about war in the discussion: the role of the guerrilla movement, assessment of the 1939 pact, and attitudes towards collaborationism. The key narratives of the Belarusian identity are being revised,

---

primarily the heroic role of the partisan movement on the territory of the BSSR. At the same time, the Belarusian-Soviet identity, based on the official narrative of the war, continues to be significant even among the opposition.

Key words: *World War II, memory wars, memory of the war, Belarus, online commentaries, historical discourses.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.009

УДК 338.23+33.02

М.В. ДОБРЫНИНА

*кандидат политических наук,
доцент кафедры экономики, менеджмента
и финансов Национального исследовательского
университета «Московский институт электронной
техники», Россия, г. Москва*

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Инженерное образование и инженерные вузы рассмотрены как компонент системы обеспечения национальной безопасности России. Проанализированы основные тенденции развития инженерного образования по мобилизационному сценарию. Оценена степень эффективности реализации мобилизационного сценария для системы инженерного образования.

Ключевые слова: инженерное образование, национальная безопасность, мобилизация, реформа, политика в области образования.

Инженерное образование как компонент системы обеспечения национальной безопасности РФ. Инженерное образование и инженерные вузы РФ являются неотъемлемым компонентом обеспечения национальной безопасности РФ, причем во всех ее сферах, в первую очередь, в сфере национальной экономики и научно-технологического развития. Теоретики безопасности склонны выделять научно-технологическую безопасность в качестве отдельной сферы национальной безопасности [18. Р. 283-293; 20. Р. 111-118; 21. Р. 129-145; 1. С. 134-140; 2. С. 272; 4. С. 320; 5. С. 235; 10. С. 177; 16. С. 70-81]. Но на наш взгляд, технологическую, экономическую и военную безопасность страны следует рассматривать в комплексе, поскольку при анализе понятия «силы государства», то есть способности государства вносить свой вклад и оказывать давление на международную экономику и международную политику, наряду с такими факторами силы, как экономическая и военная мощь, выделяются параметры научно-технологического развития, энергетики, информационных технологий. В национальных стратегиях безопасности различных стран вопросы научно-технологического развития, наряду с вопросами энергетики, демографии, экономического роста, выделены в отдельные статьи.

В настоящей части исследования мы акцентируем наше внимание на том, по каким основным направлениям система инженерного образования являет-

ся инструментом обеспечения собственно научно-технологической и военной безопасности РФ [3. С. 36-53; 13. С. 251-279; 23. Р. 171-192; 26. Р. 555-563].

Мобилизационный сценарий развития. Для продолжения наших рассуждений мы должны ввести понятие, образующее значительный компонент методологии дальнейшего анализа развития системы инженерного образования в системе обеспечения национальной безопасности, а именно понятие «мобилизационный сценарий социального и экономического развития». Понятие «мобилизация» имеет три основные трактовки. Первая трактовка связывает понятие «мобилизация» исключительно с понятием выживания. Мобилизация в рамках такой трактовки понимается как временная, вынужденная, создающая угрозу гражданским правам и свободам система мер, инициируемая государством и нацеленная на обеспечение максимальной политической и экономической эффективности участия государства в войне [23. Р. 171-192; 26. Р. 555-563]. Вторая трактовка рассматривает мобилизацию как временный комплекс мер, нацеленный на обеспечение экономического прорыва стран третьего мира [18. Р. 283-293; 19. Р. 522-534; 24. Р. 175-194; 27. Р. 66-89].

Третья трактовка, распространенная в рамках российской политической истории, – и в контексте нашего исследования применима именно она – заключается в том, что мобилизация предстает как особый сценарий и доктрина осуществления форсированной модернизации экономики в режиме «сверху», который актуализируется государством в ситуации социально-экономического кризиса [20. Р. 111-118; 21. Р. 129-145; 22. Р. 171-191; 25. Р. 350-377; 8. С. 511; 11. С. 124; 17. С. 46-57].

Именно такой сценарий модернизации осуществляется в России с 2014 года: апологеты мобилизационных сценариев исходят из наличия большого количества внешних угроз, особой роли государства в их преодолении и создании системы защиты от эскалации угроз, в связи с чем настаивают на необходимости этатизации и патернализации определенных сфер общественного развития. Ряд факторов (их анализ не входит в задачи настоящей статьи) образуют для инженерного образования императив безальтернативного функционирования в условиях мобилизации – инициированного государством условно военного времени. Это замечено многими исследователями: «Сегодняшняя неблагоприятная внутренняя ситуация и враждебная внешняя конъюнктура для российской экономики означают наступление для страны в целом и науки в частности периода «военного времени», невзирая на слабую готовность к мобилизации. Это неизбежно переводит сектор исследований и разработок в мобилизационный режим функционирования. И в этом наука не одинока: для потребителей ее результатов импортозамещение является таким же суровым моментом истины и тестом на профпригодность» [6. С. 7-26].

Мы полагаем, что особенно интенсивно процесс мобилизации осуществляется в политическом пространстве с 2014 года, однако точкой пуска мо-

билизационных процессов можно считать так называемые «майские» указы В.В. Путина, изданные в 2012 году. Указы конституировали новые целевые показатели для российской науки, причем, с учетом авторитарно-патерналистского типа управления наукой и образованием, именно эти показатели, ввиду новизны и сложной достижимости (в особенности они касались количественных показателей научных результатов для сектора исследований и разработок), обладали колоссальным мобилизационным потенциалом. В 2012 году государство стало вырабатывать новый язык управления гражданским сектором науки: язык плановых показателей и дорожных карт, с позиций требований достижения конкретных материально измеряемых индикаторов, «получения конкретных технологий и продуктов, которые передвигаются по земле, летают, плавают, вычисляют, производят» [6. С. 14]. Автор не считает этот язык наиболее эффективным способом коммуникации академического и административного сектора, однако констатируем: именно в этот период процесс патернализации науки и образования и вытеснения академического сообщества из процесса формирования социального заказа и принятия решений по содержанию изменений в образовании фактически и окончательно завершился.

Направления развития инженерного образования по мобилизационному сценарию. Следует отметить, что в настоящей статье мы ведем речь преимущественно о гражданской науке и гражданских инженерных вузах. Во-первых, в силу того обстоятельства, что существует достаточно много научных работ отечественных ученых, посвященных современному этапу развития военного образования в России. Во-вторых, потому, что военная наука и военное образование «перманентно находятся в состоянии мобилизации» [6. С. 9], а показателем эффективности ее функционирования можно считать то обстоятельство, что Россия уже много лет не уступает традиционному для себя второго места в качестве экспортера вооружения. Соответственно, предметом нашего интереса является проникновение тенденций милитаризации и мобилизации в гражданский сектор инженерного образования и инженерной науки, то есть то, каким образом система инженерного образования является субъектом и инструментом процесса мобилизации ради модернизации.

На наш взгляд, мобилизация ради модернизации (то есть интенсификация развития систем для ускоренного решения поставленных государством научных, технологических и оборонных задач) осуществляется по следующим основным направлениям.

1. Мобилизация и милитаризация гражданской науки, участие в реализации гражданских и военных НИОКР. Данное направление мобилизации связано с тем, что в соответствии с милитаризацией политики, цели развития гражданского сектора науки и образования в значительной степени военизируются, гражданская наука и образования становятся подсектором

ОПК. В этом направлении укрепляются и интенсифицируются связи инженерной науки и инженерного образования с НИУ и производственным сектором оборонно-промышленного комплекса: итоги конкурсов, проведенных согласно Постановлению Правительства РФ от 9 апреля 2010 года № 218 «Об утверждении Правил предоставления субсидий на развитие кооперации российских образовательных организаций высшего образования, государственных научных учреждений и организаций реального сектора экономики в целях реализации комплексных проектов по созданию высокотехнологичных производств в рамках подпрограммы «Инфраструктура научной, научно-технической и инновационной деятельности» государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» показывают, что более 50% поддержанных проектов осуществляется партнерством НИУ – предприятие ОПК [12].

Наш анализ показывает, что при стабильном росте затрат консолидированного бюджета на статью «Национальная оборона», затраты на военные НИОКР (прикладные научные исследования в области национальной обороны) стабильно растут. В первую очередь, рост наблюдается в рамках финансирования новой государственной программы вооружений до 2025 года (ГВП-2025). В рамках новой госпрограммы вооружений до 2025 г. (ГПВ-2025) предполагается затратить 17 трлн. руб. В настоящее время обеспечение обороноспособности связывается руководителями страны с необходимостью проведения исследований как в фундаментальных, так и в прикладных отраслях. В настоящее время одним из исполнителей научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ являются научно-исследовательские комплексы инженерных вузов России.

Таким образом, мы видим тенденцию к «перекладыванию» бремени научных и конструкторских работ на образовательные организации в РФ. Причем в настоящее время можно говорить о том, что благодаря мобилизации партнерству с российской гражданской наукой оборонно-промышленный комплекс РФ модернизируется и постепенно превращается в один из ведущих секторов российской экономики, обеспечивающим рост производства и экспорта. Вложения в исследования и разработки имеют высокий мультипликативный эффект. Так, «оснащенность Вооруженных Сил современным оружием возросла в 3,7 раза. На вооружение принято более 300 новых образцов военной техники. В состав стратегических ядерных сил поступило 80 новых межконтинентальных баллистических ракет, 102 баллистические ракеты подводных лодок, 3 ракетных подводных крейсера стратегического назначения «Борей». Перевооружены на новый ракетный комплекс «Ярс» 12 ракетных полков. Количество носителей высокоточного оружия большой дальности увеличилось более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет – более чем в 30 раз. Значительно возросла мощь сил общего назначения, Воздушно-космических сил и Военно-Морского Флота» [15].

Таблица 1

Число организаций, выполнявших НИОКР, по типам организаций в РФ

	2000	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2017	2018
Число организаций – всего	4099	3622	3666	3492	3566	3604	4032	3944	3950
в том числе:									
научно-исследовательские организации	2686	2049	1926	1840	1744	1689	1673	1577	1574
конструкторские организации	318	482	418	362	338	317	304	273	254
проектные и проектно-исследовательские организации	85	58	42	36	33	32	26	23	20
опытные заводы	33	49	58	47	60	53	62	63	49
образовательные организации высшего образования	390	417	503	517	560	702	979	970	917
организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения	284	255	239	238	274	275	363	380	419
прочие	303	312	480	452	557	536	625	658	717

Таблица 2

Прием в вузы РФ по направлению подготовки «Вооружение»

	2012	2014	2015	2016	2017	2018	
Вооружение		57,3	61,8	62,9	64	62,7	Ср. балл ЕГЭ бюджетный прием
	990	629	705	678	693	744	Зачислено на бюджетные места

2. Мобилизация гражданского образования. Подготовка гражданскими вузами кадров для ОПК России. Специфическими направлениями мобилизации системы инженерного образования является подготовка гражданскими вузами специалистов для работы в оборонном комплексе страны, а также подготовка офицеров в учебных военных центрах гражданских вузов РФ.

В качестве примера рассмотрим подготовку кадров по направлению «Вооружение» в гражданских вузах РФ. Направление подготовки включа-

ет следующие профили: вооружение; корабельное вооружение; боеприпасы и взрыватели; стрелково-пушечное, артиллерийское и ракетное оружие; проектирование, производство и испытание корабельного вооружения и информационно-управляющих систем.

Если мы проанализируем данные, приведенные в Таблице 2, мы обнаружим, что количество бюджетных мест, выделяемых государством, растет не существенно, бюджетный прием на это направление с 2012 года снизился. Конкурс (средний балл бюджетного приема) показывает, что нет оснований говорить о его поступательном росте.

Одним из механизмов подготовки офицеров силами гражданских вузов с 2008 года стали Учебные военные центры (УВЦ). К середине 2000-х в стране наметился резкий кадровый голод на офицеров в связи с тем, что часть военных училищ осталась за границей России, а часть была расформирована. Кроме того, Вооруженные силы испытывали потребность в высококвалифицированных, современно мыслящих и подготовленных офицерах. Постановлением от 6 марта 2008 г. № 152 «Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» на базе МГТУ им Н.Э.Баумана и других 36 вузов были организованы УВЦ [14]. Этим Постановлением были определены основные задачи УВЦ: реализация программы военной подготовки граждан, участие в проведении воспитательной работы среди граждан и работы по военно-профессиональной ориентации молодежи. Однако, на наш взгляд, совершенно справедливо, что главная же цель создания УВЦ может быть сформулирована просто и четко-повышение обороноспособности страны.

Среди образовательных учреждений, при которых созданы УВЦ, большая часть – инженерные вузы. Особо отметим, что освоение военного компонента (1500 часов) не должно наносить ущерба инженерной и естественнонаучной составляющей: курсанты УВЦ должны осваивать все дисциплины программы подготовки специалистов в полном объеме. Однако все проблемы, которые в настоящий момент сопровождают целевой прием граждан, сопровождают также подготовку специалистов в УВЦ.

Перспективы развития по мобилизационному сценарию. В предыдущих разделах статьи показано, что мы наблюдаем процесс, при котором «инновационный технологический трансферт все более осуществляется от гражданских отраслей к военным» [9. С. 5-29] (а именно этот процесс слияния военной и гражданской науки, военного и гражданского образования мы наблюдаем, причем главной тенденцией этого процесса, как отмечалось, является милитаризация гражданской науки и решение ей задач обеспечения военной безопасности РФ). Соответственно, на наш взгляд, бюджетные и иные ресурсы не должны продолжать концентрироваться в военном секторе, а могут и должны быть перераспределены в направлении

Таблица 3

**Доля внутренних затрат на исследования
и разработки в ВВП по Российской Федерации**

	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по РФ	1,25	1,13	1,01	1,03	1,03	1,07	1,10	1,10	1,11

Таблица 4

**Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета
на исследования и разработки в ВВП по Российской Федерации**

	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млн руб.	76909,0	237644,0	439392,8	402722,3	377882,2	363698,7	416295,4	450368,6	460687,6
Фундаментальные исследования	32025,1	82172,0	120203,8	105247,6	116977,6	148589,2	178927,0	199071,4	215863,7
Прикладные научные исследования	44883,9	155472,0	319188,9	297474,7	260904,6	215109,5	237368,4	251297,2	244823,9
В процентах:									
к валовому внутреннему продукту	0,36	0,51	0,53	0,47	0,41				
к расходам федерального бюджета	2,19	2,35	2,81	2,45	2,30	2,61	2,77	2,89	2,89

гражданской науки и гражданского образования. В этом случае в качестве индикаторов, рост которых мог бы указывать на перспективы дальнейшего роста эффективности применения мобилизационного потенциала инженерного образования в мирное время, могли бы выступать следующие:

- Доля внутренних расходов на НИОКР в валовом внутреннем продукте (ВВП) России;

Таблица 5

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками

	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками			Темп прироста (в %)	
	2010	2017	2018	2018 к 2010	2018 к 2017
Всего	736549	707887	682541	- 7,3	- 3,6
Исследователи	368915	359793	347847	- 5,7	- 3,3
Техники	59276	59690	57716	- 2,6	- 2,3
Вспомогательный персонал	183713	170347	160577	- 12,6	- 5,7
Прочий персонал	124636	118057	116401	- 6,6	- 1,4

Таблица 6

Работники, выполняющие исследования и разработки в РФ (по возрастным группам)

	Численность исследователей (человек)			Темп прироста (в %)	
	2010	2017	2018		
Всего	368915	359793	347847	- 5,7	- 3,3
До 29 лет	71194	66376	60634	- 14,8	- 8,7
30-39 лет	59910	91429	92106	+ 53,7	+ 0,7
40-49 лет	54113	51149	52800	- 2,4	+ 3,2
50-59 лет	88362	59893	54830	- 37,9	- 8,5
60-69 лет	60997	57414	54076	- 11,3	- 5,8
70 лет и старше	34339	33532	33401	- 2,7	- 0,4

- Доля ассигнований федерального бюджета на гражданскую науку в расходах федерального бюджета;
- Доля работников, выполняющих исследования и разработки, относительно численности населения России;
- Доля государственных расходов на образование в валовом внутреннем продукте (ВВП) России;
- Инвестиции в сектор знаний (в процентах от ВВП): высшее образование, НИОКР, разработка ПО;
- Подготовка инженерных кадров для ВПК РФ в гражданских вузах.

Проанализируем эти основные показатели. В Таблице 3 отражена доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП по Российской Федерации.

По показателю удельного веса затрат на науку в ВВП (1,1%) Россия существенно отстает от ведущих стран мира, находясь на 35-м месте (рис. 2). В пятерку лидеров входят Израиль (4,25%), Республика Корея (4,23%), Швейцария (3,42%), Япония (3,29%) и Швеция (3,28%). США и Китай, лидирующие по объему внутренних затрат на ИР, по их доле в ВВП занимают, соответственно, 11-е и 18-е места (2,79 и 2,07%) [7].

Благодаря данным, приведенным в Таблицах 5 и 6, мы можем проанализировать количество работников, выполняющих исследования и разработки, как в абсолютных цифрах, так и в относительных.

Из таблиц 5 и 6 видно, что по всем категориям персонала в России наблюдается сокращение численности людей, занятых научными исследованиями и конструкторскими разработками. Иными словами, внутренний ресурс российской науки и инженерного образования истощается и не пополняется. Вместе с тем, положительной тенденцией можно считать рост числа исследователей в возрасте до 35 лет. На наш взгляд, этому способствуют меры государственной поддержки молодых ученых.

Вместе с тем, приведенные в таблицах 2-6 позволяют нам заключить, что мобилизационный ресурс инженерного образования в короткие сроки будет снижаться. В настоящее время внешние по отношению к систем ресурсы не увеличиваются, а внутренние имеют тенденцию к исчерпанию.

Таким образом, подводя итог, мы можем заключить, что слабость мобилизационного сценария для развития инженерного образования заключается в том, что на уровне целеполагания государством фактически игнорируются институциональные факторы, в том числе, материальные и моральные, предлагают подход к формированию экономической политики, основанный на идеализации и обобщении опыта предвоенной мобилизации ресурсов тоталитарных обществ и попытках воспроизвести его без учета новых институциональных условий. В настоящее время мобилизация приносит определенный экономический эффект, но мы полагаем, что есть все основания прогнозировать постепенное угасание до полного исчерпания этого эффекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бородушко Е.С.* Дисбалансы в национальной экономике и экономическая безопасность Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 3 (47).
2. *Бункина М.К.* Национальная экономика: учеб. пособие. М.: Дело, 2007.

3. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017.

4. *Виноградов В.В.* Экономика России: учеб. пособие для вузов. М.: Юристъ, 2007.

5. *Глазьев С.Ю.* Экономическая теория технического развития / отв. ред. Д.С. Львов. М.: Новое издательство, 2008.

6. *Гусев А.Б.* Мобилизация российской науки: мягкий или жесткий сценарий? // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 3 (21).

7. Затраты на науку в России и ведущих странах мира. Материалы института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ // <https://issek.hse.ru/news/209009455.html>.

8. *Май В.А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861-1929). Изд. 3-е, перераб. М.: Дело, 2013.

9. *Медведев Д.А.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10.

10. *Мильнер Б.З.* Управление знаниями: Эволюция и революция в организации. М.: ИНФРА-М, 2008.

11. *Недосекин А.О.* Мобилизационная экономика по-русски / А.О. Недосекин, Е.И. Рейшахрит. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2015.

12. Официальный сайт Фонда перспективных исследований // <https://fpi.gov.ru/tenders/?stage=closed>.

13. *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет, 2015.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2008 г. № 152 г. Москва «Об обучении граждан Российской Федерации по программе военной подготовки в федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // <http://www.rg.ru/2008/03/15/voen-dok.html>.

15. *Путин В.В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>.

16. *Сенчагов В.А.* Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8.

17. *Ханин Г.И.* Экономический кризис 2010-х гг.: социально-политические истоки и последствия // Terra Economicus. 2015. Т. 13. № 2.

18. *Amir S.* Nationalist Rhetoric and Technological Development: The Indonesian Aircraft Industry in the New Order Regime // Technology in Society. 2007. Vol. 29.

19. *Bekoe W., Danquah M. and Senahey S.K.* Tax Reforms and Revenue Mobilization in Ghana // Journal of Economic Studies. 2016. Vol. 43. No. 4.

20. *Connolly R.* Security Above All // Russia in Global Affairs. 2016. No. 1.

21. *Cooper J.* The Military Dimension of a More Militant Russia // Russian Journal of Economics. 2016. Vol. 2. No. 2.

22. *Durand C.* Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in Russia // Journal of Innovation Economics & Management. 2008. Vol. 2. No. 2.

23. *Harrison M.* Resource Mobilization for World War II: the USA, UK, USSR, and Germany, 1938-1945 // The Economic History Review. 1988. Vol. 41. No. 2.

24. *Levinger M., Lytle P.F.* Myth and Mobilization: the Triadic Structure of Nationalist Rhetoric // Nations & Nationalism. 2001. Vol. 7. No. 2.

25. *Mau V.* Between Crises and Sanctions: Economic Policy of Russian Federation // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol. 32. No. 4.

26. *Watkins R.I.* Economic mobilization // The American Political Science Review. 1949. Vol. 43. No. 3.

27. *Wujung V.A., Aziseh F.I.* Assessing the Effect of Domestic Resource Mobilization on the Economic Growth of Cameroon // The IEB International Journal of Finance. 2016. Vol. 12.

M.V. DOBRYNINA

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of economics,
management and finance, Moscow Institute of Electronic
Technology, Moscow, Russia*

ENGINEERING EDUCATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY ISSUES IN THE RUSSIAN FEDERATION: DEVELOPMENT ACCORDING TO THE MOBILIZATION SCENARIO

Engineering education and engineering universities are considered as a component of the national security system of Russia. The main trends in the development of engineering education under the mobilization scenario are analyzed. The degree of effectiveness of the implementation of the mobilization scenario for the system of engineering education is estimated.

Key words: *engineering education, national security, mobilization, reform, education policy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.010

УДК 32.323

П.Я. ФЕЛЬДМАН

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,*

Россия, г. Москва

С.А. ФАРНИЕВ

*соискатель кафедры политической теории
Московского государственного института международных
отношений (Университета) МИД России,*

Россия, г. Москва

С.И. МИРОНОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,*

Россия, г. Москва

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)

Статья представляет собой попытку осмысления теоретико-прикладных аспектов использования манипулятивных политических технологий на «информационном фронте» гибридной войны, которая идет между ключевыми акторами глобальной политики. Предметом исследования выступает совокупность медийных инструментов и коммуникационных стратегий, применяемых западными странами для формирования специфического имиджа России в публичном информационном пространстве на фоне пандемии COVID-19. Авторы исследуют конкретные примеры распространения европейскими и американскими СМИ недостоверных сообщений о ситуации с коронавирусом в РФ и приходят к выводу о том, что подобные «журналистские материалы» укладываются в рамки масштабной и комплексной информационной кампании, негласно поощряемой политическими элитами соответствующих стран. В ходе данной кампании используются 5 основных манипулятивных инструментов: событийные «фейк-ньюз»; количественные и качественные «фейки»; тиражирование материалов в стиле «власть скрывает правду»; тенденциозное освещение событий с привлечением политически ангажированных лидеров мнений; установление ложных причинно-следственных связей между подлинными

событиями и явлениями. По мнению авторов, в среднесрочной перспективе главной мишенью для информационных атак со стороны геополитических конкурентов России окажется вакцина «Спутник V». Для формирования устойчивого «популяционного иммунитета» к «фейковым новостям» необходима системная просветительская работа, в рамках которой образовательные организации, научно-аналитические центры, силовые структуры, органы государственной власти и федеральные средства массовой информации действовали бы на опережение.

Ключевые слова: информационные войны, манипулятивные технологии, политическая коммуникация, средства массовой информации, пандемия COVID-19, фейк-ньюз, фейковые новости.

В начале 2020 г. вопросы, связанные с коронавирусом COVID-19, безраздельно завладели глобальным информационно-коммуникационным пространством. С большой долей вероятности можно предположить, что повышенное общественное внимание к проблеме пандемии сохранится в долгосрочной перспективе. Экзистенциальный характер эпидемиологической угрозы, нависшей над человечеством, обуславливает ее чрезвычайную социально-политическую значимость. Вполне закономерно, что ведущие мировые державы очень быстро превратили тему COVID-19 в оружие информационной войны. Рассмотрение манипулятивных политических технологий, применяемых европейскими и американскими СМИ в условиях глобального коронавирусного кризиса, может способствовать осмыслению феномена «фейк-ньюз». Прикладной целью своего исследования авторы настоящей статьи видят совершенствование механизмов противодействия информационным вызовам и угрозам, с которыми сталкивается РФ в период пандемии.

При всех своих негативных последствиях коронавирусный кризис не может считаться явлением, которое в корне изменило сложившийся мировой порядок. С нашей точки зрения, COVID-19 придавал дополнительную динамику тем общественно-политическим тенденциям, которые отмечались еще задолго до начала эпидемии. Так, в последние годы обострились противоречия между Россией и «коллективным Западом», а «торговая война» между США и Китаем распространилась далеко за рамки рыночной конкуренции. Не удивительно, что в период пандемии коронавируса именно Российская Федерация и КНР стали главными мишенями для информационных атак, направленных на дискредитацию их имиджа перед лицом мирового сообщества. Для обозначения специфической технологии целенаправленного искажения социально значимой информации в современной политической науке и коммуникативистике зачастую используется понятие «фейк-ньюз». С ним отождествляется информационный суррогат или фальсификат, рас-

пространяемый под видом достоверных сведений. Совокупность эмпирических наблюдений позволяет авторам настоящей статьи выделить основные типы политико-манипулятивных и пропагандистских приемов, в рамках которых, так или иначе, используются «фейковые новости». Ниже все эти приемы будут детально проанализированы и проиллюстрированы конкретными примерами, объединенными темой пандемии коронавируса.

1. Событийные «фейк-ньюз». Тиражирование «новостей» о событиях, не имеющих никакого отношения к реальной действительности, представляет собой наиболее архаичный и примитивный инструмент информационной войны. В данном случае имеет место не столько манипуляция (тонкая настройка общественного мнения), сколько прямолинейная ложь. Она, как правило, преподносится в виде ссылок на «авторитетные» анонимные источники или «утечек информации», произошедших вопреки воле ее обладателей. Наиболее ярким примером использования данной технологии может считаться тиражирование западной и южнокорейской прессой новости о смерти главы КНДР Ким Чен Ына в период пандемии COVID-19. Крупные британские и американские СМИ (CNN, New York Post, The Washington Post, Daily Express, Foreign Policy) принялись охотно обсуждать политическое будущее КНДР и возможных приемников Кима на посту председателя Государственного совета. Однако публичное появление северокорейского лидера на церемонии открытия завода фосфорных удобрений 1 мая 2020 г. в одночасье пресекло дезинформационную кампанию и слухи, спровоцированные ею.

Типичной «фейковой новостью» может считаться материал «Русской службы ВВС», в котором сообщалось о том, что Московский метрополитен еще зимой 2020 г. приобрел у поставщиков маски и перчатки по низкой цене, а в мае того же года начал продавать их пассажирам с наценкой в 1800% [1]. Вероятно, авторы стремились вызвать у своей аудитории ощущение вопиющей несправедливости. На фоне социально-экономических проблем, спровоцированных эпидемией коронавируса, обвинение столичных властей в попытке «нажиться на санитарных мерах» может рассматриваться как целенаправленный вброс, обладающий высоким конфликтогенным потенциалом. Вскоре представители Московского метрополитена опубликовали ответ, который стал убедительным свидетельством в пользу недостоверности материала ВВС. Как выяснилось, февральские контракты на поставку масок не были исполнены производителями средств индивидуальной защиты по причине спровоцированного пандемией резкого изменения ценовой конъюнктуры. В пользу объективности официальной версии говорит общеизвестный факт, что закупочная стоимость масок в апреле-марте 2020 г. радикально выросла по отношению к докризисному периоду. Кроме того, пассажиров никто не принуждал приобретать средства индивидуальной защиты у Метрополитена – они могли сделать это, например, в аптеках или интернет-магазинах.

Как показывает практика, большинство «фейков» не выдерживают столкновения с их официальным опровержением, если оно подается в достаточно убедительной форме. Тем не менее, за многими информационными вбросами остается шлейф в виде негативных эмоций, слухов, недоверия к институтам власти. Для тотальной нейтрализации «фейковых новостей» необходимо не только обороняться, но и контратаковать посредством избличения подлинных намерений их создателей. Важно довести до широкой аудитории информацию об истинных мотивах заказчиков, авторов и распространителей ложных сведений. В некоторых случаях весьма эффективным может быть официальное обращение к администрации СМИ с требованием удалить или публично опровергнуть ложную информацию.

2. Количественные и качественные «фейки». В особую категорию могут быть выделены информационные суррогаты, сделанные по принципу частичного искажения тех или иных существенных атрибутов реальных явлений. Как правило, создатели подобных «журналистских материалов» завышают числовые показатели, характеризующие негативные последствия резонансных инцидентов (например, количество граждан, ставших жертвами техногенных катастроф, террористических актов, эпидемий и т.д.). Правдоподобие такого рода «фейков» обеспечивается убедительной подачей материала в сопровождении графиков, иллюстраций таблиц и схем. При этом широко используются некорректные сравнения и ложные аналогии, на основании которых формулируются поспешные выводы. В условиях чрезвычайной плотности современного информационного потока, тотальная нейтрализация подобных «фейков» становится практически невыполнимой задачей. Однако уличение крупных СМИ в небрежном обращении с данными или их злонамеренном искажении может надолго подорвать у аудитории доверие к медиа-ресурсам. Именно это произошло в мае 2020 г. после выхода материала Bloomberg о ситуации с пандемией коронавируса в РФ [2].

Журналисты одного из крупнейших информационных агентств США решили сравнить данные по обеспеченности населения больничными койками в России и странах Организации экономического сотрудничества и развития. Очевидно, что ОЭСР ассоциируется у авторов с «коллективным Западом», поскольку в данную организацию входят Соединенные Штаты Америки, Канада, Япония, а также подавляющее большинство членов ЕС. Согласно графику Bloomberg к 2013 г., на 1 тыс. жителей РФ приходилось в среднем 3.8 больничных коек, а в государствах ОЭСР аналогичный показатель составил 8.2 – т.е. в два раза больше. Однако, как выяснилось позже, авторы материала специально или по недоразумению перепутали статистические данные по России и странам ОЭСР. В реальной действительности все оказалось с точностью до наоборот. По данным Всемирного банка за 2013 г., наша страна по количеству больничных коек в два раза превосходила страны Организации экономического сотрудничества и развития.

Своевременно заметив «фейковый» материал, посольство РФ в США потребовало редакцию Bloomberg опровергнуть ложные сведения. В течение суток информационное агентство исправило опубликованный график, однако текст статьи и содержащиеся в ней выводы остались прежними. Спустя две недели возник практически аналогичный инцидент. Bloomberg со ссылкой на ВЦИОМ опубликовал рейтинг популярности российских политиков, согласно которому уровень доверия граждан к Президенту РФ в апреле 2020 г. опустился до рекордно низкого показателя – 27% [4]. Отрицательная динамика была наглядно проиллюстрирована на графике в виде кривой, стремительно уходящей вниз. Диаграмма сопровождалась подписью: «Рейтинг В.Путина падает по мере углубления коронавирусного кризиса». И вновь посольству РФ в США пришлось опровергать очередной статистический «фейк», поскольку в оригинальном аналитическом докладе ВЦИОМ утверждается, что уровень доверия граждан к главе государства в первой половине 2020 г. превысил 67%, продемонстрировав устойчивость к воздействию неблагоприятных факторов, связанных с эпидемией COVID-19.

3. Псевдоразоблачения и публичное выражение сомнений в достоверности официальной статистики. В условиях масштабных потрясений, когда существует реальная угроза для жизни и здоровья граждан, обществу свойственны повышенная тревожность и недоверие к официальным ресурсам. Зачастую у рядового потребителя информации создается ощущение, что государственные институты скрывают правду, а «объективные» зарубежные СМИ и некие «анонимные источники» способны пролить свет на ситуацию. Количество западных журналистских материалов, ставящих под сомнение официальные российские данные по заболеваемости и смертности от COVID-19, измеряется сотнями. Все они имеют ряд характерных признаков. Во-первых, в заголовках подобных сюжетов часто содержатся формулировки «власть скрывает», «власть замалчивает», «власть занижает» реальные данные о пандемии. Во-вторых, приводятся ссылки на представителей оппозиции, анонимов или сомнительных «экспертов», которые якобы владеют истинной картиной происходящего. В-третьих, авторы исходят из априорной убежденности в том, что официальная информация из государственных источников не может быть достоверной.

Дабы снять с себя юридическую ответственность, СМИ используют кликбейт-технологии, формулируя заголовки и подзаголовки своих материалов в виде вопросов или гипотетических суждений. Кроме того, все чаще в качестве информационных поводов журналистами преподносятся не столько сами события, сколько заявления частных лиц, сделанные по их поводу. Подобным образом, например, выполнен видеосюжет ABC под названием «Почему Россия сообщает о таком низком количестве COVID-инцидентов? Некоторые считают, что власть скрывает правду». Для придания статье ореола «научности» сотрудники ABC приводят цитату Британского профессо-

ра П. Хантера. Ученый из Англии высказывает предположение, что низкое число заражений в России (на начало марта 2020 г.) может объясняться как «объективными, так и конспирологическими причинами» [6]. Цитируемый эксперт не обвиняет власть в сокрытии правды, а лишь выдвигает гипотезу о возможной недостоверности сведений Правительства РФ. Однако, погруженные журналистами в определенный контекст, слова П. Хантера приобретают обвинительную тональность, которую сам эксперт в них не закладывал.

4. Тенденциозное освещение событий с привлечением политически ангажированных лидеров мнений. Одной из ключевых особенностей современного информационного общества является неограниченный плюрализм позиций и мнений. Для медийного дискурса характерна крайняя степень субъективности в оценке одних и тех же явлений. Чрезвычайно распространенным журналистским приемом стало обращение за комментариями к «экспертам», чей авторитет придает дополнительный «вес» материалам СМИ. Однако у аудитории нет никакой возможности объективно оценить степень компетентности подобных специалистов. Крайне узок круг современных средств массовой информации, которые отражали бы все многообразие экспертных мнений по наиболее резонансным вопросам. Выбор в пользу того или иного эксперта детерминирован идеологической направленностью СМИ и конкретными пропагандистскими задачами редакции. Комментарии ангажированных специалистов, умело встроенные в журналистский материал, провоцируют эффект «снежного кома», разлетаясь на цитаты и обрастая дополнительными подробностями. Аналогичным образом дело обстоит с информацией, получаемой из анонимных источников.

В период пандемии коронавируса чрезвычайную остроту звучания приобрели вопросы, связанные с оказанием иностранной помощи наиболее пострадавшим странам: поставки медицинского оборудования, защитных средств, дезинфекционных материалов и т.д. В частности, когда Италия переживала пик эпидемии, Россия безвозмездно направила туда группу военных медиков и специальную технику. Руководство страны в лице премьер-министра Д. Конте публично выразило Президенту РФ благодарность за своевременную поддержку. Однако вскоре со страниц популярной газеты «La Stampa» прозвучало заявление о том, что «около 80% российской помощи оказалось бесполезной» [3]. Эти слова автор материала – журналист Д. Якобини – приписывает некому «анонимному источнику», чье мнение находит достаточно авторитетным и объективным. Верификация столь резонансного заявления не представляется возможной. Тем не менее, крупнейшие Западные СМИ охотно растиражировали эту цитату сомнительного происхождения. Основной посыл данной информационной кампании заключался в том, что под видом гуманитарной миссии власти РФ провели спецоперацию по «отбеливанию» своего внешнеполитического имиджа.

5. Установление ложных причинно-следственных связей между реальными событиями. В числе наиболее распространенных политико-манипулятивных технологий следует упомянуть формулирование ложных выводов на основе истинных посылок. Например, не так давно CNN выпустил сюжет под названием «США направляет в Россию помощь, поскольку количество зараженных COVID-19 в стране скачкообразно растет» [5]. Соединенные Штаты, действительно, послали в нашу страну 200 аппаратов ИВЛ и другую медицинскую технику в конце мая 2020 г. На тот момент Россия вышла на второе место в мире по числу заразившихся COVID-19. Однако ответный гуманитарный жест со стороны США не был напрямую обусловлен приростом случаев инфицирования россиян коронавирусом. Вероятнее всего, американская помощь была бы оказана РФ и при значительно меньшем количестве заболевших. Наконец, не вполне корректно говорить о резком или скачкообразном росте числа зараженных, поскольку данный процесс развивался в нашей стране достаточно плавно и предсказуемо.

Переломным этапом информационной войны, развернувшейся вокруг пандемии COVID-19, без всяких сомнений, может считаться финальная стадия разработки вакцины от коронавируса. Именно на этой стадии информационная агрессия западных медиа в отношении России достигла своего пика, поскольку наша страна первой в мире заявила о регистрации подобного препарата. Выпады в адрес российских властей и ученых, стоящих за созданием «Спутника V», обусловлены как политическими, так и сугубо экономическими мотивами. Очевидно, имеет место нечестная конкуренция за рынки сбыта, поскольку британские и американские фармакологические компании сами производят вакцины от COVID-19, которые существенно дороже российских аналогов. Тема пандемии была использована западными средствами массовой информации как материал для конструирования «фейковых новостей» и политических мифов антироссийского характера. Колоссальные усилия западных медиа-корпораций были направлены на то, чтобы подорвать общественное доверие к официальной государственной статистике по количеству заражений и смертей от COVID-19 в РФ. Безвозмездная помощь, оказанная Россией пострадавшим странам, была дискредитирована в глазах международного сообщества. Отечественную систему здравоохранения попытались изобразить как несостоятельную, слабую и архаичную. Однако на современном этапе главной мишенью для гибридной агрессии становится вакцина «Спутник V».

В среднесрочной перспективе «западные партнеры» приложат существенные усилия для того, чтобы вызвать скепсис по отношению к российской вакцине как у потенциальных зарубежных потребителей, так и у рядовых граждан РФ. Посредством финансируемых из-за рубежа СМИ, а также социальных сетей и мессенджеров будет целенаправленно вбрасываться информация о том, что отечественный препарат представляет опасность

для здоровья людей. Несомненно, в ход будут пущены негативные отзывы и жалобы лиц, якобы испытавших вакцину на себе. Наконец, либеральная и прозападная пресса с удовольствием подхватит тезис о насильственном характере прививочной кампании в России. Осмысление теоретико-концептуальных и прикладных аспектов ведения современных информационных войн может позволить минимизировать негативный эффект от подобных провокаций. Однако для формирования устойчивого «популяционного иммунитета» к «фейковым новостям» необходима системная просветительская работа, в рамках которой образовательные организации, научно-аналитические центры, силовые структуры, органы государственной власти и федеральные средства массовой информации действовали бы на опережение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Врут и не краснеют: британские СМИ вновь уличили в написании фейков о России // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3264822>.
2. Посольство РФ обвинило Bloomberg в фальсификации данных о числе коек в больницах // <https://www.interfax.ru/world/709386>.
3. Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: “Più che aiuti arrivano militari russi in Italia // <https://www.lastampa.it/topnews/primopiano/2020/03/25/news/coronavirus-la-telefonata-conte-putin-agita-il-governo-piu-che-aiuti-arrivano-militari-russi-in-italia-1.38633327>.
4. Russian embassy urges Bloomberg to apologize for disinformation about Putin’s ratings // <https://tass.com/politics/1159709>.
5. US sends help to Russia as their Covid-19 cases jump // <https://edition.cnn.com/videos/world/2020/05/20/russia-coronavirus-us-aid-chance-pkg-cnni-lead-vpx.cnn>.
6. Why is Russia reporting so few COVID-19 cases? Some say it’s a cover-up // <https://abcnews.go.com/International/russia-reporting-covid-19-cases-cover/story?id=69717763>.

P.YA. FELDMAN

*Candidate of political sciences,
Associate Professor of the Department of philosophy and sociology,
the Academy of labor and social relations, Moscow, Russia*

S.A. FARNIEV

*Applicant for the Department of Political Theory,
Moscow State International Relations (University),
Moscow, Russia*

S.I. MIRONOV

*Postgraduate student of the Department
of philosophy and sociology, Academy of Labor and
Social Relations, Moscow, Russia*

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE USE OF MANIPULATIVE POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE INFORMATION WAR (ON EXAMPLE OF THE COVID-19 PANDEMIC)

The Article is an attempt to understand the theoretical and practical aspects of the use of manipulative political technologies on the information front “of a hybrid war between key actors of global politics. The subject of the study is a set of media tools and communication stratagems used by Western countries to form a specific image of Russia in the public information space on the background of the COVID-19 pandemic. The authors examine specific examples of false reports spread by European and American media about the situation with coronavirus in the Russian Federation and come to the conclusion that such “journalistic materials” fit into the framework of a large-scale and comprehensive information campaign, secretly encouraged by the political elites of the respective countries. This campaign uses 5 main manipulative tools: event-based “fake news”; quantitative and qualitative “fakes”; replication of materials in the style of “the government hides the truth”; biased coverage of real facts involving politically biased opinion leaders; establishing false cause-and-effect relationships between real events and phenomena. According to the authors, in the medium term, the main target for information attacks from Russia’s geopolitical competitors will be the “Sputnik V” vaccine. To create a stable “population immunity” to “fake news”, it is necessary to conduct systematic educational work, in which educational organizations, research and analytical centers, law enforcement agencies, state authorities and Federal mass media would act ahead of the curve.

Key words: *information wars, manipulative technologies, political communication, mass media, COVID-19 pandemic, fake news, fake news.*

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОММУНИКАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

Целью работы является выявление институциональных рисков и возможностей для политических партий в условиях использования ими цифровых платформ на примере «LiquidFeedback» Пиратской партии Германии, платформы «Rousseau» Движения пяти звезд в Италии и портала «Participia» испанской партии Подемос.

Процедура и методы исследования. Исследование основано на принципах сравнительного case study, проведенного с помощью анализа нормативно-правовой базы Движения пяти звезд, Подемос и Пиратской партии Германии, а также доступных для невключенного исследования материалов их цифровых платформ. Сравнение завершается оценкой возможностей и угроз применения цифровых платформ политическими партиями с учетом сильных и слабых сторон (SWOT-анализом).

Результаты исследования. Сформулированы сравнительные критерии, позволяющие анализировать вклад цифровых платформ в формирование политики партий. По итогам проведенного SWOT-анализа сделан вывод о перспективности их применения в рамках данного политического института.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения предложенных критериев при изучении других «цифровых партий» или трансформации партийных институтов.

Практическая значимость выражается в возможности проводить более качественный обзор исследовательской литературы и учитывать опыт кейсов при адаптации партийных институтов к расширению политического участия в условиях цифрового общества.

Ключевые слова: электронное участие, цифровая демократия, цифровые партии, Пиратская партия Германии, Движение пяти звезд, Подемос.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32283.

Актуальность применения цифровых форм участия в политическом процессе возросла с началом пандемии COVID-19. Но если ранее этот вопрос возникал преимущественно под влиянием политических катаклизмов (как, например, в Эстонии или Исландии), то теперь детерминанта возникла вне сферы политики [3]. Политические партии в этой ситуации – один из тех институтов, чья деятельность оказалась частично парализованной в условиях карантинных ограничений, что в некоторых случаях дало толчок цифровизации некоторых аспектов их деятельности (1). В этих обстоятельствах, а также на фоне и без того активного распространения практик цифрового политического участия, институту политических партий может потребоваться стратегия осознанной и контролируемой модернизации в этом направлении, чему может способствовать опыт уже действующих партийных цифровых платформ.

Выбор в качестве объектов исследования Пиратской партии Германии, Движения пяти звезд в Италии и испанской партии Подемос обусловлен несколькими причинами: во-первых, они дальше всего зашли в использовании цифровых платформ для прямого участия среди политических партий. Во-вторых, каждый случай имеет свою специфику, анализ которой позволит лучше оценить перспективы и трудности трансформации: так, Движение пяти звезд отказалось от традиционных для партий представительных органов управления, и при этом менее чем за десять лет своего существования пришло к власти в рамках коалиционного правительства; аналогичного успеха добился и Подемос, сохранив, в отличие от предыдущего примера, традиционную структуру. Пиратская партия Германии не получила подобной поддержки избирателей, что само по себе вызывает интерес с учетом масштаба ее цифрового эксперимента, но главное – правовые рамки партийно-политической системы ФРГ не располагают к подобным формам политического участия, а это значит, что опыт пиратов позволит судить об их перспективах и ограничениях при отсутствии необходимой нормативно-правовой базы.

В современной политической науке работы, посвященные трансформации института политических партий в условиях расширения политического участия, в основном принадлежат перу зарубежных исследователей. Среди них стоит отметить фундаментальное исследование П. Гербаудо, посвященное итальянскому Движению пяти звезд и испанскому Подемос [10. Р. 224]. Автор представляет ученых, которые объясняют цифровизацию партий популистскими мотивами и не считают внедрение цифровых платформ существенным улучшением внутрипартийной демократии (хотя и признает за ними такой потенциал). Что касается Пиратской партии Германии, исследовательский интерес к ней значительно ниже и ограничивается статьями, хотя стоит выделить магистерскую работу С. Яббуша [12. S. 186]: пусть она и посвящена аж 2009-2011 гг., именно этот период охватывает пик популяр-

ности партии, а сам автор, будучи одним из пиратов, имел возможность собрать уникальные эмпирические данные. Помимо указанных исследований есть многочисленные статьи, часть которых действительно сконцентрирована на попытке оценить эффективность внутрипартийной демократии в контексте электронного участия [7. Р. 5696-5714; 13; 15; 16. Р. 98-120; 22; 24. Р. 287-303], другие же посвящены лишь анализу электоральных перспектив, но содержат полезные эмпирические данные [11. Р. 65; 2. С. 156-176].

Целью данной статьи является выявление институциональных рисков и возможностей для политических партий в условиях использования ими цифровых платформ. Для достижения поставленной цели были установлены особенности организации и механизмы формирования партийного курса в условиях применения инструментов прямого электронного участия, составлены критерии для сравнительного анализа возможностей цифровых платформ, на основе результатов сравнительного анализа сформулированы сильные и слабые стороны их использования и рекомендации для адаптации партий к их потенциальному внедрению.

Методология исследования основана на принципах case study с применением SWOT-анализа. Эмпирической основой для сравнения послужили официальные документы (уставы партий и дополнительные своды правил, кодексы этики и т.д.), Интернет-сайты политических партий и их цифровых платформ. Поскольку часть платформ доступна лишь зарегистрированным членам, недостающая информация была компенсирована изучением инструкций для пользователей [14; 17; 4]. Важным источником для изучения Пиратской партии стал портал Piratenwiki, где хранится огромный массив материала, включая партийные документы, протоколы, программы, информацию о кандидатах, встречах и т.д. [19].

Основная часть. Поскольку данные партии указывают в качестве своей основной цели вовлечение граждан в принятие политических решений, критериями для сравнительного анализа выбраны возможности членов в создании и продвижении собственных инициатив, влиянии на законодательную работу партийных представителей и создании партийной программы, а также участия в дискуссионных площадках.

Результаты собранных данных отражены в Таблице 1.

Анализ практического применения этих инструментов показал, что в рамках своих партийно-политических систем изучаемые партии занимают уникальное положение с точки зрения разнообразия возможностей для влияния на политическую повестку. Благодаря цифровым платформам партии дают своим членам возможность напрямую, т.е. без посредничества местных отделений, выдвигать собственные инициативы (это же, кстати, относится и к выдвижению кандидатов на предварительных выборах – в традиционных партиях выдвижение происходит через местные отделения), вовлекают их в составление партийной программы и дают инструменты для влияния на деятельность своих депутатов в представительных органах власти.

Механизмы формирования партийной политики на цифровых платформах Rousseau (Движение пяти звезд), Participia (Подemos) и Liquid Feedback (Пиратская партия Германии)

Критерии сравнения	Движение пяти звезд (Италия)	Подemos (Испания)	Пиратская партия Германии
Инициативы рядовых членов партии			
Название инструмента	Lex Iscritti [14]	Iniciativas Ciudadanas de Podemos [17]	Liquid Feedback [4; 13]. Сегодня ведется разработка нового ПО «Basisentscheid Software» на основе платформы электронной демократии Ekklesia
Критерии для вынесения на всеобщее обсуждение	Согласованность с уставом и программой, проектами предыдущих 2-х лет Уникальность Реалистичность финансирования	Поддержка 0,2% от числа всех членов партии	Нет
Поддержка членов, необходимая для включения в повестку партии	Два наиболее популярных предложения по итогам голосования (предложения группируются по темам, голосования также проводятся по тематическому принципу)	Поддержка 10% зарегистрированных членов или 20% членов территориальной организации (для местных инициатив)	Поддержка 10% зарегистрированных пользователей в течение 15 дней в случае, если вопрос касается программы или устава и 8 дней в иных случаях. Возможно делегированное голосование.
Вклад партийной организации	Назначаются ответственные действующие депутаты, которые готовят законодательную инициативу	Рабочая группа готовит окончательный текст предложения	Обсуждение и совместное редактирование предложения на сторонних ресурсах. На самой платформе – только встречные инициативы и предложения
Критерии принятия	Нет, поскольку результаты голосования на платформе уже предполагают одобрение	Большинство голосов	Большинство голосов при сортировке по предпочтительности предложений (метод Шульце). Возможно делегированное голосование.

Результат	Предложение выдвигается в законодательном органе соответствующего уровня с участием автора	Предложение выдвигается в законодательном органе соответствующего уровня	Поскольку партия не имеет развитого представительства в парламентах, речь идет в первую очередь о внутривнутрипартийных решениях. Решения предлагаются для утверждения на съезде партии
Инициативы партийных представителей в парламентах			
Название инструмента	Lex Parlamento [6]	Escaño Abierto (open mandate) [17]	Партия не имеет развитого представительства в парламентах
Обязательность обсуждения	Да	Нет	
Возможности вклада для рядовых членов	Пользователи могут в течение 70 дней комментировать инициативы, добавляя или редактируя текст, ставя вопрос о целесообразности предложения	Предложение вопросов, которые будут включены в повестку дня представителями Podemos	
Правила учета комментариев	Избранный представитель не обязан использовать предложения, т.к. проект «должен соответствовать общей идее инициатора»	Нет	
Критерии принятия	Нет: на усмотрение представителя	Простое большинство при голосовании с сортировкой по предпочтительности	
Составление партийной программы			
Кто может составлять предложения?	Эксперты, депутаты или должностные лица в партии	Все члены партии	Все члены партии
Возможности вклада для рядовых членов	Обсуждение предложений экспертов и действующих представителей или должностных лиц	Возможность выдвинуть предложение в случае поддержки 100 членов или 70, если предложение одобрено местной территориальной организацией; обсуждение	Выдвижение предложений, совместное редактирование и обсуждение (аналогично гражданским инициативам)

Критерии принятия	Зарегистрированные члены имели возможность проголосовать Да/Нет за каждое предложение, а в некоторых случаях указать приоритет в заранее определенном списке предложений (2)	Голосование по системе предпочтений	Аналогично гражданским инициативам. Юридическую силу предложение приобретает только на съезде партии
Коммуникативные возможности платформ			
Движение пяти звезд (Италия)	Подemos (Испания)	Пиратская партия Германии	
Обсуждение законопроектов представителей на Lex Parlamento без возможности взаимодействия между пользователями; Возможность обмена нормативно-правовыми документами для работников различных органов власти, представляющих Движение; «Призыв к действию» – информация о местных инициативных группах с возможностью присоединиться к их проектам; с 2019 г. – общедоступный профиль активиста с его опытом и компетенциями, облегчающий поиск участников для проектов.	Plaza Podemos, была основана на дискуссионной платформе социальной сети Reddit, сегодня – на ПО Consul. Интерактивное обсуждение новостей или предложений, есть раздел, посвященный общению с депутатами или кандидатами.	Mumble – открытое и бесплатное ПО для голосовых и видеоконференций. PiratenPad – виртуальный блокнот, в котором несколько человек могут одновременно оставлять сообщения. Дискуссии на любых доступных форумах и чатах, ссылка на которые оставялась в PiratenPad.	
Вне платформ – обсуждение в любых социальных сетях и мессенджерах.			

Однако само наличие таких возможностей еще не предполагает их эффективности и на практике сопровождается рядом ограничений. Например, гражданские инициативы во всех случаях оказались малоэффективным инструментом, но по разным причинам: в Движении пяти звезд они конкурируют друг с другом в ходе онлайн-голосования (в отличие от предложений лидеров и представителей партии), при этом лишь две из них в своей тематической области берутся в разработку депутатами и еще меньше доходят до стадии принятия в парламенте [10. Р. 148]; инициативам членов Подemos препятствует высокий порог необходимой поддержки от членов партии, который в условиях ограниченных сроков голосования почти не оставляет возможности для их прохождения; наконец, в Пиратской партии принятые в ходе онлайн-голосования решения вообще не имеют юридической силы до одобрения на партийном съезде [1; 21].

Разработку и принятие программы партии во всех случаях фактически контролирует руководство: в Движении пяти звезд создание программы и обсуждение на платформе Rousseau доступно лишь ограниченному кругу экспертов, а голосование влияет лишь на ранжирование списка предложений, но не исключает их. Потенциально, как и в случае с другими вопросами, вынесенными на голосование, результатом может стать вето и исключение инициативы из программы. В отличие от данного случая, члены Подemos имеют больше возможностей для внесения собственных предложений в партийный манифест, однако этот процесс обесценивается отсутствием внятных механизмов их принятия: так, голосование сводится к рейтингу предпочтений без возможности их отклонения и не имеет внятного «порога» для включения в программу. В Пиратской партии Германии роль простых членов аналогична процедуре внесения иных предложений – только решение представителей на очном партийном съезде может придать юридическую силу прошедшим электронное голосование предложениям. Важно отметить, что во всех случаях отсутствует порог «явки» голосующих (кворум), что делает возможным принятие решений любым количеством членов и снижает легитимность всей процедуры.

Что касается влияния на деятельность депутатов, эффективность представленных платформами инструментов нивелируется необязательностью учета комментариев. Если в случае отклонения собственной инициативы автор получает обратную связь – в Движении пяти звезд от сотрудников платформы, а в остальных случаях от других членов партии в форме обсуждения или результатов голосования – то здесь пожелания членов носят сугубо рекомендательный характер, что уже привело к деградации инструмента как в Италии, так и в Испании [15].

Развивая предыдущий тезис, можно отметить, что архитектура платформ в целом рассчитана на партиципаторную модель участия. За исключением Подemos ни одна партия не имеет своих дискуссионных площадок, предпочитая пользоваться сторонними платформами (социальными сетями и мессенджерами), чью результативность сложно отследить в силу их неформального характера. А это превращает «прямую демократию» в простую легитимацию решений, уже принятых руководством партии.

Очередным слабым местом является отсутствие институционализации всех используемых форм участия. Так, в Движении пяти звезд не только отсутствует исполнительный орган (это принципиальная позиция Движения – его роль исполняет Ассамблея из всех зарегистрированных на платформе Rousseau членов [23]), но, например, отсутствуют упоминания в уставе о местных организациях, что, по мнению руководства, должно избавить Движение от иерархизации, а, соответственно, от угрозы создания входных барьеров в политику для простых граждан. Многие местные активисты отмечают это в качестве помехи своей деятельности, так как отсутствие про-

токолов создает неопределенность при разграничении сфер влияния местных групп и приводит к конфликтам [5]. Кроме того, создан парадокс, когда местный активист может участвовать в мероприятиях партии и поддерживать ее, но не являться официально членом Движения, так как единственный путь к членству лежит через регистрацию на платформе Rousseau.

В Подемос мы видим обратную ситуацию: кроме общих фраз об использовании электронных инструментов для гарантии «осуществления прав на участие и принятие решений всеми членами Подемос» устав не содержит конкретных механизмов использования платформы [8], хотя ранее существовали более детальные правила [17]. Наконец, в Пиратской партии при отсутствии правовой базы, которая обязывала бы (и разрешала) представителям на съезде учитывать результаты дистанционных голосований, реальный процесс принятия решений перетекает в неформальные группы активистов вне платформы.

Несмотря на эти минусы, цифровые платформы предоставляют возможности, решающие определенные проблемы современных партий: например, физической доступности – речь может идти как о лицах с ограниченными возможностями здоровья, так и о проживающих на географической периферии (так, Подемос использует платформу для вовлечения населения суверенных территорий Испании и граждан, проживающих за границей, что особенно актуально в условиях внутренней трудовой миграции Евросоюза). Также подобные формы участия менее затратны по времени, что потенциально может вовлечь ранее неактивную часть электората (к примеру, женщин, осуществляющих уход за ребенком). Наконец, партии могут быстрее мобилизовать электорат для своих политических проектов, а политический краудсорсинг становится источником «бесплатных» идей и экспертных знаний.

Контроль и мониторинг представителей, коммуникация с ними – еще одна возможность, которую можно перенять из опыта рассмотренных партий. Этим инструментом партия и ее электорат смогут решить проблему потери каналов коммуникации и доверия между избирателями и их представителями, а партийное руководство сможет эффективнее контролировать и оценивать активность и вклад своих парламентариев.

Однако само по себе электронное участие еще не обеспечивает высокое качество демократических процессов внутри партии и несет в себе риск концентрации полномочий на уровне партийного руководства. Организационная структура, независимо от применяемых инструментов участия, является наиболее уязвимым элементом для декларируемых принципов развития внутрипартийной демократии: так, отсутствие посреднических органов, характерное для Движения пяти звезд, облегчает лидерам контроль повестки дня и способствует управляемости процедуры голосования. Это подтверждает и опыт Подемос, где, несмотря на высокий авторитет Пабло Иглесиаса, совмещающего в себе роли лидера в избирательном списке и руководителя

партии, наличие закрепленных в уставе партийных органов не позволяет ему пренебречь их решениями, ярким примером чего может служить внутривнутрипартийная дискуссия о реформе праймериз [15. Р. 5].

Опыт Пиратской партии Германии демонстрирует риск отрицательной динамики участия и электоральной поддержки в условиях, когда популистская риторика прямого участия не совпадает с институциональными и правовыми рамками партийной деятельности [18]. В качестве варианта решения этой проблемы пираты применяли делегированное голосование, но оно, в свою очередь, создает угрозу «аристократизации участия» – новой формы неравенства при электронном голосовании. Это ставит вопрос о целесообразности противопоставления прямого участия представительству и актуализирует необходимость поиска форм их взаимного приспособления.

Заключение. Подводя итог, стоит отметить, что внедрение форм прямого участия в цифровой среде может стать перспективным вектором развития для политических партий, но лишь при условии институционализации этих форм и сохранении существующего аппарата. С уже сформированной базой сторонников традиционные партии усилят их доверие внедрением инструментов прямого участия, имеющаяся иерархическая структура поддержит конкурентность политического процесса, а первичные отделения останутся главным элементом самоорганизации на местах. В этих условиях цифровая платформа будет ценным дополнением, содержащим всю необходимую информацию: профили членов, проекты, инструменты для голосования и др. инструменты, позволяющие вовлечь ранее незадействованных сторонников.

При этом опыт изученных партий подтверждает трилемму Дж. Фишкина, согласно которой одновременное достижение политического равенства, массового участия и качественного обсуждения на практике невозможно: попытки реализовать любые два принципа сделают невозможным осуществление третьего [9. Р. 242-260, 248].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В основном речь идет о праймериз; так, партия «Единая Россия» уже использует онлайн-формат для проведения внутривнутрипартийного предварительного голосования.

(2) Данные проанализированы автором на основе анализа опубликованных в блоге итогов голосований, включающих результаты подсчета голосов по каждому предложению. См. например: RISULTATI – Votazione online: il #ProgrammaTrasporti del MoVimento 5 Stelle. 27.04.2017 // https://www.ilblog-dellestelle.it/2017/04/votazione_onlin.html.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Закон ФРГ о политических партиях (Закон о партиях) от 24 июля 1967 г. § 7-9 // <http://www.pravoznavec.com.ua/books/letter/280/%D2/20782>.

2. *Зонова Т.В.* Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2.

3. *Никушкин А.Б.* Факторы эффективности цифровых инструментов в контексте расширения политического участия (на материалах Исландии и Эстонии) // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 2. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1005.

4. Обучающий видеоролик на главной странице Liquid Feedback // <https://liquidfeedback.org/>.

5. *Bottagisi C.* “Io, deluso dal Movimento 5 Stelle, che sul territorio forse non è mai esistito”. 20 aprile 2020 // <https://www.claudiobottagisi.com/2020/04/io-deluso-dal-movimento-5-stelle-che.html>.

6. Che cos'è Rousseau? // <https://vote.rousseau.movimento5stelle.it/about>.

7. *Deseriis M., Vittori D.* The Impact of Online Participation Platforms on the Internal Democracy of Two Southern European Parties: Podemos and the Five Star Movement // International Journal of Communication. 2019. Vol. 13.

8. Documento organizzativo Podemos // https://podemos.info/wp-content/uploads/2020/06/2020_06_Documento_organizzativo_Podemos.pdf.

9. *Fishkin J.* Deliberative Democracy and Constitutions // Social Philosophy & Policy. 2011. Iss. 28.

10. *Gerbaudo P.* The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy. London: Pluto Press, 2019.

11. *Greenstein C.* Position, salience, and ownership theory and the Pirates: The rise and fall of an atypical party. Master thesis, University of North Carolina at Chapel Hill. 2013.

12. *Jabbusch S.* Liquid Democracy in der Piratenpartei: Eine neue Chance für innerparteiliche Demokratie im 21. Jahrhundert? Magisterarbeit. Greifswald, 2011.

13. *Kling C.C., Kunegis J., Hartmann H., Strohmaier M., Staab S.* Voting behaviour and power in online democracy: A study of LiquidFeedback in Germany's Pirate Party // Proceedings of the International Conference on Weblogs and Social Media. 2015 // <https://arxiv.org/pdf/1503.07723.pdf>.

14. Lex Iscritti manual // https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/associazionerousseau/upload/lexiscritti_manuale.pdf.

15. *Mikola B.* Factionalism as a Public Asset? The Effect of an Open Culture of Debate in Podemos // “Rethinking Intra-Party Cohesion in Times of Party Transformation”. Nottingham. April 25-30, 2017 // <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/1a10caab-05cd-4c31-8a43-9430b8b86260.pdf>.

16. *Musso M., Maccaferri M.* At the origins of the political discourse of the 5-Star Movement (M5S): Internet, direct democracy and the «future of the past» // Internet Histories: Digital Technology, Culture and Society. 2018. Vol. 2. Iss. 1-2.

17. Organisational Principles Podemos (eng) // https://podemos.info/wp-content/uploads/2016/11/Organisational_Principles.pdf.

---

18. Piratenpartei Deutschland. Bundeszentrale für politische Bildung // <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/kleinparteien/42193/piraten>.

19. Piratenwiki // <https://wiki.piratenpartei.de>.

20. RISULTATI – Votazione online: il #ProgrammaTrasporti del MoVimento 5 Stelle. 27.04.2017 // https://www.ilblogdellestelle.it/2017/04/votazione_onlin.html.

21. Satzung. der Piratenpartei Deutschland. § 7-9 // <https://wiki.piratenpartei.de/Satzung>.

22. *Silver N., Hodge Z.* A Guide to New Political Movements. London: Radix Group Ltd., 2019.

23. Statuto dell'associazione denominata «MoVimento 5 Stelle» // https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/associazionerousseau/documenti/statuto_MoVimento_2017.pdf.

24. *Tréré E., Barassi V.* Net-authoritarianism? How web ideologies reinforce political hierarchies in the Italian 5 Star Movement // *Journal of Italian Cinema & Media Studies*. 2015. Vol. 3. Iss. 3.

A.B. NIKUSHKIN

*Post-graduate, Department of History and
Political Theory, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

DIGITAL PLATFORMS AS THE COMMUNICATION CHANNEL AND THE PARTY POLITICS TOOL: A COMPARATIVE ANALYSIS¹

The purpose of the study is to identify institutional risks and opportunities for political parties in the context of using digital platforms using the example of the German Pirate Party's LiquidFeedback, the five-star Rousseau platform in Italy and the Participa portal of the Spanish party Podemos.

The research methods are based on the comparative case study using the analysis of regulatory framework of Five Star Movement, Podemos and Pirate Party of Germany, as well as sources of their digital platforms, available for nonparticipant observation.

The results: Comparative criteria have been formulated to analyze the contribution of digital platforms to parties policy development. Based on the results of the SWOT analysis, a conclusion was made about the prospects of their application within the framework of this political institution.

---

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-32283.

The theoretical implication of the study lies in applying the proposed criteria in the study of other digital parties or parties' transformation.

Practical implication is the more efficient review of research studies and the application of these parties' experience in other parties' adaptation to political participation in the context of digital society.

Key words: *E-participation, digital democracy, digital parties, pirate party, Pirate party Germany, Five Star Movement, Podemos.*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УЗБЕКИСТАНЕ

В статье подчеркивается, что Узбекистан с первых лет своей независимости избрал путь построения демократического государства и гражданского общества, основанного на верховенстве закона. Было отмечено, что нынешняя политика гражданского общества в Узбекистане, направленная на оптимизацию формирования и развития социальных, политических, правовых, культурных, духовных и экономических основ, основана на верховенстве закона и правовых критериях, присущих новому этапу развития. Также было отмечено, что деятельность государственных и общественных организаций, основанная на принципах прозрачности и подотчетности, честности и справедливости, дает свои практические результаты.

Ключевые слова: *верховенство закона, справедливость, правовое государство, демократия, гражданское общество, реформа, человеческий капитал, права человека, социальное развитие, моральные ценности, ответственность, социальная активность.*

Как известно, Узбекистан с первых годов независимости выбрал путь строительства развитого правового государства и демократического, гражданского общества. Правовое государство и гражданское общество – это события, которые не могут существовать автономно, независимо друг от друга, а, наоборот, они проявляются как раз во взаимосвязанности. Правовое государство для формирования и развития гражданского общества обеспечивает необходимые правовые гарантии, осуществляет политику в этом отношении. Анализ нормативно-правовых трудов Президента Республики Узбекистан, показывает, что когда речь идет о гражданском обществе в современном Узбекистане, то подразумевается социальное пространство, служащее саморазвитию личности, повышению человеческого капитала, «содействующее на максимальном уровне осуществлению законных интересов, прав и свобод личности, социальное пространство, где торжествуют приоритетность закона и принципы справедливости». Эта мысль, высказан-

ная Ш. Мирзиеевым в Послании Олий Мажлису, выражает основную сущность цели этих направлений [3].

В «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах», говорится о переходе в стране на совершенно новый качественный этап строительства развитого гражданского общества. На основе этого документа осуществляются последовательные коренные изменения в государственной и конституционной системе, политические, экономические, социально-правовые реформы, взаимосвязанные и требующие осуществления в рамках политики, происходят различные обновления [2].

Все это является основной целью политики строительства гражданского общества. Если с одной стороны, актуальным является строительство демократического, стабильно развивающегося, открытого для внешнего мира и конкурентоспособного, человеколюбивого и справедливого демократического государства, то с другой стороны, строительство социального пространства, где в качестве высшей ценности принят человек, его права, свободы и законные интересы. С этой стороны, наряду со Стратегией действий, приняты такие законы, как «О негосударственных некоммерческих организациях», «О гарантиях деятельности негосударственных некоммерческих организаций», «Об органах самоуправления граждан», «О политических партиях», «О социальном партнерстве», «Об общественном контроле», на которые опираются в стране.

Необходимо подчеркнуть, что Указ Президента РУз № УП-5430 от 4 мая 2018 г. «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» и другие правовые документы создают возможность дальнейшего повышения достижения целей при выполнении определенных задач в данной сфере. Можно показать, отдельно выделив, следующие направления политической динамики и генезиса в конце XX – начале XXI века гражданского общества, строящегося в нашей стране и обоснованного на мировом опыте и стратегии национального развития [4].

Во-первых, гражданское общество это продукт общечеловеческого развития и действует в качестве необходимого условия существования на уровне определенных социально-политических критерий и правовых требований именно этого социального единения. Именно с этой стороны, конец XX, начало XXI века характеризуется повышением потребности в новых и в пересмотре системы старых ценностей в самых развитых странах на основе формирования таких понятий, как «постиндустриальное общество», «развитое гражданское общество», «общество науки и высоких знаний», «открытое и прозрачное информационное общество».

Во-вторых, основными свойствами гражданского общества признаны такие глобальные свойства, как широкое внедрение в жизнь принципов де-

мократии и стабильного развития в передовых странах, большинство которых идет по пути современного развития, превращение человеческого капитала является решающими факторы развития, установление свободных рыночных отношений, ускоренное внедрение во все сферы государственной политики и общественной жизни информационно-телекоммуникационных технологий. Это, в свою очередь, определяет главные цели и приоритетные задачи государственной политики, гражданское общество которого идет по пути строительства. Именно эта политическая событийность становится причиной усиления внимания среди всех мировых политологов на изыскания по формированию гражданского общества, развитие его политических, социальных, гуманитарных, правовых и экономических основ. В этом процессе очень важное значение имеют такие вопросы, как влияние исторических, национальных и духовных ценностей, мировоззрения, традиций и менталитета народов на государственную политику, направленную на обеспечение развития гражданского общества, существующего в каждой стране.

В-третьих, усиливается необходимость исследования с точки зрения практической политики каждого государства деятельности институтов гражданского общества, их своеобразных свойств во взаимоотношениях с государственными организациями, вклад в стабильное развитие. К тому же принятие ООН в 2000 году Декларации тысячелетия, Декларация Форума тысячелетия институтов гражданского общества и Программа действий, Окинавская Хартия глобального информационного общества, принятие в 2003-2005 годах Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» в этом направлении позволяют возможность определенного представления общечеловеческих критерий и национальных сторон государственной политики. В этом отношении внедрение в жизнь принятых ООН в 2015 году документа «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и «Тунисская программа для информационного общества» превратили в важную социально-политическую необходимость во внимание к сложным и взаимосвязанным процессам, которые необходимо учитывать в политике именно в этой сфере.

В-четвертых, в результате изысканий, осуществленных на основе «цивилизационного» подхода со стороны мировых ведущих ученых и специалистов, научных институтов и центров, где они осуществляют свою деятельность, доказано, что не может быть единой модели для всех стран понятия «гражданское общество», его концепции развития различных государств и каждой страны связаны с закономерностями развития страны, менталитетом населения, национальными, религиозными и духовными ценностями, что также отражается в политике этой области. В этом отношении большое значение в осознании национальных и общечеловеческих принципов поли-

тики в данном направлении имеют исследования и изыскания Глобальный альянс организаций активистов гражданского общества, объединившего более 200 научных центров всего мира (CIVICUS), Центра изучения проблем гражданского общества Университета им. Дж. Хопкинса (США), Центра изучения гражданского общества и некоммерческого сектора «Высшей школы экономики» Российского университета национальных исследований (Россия), Университета Цукуба (Япония), Университета им. Ж. Неру (Индия), Университета Сорбонны (Франция), Центра изучения гражданского общества Лондонского университета (Великобритания).

В-пятых, достойны также внимания разработки и существование на их основе заключений по правовым основам деятельности гражданских институтов в развитых странах, их авторитет в обществе, организационные возможности, финансовая стабильность, участие в защите интересов общества, научные разработки по «Индексам устойчивости негосударственных организаций», оценивающих деятельность в сфере оказания услуг, а также составленные «Дорожные карты гражданского общества». Это, в свою очередь, создает возможность учитывать критерии оценки в государственной политике нашей страны среды существования и развития гражданского общества, влияния на социально-политическую среду гражданских институтов, их структура и определение видов связи между ними, на этой основе оценки правовых основ деятельности гражданских институтов, их авторитета в обществе, организационных возможностей, финансовой стабильности, участия в защите интересов общества, деятельности в сфере оказания услуг.

Кроме этого, в политике нашего государства отдельное внимание уделяется дальнейшему повышению социальной активности граждан страны, динамики развития практики принципов гражданского общества, роли ННО в защите прав и интересов граждан, эффективности их деятельности в различных отраслях, сотрудничества с государственными организациями, роли в развитии регионов.

В-шестых, на сегодняшний день при определении основных направлений государственной политики в этой сфере приоритетными будут следующие стороны формирования и совершенствования гражданского общества:

– общие и своеобразные свойства развития гражданского общества в различных странах, на основе его современных концепций обеспечение взаимосвязи и соответствия социально-политических сторон триады «государство – гражданское общество – личность», являющейся опорой для практической деятельности;

– укрепление политических, социальных, гуманитарных, правовых и экономических основ государственной политики в этом направлении; отношения между государственными органами и институтами гражданского общества, а также социальное партнерство, обеспечение последовательной связи с состоянием развития институтов общественного контроля;

– достижение дальнейшего укрепления существующих в обществе экономических, социальных и духовных факторов граждан, дальнейшее повышение эффективности деятельности ННО и вклад в стабильное развитие в планах развития регионов и государственных программ для каждого года на основе Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годы [1. С. 551].

Все это явно показывает важность таких вопросов, как формирование устойчивого и экономически укрепленного гражданского общества в стране, построение правового демократического государства, влияние на эти процессы народной культуры, национального менталитета, традиций и ценностей, в широкомасштабной политике государства, направленной на создание «социального пространства», высокоразвитого и соответствующего передовым государствам.

Вместе с этим, необходимо подчеркнуть, что дополнительного внимания требуют вопросы оптимизации процессов формирования свободного и прозрачного гражданского общества, укрепления политических и экономических основ общественного контроля и социального партнерства, дальнейшего повышения доли, вкладываемой в устойчивое развитие страны гражданскими институтами, на основе широкомасштабных демократических изменений в рамках Стратегии действий, направленной на строительство гражданского общества. В этом отношении очень важным является указ Президента Республики Узбекистан № УП-5430 от 4 мая 2018 г. «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» [4]. Осуществляемые в стране политико-правовые и социально-экономические реформы требуют формирования сильного и справедливого гражданского общества, дальнейшего усиления роли и значения гражданских институтов в обеспечении стабильного развития страны. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что вопросы социально-политических сторон формирования гражданского общества, институтов гражданского общества, в первую очередь негосударственные некоммерческие организации, повышение возможности развития и состояние органов самоуправления граждан и многопартийной системы превращаются в важную необходимость современного периода. Необходимо подчеркнуть, что современная политика Узбекистана по строительству развитого гражданского общества не была сформирована случайно и не без основания, она основана на возможностях, созданных независимостью, передовых идеях ученых нашего края, вековом опыте нашего народа. Действительно, опыт Узбекистана по формированию экономических, социальных, политических и духовных основ гражданского общества, стратегия ускоренного реформирования всех сторон государства и общества, наличие взаимокрепкой связи между целями и задачами стабильного развития страны дают свои плоды и эффективны. Кроме этого, необходимо признать,

что пристальное внимание в политике, направленной на укрепление основ гражданского общества, уделяется негосударственным некоммерческим организациям (ННО) и другим институтам гражданского общества в решении социально-экономических, социально-политических и других проблем сферы, дальнейшему повышению участия в защите прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Это является основой социального партнерства между органами государственной власти и управления, общественными объединениями и органами самоуправления в этой политике, институтами общественного и парламентского контроля, для дальнейшего укрепления многопартийной системы, повышения эффективности деятельности парламента и политических партий. В современный период в политике, направленной на оптимизацию процессов формирования и развития социальных, политических, правовых, культурно-духовных и экономических основ гражданского общества в стране, дают свои практические результаты, опора на приоритетность закона и правовые критерии, свойственные новому этапу развития страны, обоснованность на принципы ответственности и прозрачности, честности и справедливости в деятельности государственных и общественных организаций. Эти основные направления политики создания гражданского общества проявляются в признании в качестве высокой ценности на основе строительства правового демократического государства, формирования «информационного общества» человека, его ценностей и законных интересов. Вместе с этим, в современной политике обновляемого Узбекистана, наряду с приоритетными направлениями развития институтов гражданского общества, народной власти и парламентаризма, важное значение имеет дальнейшее укрепление его социально-экономических основ, с этой целью поднятие на новый этап государственно-частное партнерство с ННО.

Приоритетными направлениями политики в этой сфере являются также демонстрация практических шагов модернизации экономики страны, опора на принципы «инновационного развития» в укреплении экономических основ развития государства и общества, критерии «цифровая экономика», «экономические кластеры», «бизнес-ангелы», которые являются структурной частью и важным условием этого процесса.

В государственной политике в этой сфере с целью дальнейшего повышения социально-политической активности граждан необходимо уделить отдельное внимание таким актуальным задачам, как обеспечение свободы слова и информации, усиление влияния современных информационно-коммуникационных технологий на развитие гражданского общества.

Все эти утверждения в государственной политике по созданию гражданского общества все более обновляемом Узбекистане служат осуществлению самых важных закономерностей демократии, дальнейшему совершенствованию системы эффективной защиты прав и свобод личности. Это, в свою очередь, свидетельствует о расширении возможностей строительства пере-

---

дового гражданского общества, обладающего новыми принципами на новом этапе развития страны, «социального пространства», соответствующего самым развитым государствам, жизни, которая служит приоритетным принципам справедливости и законным интересам граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ахмедов Х. Важные документы политики обновления // Вопросы политологии. 2018. Т. 8. № 9 (37).
2. Декларация и Программа действий Форума тысячелетия: «Мы, народы: укрепление ООН в двадцать первом веке». Резолюция № А/54/959 ГА от 8.08.2000 г.
3. Послание Олий Мажлису Президента РУз Ш. Мирзиёева. 24.01.2020.
4. Указ Президента РУз № УП-5430 от 4 мая 2018 г. «О мерах по коренному повышению роли институтов гражданского общества в процессе демократического обновления страны» // База национального законодательства. 05.05.2018. № 06/18/5430/1164.
5. Указ Президента РУз № УП-5953 от 2 марта 2020 г. «О государственной программе по реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах в «Год развития науки, просвещения и цифровой экономики».

O.I. MAJIDOV

*Researcher at the Mirzo Ulugbek
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Republic of Uzbekistan*

THE MAIN DIRECTIONS OF THE POLICY OF BUILDING A CIVIL SOCIETY IN UZBEKISTAN

The article emphasizes that since the first years of its independence, Uzbekistan has chosen the path of building a democratic state and civil society based on the rule of law. It was noted that the current policy of civil society in Uzbekistan, aimed at optimizing the formation and development of social, political, legal, cultural, spiritual and economic foundations, is based on the rule of law and legal criteria inherent in a new stage of development. It was also noted that the activities of state and public organizations, based on the principles of transparency and accountability, honesty and fairness, are yielding practical results.

Key words: *rule of law, justice, constitutional state, democracy, civil society, reform, human capital, human rights, social development, moral values, responsibility, social activity.*

КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящается вызовам и перспективам консолидации российского общества и определению особенностей влияния вызовов и возможностей, сопровождающих данный процесс на российскую действительность. Представленный материал позволяет сделать вывод о том, что ставка на развитие гражданского общества, диалог общества и государства являются необходимыми альтернативами устаревшим технологиям консолидации общества.

Ключевые слова: общественная консолидация, российское общество, патернализм, пропаганда, гражданское общество.

В эпоху стремительного развития технологий коммуникаций перед государством стоят непростые задачи соблюдения основ конституционного строя, консолидации и развития российского общества.

Политический и экономический кризисы в России привели к кризису общественного сознания: одни слои общества ощутили острое разочарование в социалистических ценностях, другие категорически отказались мириться с радикальным обновлением общества. При этом обе стороны почувствовали необходимость стабилизировать ситуацию и были восприимчивы к простым и интуитивно понятным, знакомым идеям. В результате сформировался «запрос» общества к простым идеологическим конструкциям.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 4; 6; 7; 8. С. 59-69; 12. С. 112-125].

Однако проблему развития институтов гражданского общества нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Долгое время в истории России технологии пропаганды являлись основой формирования массового сознания.

К примеру, «поиски внешнего врага – противопоставление «мы и они», технология, которая подтверждала свою эффективность десятилетиями.

Несмотря на свою эффективность данная технология консолидации нации несет значительные риски. Общественная риторика и настроения становятся более агрессивными» [9. С. 3689-3693].

Термин «пропаганда» (от лат. Propaganda – распространение) имеет множество научных определений, среди которых:

1. Система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на соц. поведение людей.

2. Распространение в массах идеологии и политики определенных партий, государств.

3. Средство манипуляции массовым сознанием [10. С. 488].

Пропаганда препятствует развитию гражданского общества и имеет негативные последствия:

- Снижается важность ценностей сотрудничества, политического компромисса и диалога.

- Политический контроль превращается в самоподдерживающуюся, самовоспроизводящуюся, закрытую для внешних и внутренних политических альтернатив систему.

- Сохраняются и поддерживаются завышенные ожидания граждан по отношению к государственным органам и, как следствие, подавляется инициатива, активность и ответственность.

- Эмоциональная пропаганда иррационализма затмевает поиск рациональных решений конкретных социально-политических проблем.

В политическом сознании закрепляется образ патерналистского состояния: граждане отказались от власти в пользу чиновников и даже передали им свою судьбу. «Подавляющее большинство населения России на протяжении всей российской истории постоянно чувствовали свою личную зависимость от властей предрежащих. В этих условиях россияне, естественно, не могли осознавать себя свободными, полноправными личностями, а, следовательно, не могло быть и речи о формировании у них гражданского сознания, гражданской культуры» [5].

Важным препятствием к объединению и эффективным совместным действиям российских граждан является дефицит доверия людей друг к другу и к структурам гражданского общества.

Невысокий уровень доверия объясняет, почему, по мнению опрошенных, у людей редко встречается готовность к объединению. «Так, 23% россиян уверены: большинству сограждан можно доверять» [3].

Эффективное местное самоуправление может стать большим толчком к гражданской активности и, как следствие, развитию российского общества.

Местное самоуправление играет важную роль в развитии гражданского общества в России, являясь одновременно механизмом его формирования

и неотъемлемой частью. Этот институт важен для гражданского общества и верховенства закона как стабилизирующий фактор их функционирования и взаимодействия. Именно местное самоуправление, представленное микромоделью гражданского общества, позволяет отражать закономерности и противоречия в развитии гражданского общества. Местное самоуправление позволяет гражданам серьезно влиять на качество их жизни, участвуя в вопросах местного значения в местных референдумах, собраниях, принятии муниципальных постановлений.

Например, местное самоуправление, корпоративная этика трудовых коллективов позволяет гражданам обходиться без вмешательства государства в ситуациях, когда конкретная проблема может быть решена самим учреждением. Более перспективным способом решения проблемы формирования гражданского общества в России может быть поощрение участия граждан в деятельности различных общественных институтов, особенно органов самоуправления.

Также необходимо активное правовое образование и воспитание граждан в детском и подростковом возрасте, развитие сети детских и молодежных объединений, которые служат «школой самоуправления», чтобы позволить гражданам получить базовые навыки самоуправления, которые будут полезны в будущем для участия в формировании и деятельности других институтов гражданского общества в России. «Существование гражданского общества, его формирование невозможны без появления новых общественных индивидов – социально активных граждан, имеющих равные гражданские права и своеобразные гражданские качества, достаточно высокий уровень гражданской культуры» [5].

Содействуя развитию гражданского общества и институтов, государство реализует, среди прочего, довольно важную практическую цель, снимая часть бремени ответственности с общества и полагаясь на социальную автономию и саморегулирование в допустимых случаях. Современное государство должно видеть в гражданском обществе не оппонента, а союзника.

Таким образом, консолидация российского общества, приоритетом которой будет развитие страны будет возможна в случае активной гражданской позиции и влияния гражданского общества на принятие политических решений. «Правовое государство должно быть гарантом согласия, гражданского консенсуса основных слоев общества. В современном обществе, как никогда прежде, появилась возможность гармонизации социальных интересов и социальной структуры. Конфронтация из противостояния классовый борьбы превратилась в саморегулируемую систему позитивных функциональных конфликтов. И государство полнее, чем когда-либо, способно выполнять функцию механизма регуляции и гармонизации общественных отношений, а не выступать в качестве машины насилия и подавления» [11. С. 86-92].

Процессы, которые происходят в России, сложны и неоднозначны. Развитие общества и политических институтов во многом зависит от характера изменений во всех сферах политической и социально-экономической системы.

Несмотря на все трудности, можно отметить, что российское общество не статично, оно развивается. В России существуют разные точки зрения на происходящее в стране и в мире. «В преддверии крутого перелома глобальной эволюции, ожидающегося на протяжении текущего столетия, национальную идею уместнее строить не на узкопатриотическом, а космополитическом основании, поставив во главу угла обеспечение жизнеспособности земной цивилизации в XXI веке. Это способно не только вдохновить и консолидировать россиян, повысить привлекательность российской внешней политики за рубежом, но и обеспечить России такую же стабилизирующую роль в мировой политике» [1].

Несмотря на то, что процессы меняются довольно медленно, нельзя сказать, что молодое поколение невосприимчиво к изменениям. Главное, чтобы люди думали, что судьба их страны в их руках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет в системе движущих сил социального развития // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2.

2. Денисенко П.В. Big Data в системе отношений «государство-общество»: потенциал и некоторые сферы применения (на примере США) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).

3. Исследование ВШЭ: треть россиян участвуют в деятельности хотя бы одной НКО // Агентство социальной информации // <https://www.asi.org.ru/news/2019/06/27/issledovanie-doverie/>.

4. Карлаков В.С. Сравнение политико-институциональных изменений в России в 1990-е и в начале 2000-х годов: общие и отличительные черты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).

5. Кочетков А.П. Некоторые особенности развития гражданского общества в России // Власть. 2015. № 8 // <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii>.

6. Кулакова Н.Н. Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).

7. Львов С.В., Максимова А.А., Нечаева С.В. Механизмы и мотивация участия педагогического сообщества в политических и гражданских процессах // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 2 (71).

8. Медведев Н.П. Местное самоуправление в России: политико-правовые проблемы взаимодействия властных и общественных институтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2016. № 2 (33).

---

9. Савельева У.С. Образ будущего как фактор консолидации российского общества // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 12.

10. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / Редактор-координатор, академик РАН – Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998.

11. Шелустов Ю.И. Ценности правового государства // Вестник Российской нации. 2016. № 2.

12. Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A. Gorbachev – Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. Whats Next? // Political Science Issues. 2019. Т. 9. № 2 (32).

U.S. SAVELEVA

*Russian Politics Department,
Faculty of Political Science, PhD student, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia*

CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article is devoted to the challenges and prospects for the consolidation of Russian society and the determination of the features of the impact of the challenges and opportunities that accompany this process on Russian reality. The presented material allows us to conclude that the stake on the development of civil society, dialogue between society and the state are necessary alternatives to outdated technologies for consolidating society.

Key words: *social consolidation, Russian society, paternalism, propaganda, civil society.*

СТРАТЕГИЯ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФРОНТАЦИИ

Цель данной статьи – оценка действующей стратегии коммуникации российской политической элиты и населения в условиях напряженных взаимоотношений России с США и Европейским союзом. К числу задач относятся: выявление потенциальных угроз для коммуникационной среды России в результате конфронтации с США и ЕС; определение специфики и особенностей отечественной стратегии обратной связи власти и общества. В качестве методов исследования использовались: сравнительный анализ, контент-анализ и event-анализ. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: 1) использование традиционного формата обратной связи (телевидение, печатные СМИ, личные встречи, Прямая линия) как ключевого, недостаточно для контроля над политической повесткой и поддержания лояльного отношения населения к элите; 2) использование локальных интернет-ресурсов как коммуникационных площадок на различных уровнях власти (например, «Активный гражданин» в Москве, «Добродел» в Московской области, на («Российская общественная инициатива») федеральном уровне) является эффективной практикой, но из-за низкого охвата аудитории оказывать влияние на федеральную повестку и отвечать на глобальные внутренние вызовы не способны; 3) в качестве рекомендаций предлагается внедрить в действующую стратегию обратной связи элиты с населением отечественные социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники), поскольку это позволит с одной стороны решить проблему низкого охвата аудитории у действующих интернет-ресурсов, повысить стандарты открытости и прозрачности коммуникации, вовлечь молодое поколение в политическую повестку, с другой, избежать риски от вмешательства иностранных корпораций благодаря «отечественному происхождению» перечисленных социальных сетей.

Ключевые слова: коммуникация, политическая элита, социальные сети, интернет-ресурсы, политическая повестка.

Завершение периода «Крымской весны» в 2014 году ознаменовало новую эпоху взаимоотношений России и стран Запада. Если в предыдущие

годы между Россией, Европейским Союзом (далее – ЕС) и США были определенные разногласия, то вхождение Крыма в состав России стало «спусковым крючком» к началу острой политической конфронтации. Основными инструментами противостояния стали взаимные санкции и информационные войны. Как показала практика, ведение информационных противостояний традиционными методами, через печатные СМИ и телевидение, давали эффект лишь на внутренней арене, поскольку большинство участников контролировали внутреннюю политическую повестку. Напротив, социальные сети к этому времени широко распространялись по всему миру и аккумулировали вокруг себя миллионы пользователей и в отличие от традиционных форматов коммуникации, позволяли не только влиять на мнения собственных граждан, но и убеждать в собственной правоте иностранных пользователей [8; 9].

Глобальные транснациональные корпорации, преимущественно американские, например, Google, Facebook уже в 2014 году имели огромное влияние во всем мире. Правительство США в 2018 году закрепило в национальной стратегии о киберпространстве пункт о распространении «свободного интернета» как альтернативного источника информации, особенно в странах, в которых политическая повестка полностью контролируется властью [13]. Впрочем, США и оппозиционные движения в различных странах и до 2014 года использовали социальные сети не только как инструмент обратной связи с обществом, площадку для распространения собственной политической повестки, но и для манипуляции общественным мнением, координации уличных протестов, революций и переворотов. Подобная практика использования социальных сетей встречалась в России в 2011 году (Болотная площадь), Украине в 2014 году (Майдан), Ливии и Египте в ходе «Арабской весны» и др. Также в социальных сетях возможно воплощение угрозы в виде ложных цифровых аватаров (DeepFake), выдающих себя за разных политиков системы, на основе технологий искусственного интеллекта [10].

До недавнего времени, а возможно и до сих пор, общество воспринимает интернет-пространство как своего рода «островок свободы», где повестка соответствует интересам пользователей, не контролируется государством, отсутствуют попытки вброса и распространения ложной информации, а администрации социальных сетей являются нейтральными наблюдателями и полностью независимы от политиков. Очевидно, что подобный стереотип, особенно сильно распространившийся в молодежной среде, способствует популяризации западного стиля жизни, культуры, ценностей и даже политических взглядов, поскольку повестка, которая генерируется во многом именно социальными сетями, воспринимается пользователями как объективная и актуальная.

Новая коммуникационная стратегия российской политической элиты. Создание новой модели обратной связи между властью и обще-

ством началось в России с начала XXI века, но оформляться в единую и централизованную систему стала лишь после воссоединения с Крымом. Еще в 2011 году, в ходе протестов на Болотной площади, политическая элита осознала потенциал социальных сетей и тот факт, что ее влияние в них незначительно. Фактически, из руководящих лиц, лишь Д.А. Медведев активно ввел аккаунт в Twitter, однако этого было недостаточно, чтобы перехватить инициативу у оппозиции, которая сделала социальную сеть площадкой интеграции протестного электората.

Таким образом, российская политическая элита была вынуждена создать собственную модель обратной связи с обществом, с учетом современных информационно-коммуникационных технологий. В новой коммуникационной стратегии власти с обществом, доминирующая роль была отведена традиционному формату взаимодействия (через печатные СМИ, телевидение, личные встречи), а социальные сети не играли значительной роли из-за нескольких причин:

1) низкое влияние элиты в социальных сетях, доминирование в них оппозиционных настроений. Как уже говорилось, представителей высшей политической элиты России в социальных сетях было крайне мало. В то же время, учитывая высокий уровень персонализации власти в России, отстраненность В. Путина от социальных сетей была четким сигналом для власти не спешить осваивать данные интернет-площадки. Фактически, российская элита взяла курс на сохранение традиционной закрытости, «заговора молчания». Во многом это подтверждается массовой волной отставок губернаторов, состоявшейся в 2018 году, тогда почти все из них были активными пользователями социальных сетей [4. С. 7];

2) В. Путин не является пользователем ни интернета, ни социальных сетей. Президент предпочитает получать информацию от ответственных лиц, преимущественно на бумажных носителях [6]. Очевидно, что предпочтение традиционных методов работы В. Путина оказали влияние на доминирование аналогичного формата коммуникации с населением;

3) как отмечает испанский социолог М. Кастельс, любая политическая элита стремится сохранить границу с обществом, отстоять свою обособленность и минимизировать участие граждан в принятии ключевых государственных решений. Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий, развитие интернета и социальных сетей существенно ускоряют передачу информации, повышают открытость и прозрачность процессов, в том числе политических, что приводит к стиранию границ между элитой и обществом, стимулирует демократизацию институтов [5. С. 86]. В результате политическая элита вынуждена либо взять курс на «заговор молчания» (как в России), но столкнуться с угрозой утраты контроля над политической повесткой в социальных сетях, что означает потерю влияния на молодежь, либо приспособливаться к новым реалиям путем создания закрытых информационных потоков.

После «Крымской весны» и начала острой конфронтации с США и ЕС к вышеуказанным причинам добавилась еще одна: риски, связанные с доминированием американских транснациональных корпораций в интернет-пространстве. Традиционно считалось, что прямое вмешательство администраций зарубежных социальных сетей в политические процессы невозможен, тем более на международном уровне, а риски нарушения коммуникации представителей элиты (ведущих свои профили) с населением (подписчиками) со стороны Facebook, Twitter, Instagram навсегда заключены в категорию «потенциальные, но не реализуемые». Тем не менее, недавний ряд скандалов продемонстрировал, что эти риски не потенциальные, а вполне реальные. В 2017 году Instagram удалил аккаунт главы Чечни Р. Кадырова, а представитель Facebook (данной компании принадлежит Instagram) отметил, что причиной блокировки являются введенные санкции со стороны США против его владельца, уточнив, что Facebook – американская компания и действует в рамках законодательства США [1]. В 2020 году уже Twitter вмешался в деятельность иностранного политика – президента Бразилии Ж. Болсонару, удалив несколько его постов, в которых были размещены фотографии во время прогулки и общения с жителями столицы. Официальная причина – президент, как и все люди вокруг него были без защитных масок [11]. В начале 2021 года Twitter навсегда заблокировал аккаунт экс-президента США Д. Трампа, за подстрекательство к протестам [7]. Примечательно, что призывы к проведению протестных акций и неподчинению властям (в арабских странах, России, Украине, Белоруссии) остались без внимания администрации социальной сети.

Таким образом, отказ политической элиты России от доминирующей роли социальных сетей в новой коммуникационной стратегии обусловлен тремя факторами: личными предпочтениями В. Путина, слабым влиянием политической элиты на этих площадках, стремлением к обособлению (как от общества, так и от влияния на элиту извне, например, из США).

Тем не менее, использовать исключительно традиционный формат коммуникации, игнорируя цифровизацию общества и новые возможности информационно-коммуникационных технологий невозможно, следовательно, современный формат обратной связи должен быть представлен в тандеме с традиционным. Если мероприятия традиционного формата были известны прежде и проводились регулярно (прямые линии, личные встречи, интервью и т.д.), при этом представители элиты выступали исключительно как субъекты повестки, а вероятность неудобных вопросов «из зала» сводилась к минимуму, то динамичность современного формата (социальных сетей) с одной стороны могла лишиться власть статуса субъекта повестки, с другой, контроля за ходом (сценарием) проведения обратной связи.

Политическая элита сделала выбор в пользу отдельных интернет-ресурсов, как площадок способных заменить социальные сети. Они были

значительно менее масштабны по количеству пользователей, но позволяли коммуницировать с властью на различных уровнях: городском («Активный гражданин», г. Москва), региональном («Добродел», Московская область), федеральном («Российская общественная инициатива»). Также их преимуществом являлись, во-первых, подконтрольность политической элите, во-вторых, интегрированность в систему государственного управления, что придавало этим ресурсам официальности и эксклюзивности (органы власти обязаны рассмотреть запрос). Данная система обратной связи: тандем традиционного формата коммуникации (ключевое мероприятие – Прямая линия с В.В. Путиным) с современным (отдельные интернет-ресурсы) функционирует уже в течении пяти лет, следовательно, вполне возможно объективно оценить ее эффективность в условиях острой конфронтации между Россией с одной стороны и США, ЕС с другой.

Оценка эффективности действующей коммуникационной стратегии в России. Поскольку власть в России традиционно персонализирована и ассоциируется у общества с главой государства, то проводить оценку эффективности традиционного формата коммуникации необходимо проанализировав мероприятия, субъектом в которых выступает В.В. Путин и наиболее популярное из них – Прямая линия. Ключевые показатели оценки: 1) динамика численности зрителей Прямой линии с 2015 по 2019 год; 2) динамика рейтинга Президента и руководителей органов власти с 2015 по 2019 год. На рисунке 1 продемонстрирована динамика зрителей Прямой линии с 2015 по 2019 год, в 2020 году данный формат не проводился.

Динамика, изображенная на рисунке 1 позволяет заключить, что с каждым годом количество зрителей подобного формата обратной связи с Президентом все меньше, следовательно, эффект от его проведения также снижается. Примечательно, что рейтинг одобрения деятельности Президента, как и глав Совета Федерации (В. Матвиенко), Государственной Думы (В. Володин), Правительства (Д. Медведев/М. Мишустин) в исследуемый период с 2015 по 2019 год также падает:

- рейтинг В. Путина с 90% в 2015 до 63% в 2019 г.;
- рейтинг В. Матвиенко с 51% в 2015 до 40% в 2019 г.;
- рейтинг В. Володина с 51% в 2015 до 34% в 2019 г.;
- рейтинг Д. Медведева/М. Мишустина (Правительство РФ) с 72% в 2015 до 37% в 2019 г. [3].

Безусловно, столь резкое падение рейтинга российской элиты связано с «усталостью» граждан от внешнеполитической повестки, в том числе окончанием эффекта от «Крымской весны» и переориентации общества на внутреннюю политику, особенно на социально-экономическое развитие. Проведенная в 2018 году пенсионная реформа сильно ударила по рейтингу политической элиты России. Исходя из приведенных выше данных, очевидно, что падение рейтинга власти и ежегодное снижение зрителей Прямой

Кол-во зрителей "Прямой линии" (млн чел.)

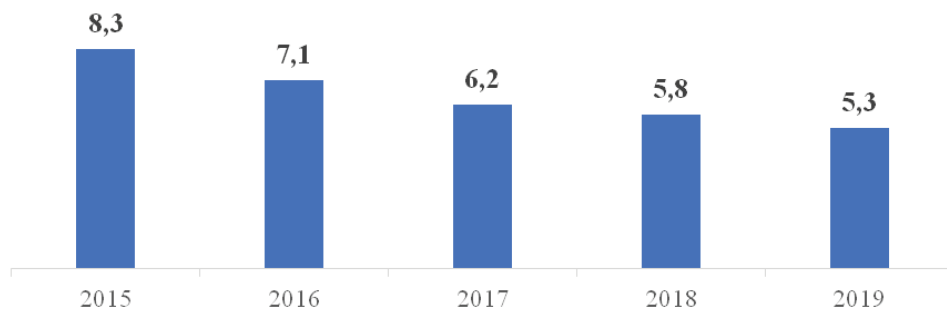

Рисунок 1. Количество зрителей Прямой линии с 2015 по 2019 год

Таблица 1

Посещаемость интернет-ресурсов, созданных для повышения качества коммуникации между властью и обществом

№	Интернет-ресурс	Уровень	Численность населения (млн чел.)	Среднее количество пользователей (млн чел.)*	Доля вовлеченной аудитории (%)
1	Российская общественная инициатива	Федеральный	146,8	0,32	0,22
2	Активный гражданин	Региональный (Москва)	12,6	1,14	9
3	Добродел	Региональный (Московская область)	7,7	0,36	4,68

* Среднее за последние 6 месяцев (сентябрь 2020 – февраль 2021) [14].

линии, как ключевого мероприятия традиционного формата коммуникации, не оставляет иного выбора, кроме как использовать преимущества современных информационно-коммуникационных технологий, в противном случае элита рискует потерять контроль над политической повесткой.

В таблице 1 продемонстрированы данные ежемесячной посещаемости интернет-ресурсов, используемых элитой для обратной связи между властью и обществом.

Данные в таблице 1 демонстрируют крайне низкую долю охвата аудитории на каждом уровне власти, что является сигналом низкой эффективности

обратной связи. Напротив, социальные сети позволяют ликвидировать риски низкого охвата аудитории. По данным за 2018 год в России каждая из трех наиболее популярных социальных сетей имела охват более 40 млн человек: ВКонтакте (73 млн, 49,8% от населения РФ), Instagram (59,4 млн, 40,5%), Одноклассники (43 млн, 29,3%) [12]. Безусловно, социальные сети как инструмент взаимодействия с обществом не являются панацеей, поскольку имеют свои слабые стороны и риски: вмешательство извне, фейк аккаунты, непроверенная информация и т.д. Однако и интернет-ресурсы подконтрольные элите имеют свои изъяны: манипуляция общественным мнением (подобные случаи уже происходили [2]), отсутствие прозрачности и открытости, потенциальное стремление политиков использовать площадку в собственных целях.

Таким образом, действующая коммуникационная модель российской политической элиты, в условиях международной конфронтации, представляется недостаточно эффективной:

1) приоритетность традиционного формата обратной связи не оправдывается. Регулярное повторение мероприятий, в которых главным лицом является Президент дало краткосрочный эффект за счет «Крымской весны». Как только внешнеполитическая повестка уступила место социально-экономическим проблемам (проведение пенсионной реформы и др.), ресурсов телевидения и печатных СМИ оказалось недостаточно, чтобы переломить рост недоверия к элите, в связи с чем возник риск утраты контроля над информационным полем;

2) коммуникационные интернет-площадки, созданные элитой, имеют небольшой охват аудитории и являются узконаправленными, что не позволяет им эффективно отвечать на вызовы федерального уровня, лишь функционировать в условиях «стабильной» обстановки в качестве дополнения к традиционному формату обратной связи. При этом данные площадки из-за подконтрольности власти создают угрозу манипуляции общественным мнением в личных интересах политиков.

В результате проведенного анализа можно заключить, что существующая коммуникационная стратегия политической элиты и общества в России дает положительный эффект с точки зрения борьбы с иностранными корпорациями за контроль над внутригосударственной повесткой. Однако полный отказ от социальных сетей и использование исключительно подконтрольных интернет-ресурсов создает множество рисков и в случае дестабилизации внутренней политики не сможет дать элите необходимый эффект.

В качестве рекомендаций по совершенствованию коммуникационной стратегии элиты и общества в России предлагается:

– добавить к современному формату коммуникации отечественные социальные сети: ВКонтакте, Одноклассники. Это позволит с одной стороны значительно увеличить охват аудитории, с другой избежать иностранного вмешательства;

– повысить открытость и прозрачность действующих интернет-ресурсов: «Активный гражданин», «Добродел», «Российская общественная инициатива» и постепенно расширять подобную практику на регионы с высоким уровнем доступа населения к интернету;

– разнообразить традиционный формат коммуникации новыми мероприятиями или расширить пул телевизионных проектов, связанных с Советом Федерации, Государственной Думой и исполнительными органами власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ» (РБК) Facebook заблокировал Instagram Кадырова из-за санкций // <https://www.rbc.ru/politics/13/05/2020/5ebbab8d9a7947db23b62bfd>.

2. Воронов А., Сидоров Д. «Активного гражданина» подозревают в фиктивности // <https://www.kommersant.ru/doc/2838141>.

3. ВЦИОМ Рейтинг одобрения деятельности органов власти // <https://wciom.ru/>.

4. Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1.

5. Подвигин Е.А. Сравнительный анализ зарубежных подходов: проблема критериев оценки деятельности государственно-властных элит // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1.

6. ТАСС Песков рассказал, почему у Путина нет смартфона // <https://tass.ru/politika/5933844>.

7. ТАСС Аккаунт Трампа в Twitter заблокировали на постоянной основе // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10423433>.

8. Федорченко С.Н. Сетевые технологии и легитимность политического режима // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 4.

9. Федорченко С.Н. Элита и ее политический режим в условиях сетевых коммуникаций // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 1.

10. Федорченко С.Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2.

11. Чернов Ю. Twitter удалил сообщения президента Бразилии // <https://rg.ru/2020/03/30/twitter-udalil-soobshcheniia-prezidenta-brazilii.html>.

12. Mediascope // <https://mediascope.net/>.

13. National Cyber Strategy of the United States of America (2018) // <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>.

14. SimilarWeb // <https://www.similarweb.com/>.

S.A. BAYKOV
*Postgraduate Student, Department
of Political Science and Law, Moscow Regional State
University, Moscow, Russia*

COMMUNICATION STRATEGY OF THE POLITICAL ELITE AND SOCIETY IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CONFRONTATION

The purpose of this article is to assess the current communication strategy of the Russian political elite and the population in the context of tense relations between Russia and the United States and the European Union. The tasks include identifying potential threats to the communication environment in Russia as a result of a confrontation with the US and the EU, determination of the specifics and features of the domestic strategy of feedback from the authorities and society. Comparative analysis, content analysis and event analysis were used as research methods. As a result of the study, the following conclusions were drawn: 1) the use of the traditional feedback format (television, print media, personal meetings, Direct Line) as a key one is not enough to control the political agenda and maintain a loyal attitude of the people towards the elite; 2) the use of local Internet resources as communication platforms at different levels of government (for example, "Active Citizen" in Moscow, "Dobrodel" in the Moscow Region, at ("Russian Public Initiative" at the federal level) is effective, but due to low audience coverage is unable to influence the federal agenda and respond to global internal challenges; 3) as recommendations, it is proposed to introduce domestic social networks (VKontakte, Odnoklassniki) into the current strategy of feedback from the elite with the people, since this will, on the one hand, solve the problem of low audience coverage from existing Internet resources, raise the standards of openness and transparency of communication, involve the younger generation and on the other hand, to avoid the risks of interference by foreign corporations due to the "domestic origin" of the listed social networks.

Key words: *communication, political elite, social networks, Internet resources, political agenda.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.015

УДК 32.323

С.В. ВЕНЦЕЛЬ

аналитик Национального центра
информационного противодействия терроризму и
экстремизму в образовательной среде и сети Интернет,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ПРОСТРАНСТВЕ НОВЫХ МЕДИА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Автором актуализируются проблемы широкого распространения экстремистских течений в цифровой среде новых медиа. Экстремистские течения в сети Интернет функционируют благодаря интерактивному производству деструктивного контента и внедрению в мышление пользователей деструктивных нарративов при использовании когнитивных искажений. Отмечается необходимость комплексного подхода к противодействию экстремистским течениям, предполагающий формирование позитивных нарративов и полноценных платформ для их распространения.

Ключевые слова: *новые медиа, экстремизм, политическая радикализация, интернет-коммуникации, сетевые сообщества, медиатизированные миры, конвергентная культура, язык вражды.*

Введение. Широкое распространение экстремистских нарративов в современном коммуникативном пространстве цифровой среды новых медиа актуализируется как научная проблема благодаря воздействию нескольких факторов: во-первых, активное использование сторонниками экстремистских течений потенциальных возможностей виртуального пространства сети Интернет для расширения числа последователей и распространения своих нарративов; во-вторых, сама среда новых медиа, позволяющая всем пользователям участвовать в формировании информационных ресурсов и различных нарративов делает возможным создание максимально обезличенного деструктивного контента, отдельные компоненты которого могут существовать абсолютно автономно и трансформироваться в любые форматы: от подкастов до видеозаписей. Эффективное противодействие экстремистским течениям в виртуальном пространстве осложняется под воздействием нескольких факторов: во-первых, теоретико-методологические нюансы в определении самого термина «экстремизм», поскольку в каждом научном направлении от политологии от юриспруденции существует

большой комплекс подходов к пониманию данного явления, который будет варьироваться в зависимости от государства или региона; во-вторых, процессы радикализации пользователей как превращение людей и целых социальных групп в адептов экстремистских идей любой возможной формы: от религиозного и политического до экологического и гендерного, не имеют единой модели, что детерминирует отсутствие единого подхода к пониманию того, где находится финальная точка радикализации. Процессам радикализации может подвергнуться практически любой пользователь новых медиа, однако один пользователь может только воспринять экстремистские и деструктивные идеи и переформатировать собственное мировоззрение, другой пользователь начнет участвовать в формировании экстремистских нарративов в виртуальном пространстве и конкретном медиатизированном мире, а иной пользователь станет использовать активную наступательную тактику с применением насилия уже в реальном мире.

Экстремизм имеет благоприятную почву для своего распространения в тех сообществах, которые находятся в кризисной ситуации и имеют хронические социально-экономические и политико-идеологические проблемы. Важным фактором, благоприятно сказывающимся на принятие пользователем новых медиа экстремистских нарративов с последующей трансформацией сознания, является размытость идентичности, причем в пространстве сети Интернет пользователь формирует свою идентичность самостоятельно и осознанно. Тем самым подчеркивается качественное отличие социализации, происходящей в виртуальном пространстве, от стандартной социализации, имеющей место в реальном мире. Виртуальная радикализация происходит благодаря возможности активного участия пользователя в расширении существующих экстремистских нарративов и формировании собственных информационных ресурсов в силу качественных особенностей контента цифровой среды новых медиа.

Теоретико-методологическая база. Теоретико-методологическим фундаментом данной научно-исследовательской статьи выступает трехуровневая конструкция, парадигмальным уровнем которой выступают теории сетевого информационного общества. Выдающимся представителем данной теории является М. Кастельс, утверждавший о наступлении новой формы обществе сетевого характера на базе массового распространения Интернет-технологий. Современное общество порождает культуру реальной виртуальности, где виртуальные образы полностью вбирают в себя формы материального и символического бытия граждан.

В качестве среднего уровня выделена теория медиатизации, в основе которой утверждение о существенной влиянии медийных инструментов и платформ на формирование трека развития общественно-политических процессов. Теория медиатизация подчеркивает, что трансформации в технологических коммуникациях масс-медиа неизбежно приводят к изменени-

ям социальных практик и социальных институтов. В рамках проведенного исследования был выявлен эвристический потенциал теории социального присутствия, согласно которой коммуникация в виртуальном пространстве считается только тогда эффективной, когда средство коммуникации обладает необходимым для межличностного вовлечения в решение каких-либо задач уровнем социального присутствия. Специфические черты, присущие производимому в цифровой среде новым медиа контенту, объясняются благодаря теоретическим разработкам Л. Мановича и теории конвергенции медиа Г. Дженкинса. Стоит подчеркнуть внутреннюю неоднородности внутри теорий медиатизации, однако за основу берется взгляды немецкого социолога В. Шульца и датского исследователя С. Хьярварда о сущности медиатизации как процесса трансформации социальных институтов под влиянием медиалогии.

Третий уровень – нарративный метод анализа коммуникативных практик и нарративов в целом как целостных повествовательных конструкций, используемых для воздействия на сознания пользователя новых медиа с целью его изменения. Опираясь на исследования М. Бамберга из Университета Кларка, нарративные категории включают в себя две составляющие: длинные истории и краткие истории. Длинные истории позволяют пользователям осознать смысл бытия и ощутить сопричастность к большим социальным конструкциям (нации, государства, религиозные общины). Краткие же истории опираются на повседневный опыт и постоянные коммуникационные взаимодействия. Данные истории трансформируются в нарративы и задают общий тон в накоплении социального опыта пользователями новых медиа.

Обзор литературы. Проблема распространения различных форм политического экстремизма в цифровой среде новых медиа является одной из наиболее актуальных в современных исследованиях ученых из различных стран в силу определенной специфики. Во-первых, отсутствует единая дефиниция понятия «экстремизм», которое сильно варьируется в зависимости от отдельных государственных нормативно-правовых баз и научных традиций. Данный аспект существенно осложняется отсутствием комплекса полноценных концепций анализа экстремизма. Следует выделить одну из наиболее известных и распространенных среди научного сообщества – концепцию экстремизма С.М. Липсета, разработанную им совместно с Р. Бендиксом и Э. Раабом. Согласно данной концепции, экстремизм предстает в качестве формы деструктивного политического поведения в социуме и как форма приверженности к определенным крайним взглядам и идеям, отличной чертой которых является монистичность – сведение разнообразия к единому началу [1]. Появление и распространение экстремизма обусловлено становлением групп депривации и статусного несоответствия в рамках более широкого процесса деформирования структурного фунда-

мента социума, а также отсутствием альтернативных легальных способов изменения социальной действительности. Цифровое пространство новых медиа же существенно расширяет потенциал экстремистских течений, преобразуя их структуры и направления деятельности.

Во-вторых, специфика новых медиа как междисциплинарного явления детерминирует отсутствие унифицированной дефиниции самого понятия «новые медиа». Исследователи О. Стинс и Д. ван Фухт отмечали притягательный аспект новых медиа как раз в том, что не представляется возможным определить явление одной дефиницией [5]. Л. Манович в своих исследованиях дает сразу несколько определений, обладающих фундаментальным характером: от понимания новых медиа как абсолютно любых технологий, используемых в качестве информационных платформ до эклектического комплекса уже устоявшихся культурных конвенций и специальных алгоритмов программного обеспечения [7].

В-третьих, в научной среде продолжаются дискуссии о влиянии технологических изменений средств масс-медиа – медиумов – на характер и сущность коммуникативных социальных практик. Теория медиатизация, претендующая на статус парадигмы и объясняющая подобные трансформационные процессы, не является монолитным конструктом. Представители обозначенной теории выделяют различные классификации исследовательских традиций внутри теории: от разделения на институциональные и социальные (согласно Н. Колдри и А. Хепп) до разделения на системные, технологические и феноменологические (по Й. Болину). Исследование новых медиа в рамках теории медиатизации предполагает рассмотрение их технологических характеристик, институциональных характеристик и их воздействия на социальное конструирование. Медиумы есть, в первую очередь, технологические инструменты, преобразующие характер повседневных коммуникативных практик. Материализация и зависимость коммуникативных практик и социальных процессов от технологических аспектов активно соприкасаются с общими процессам технологической конвергенции различных медийных форматов (Г. Дженкинс). В рамках институционального подхода новые медиа трактуются не только как самостоятельная система, но и как часть других социальных систем. А под процессом медиатизации, согласно Колдри и Хеппу, понимается адаптация различных социальных систем под созданные системой новых медиа правил, именуемых медиалогикой. Медиалогика – специфическое влияние новых медиа на логику конструирования и функционирования социальных систем и сфер путем проведения манипулятивных операций с информационными символическими ресурсами. В статье экстремистские течения в виртуальном пространстве определяются экстремистские альтернативные медиатизированные миры, радикализации внутри которых происходит благодаря воздействию коммуникативных практик – эхо-камер, а радикализации вне медиатизированных

миров с последующим вовлечением пользователя в них пользователей новых медиа благодаря воздействию пузырей фильтров. Концепт медатизированных миров как отдельных социальных миров, артикулированных через медиакоммуникации, был сформулирован Ф. Кротцем и А. Хеппом [6], а в русскоязычном научном пространстве был развит Е. Ним [2. С. 409-427]. Коммуникативные практики «эхо-камеры» являются объектом исследований К. Санстейна [8. Р. 108], а концепт «пузырей фильтров» был сформулирован и развит Э. Паризером [3. С. 304]. Обозначенные концепты активно используются С. Поцелуевым и Т. Подшибякиной для анализа процессов политической радикализации в сетевом пространстве новых медиа [4].

Результаты исследования. Специфика экстремизма как многогранного социально-политического явления деструктивного характера детерминирует его междисциплинарный характер, а также практическую невозможность сформулировать единую дефиницию, которая бы стала приемлемой для представителей различных научных дисциплин. Различные теоретико-методологические подходы к пониманию экстремизма характеризуются дифференцированием внимания на определенных специфических чертах явления, поскольку в рамках правового подхода делается акцент на нелегальный характер явления, в рамках политологического подхода экстремизм воспринимается как идеология, поведение и технологии мобилизации деструктивного характера, направленных против действующих социальных институтов, практик и регуляторов общественных отношений. Особой формой экстремизма выступает именно политический экстремизм, оказывающий воздействие на все сферы общественной жизни. Политический экстремизм можно определить в качестве специфической модели политического поведения, заданного деструктивными идеологическими установками и характеризующегося использованием насилия в отношении аут-групп, социальных институтов и социума в целом. Появление политического экстремизма обуславливается воздействием обширной группы социально-экономических и политических факторов, однако наиболее важными представляются отсутствие социальной солидарности, дисфункция социальных интегративных структур с последующей общественной аномией, а также кризисный характер легитимации политических институтов власти. Политический экстремизм характеризуется такими отличительными чертами, как радикализация мышления, бескомпромиссная позиция в отношении представителей аут-групп, а также демонизация и делегитимация образов аут-групп. Экстремистские идеологии притягательны в силу возможности предоставлять подготовленные ответы на волнующие практически каждого участника социума общественно-политические вопросы: от взаимоотношений с определенными народами до оценки собственного положения во взаимодействии с органами государственной власти. Экстремистские сообщества предоставляют возможность для тех членов социума, которые не нашли собственного места

в социальных группах и не обрели социального статуса, возможности быть частью определенных сообществ и иметь единомышленников.

Широкое распространение политического экстремизма в цифровой среде новых медиа обуславливается самой природой данного пространства. Новые медиа представляют собой интерактивные медиумы дигитализированного характера, устраняющие препятствия на пути установления прямых форм коммуникаций между производителями и потребителями информационных символических ресурсов. В то же время неверным суждением представляется полная замена новых медиа старых медиа, здесь следует говорить о конвергенции форматов и активного процесса медиатизации. В новых медиа доминирует интерактивный характер конструирования информационных ресурсов и формирования распространяющихся нарративов. Цифровая среда новых медиа конструируется под воздействием нескольких принципов, обозначенных Л. Мановичем: во-первых, числовое представление, поскольку все продукты цифрового виртуального пространства представляют собой набор цифрового кода; во-вторых, модульность, предполагающая возможность существования производимого медийного контента как отдельного самодостаточного продукта, так и части целостной системы; в-третьих, автоматизация и алгоритмизация; в-четвертых, изменчивость формата, что предполагает возможность быстрой адаптации контента под потребности целевой аудитории; и, в-пятых, собственно транскодинг – переход одного цифрового формата в другой. Причем здесь следует отметить, что транскодинг бывает нескольких типов: собственно, технологический, а также культурный. Культурный транскодинг предполагает синтез различных культурных страт и социальных практик в рамках медиатизации социальной действительности.

Понимание принципов алгоритмизации в контексте распространения контента и нарративов в пространстве новых медиа представляется необходимым для изучения процессов радикализации и экстремизации пользователей. Социальные сети и поисковики используют особые алгоритмы подачи информации и формирования новостной ленты на основании предыдущих запросов пользователя. Тем самым происходит постепенное замыкание пользователя в рамках специальных пузырях фильтров. Пузырь фильтров коррелируется с поиском пользователями той информации, воспринимаемой ими изначально в качестве правильной, но фактически бесполезной, а также с сознательным избеганием идентифицируемой ими в качестве неправильной информации, однако обладающей полезным потенциалом. Пользователь новых медиа тем самым попадает в двухфакторный капкан: капкан технологической алгоритмизации поиска и социокультурный капкан когнитивных искажений сознания. Данный капкан может замкнуть пользователя в экстремистском течении, где сознание пользователя будет радикализироваться и экстремизироваться уже под воздействи-

ем доминирующих в данных течениях коммуникативных практик «эхо-камер» – специфических ситуаций, в которых убеждения, определенные идеи и лозунги систематически подкрепляются и усиливаются путем повторения и рассылки внутри уже закрытых систем – тех самых малых социальных медиатизированных миров, существование которых детерминировано необходимостью производства и распространения контента. Такое создание контента способствует формированию нарративов, в рамках которых происходит оправдание существования этих течений или сообществ, их легитимация в сознании пользователей и новых последователей экстремистских течений. Отличительной особенностью деструктивных экстремистских нарративов является вирусное распространение контента с идеями и отложенность коммуникативного акта, которая проявляется в возможности ознакомления любого пользователя с данным контентом практически в любое время в случае, если данный контент не удален.

Коммуникативным же стержнем экстремистских течений в новых медиа выступает «язык вражды» на фоне общего процесса формирования толерантности к нетолерантности. В качестве коммуникативного инструмента «язык вражды» базируется на использовании концепта ин-групп и аут-групп, в противопоставлении и противостоянии с которыми происходит легитимизация течений в сознании пользователей. Образ врага есть объективная данность, которая предстает в форме постоянной угрозы для существования ин-группы. Такой подход становится фундаментом для формирования коммуникативных нарративных стратегий, направленных на положительную самопрезентацию ин-группы на фоне полной демонизации аут-групп. А фундаментальной целью подобных коммуникативных нарративных практик является разрыв ментальных цепочек в сознании пользователя с последующим формированием новых цепочек путем воздействия на когнитивные искажения. Когнитивные искажения представляют собой совокупность систематических ошибок в процессе суждения и мышления в целом, которые возникают на основе неправильных и искаженных убеждений, которые внедрены в когнитивные схемы и оказывают влияние на восприятие человека в определенной ситуации. Мышление человека или пользователя, которое подвергается постоянному влиянию экстремистских идеологов, рискует трансформироваться в мышление по заданным (но, при этом, ошибочным) шаблонным моделям, которые в условиях широкого распространения в социальных медиа эхо-камер и пузырей фильтров будут постоянно укореняться. Возникновение различных когнитивных искажений происходит под воздействием выполнения различных задач (от анализа и верификации каких-либо гипотез до прогнозирования различных событий) и участия в различных коммуникативных практиках.

Экстремистские течения в цифровой среде новых медиа формируются по принципу, которые присущи фан-культурам, и конструируются как

культуры участия. Культура участия состоит из следующих компонентов: во-первых, достаточно низкие психологические барьеры для проявления активности и активной позиции; во-вторых, интерактивность и взаимная поддержка в процессе формирования и распространения контента; в-третьих, доминирование мнения среди последователей о сопричастности и личной важности для всего течения; в-четвертых, ощущение реальных социальных связей и социальной солидарности, дефицит которой побуждает многих людей обращаться к деструктивным течениям. Культура участия обладает потенциалом для трансформации в различные формы сопротивления. Само существование подобных сообществ представляет собой критику традиционных социальных институтов, традиционных форм потребительской культуры и пространство для формулирования и распространения своих собственных взглядов на мироустройство, на формы общественных взаимодействий, структуру социальных связей и актуальные политико-философские и социально-экономические вопросы. Именно таким образом формируются и функционируют альтернативные медиатизированные миры экстремистских течений.

Вовлечение институтов гражданского общества и собственно молодых пользователей социальных медиа является принципиально важным моментом, поскольку в условиях падения доверия к институтам власти контент, произведенный исключительно органами государственной власти, особого успеха и распространения иметь не будет. Экстремизация коммуникаций в виртуальном пространстве постепенно становится нормой, которую можно обозначить как «толерантность к нетолерантности», которая воздействует на достаточно широкий круг пользователей. Привлечение представителей гражданского общества и молодых пользователей будет способствовать активному созданию и использованию позитивного контента.

Закключение. Политический экстремизм является объективной данностью современного общества. Кризисное состояние различных социальных институтов, проблема обеспечения социальной солидарности в расколотых обществах, систематическая делегитимация установленных политических порядков способствует расширению потенциала экстремистских течений влиять на сознание членов социума и широко распространять собственные идейные установки. Сетевое пространство новых медиа становится благоприятной площадкой для подобных деяний. Причем основным инструментарием экстремистских течений выступают нарративные стратегии, направленные на делегитимацию образов аут-групп в контексте саморепрезентации себя в качестве жертвы. Образ жертвы оправдывает использование насильственных методов. Именно из данных установок исходят данные экстремистские течения. Распространение радикальных и экстремистских идеологем и нарративов в современном информационно-коммуникационном пространстве обуславливается падением доверия со стороны пользо-

вателей как в официальном источнике информации, так оппозиционно настроенным в силу ангажированности. Возникающий вакуум заполняют деструктивные течения, которые носят максимально обезличенный характер и не имеют привязки к политическим акторам. Эффективное противодействие могут оказать только грамотно выстроенные коммуникативные и нарративные стратегии. Под коммуникативными стратегиями следует понимать стратегически важные стратегии социальных институтов и социальных групп как в целом в цифровой среде новых медиа, так и медиатизированных мирах для построения эффективных и продуктивных информационных обменов с целью делегитимации экстремистских течений и сообществ в виртуальном пространстве в целом. Нарративные стратегии предполагают непосредственное развенчание деструктивных нарративов путем формирования контрнарративов с последующим созданием альтернативных нарративов. Однако следует помнить о том, что фундаментальные причины экстремизма находятся в реальном мире, виртуальный мир лишь усиливает потенциал экстремистских течений. Без ликвидации данных причин подобные нарративные стратегии только будут способствовать усугублению ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю., Левченко И.Е. Концепция экстремизма С.М. Липсета // Дискуссия. 2016 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ekstremizma-s-m-lipseta>.
2. Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3.
3. Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Ширикова. М.: Альпина Бизнес Букс, 2012.
4. Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А. О факторах политической радикализации в сетевой коммуникации посредством «эхокамер» // Научная мысль Кавказа. 2018 // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-faktorah-politicheskoy-radikalizatsii-v-setevoy-kommunikatsii-posredstvom-ehokamer>.
5. Стинс О., Ван Фухт Д. Новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008 // <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-media>.
6. Непп А., Кротц Ф. (eds.). Mediatized Worlds: Culture and Society in a Media Age. Basingtoke: Palgrave Macmillan, 2014.
7. Manovich L. Data visualization as new abstraction and anti-sublime // Портал Л. Мановича. 2002 // <http://manovich.net/index.php/projects/data-visualisation-as-new-abstraction-and-anti-sublime>.
8. Sunstein C.R. Echo chambers. Princeton: Princeton University Press, 2001.

S.V. VENTSEL

*Analyst of the National Center for
Information Counteraction to terrorism and extremism
in the educational environment and the Internet,
Moscow, Russia*

POLITICAL EXTREMISM IN THE SPACE OF NEW MEDIA: PROBLEMATIC ASPECTS AND TECHNOLOGICAL NUANCES

The author actualizes the problems of widespread extremist trends in the digital environment of new media. Extremist movements on the Internet function through the interactive production of destructive content and the introduction of destructive narratives into the thinking of users using cognitive distortions. It is noted that there is a need for a comprehensive approach to countering extremist trends, which involves the formation of positive narratives and full-fledged platforms for their dissemination.

Key words: *new media, extremism, political radicalization, Internet communications, network communities, mediatized worlds, convergent culture, hate speech.*

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Политический Интернет является неотъемлемой частью современного информационного пространства. Важная характеристика глобальных социально-ориентированных электронных сетей, включающих в себя информационно-коммуникационные ресурсы политической направленности – их «ориентированность на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе». Сущностью и предназначением политического Интернета выступает удовлетворение политико-информационных и политико-коммуникационных потребностей участников политического процесса в результате их взаимодействия посредством особых современных компьютерных ресурсов, программных продуктов и технологий. С помощью Интернета можно организовать взаимодействие с избирателями, используя такие сервисы, как форумы, чаты, интернет-конференции, электронная почта, интернет-голосования, гостевые книги. Таким образом, Интернет выполняет в период избирательных кампаний еще и коммуникационную функцию.

Ключевые слова: технология, интернет-технологии, избирательная кампания, избирательные технологии, выборы, цифровые избирательные участки, электронное голосование.

Тем не менее российские политики начали все больше осознавать, что Интернет можно и нужно использовать в качестве среды политического влияния и борьбы. При этом обозначились его явные особенности, обеспечивающие очевидные преимущества как эффективного технологического PR-средства в период избирательной кампании: политический Интернет позволяет создать наиболее полный образ кандидата, что труднее сделать, используя только традиционные СМИ; политический Интернет как инструмент PR в избирательных кампаниях открывает широчайшие возможности

интерактивного общения с избирателями; политический Интернет обеспечивает оперативность связи с электоратом, дает возможность гораздо чаще обновлять новости, может архивировать информацию и обеспечивать быстрый доступ к ней, может использоваться как средство общения с журналистами; неподцензурность, а отсюда независимость политического Интернета от административного ресурса власти, обеспечивающая неограниченную возможность прямой и косвенной агитации за кандидата, а также передачи о нем практически любой информации, что позволяет вести также эффективную контрпропагандистскую деятельность против конкурентов на избирательном поле; политический Интернет существенно расширяет границы социологических исследований в период избирательных кампаний; с его помощью успешно ведутся поиск добровольцев-помощников для проведения кампаний, привлечение сторонников; большинство современных политических партий активно рекрутируют себе членов за счет интернет-пользователей; через Всемирную сеть можно осуществлять сбор пожертвований [1].

Анализируя полученные результаты, можно утверждать, что Большинство респондентов отвечают на вопросы: «являются ли интернет-технологии одним из решающих факторов в избирательной кампании (при принятии политического решения избирателем)», отметили, что скорее да, чем нет (60%). Это связано с тем, что интернет-технологии стали важным элементом любой избирательной кампании, неотъемлемой частью российской политической культуры.

Еще одной переменной, по которой проводился анализ, была роль интернет-технологий в избирательных кампаниях.

Отвечая на вопрос: «Что Вы думаете о предвыборной кампании в интернете?» большинство респондентов отметили, что «это хорошо, скорость распространения информации быстрая» (57%). 28% отметили, что «это нормально, мне все равно» и 15% отметили, что «это не хорошо». Таким образом, избиратели все больше заинтересованы в проведении предвыборной кампании в интернете.

Среди источников, из которых опрошенных призывали пойти на выборы, основным респонденты назвали интернет-источники (33%). 23% – назвали телевидение и 23% – социальные сети. Наименее популярными источниками, из которых призывали пойти на выборы участников опроса, являются периодические издания (11%) и агитационные сети (10%).

Еще одной переменной, по которой проводился анализ, была эффективность использования интернет-технологий.

Большинство экспертов, отвечая на вопрос: «Какие интернет-технологии Вы считаете наиболее эффективными?», отметили следующие интернет-технологии: вебсайт, социальные сети, блоги, форумы, таргетированная реклама в социальных сетях, видео портал, цифровая география, мобильный маркетинг, реклама в компьютерных играх и мобильных приложениях и т.д.

На основе приведенных фактов можно сделать вывод, что в России интернет-технологии являются эффективным инструментом политической агитации, а масштаб его применения в избирательных кампаниях становится все больше. Стоит отметить, что данная тенденция продолжит активно развиваться, так как во многом связана с техническим прогрессом, переходом традиционных СМИ в интернет-пространство и постоянным увеличением интернет-аудитории.

Эксперимент по проведению дистанционного электронного голосования 8 сентября 2019 г. прошел в трех избирательных округах Москвы (№ 1, № 10 и № 30) и предоставил возможность электоральной поддержки кандидатов через Интернет более чем 11,2 тыс. избирателей, большая часть из которых ею воспользовалась (явка составила 92,3%, что значительно выше средней по городу). Таким образом, одна из важных политических задач властей была решена: мэрия столицы во главе с Сергеем Собяниным позиционирует Москву как наиболее быстро развивающееся пространство для внедрения умных технологий в сфере госуслуг, социальных сервисов, местного самоуправления и обеспечения политических прав граждан [2. С. 92-94].

Рассматривая вопрос применения цифровых технологий в электоральных практиках, следует обратиться к феномену диагональной коммуникации как доминирующего формата использования интернет-технологий на платформе Web 2.0. Под диагональной коммуникацией понимается симбиотическая схема, базирующаяся на принципах развитой обратной связи и формально равноправном («горизонтальном») взаимодействии участников коммуникации, но предполагающая учет и такого фактора, как наличие «лидеров общественного мнения», задающих соответствующую повестку дня. То есть, налицо расхождение формальной ситуации «сетового равенства» и реальной возможности отдельных политических «игроков» интернет-пространства воздействовать на динамику массовых настроений участников такого информационного обмена. Как правило, в роли лидеров общественного мнения в рамках электорального процесса выступают либо сами кандидаты, либо ведущие политики, представляющие ту или иную политическую силу (и не обязательно являющиеся кандидатами на выборах), либо иные яркие персоны, публично заявляющие о своей политической позиции. Поэтому психологическое «равноправие» интернет-коммуникации между условным кандидатом и потенциальным потребителем политической информации (например, «подписанным» на этого кандидата в социальных сетях) является скорее желаемым, «идеальным» состоянием, нежели реальным фактом политических практик. Одним из первых технологических приемов электорального позиционирования в интернет-пространстве, привлечших особое внимание исследователей, стал электоральный фандрайзинг – целенаправленная деятельность кандидатов по сбору средств для своей предвыборной кампании. Одним из хрестоматийных примеров успешного фандрайзинга

стали президентские кампании Б. Обамы в 2008 и 2012 г. Так, в 2012 г. больше половины средств было получено за счет малых сумм от граждан США: большинство переводов не превышало 250 долл. Треть избирателей (от общего числа жертвователей) перечисляли до 2500 долл. Следует отметить, что механизм фандрайзинга имеет как практическое, так и мотивационно-символическое значение, поскольку создает психологический эффект сопричастности «простого человека» к тому или иному кандидату, свидетельствует о высоком уровне вовлеченности определенного сегмента общества в политический процесс [3].

Еще одна крайне распространенная технология электорального позиционирования, активно эксплуатирующая психологический «эффект сопричастности» и получившая широкое распространение в т.ч. в России, – это онлайн-трансляции на YouTube, призванные способствовать максимальному «приближению» кандидата к интернет-аудитории. В то же время следует принимать во внимание тот факт, что в современных условиях существует целый ряд факторов, снижающих эффективность онлайн-трансляций как инструмента политической мобилизации. Так, например, следует учитывать, что в условиях избытка политического контента в Интернете онлайн-позиционирование конкретного кандидата или политической силы может выглядеть недостаточно ярко, уступать по привлекательности иным, более динамичным сюжетам. Необходимо обратить внимание и на тот момент, что «событийная» онлайн-трансляция (протекающая не в «кабинетных» условиях, где есть возможность сфокусировать внимание на конкретном политическом лидере и выбранной теме) может иметь такой побочный результат, как перефокусирование внимания аудитории с политика и его идей на событийный контекст, антураж, сопровождающий политическое действие. Такая проблема в меньшей мере характерна для электоральных кампаний, но является типичной для иных «ситуационных» форматов (акций протеста, митингов, встреч со сторонниками), когда фигура спикера уходит на второй план.

Еще одно направление «цифровой поддержки» современных избирательных кампаний связано с привлечением волонтеров, способных выполнять различные (а не только агитационные) функции и решать широкий спектр задач. В этом плане весьма показательной выглядит президентская кампания В. Зеленского: цифровая стратегия «3е команды» была направлена не столько на повышение узнаваемости кандидата (поскольку В. Зеленский изначально являлся ни в коей мере не продуктом социальных медиа, а широко известным телевизионным персонажем) или критику оппонентов, сколько на таргетированную поддержку лояльности и поиск добровольцев.

Как указал руководитель digital-кампании В. Зеленского М. Федоров, за неполные 4 месяца (январь-апрель 2019 г.) команде кандидата удалось найти более 600 тыс. волонтеров, в т.ч. юристов, логистов, специалистов в области информационной поддержки. Второе серьезное достижение, о котором

также упомянул М. Федоров, состояло в том, что кампания В. Зеленского в Интернете приобрела в полном смысле этого слова «вирусный» – саморазвивающийся – характер. Доказательство тому – более 2 тыс. неофициальных сообществ, ориентированных на поддержку В. Зеленского [4].

Интернет в России стал реальной политической площадкой – в нем проводятся самые острые идеологические дискуссии и кипит реальная, в отличие от федерального информационного пространства, жизнь, тем не менее существующие в обществе социальные институты, представители партий и общественных организаций, обычные граждане не всегда еще умеют эффективно и масштабно использовать Интернет для выражения и защиты своих интересов. Социально-политический потенциал Интернета пока не освоен и не осознан в должной мере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Михайлова А.М. Политическая интернеткоммуникация в современном региональном пространстве (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2007.

2. Привалова Д.А. Интернет как средство массовой политической коммуникации // Политическая коммуникация: мат-лы Всерос. науч. школы для молодежи. Екатеринбург, 2009. Т. 2.

3. Соленикова Н.В. Политический Интернет в Российских избирательных кампаниях: тенденции и проблемы развития: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007.

4. У нас есть проект Черная библиотека Порошенко: онлайн-стратег Зе // https://tech.liga.net/technology/interview/pochemu-poroshenko-proigral-intervyu-s-onlayn-strategom-zelenskogo?fbclid=IwAR_3rr5foymRin9SqfBZptv14ZiMSYnOxw7knb79QxKLEasOFewW-kv4jgA.

VU THI HUONG

*Graduate student, Department of Sociology and
Political Science, Tula State University,
Tula, Russia*

INTERNET TECHNOLOGIES IN ELECTION CAMPAIGNS IN THE CONTEMPORARY POLITICAL PROCESS

The political Internet is an integral part of the modern information space. An important characteristic of global socially oriented electronic networks, which include information and communication resources of a political orientation, is their “focus on the promotion of certain ideas, emotional impact on citizens of the

---

country and encouraging them to take political action, to develop public consent, accept and justify social political decisions in the context of multiple points of view in society". The essence and purpose of the political Internet is the satisfaction of the political-informational and political-communication needs of the participants in the political process as a result of their interaction through special modern computer resources, software products and technologies. With the help of the Internet, it is possible to organize interaction with voters using services such as forums, chats, Internet conferences, e-mail, Internet voting, guest books. Thus, the Internet also performs a communication function during election campaigns.

Key words: *technology, internet technologies, electoral campaign, electoral technologies, elections, digital polling stations, electronic voting.*

ИНСТРУМЕНТЫ ВНУТРИЭЛИТНОЙ БОРЬБЫ ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕДИА

Политическая элита на протяжении всей истории государств определяет ход политических процессов. Однако стратегии внутриэлитной борьбы за политическую власть долгое время оставались вне поля внимания современной науки. Со времен Николо Макиавелли, который провел наиболее полный анализ таких стратегий, в обществе значительно возросла роль средств массовой коммуникации. Цель исследования – проанализировать структуру наиболее распространенных инструментов внутриэлитной борьбы за политическую власть с использованием медиа. Автор апробирует собственную методику изучения структуры политических стратегий и действий – инструментальный подход. На основе различных кейсов из данной области выделены наиболее распространенные инструменты. В их числе: публикация компрометирующей политического оппонента информации; непрямая критика политического оппонента в медиа; раскрытие источника данных, содержащего порочащую информацию об оппоненте среди других «громких имен»; создание подконтрольных медиа для продвижения требуемой повестки; срыв принятия решения через его заблаговременное освещение; использование лингвистических и иных приемов освещения деятельности, создающих положительные или негативные ассоциации с актором. Описаны цели, действующие и целевые акторы в рамках применения каждого инструмента, механизм реализации цели с помощью инструмента. Приведены возможные вариации и модификации базовых инструментов.

Ключевые слова: теория элит, теория бюрократии, инструментальный подход, внутриэлитная борьба.

Еще Николо Макиавелли утверждал, что «Основные конфликты в обществе разворачиваются между элитами: меньшинством, удерживающим власть, и другим меньшинством, идущим к власти» [13. Р. 21]. Однако сегодня, в эпоху массовой коммуникации, несмотря на сохранение ведущей роли

политической элиты, массы приобрели беспрецедентно высокое значение. Общественное мнение зачастую оказывает решающее влияние на принятие политических решений членами элиты. По сравнению с эпохой Макиавелли средства массовой коммуникации, медиа, приобрели несопоставимо более важную роль и в качестве инструмента внутриэлитной борьбы, которая, в свою очередь, предопределяет специфику других процессов в политической системе. Именно поэтому особенно важно в определенном смысле воспроизвести подход Макиавелли в этих новых условиях и выявить те способы и стратегии, с помощью которых элитные акторы чаще всего конкурируют друг с другом за политическую власть посредством медиа.

Объект исследования – внутриэлитная борьба за политическую власть.

Предмет исследования – структура инструментов внутриэлитной борьбы за политическую власть с использованием медиа.

Цель исследования – проанализировать структуру наиболее распространенных инструментов внутриэлитной борьбы за политическую власть с использованием медиа.

Инструментальный подход к изучению внутриэлитной борьбы в бюрократических системах. Подход, применяемый в данной работе, был в общих чертах описан в статье Басова О.Н. «Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки». Под инструментальным подходом подразумевается выделение устойчивого преднамеренного действия или последовательности действий (тактики, стратегии) актора, направленного на внешнюю среду (будь то социальная система или другие акторы) для ее изменения запланированным данным актором образом. Инструментальный подход предполагает в первую очередь изучение цели, с которой применяются данные действия, тактики и стратегии («инструменты»), выявление их эффективности и механизма воздействия. При этом инструмент всегда преследует одну конечную и осознаваемую актором четкую цель и применяется в рамках ограниченного времени со стороны одного актора или объединения (но не несколькими акторами независимо друг от друга) [1. С. 52].

Структура инструмента включает в себя актора, его действия, объект применения действия, внешняя среда (в которой существуют актор и объект и совершаются действия) желаемый результат (реакция объекта и среды), конкретный механизм влияния действий актора на объект/среду и реальный итоговый результат.

В принципе любой теоретически и практически возможный для реализации инструмент, даже если он никогда в реальности не применялся, может быть объектом исследования как потенциально применимый. Это положение позволяет решить проблему скрытого характера многих действий элиты: например, если в определенной ситуации мы не знаем реальных мотивов актора, то достаточно правдоподобное предположение по их поводу

пусть и не даст нам стопроцентной уверенности в верной интерпретации конкретного кейса, но позволит разработать модель, которая действительно могла бы иметь место в реальности. Тем не менее, создание инструментов исключительно с нуля все-таки не видится продуктивным способом изучения политической реальности, поэтому для их выделения используются такие методы, как ивент-анализ, изучение исторических примеров и актуальных новостей с применением как собственной, так и принадлежащей авторитетным экспертам аналитической обработки, анализ текстов (биографий, художественных произведений), интервью с экспертами и участниками событий, фокус-группы и эксперименты в виде деловых игр.

Основные инструменты внутриэлитной борьбы за политическую власть в бюрократических системах с использованием медиаресурсов. В результате исследования упомянутых выше источников удалось выявить перечень наиболее распространенных инструментов внутриэлитной борьбы посредством медиа. Данные инструменты и их структура представлены ниже:

1. Публикация компрометирующей политической оппозиции информации.

Кейсы: компрометирующие кампании в телеграм-каналах (в частности – канале «Футляр от виолончели» [8]), в блоге Алексея Навального [3], статьи в американских СМИ о вмешательстве России в президентские выборы 2016 г. [15], заказных убийствах американских солдат в Афганистане [14], взломанной почте Джо Байдена [16].

Актор-субъект: заказчик и интересант размещения компромата.

Целевой актор: политический оппонент, он же объект компромата.

Другие акторы-участники: владельцы и авторы площадки для размещения компромата, читатели площадки.

Цель: ухудшение репутации целевого актора, ухудшение его позиций в бюрократической иерархии (отставка, понижение, урезание ресурсов и полномочий, снижение шансов занять более высокую должность).

Механизм: публикация компромата повышает социально-политические либо предполагаемые экономико-административные издержки и риски для реального или потенциального начальства целевого актора, что демотивирует акторов высшего уровня к дальнейшему сотрудничеству с целевым актором.

Модификации:

А) для более безопасной для актора-субъекта информационной атаки и создания видимости беспристрастности критики зачастую (особенно в авторитарных режимах) предпочтительно публиковать компромат не от собственного лица, а анонимно и через источники, вызывающие доверие

Б) опубликованная информация может не быть достоверной. Даже заведомо неподтвержденные компрометирующие данные увеличат риски во круг целевого актора через эффект «не бывает дыма без огня».

2. Непрямая критика политического оппонента в медиа.

Кейсы: в некоторых интерпретациях – экологические [11] и расовые [10] протесты и их освещение в президентство Трампа, сообщения об экологических проблемах и эпидемиологической ситуации в отдельных штатах и регионах.

Актор-субъект: заказчик и интересант публикации критики.

Целевой актор: политический оппонент через объекты критики: начальство, подчиненных, коллег, места работы и зоны ответственности.

Другие акторы-участники: владельцы и авторы площадки для публикации критики, читатели площадки, начальство, подчиненные, коллеги целевого актора.

Цель: косвенное ухудшение репутации целевого актора или ведомства, ухудшение его позиций в бюрократической иерархии, смена руководства ведомства.

Механизм: публикация критики начальства или ведомства актора может привести к увольнениям и сокращениям по всему ведомству по итогам выводов вышестоящих акторов и ведомств, при этом будет присутствовать видимость самостоятельности, а не навязанности данных мер, а мотив субъекта окажется скрыт, т.к. целевой актор будет затронут непрямым образом.

Модификации: организация повышенного обсуждения темы в социальных сетях для попадания в поле зрения мониторинговых служб акторов и ведомств более высокого уровня бюрократической иерархии; публикация рейтингов и аналитических докладов с низкой оценкой зоны ответственности целевого актора (например, региона); публикация положительной информации вместо критики для поддержки нужного актора.

3. Раскрытие источника данных, содержащего порочащую информацию об оппоненте среди других «громких имен».

Кейсы: Панамские архивы [17], утечки документов FinCEN [12], косвенная атака на Алишера Усманова в фильме Навального про Дмитрия Медведева [5].

Актор-субъект: организатор «слива» данных.

Целевой актор: политический оппонент, второстепенно упоминаемый в данных или иным способом связанный с ними (например, возглавляет ведомство, допустившее утечку).

Другие акторы-участники: владельцы и авторы площадки для публикации критики, читатели площадки, упоминаемые в данных лица и ведомства.

Цель: косвенное ухудшение репутации целевого актора или ведомства, ухудшение его позиций в бюрократической иерархии, смена руководства ведомства.

Механизм: повышенное внимание аудитории генерируется за счет основной темы данных, однако непосредственное руководство целевого актора, первоначально заинтересованное в данных по тем же мотивам, делает

незаметные массовому наблюдателю выводы относительно косвенно затронутого в них актора. При этом след, ведущий к интересантам атаки именно на этого актора, запутывается.

Модификации: создание видимости причастности к утечке целевого актора – например, через атаку в публикации его политических оппонентов; полное отсутствие упоминания актора в публикации, но с сохранением «зацепок», позволяющих выйти на него при более глубоком уровне анализа или осведомленности

4. Создание подконтрольных медиа для продвижения требуемой повестки.

Кейсы: выкуп изданий частными и государственными компаниями, по некоторым интерпретациям – скрытое владение компаний отраслевыми телеграм-каналами [7].

Актор-субъект: компания или актор, контролирующая редакционную политику медиа.

Целевой актор: политические оппоненты, союзники, сам субъект, их деятельность и организации.

Другие акторы-участники: читатели площадки, комментаторы публикаций, включая другие медиа, непосредственные авторы материалов.

Цель: перманентное формирование общественного мнения, благоприятного для одних акторов и неблагоприятного для других; формирование доверия к медиа для лучшего эффекта размещенной в нужный момент политически мотивированной публикации.

Механизм: создание интереса и доверия аудитории к неявно связанному с субъектом медиа через регулярную публикацию интересующей ЦА информации и аналитики, «разбавляемой» критикой политических оппонентов, и поддержка политических союзников с якобы нейтральных экспертных или журналистских позиций.

Модификации: влияние на редакционную политику через отдельных журналистов; мимикрия медиа под выражающее позицию политических оппонентов для создания доверия его аудитории или его дискредитации; диспропорциональное освещение деятельности акторов в подконтрольных медиа вплоть до игнорирования активности оппонентов.

5. Срыв принятия решения через его заблаговременное освещение.

Кейсы: по некоторым интерпретациям – сохранение В. Якунина на посту после утечки информации о его скорой отставке [6], А. Чубайса – после критики со стороны А. Навального [4], значительное смягчение налогового предложения А. Белоусова после его утечки в телеграм-канал «Незыгарь» [9].

Актор-субъект: организатор «слива» данных или заказчик публикации.

Целевой актор: актор, ответственный за принятие решения.

Другие акторы-участники: владельцы и авторы площадки для публикации, читатели площадки, актор-объект планируемого решения.

Цель: отсрочка принятия нежелательного для субъекта решения.

Механизм: нейтральная или критическая публикация демонстрирует возможную негативную реакцию общественности на возможное решение или срывает желаемый для актора эффект неожиданности/незамеченности решения, что вынуждает его опровергнуть публикацию и отправить решение на доработку до более подходящего момента; поощрительная публикация со стороны политического оппонента создает риски увеличения его политического капитала или иного поощрения его интересов в случае реализации решения, что также мешает принятию.

Модификации: поощрение принятия решения аналогичными методами; заблаговременное освещение решения для тестирования потенциальной реакции на него.

6. Использование лингвистических и иных приемов освещения деятельности, создающих положительные или негативные ассоциации с актором.

Кейсы: по некоторым интерпретациям – закон «Об иностранных агентах» [2] и его вариации в различных странах, маркировка в качестве «неподтвержденной информации» заявлений Дональда Трампа в американских СМИ и социальных сетях [18], «эвфемизмы», используемые некоторыми комментаторами вместо имени А. Навального («пациент», «осужденный» и т.д.).

Актор-субъект: автор публикации, редактор медиа или регулятор медиасферы.

Целевой актор: актор, деятельность которого освещается в публикации.

Другие акторы-участники: владельцы и авторы площадки для публикации, читатели площадки.

Цель: косвенное ухудшение/улучшение репутации целевого актора или ведомства, ухудшение/улучшение его позиций в бюрократической иерархии.

Механизм: через ассоциативный ряд формируется неосознанное негативное или положительное отношение к актору со стороны общественности и других акторов, что впоследствии влияет на решение любых спорных ситуаций не в его пользу.

Модификации: снижение степени серьезности восприятия положительных или негативных качеств политика через эвфемизмы, мемы и юмор.

Данными инструментами не ограничивается весь спектр возможных стратегий внутриэлитной борьбы с использованием медиа. Сохраняется значительный задел для будущих исследований, в частности, с акцентом на новые медиа, включая социальные сети, и их влияние на избирательный процесс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Басов О.Н. Инструментальный подход к анализу политических процессов в контексте развития методов политической науки // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2020. № 1.

2. Конституционный суд: закон об НКО – иностранных агентах не противоречит Конституции // ТАСС // <https://tass.ru/politika/1104710>.

3. Навальный выложил компромат на Володина // MediaLeaks // <https://medialeaks.ru/navalnyj-vylozhil-kompromat-na-volodina/>.

4. Навальный против Чубайса. Онлайн / Как прошли главные политические дебаты последних месяцев // Meduza // <https://meduza.io/live/2015/06/24/navalnyu-protiv-chubasa-onlayn>.

5. Он вам не Димон // Фонд Борьбы с коррупцией // <https://dimon.navalny.com/>.

6. Постой, паровоз! В политических кругах разгорается скандал в связи с возможной отставкой главы РЖД Владимира Якунина // Газета.ру // https://www.gazeta.ru/politics/2013/06/19_a_5386925.shtml.

7. «Роснефть» купила телеграм-канал «Караульный»; после этого оттуда исчезла критика компании – «Проект» // The Insider // <https://theins.ru/news/129737>.

8. Человек в «Футляре». Кому перешел дорогу один из самых «грязных» анонимных телеграм-каналов в России? Рынок «черного пиара» в интернете: исследование «Новой газеты» // Новая Газета // <https://novayagazeta.ru.turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2020/03/17/84359-chelovek-v-futlyare>.

9. «ЧЕРНЫЙ СПИСОК» БЕЛОУСОВА: СВЕРХДОХОДЫ ЗАМЕНЯТ НА ИНВЕСТИЦИИ // White Square Journal // <https://wsjournal.ru/chernyj-spisok-belousova-sverhdohody-zamenyat-na-investitsii/>.

10. Black Lives Matter protests in Trump county test his hold on white voters // Busyness Standard // https://www.business-standard.com/article/international/black-lives-matter-protests-in-trump-county-test-his-hold-on-white-voters-120061300472_1.html.

11. Climate March Draws Thousands of Protesters Alarmed by Trump's Environmental Agenda // New York Times // <https://www.nytimes.com/2017/04/29/us/politics/peoples-climate-march-trump.html>.

12. FinCEN Files // International Consortium of Investigative Journalists // <https://www.icij.org/investigations/fincen-files/>.

13. *Prewitt K., Stone A.* The Ruling Elites. Elite Theory // Power and American Democracy. N.Y.; L., 1973.

14. Russia Secretly Offered Afghan Militants Bounties to Kill U.S. Troops, Intelligence Says // New York Times // <https://www.nytimes.com/2020/06/26/us/politics/russia-afghanistan-bounties.html>.

15. Secret Finding: 60 Russian Payments “To Finance Election Campaign Of 2016” // BuzzFeed // <https://www.buzzfeednews.com/article/jasonleopold/secret-finding-60-russian-payments-to-finance-election>.

16. Smoking-gun email reveals how Hunter Biden introduced Ukrainian businessman to VP dad // New York Post // <https://nypost.com/2020/10/14/email-reveals-how-hunter-biden-introduced-ukrainian-biz-man-to-dad/>.

---

17. The Panama Papers: Exposing the Rogue Offshore Finance Industry // International Consortium of Investigative Journalists // <https://www.icij.org/investigations/panama-papers/>.

18. Twitter tags Trump tweet with fact-checking warning // BBC // <https://www.bbc.com/news/technology-52815552>.

O.N. BASOV

*PhD Student, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

INSTRUMENTS OF ELITE STRUGGLE FOR POLITICAL POWER IN BUREAUCRATIC SYSTEMS WITH THE USE OF MEDIA

The political elite throughout the history of states determines the course of political processes. However, the strategies of the elite struggle for political power have long remained outside the field of attention of modern science. Since the time of Nicolo Machiavelli, who conducted the most comprehensive analysis of such strategies, the role of the mass communication in society has grown significantly. The aim of the research is to analyze the structure of the most common instruments of the elite struggle for political power with the use of media. The author is testing his own methodology for studying the structure of political strategies and actions - an instrumental approach. On the basis of various cases from this area, the most common tools are highlighted. Among them: publication of information compromising a political opponent; indirect criticism of a political opponent in the media; disclosure of a data source containing defamatory information about an opponent among other "big names"; creation of controlled media to promote the required agenda; disruption of decision-making through its early coverage; the use of linguistic and other methods of covering activities that create positive or negative associations with the actor. The goals, acting and target actors within the framework of the application of each instrument, the mechanism for achieving the goal with the help of the instrument are described. Possible variations and modifications of basic tools are given.

Key words: *theory of elites, theory of bureaucracy, instrumental approach, intra-elite struggle.*

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье предпринимается попытка выработки комплекса мер, направленных на противодействие политическому экстремизму в сети Интернет. Для решения этой задачи автор предлагает к внедрению двухкомпонентную модель. Первый блок модели противодействия политическому экстремизму в информационной среде включает в себя комплекс мер, направленных на диагностику проявлений этой общественно-опасной деятельности; установление причин, последствий и условий ее реализации; выявление каналов коммуникации экстремистских организаций с их целевыми аудиториями и т.д. Второй блок предполагает проведение профилактической работы среди групп, наиболее подверженных негативному влиянию политических экстремистов и их идей. В рамках указанного направления должна осуществляться просветительская работа в образовательных организациях; патриотическое воспитание молодого поколения; диалог с общественными организациями, партиями и религиозными движениями; актуализация нормативной базы и совершенствование правоприменительной практики в сфере противодействию политическому экстремизму.

Однако для формирования устойчивой и самовоспроизводящейся системы мер по противодействию экстремизму необходимо установить баланс в отношениях между различными политическими институтами. Наряду с ограничениями и репрессивными мерами, требуются осмысленные усилия власти, направленные на формирование каналов коммуникации с обществом. Наконец, представляется необходимым снизить эмоциональный накал материалов популярных масс-медиа, которые зачастую деморализуют и радикализируют аудиторию своими шокирующими заявлениями и агрессивной подачей материала. Сочетание разумных ограничительных мер,

---

жестких и неотвратимых правовых санкций, просветительской работы, мониторинга и аккуратной модерации сетевых ресурсов может позволить весьма эффективно бороться с политическим экстремизмом в сети Интернет.

Ключевые слова: *политический экстремизм, политическая коммуникация, противодействие экстремизму, социальные сети, политические конфликты.*

Противодействие политическому экстремизму в информационном пространстве затрудняет то обстоятельство, что соответствующие криминальные организации действуют там без соблюдения каких-либо формальных норм и правил, установленных законом. Соответственно, они обладают явным преимуществом перед официальными органами и правоохранительными структурами, работа которых регламентирована нормами права. В частности, Роскомнадзор, выступая одной из структур, препятствующих тиражированию экстремистской информации в Интернете, осуществляет перманентный мониторинг сетевого пространства, чтобы своевременно выявлять нарушения закона со стороны распространителей общественно опасного контента. При обнаружении подобных нарушений принимаются законные меры политического и юридического реагирования. В свою очередь, интернет-сайты регистрируются в заявительном порядке, а страницы в социальных сетях и вовсе создаются за считанные минуты рядовыми пользователями. Для удаления запрещенных материалов требуется время, а для ликвидации экстремистских ресурсов – решения судебных органов, которые выносятся не так быстро. Вполне закономерно, что информация, содержащая призывы к экстремистским действиям, распространяется через ресурсы, практически не попадающие в поле зрения надзорных органов. К тому же, объем подобной информации настолько велик, что ее полное удаление представляется почти невыполнимой задачей.

С каждым годом организации и лица, распространяющие информацию с экстремистскими призывами в «глобальной паутине» становятся все более и более изощренными в части реализации своей деструктивной стратегии. На наш взгляд, важнейшим направлением в борьбе с экстремизмом и обеспечении информационной безопасности страны должны выступать ответственные и взаимосогласованные действия компаний-поставщиков телекоммуникационных услуг. Стремясь к увеличению собственной прибыли, многие из них крайне неохотно соблюдают ограничения и требования закона в сфере распространения массовой информации. Следовательно, необходимо обеспечить тонкую настройку общественного мнения таким образом, чтобы телекоммуникационные компании добровольно присоединились к реализации государственной политики противодействия экстремистским

проявлениям в сети Интернет, опасаясь серьезных репутационных потерь. Современное российское законодательство заставляет их самостоятельно бороться с деструктивными информационными вбросами и фейковыми новостями. В то же время, как справедливо отмечает П.Я. Фельдман, зачастую бывает крайне сложно провести нормативный водораздел между общественно опасными «фейк-ньюз» и выражением «частного субъективного мнения» [6. С. 134-146].

В рамках системной борьбы с экстремизмом государство нуждается во всесторонней и полной поддержке со стороны институтов гражданского общества, которые по природе своей ориентированы на защиту частных и коллективно-групповых интересов россиян. Без их помощи органы публичной власти попросту не смогут самостоятельно сдерживать угрозу политического экстремизма и радикализма. Требуется четкая координация действий правоохранительных структур, образовательных организаций, молодежных сообществ, религиозных учреждений, блогеров и СМИ, представителей научно-экспертного сообщества.

Современный политический экстремизм представляет собой многогранное и комплексное явление. Он постоянно нуждается в информационной подпитке со стороны радикальных организаций. Зачастую «рука об руку» с ним идет такое явление, как деструктивный популизм. При наличии относительно высокого уровня правосознания граждан и развитых демократических практик, популизм встречает серьезное сопротивление со стороны лидеров мнений и формальных политических институтов. Тем не менее, это не помешало Д. Трампу в 2016 г. победить на выборах президента США с очевидно популистской программой. Четыре года спустя его популизм дал «экстремистские всходы», когда сторонники праворадикальных взглядов решили взять штурмом Капитолий. В обществе со слабо развитыми или имитационными демократическими институтами, популизм принимает еще более радикальные формы: профессиональные демагоги назначают виновных в ухудшении жизни, крахе народных надежд и ожидаемых преобразований, а затем призывают к этническому, социальному, политическому и даже религиозным чисткам. Нередко из уст политиков-популистов звучат откровенные призывы к совершению гражданами насильственных действий (вплоть до государственного переворота). Экстремистские лозунги часто используются для осуществления протестной мобилизации населения.

«Глобальная паутина» выступает ареной для использования целого ряда деструктивных технологий. Во-первых, существенную опасность несет в себе размещение разного рода воззваний и программных документов, которые потенциально способны побудить целевую аудиторию к политическому насилию, а также пробудить в людях ненависть к другим гражданам или институту государства. Во-вторых, социальные сети, мессенджеры и электронные СМИ могут использоваться для координации и информационной

подпитки экстремистских действий. В частности, во время так называемой «Арабской весны» социальные сети активнейшим образом использовались группами радикалов и их зарубежными кураторами для координации массовых протестов. В-третьих, интернет-ресурсы широко применяются для сбора финансовых средств в поддержку экстремистских движений. Стремительный характер технического прогресса детерминирует необходимость выработки государственной политики противодействия политическому экстремизму в сети Интернет. Данная политика является объектом целенаправленного проектирования [2. С. 121-125; 3. С. 288-289].

На современном этапе происходит стремительная глобализация социально-политических процессов. В них вовлекается все больше групп людей, являющихся носителями различных мировоззрений и культурных кодов. Соответственно, возникает потребность в выработке новых, актуальных подходов к управлению политическим сознанием и поведением граждан. Особенно остро ощущается потребность в создании адекватной, устойчивой и современной модели обеспечения национальной безопасности. Политический экстремизм становится все более изощренным. Подчас он маскируется под либеральные или правоконсервативные идеи, а порой прикрывается религиозными культами. Однако главная особенность политического экстремизма заключается в том, что он всегда предлагает быстрые и простые рецепты «очищения» государства и общества от «чуждых элементов», которые провозглашаются главной преградой на пути к процветанию. Иными словами, в отличие от умеренных политических идеологий, экстремизм всегда обещает прогресс через насилие.

Во всех современных странах на уровне закона запрещена пропаганда идей, возбуждающих ненависть по религиозному или классовому принципу. Противодействие политическому экстремизму в сети Интернет входит в круг обязанностей уполномоченных органов государственной власти и институтов гражданского общества. Специализированные контролирующиеся инстанции решают следующий круг вопросов:

1. Выявление носителей и выразителей экстремистских настроений.
2. Прогнозирование вероятных сценариев развития политического экстремизма.
3. Анализ актуальной информации о проявлениях политического экстремизма в виртуальной среде.
4. Организационное обеспечение сотрудничества субъектов противодействия политическому экстремизму в сети Интернет.
5. Создание экспертного пула для выработки стратегии противодействия политическому экстремизму во «всемирной паутине».
6. Защит информационного суверенитета страны.

Противодействие политическому экстремизму в сети Интернет осложняется тотальной открытостью виртуального пространства для проникно-

вения в него радикальных идей. Можно наглухо закрыть границы страны, можно пресечь каналы иностранного финансирования нежелательных организаций, можно ликвидировать секты и террористов, можно физически пресечь распространение запрещенных законом изданий, однако нет объективной технической возможности для того, чтобы возвести «заградительные сооружения» и стены в Интернете. Блокировка экстремистских политических ресурсов профильными органами государственного надзора не может считаться действенным инструментом, ведь она очень легко преодолевается пользователями за счет использования всем известных технологических ухищрений. На этом фоне все чаще звучат призывы полностью отключить Россию от «всемирной паутины». Сеть Интернет глубоко интегрирована в экономическую жизнь российского общества, и ее гипотетическая блокировка на территории нашей страны неизбежно приведет к разрыву жизненно важных торговых отношений, многомиллионным денежным потерям, крушением сложившихся рынков, резким увеличением безработицы и, следовательно, масштабными социально-политическими потрясениями. В силу углубления интеграции РФ в глобальную информационно-коммуникационную среду, необходимо смириться с тем фактом, что отгородиться от идей в современном мире попросту невозможно. Соответственно, призывы к политическим экстремистским действиям, так или иначе, будут попадать в отечественный сегмент «всемирной паутины».

Таким образом, нами установлено, что примитивные блокировки запрещенных ресурсов не являются панацеей от политического экстремизма и радикализма. Информационное противодействие данным явлениям должно быть ориентировано на вскрытие их деструктивной сущности и разъяснение широким массам общественной опасности соответствующей деятельности. Подобная работа должна включать в себя сбор, обработку, накапливание, детальный анализ и оценку информации об угрозах, связанных с политическим экстремизмом. Борьба с ним должна начинаться с выявления источников возникновения и распространения радикальных идей. При этом следует использовать современные аппаратно-программные комплексы, которые позволяют автоматически вычислять экстремистские ресурсы и призывы к политическому насилию в социальных сетях. Существенное внимание необходимо уделять региональному измерению рассматриваемой проблемы, поскольку политический экстремизм нередко поддерживается местными криминальными элитами, радикальным духовенством, сепаратистскими организациями. Автор настоящей статьи предлагает к внедрению двухфазную модель противодействия исследуемому деструктивному явлению:

Первый блок модели противодействия политическому экстремизму в информационной среде включает в себя комплекс мер, направленных на диагностику проявлений этой общественно опасной деятельности; установление причин, последствий и условий ее реализации; выявление кана-

лов коммуникации экстремистских организаций с их целевыми аудиториями и т.д. Второй блок предполагает проведение профилактической работы среди групп, наиболее подверженных негативному влиянию политических экстремистов и их идей. В рамках указанного направления должна осуществляться просветительская работа в образовательных организациях; патриотическое воспитание молодого поколения; диалог с общественными организациями, партиями и религиозными движениями; актуализация нормативной базы и совершенствование правоприменительной практики в сфере противодействию политическому экстремизму.

Реализуя комплекс вышеуказанных мер, следует принять во внимание тот факт, что социальные сети по природе своей предрасположены к стимулированию распространения радикальных идей. Пользователи добровольно погружают себя в так называемые «информационные коконы» или «капсулы», ограничивая свой кругозор только теми источниками новостей, чья позиция максимально согласуется с их политическими пристрастиями, мнениями и заранее сформированными вкусами [1. С. 188-196]. Периодически в «информационные капсулы» целенаправленно впрыскиваются негативные новости, провоцирующие бурное возмущение. Исполненные гнева граждане начинают изливать свои отрицательные эмоции в виртуальную среду. Специалисты-вербовщики из экстремистских организаций берут на заметку подобных пользователей и стараются вовлечь их в свои «пузыри радикальных идей» посредством адресной рассылки сообщений, приглашения в виртуальные сообщества, рекомендации видеороликов к просмотру и т.д. В современной России со всей очевидностью сформировался «кокон» сторонников несистемной оппозиции. В этом замкнутом информационном пространстве героизируется личность одиозного блогера. Аудитория данного виртуального сообщества постоянно балансирует на грани между протестной активностью и политическим экстремизмом. Она позволяет себе крайне жесткие выпады в адрес государственной бюрократии и наотрез отказывается воспринимать любую информацию о позитивных достижениях власти. Аналогичным образом устроены «информационные пузыри» радикальных трампислов и верных адептов движения «Black lives matter» в США. От подобного политического сектанства до экстремизма остается один шаг.

Таким образом, профилактика экстремистских проявлений должна включать в себя комплекс педагогических технологий, ориентированных на формирование у личности навыков критического мышления и устойчивого неприятия любых крайних взглядов. Для этого необходимо качественно усовершенствовать преподавание таких дисциплин, как история, обществознание, социология, политология, религиоведение. Не следует умалчивать о негативных последствиях политического экстремизма для нашей страны и мирового сообщества. Нужно с обоснованной критикой рас-

сказывать школьникам и студентам о геноцидах, рабстве, репрессиях, ксенофобии и иных негативных явлениях. Мощное информационное оружие против экстремизма – это скепсис в сочетании с юмором. Высмеивание экстремистских идеологий и публичная демонстрация их интеллектуальной ущербности могут быть весьма эффективными инструментами.

Однако для формирования устойчивой и самовоспроизводящейся системы мер по противодействию экстремизму необходимо установить баланс в отношениях между различными политическими институтами. Наряду с ограничениями и репрессивными мерами, требуются осмысленные усилия власти, направленные на формирование каналов коммуникации с обществом. Широкие слои населения не должны выпадать из общественной жизни, пополняя ряды маргиналов и радикалов. Необходимо предоставить гражданам правовую возможность цивилизованного лоббирования их инициатив на уровне государства, дабы они не чувствовали себя отрезанными от механизмов принятия политико-управленческих решений [4. С. 16-20; 5. С. 392-397]. Наконец, представляется необходимым волевым решением политического руководства снизить эмоциональный накал материалов популярных масс-медиа, которые зачастую деморализуют и радикализируют аудиторию своими шокирующими заявлениями и агрессивной подачей материала. Сочетание разумных ограничительных мер, жестких и неотвратимых правовых санкций, просветительской работы, мониторинга и аккуратной модерации сетевых ресурсов может позволить весьма эффективно бороться с политическим экстремизмом в сети Интернет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. Т. 53. № 1.
2. Ежов Д.А. Политическое проектирование: концептуальный взгляд // Труд и социальные отношения. 2010. № 4.
3. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5.
4. Фельдман П.Я. Концептуальные основы лоббистской деятельности в современной России // Международные отношения. 2014. № 1.
5. Фельдман П.Я. Лоббизм в системе социальных и политических институтов современной России // Международные отношения. 2014. № 3.
6. Фельдман П.Я. «Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2.

A.A. MASUEV
*Postgraduate student of the Department
of philosophy and sociology, Academy of Labor and
Social Relations, Moscow, Russia*

M.YU. MENDRITZKI
*Postgraduate student of the Department
of philosophy and sociology, Academy of Labor and
Social Relations, Moscow, Russia*

PROSPECTIVE MECHANISMS AND TECHNOLOGIES FOR COUNTERING POLITICAL EXTREMISM IN A VIRTUAL ENVIRONMENT

The article attempts to develop a set of measures aimed at countering political extremism in the Internet. To solve this problem, the author proposes to implement a two-component model. The first block of the model for countering political extremism in the information environment includes a set of measures aimed at diagnosing the manifestations of this socially dangerous activity; establishing the causes, consequences and conditions for its implementation; identifying channels of communication between extremist organizations and their target audiences, etc. The second block involves carrying out preventive work among the groups most exposed to the negative influence of political extremists and their ideas. Within the framework of this direction, educational work should be carried out in educational organizations; patriotic education of the younger generation; dialogue with public organizations, parties and religious movements; updating the regulatory framework and improving law enforcement practices in the field of countering political extremism.

However, in order to form a stable and self-replicating system of measures to counter extremism, it is necessary to establish a balance in the relations between the various political institutions. Along with restrictions and repressive measures, meaningful efforts of the authorities are required to form channels of communication with society. Finally, it seems necessary to reduce the emotional intensity of the materials of popular mass media, which often demoralize and radicalize the audience with their shocking statements and aggressive presentation of the material. A combination of reasonable restrictive measures, strict and unavoidable legal sanctions, educational work, monitoring and careful moderation of network resources can allow us to very effectively combat political extremism on the Internet.

Key words: *political extremism, political communication, countering extremism, social networks, political conflicts.*

аспирант кафедры государственного и
муниципального управления Сибирского института
управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются подходы к объяснению сущности феноменов системы, политической системы, основные подходы к исследованию региональных политических систем в отечественной литературе, характерные особенности российских региональных исследований периода 1990-1999 годов, содержание российских региональных исследований периода, начиная с 2000 года, проблемные позиции в этих исследованиях, в том числе отождествление понятий политическая система и политический режим, унификация федеральным законом институционального дизайна региональных политических систем. Проанализирована возможная причина нивелирования значимости региональных политических систем в современных региональных исследованиях. В результате проведенного анализа установлено, что на сегодняшний день преобладающим в отечественной литературе является институциональный подход к исследованию политической системы, которым определяются и выделяются институты, формирующие политическую систему общества, анализируются ее структурные элементы. Отмечено, что при унификации институционального составляющего региональных политических систем сегодня в поле зрения исследователей находится в большей степени региональный политический режим, а не региональная политическая система. Определяется важность исследования политических систем регионов на основе не только институционального подхода, но и других, имеющихся в научной практике подходов.

Ключевые слова: *Россия, политическая система, регион, субъект федерации, политический анализ.*

Системный подход, используемый с середины прошлого века, рассматривает политику с одной стороны, как относительно независимую сферу,

которая состоит из взаимосвязанных между собой элементов, выполняющих функции распределения ресурсов и поиска поддержки ее позиций со стороны большинства, а с другой стороны, как часть более широкой целостности.

В настоящее время единого определения для понятия «система» не существует. Она рассматривается, чаще всего, как множество закономерно связанных между собой элементов (явлений, предметов, взглядов и т.д.), являющееся определенным целостным образованием, единством [8. С. 10].

Универсального понятия «политическая система» в современной политической науке также нет, поскольку имеются разные подходы к анализу политики и власти, с которыми напрямую связана данная категория. Представление о политике как некоей самостоятельной целостности составляет основу современных теорий политических систем.

На сегодняшний день в социальных науках сложились два подхода к исследованию политической системы – институциональный и системный. Преобладающим в отечественной литературе является институциональный подход, при применении которого в исследованиях политической системы определяются и выделяются институты, формирующие политическую систему общества, анализируются ее структурные элементы.

Можно отметить, что придерживаясь данного подхода, на материалах многих регионов России за период 1990-1999 годов изучались практика избирательного процесса, партийного строительства, взаимоотношения с федеральным центром, формирование и функционирование структур исполнительной и представительной власти, местного самоуправления. В своих работах исследователи осмысливали специфику отдельных региональных политических систем, их отличительные признаки, рассматривали доводы по равноправии субъектов федерации в зависимости от их статуса. Внимание отечественных регионалистов было сфокусировано на стихийной федерализации, территориальной неравномерности процессов демократизации, разнообразии осуществления власти в регионах, автономии региональных политических систем и их заметному влиянию на ход общегосударственных процессов.

В этот период региональные политические системы обычно исследовались изолированно от общероссийского контекста, поскольку каждый регион, в особенности национальные республики, самостоятельно формировали институциональный дизайн своих политических систем, была заметна их дифференциация, хотя сильных отличий не имелось.

Анализируя период трансформации начиная с 2000-х годов отечественные регионалисты отмечают активный курс на рецентрализацию власти и унификацию регионального политического пространства включая национальные республики. В содержании работ в большей мере отражается политика федерального центра в отношении регионального политического развития. Отмечается снижение интереса к анализу региональных полити-

ческих процессов, которое не изменилось в связи с возвращением прямых выборов высших должностных лиц субъектов РФ. Данную ситуацию некоторые исследователи связывают с недостатком инструментария, обеспечивающего изучение формально унифицированной институциональной среды и с недостаточным своеобразием системных свойств региональных политических режимов [3. С. 21].

Начиная с данного периода, по содержаниям региональных политических исследований, можно отметить, что современные региональные политические системы с момента рецентрализации власти после принятия федерального закона [12] как бы обделены вниманием аналитиков. Действительно, институциональный дизайн политических систем регионов стал универсальным, с тем лишь отличием, что регионы могли устанавливать свои наименования для законодательных органов в соответствии с национальными, историческими и другими традициями. Таким образом, унифицированные, не обладающие отличительными признаками региональные территориальные системы не представляли интереса для исследователей.

Мы полагаем, что в связи с этим, характерной чертой научных трудов данного периода является то, что исследования организованы в большей степени на основе одного проблемного поля – региональных политических режимов и в некоторых случаях авторами понятия политической режим и политическая система отождествлялись и применялись как синонимы. На наш взгляд, политическая система по отношению к понятию политической режим является базисным, поскольку режим осуществляется в рамках какой-либо политической системы, хотя они оба имеют динамический характер и свойство влиять друг на друга.

На наш взгляд, такая ситуация складывается из-за того, что в отечественной литературе основным элементом политической системы, как правило, определяется институциональная подсистема [8. С. 121; 10. С. 121; 9. С. 149; 11. С. 17 и др.], и преобладающим в методологии анализа является институциональный подход. Такая научная позиция представляется не вполне справедливой, когда из всей совокупности подсистем региональной политической системы выделяется один элемент и если в отношении его не наблюдается каких-либо характерных отличительных признаков, то региональная политическая система как бы выпадает из поля зрения исследователей.

При этом в литературе отмечается, что в рассмотрении политики осуществлен переход от анализа формальной структуры институтов к осознанию внутренней взаимосвязи структур и процессов, пониманию целостности политики как самостоятельной сферы [2. С. 52]. Как мы видим, в отношении региональных политических систем этого не произошло.

По нашему мнению, в современном государстве, не могут возникнуть политические институты (в узком смысле: структуры, учреждения и организации, созданные для управленческих целей – органы государственной

власти) кроме как быть сначала законодательно установленными. А перед этим они должны быть рассмотрены в соответствии с коммуникативными, культурными, ценностными и другими установками. То есть, действует свойство системности элементов политической системы: на базе коммуникативной, культурной, нормативной и других подсистем принимается закон, на основе которого возникают политические институты.

Таким образом, на наш взгляд, выделение в научной литературе институциональной подсистемы как основного элемента политической системы, и унификация региональной институциональной подсистемы на федеральном уровне является предпосылкой того, что региональные политические системы как бы выпадают из поля зрения исследователей, уступая место тому же региональному политическому режиму.

Кроме институциональной подсистемы в структуре политической системы существуют и другие элементы. Как отмечает В.А. Зимин, сегодня выделяются пять основных подсистем:

а) институциональная подсистема – основные политические институты и взаимоотношения между ними;

б) нормативная подсистема – правовые нормы, нравственные принципы, обычаи, традиции регулирующие политическую жизнь;

в) коммуникативная подсистема – каналы передачи информации и формы взаимодействия субъектов, в первую очередь СМИ;

г) культурная подсистема – приоритетные убеждения и ценности, связанные с политикой;

д) функциональная подсистема – методы и технологии осуществления власти [5. С. 26].

Схожие элементы политической системы выделяет Ю.А. Матафонова, но в структуре субъекта федерации, как мезосистемы субнационального уровня: институциональный, нормативный, коммуникативный, идеологический, культурный [7. С. 92-110]. В этом отношении мы согласны с ее видением и перечислим некоторые из них.

Нормативной подсистемой региона является совокупность фиксированных и нефиксированных норм, которые определяют его функционирование как политико-территориального пространства. В российском варианте федеративного устройства нормативно-правовые акты субъекта федерации выполняют конкретизирующую функцию и не должны вступать в противоречие с общефедеральными. На функционирование региона также накладывают отпечаток нефиксированные нормы, которые могут выражаться через национальные, исторические традиции и обычаи, морально-этические стороны деятельности представителей региональной власти.

Коммуникативные характеристики региона следует рассматривать в широком ракурсе, а также как реакцию на социально-экономические потребности населения, как механизм взаимосвязи между обществом и региональной вла-

стью, и как процесс принятия политических решений, направленный на достижение достойного уровня благосостояния населения региона.

Идеологическая подсистема региона может быть изучена через призму составляющих ее пластов, например, идеологию населения региона и идеологию региональной власти. Это, прежде всего, подсистема, связанная с самоидентификацией и самосознанием населения, особенностями развития региональной идентичности.

Необходимо отметить, что свои тенденции наблюдаются у каждой из подсистем политической системы. Основанные на представлениях политической элиты о наиболее эффективном государственном управлении образуются конфигурации политических институтов в институциональной подсистеме. Качественно новые характеристики приобретает развитие гражданского общества. Вместе с изменением представлений политической власти об общественном устройстве происходит формирование новых политических правил игры, меняется нормативно-регулятивная сфера. В информационно-коммуникативной подсистеме проводится активная целенаправленная политика по развитию таких ценностей, как справедливость в ее исторической интерпретации, патриотизм, великодержавие. Пока не сформировано культурное основание политической системы в виде признанных в развитых цивилизованных обществах демократических ценностей, идеалов, норм политического поведения [5. С. 115].

Таким образом, при изучении региональных политических систем, как мы отмечали, представляется важным не выделять какую-либо подсистему как основную, поскольку каждая из них является источником всех наиболее важных связей, которые возникают в рамках политической системы общества, именно каждой из них предопределяется характер норм, регулирующих эти отношения. В этом отношении мы согласны с А.В. Барановым, как он отмечает: «принципиально важным представляется освоение неинституциональных, коммуникативных, дискурсивных подходов к их анализу, что позволяет определять неформальные институты и практики, особенно значимые в условиях России и стран Востока» [1. С. 308-320]. Также согласны с утверждениями, что сложность изучения политических систем в том, что ни один метод или подход, взятый в отдельности, недостаточен, чтобы дать полную картину [2. С. 64], объективными потребностями развития общества и государства требуется дальнейшая модернизация политической системы в целях построения социально-правового государства и реализации основных положений Конституции Российской Федерации [6. С. 3].

В этих условиях актуальными являются исследования эволюции политических систем регионов с позиций неинституциональных, коммуникативных и других подходов, что определяется значимостью в развитии современной политической системы страны региональной составляющей, которая накладывает отпечаток на систему федеральных и субфедеральных

взаимодействий. Стратегический ориентир не только на федеральную политическую систему в целом, но и на ее субфедеральный уровень – к региональным политическим системам представляется важным и необходимым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Баранов А.В.* Тенденции развития российской политической регионалистики как научного направления в 2010-х гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15. № 2.

2. *Вартумян А.А., Косов Г.В., Сампиев И.С.* Политология: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Южный изд. дом, 2010.

3. *Гайворонский Ю.О.* Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития. 2015. № 2 (77).

4. *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Регионоведение: учебник. М.: Гардарики, 2003.

5. *Зимин В.А.* Политическая система в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы развития: монография. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2018.

6. *Зимин В.А.* Политическая модернизация в России. Самара: Издательство Самарского научного центра Российской академии наук, 2012.

7. *Матафонова Ю.А.* Субъект федеративного государства и его устойчивость: системный подход // Теории и проблемы политических исследований. 2015. № 6.

8. *Мельвиль А.Ю.* Политология. Московский Государственный Институт Международных Отношений (Университет) МИД России. ТК Велби. М.: Изд-во Проспект, 2004.

9. *Мухаев Р.Т.* Политология: учеб. М.: Проспект, 2010.

10. Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби. М.: Изд-во Проспект, 2008.

11. Политология: учебное пособие / А.А. Вартумян, Т.А. Корниенко. 2-е изд. доп. перераб. Армавир: РИЦ АГПА, 2010.

12. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Российская газета от 19 октября 1999 г. № 206.

S.S. SANCHAT
*Postgraduate, Department of State and
Municipal Administration, Siberian Institute
of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

RESEARCH OF REGIONAL POLITICAL SYSTEMS IN MODERN RUSSIA: ACTUALITY AND PROSPECTS

The article considers the approaches to explaining the essence of the phenomena of the system, political system, the main approaches to the research of regional political systems in the Russian literature, the characteristic features of Russian regional research of the period 1990-1999, the content of Russian regional research of the period since 2000, the problematic positions in these research, including the identification of the concepts of political system and political regime, and the unification of the institutional design of regional political systems by federal law. The possible reason for leveling the importance of regional political systems in modern regional research is analyzed. As a result of the conducted analysis, it is established that today the institutional approach to the study of the political system is predominant in the Russian literature, which defines and distinguishes the institutions that form the political system of society, analyzes its structural elements. It is noted that when unifying the institutional component of regional political systems, researchers are now looking at the regional political regime rather than the regional political system. Based on the analysis, the author determines the importance of studying the political systems of the regions based not only on the institutional approach, but also on other approaches available in scientific practice.

Key words: *Russia, political system, region, subject of the federation, political analysis.*

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена исследованию духовно-нравственного формирования личности и влияния на этот процесс экономических реформ. В статье раскрыта взаимосвязь экономики и духовности человека. Анализируется природа духовности и нравственности как социальное явление.

Ключевые слова: *экономические реформы, духовный облик личности, влияние экономических реформ на духовный облик личности, изменение убеждений личности, изменение жизненных ценностей и потребностей личности.*

Прошедшее первое десятилетие XXI века показало, что западный цивилизованный мир потрясают не только экономические кризисы, можно смело утверждать, что наряду с ними, углубляется и кризис духовно-нравственных ценностей. Но, если экономические кризисы проходят достаточно очевидно для всех людей, то кризисные явления духовно-нравственного состояния общества по большей части не осознаются людьми и в этом состоит их самая большая опасность. Производственная деятельность человека, наряду с экономической, также имеет духовную сторону.

Социально-экономический прогресс, политические и культурно-духовные условия должны достичь такой степени, чтобы у человека появилась реальная возможность свободного выбора, и чтобы оно непрерывно росла. Это предполагает не только общее экономическое развитие, обогащение социально-классовой структуры общества, укрепление среднего класса, становление подлинной многопартийности, но и возникновение настоящей экономической и политической конкуренции, приспособление к ней волевых качеств людей, духовное развитие членов общества, рост их политической культуры и социальной ответственности.

Следует подчеркнуть, что в работах российских, узбекских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 5; 11].

Однако проблему влияния экономических реформ на духовную и культурную сферу общества нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Следует отметить, «общество, которое придает одинаково большое значение экономике духовности, создает благоприятную почву для стабильного развития, без относительно крупных социальных потрясений и противостояний» [10. С. 278].

Республика Узбекистан с 1990-х годов живет в условиях непрерывных радикальных экономических реформ. Экономические и политические реформы, духовный кризис и переоценка ценностей, смена мировоззренческих парадигм, а нередко и утверждение идеологического релятивизма – вот далеко не полный перечень событий, во многом определивших не только день сегодняшний, но и перспективы дальнейшего развития человека и общества. В ходе этих реформ, направленных на построение демократического и гражданского общества, основанного на рыночных отношениях, в Узбекистане взаимодействуют многие процессы и факторы, возникают новые институты, структуры, механизмы и отношения. Реализованные на основе хорошо продуманной программы или концепции, эти реформы позволили создать рыночные институты в экономике страны, достичь макроэкономической стабильности, ликвидировать сырьевую экономику и ускорить развитие национальной экономики.

Сегодня экономические реформы в нашей стране вступили в новую фазу. На данном этапе «дальнейшее укрепление макроэкономической стабильности и поддержание высоких темпов экономического роста ... является нашей важнейшей задачей» [6. С. 237].

Основными критериями достижения макроэкономической стабильности являются:

- 1) несокращение объемов производства;
- 2) создание благоприятных условий и использование внутренних резервов на предприятиях приоритетных отраслей;
- 3) обеспечение государственного бюджета и финансовой устойчивости предприятий;
- 4) сдерживание инфляции и укрепление национальной валюты;
- 5) улучшение платежного баланса и государственных валютных резервов;
- 6) стабилизация социальной ситуации, повышение уровня жизни [9. С. 169].

Каждый из этих критериев, безусловно, в корне меняет реальную ситуацию в экономике. В то же время необходимо признать, что тридцатилетние экономические реформы, их направления, факторы, возникающие в результате явления и механизмы существенно влияют на духовный образ личности. Но этот эффект, его результат нельзя охарактеризовать в чисто положительных или отрицательных тонах. Эти изменения более сложные.

Например, под влиянием экономических процессов, в одном случае некоторые качества человека стали более развитыми, в другом в нем стал проявляться ряд недостатков. Тоже можно сказать и о влиянии экономических реформ на убеждения и жизненное положение человека. На наш взгляд, влияние экономических реформ на духовный образ личности выражается в следующем:

1. В результате реформ убеждения человека приобрели особый характер. Хорошо известно, что вера относится к знанию того, что человек живет в своем разуме для второй жизни, «заново открытой» им пропорционально его интересам, которое применяется в человеческой деятельности [8. С. 60]. Вера имеет свои собственные компоненты интеллекта, оценки и активности. Осуществляемые в нашей стране экономические реформы постепенно радикально изменили все эти составляющие веры человека.

В частности, следующие компоненты веры человека претерпели процесс обновления:

а) знания, идеи, теории (или ментальный компонент) общества, социального развития, социального прогресса, экономических процессов;

В то время как в советские годы это знание о личности было основано на идеологии коммунизма и теории политической экономии, экономические реформы значительно расширили сферу этих знаний за счет различных экономических теорий и практик;

б) отношение человека к знанию экономических процессов (или оценочной составляющей); Проведенные в нашей стране реформы коренным образом изменили отношение людей к централизованной плановой экономике, экономической политике Советского правительства, принципам хозяйствования, характеру взаимоотношений экономики и политики;

в) основанные на знаниях формы социальной активности (или составляющей деятельности); Экономические познания нового характера преобразовали экономическую деятельность личности по-новому. Это развитие таких видов деятельности, как малый бизнес, семейный бизнес, надомный труд.

2. Экономические реформы повлияли на черты и характеристики личности. В годы советской власти такие пороки, как равнодушие, безразличие и безответственность, глубоко укоренились в духовном образе личности. Действительно, такое стремление было естественным для экономики, основанной на принципах равенства, которая требовала централизованного планирования даже самых незначительных внутренних вопросов, не одобряла эту инициативу. Появление в нашей стране рыночной инфраструктуры, внедрение принципов рыночной экономики, особенно приватизации государственности, кардинально изменило ситуацию.

В частности, в социальной структуре начала формироваться структура собственности, возникли малый бизнес и частное предпринимательство, увеличилась доля людей, работающих в негосударственном секторе.

Работа в негосударственном секторе имеет свои особенности: нельзя закрывать глаза на эгоизм, зависимость, безынициативность и безответственность. Потому что основная цель отрасли – получение прибыли. Любой эгоизм, зависимость, безынициативность, безответственность приведут к уменьшению дохода этих субъектов, а в конечном итоге – к его упадку. По той же причине появление негосударственного сектора, увеличение количества людей, работающих в нем, в краткосрочной перспективе стало корнем вышеупомянутых недостатков.

Таким образом, экономические реформы привели к положительным изменениям в духовном образе личности. 3. Экономические реформы привели к изменению жизненной позиции личности. Жизненная позиция – это сочетание социального, гражданского долга и моральной ответственности. Это, по мнению экспертов, отношение человека к миру, которое отражается в его усилиях и поступках [2]. Эта концепция также включает в себя усилия по удовлетворению своих социальных и личных интересов, улучшению социальных и личных условий жизни в соответствии с гуманными идеалами. Если человек глубоко понимает свои социальные обязанности и делает их своими убеждениями, нормой своей деятельности, его жизненная позиция считается активной. Человек, действующий на основании такой должности, служит увеличению материального и духовного богатства своей страны, обеспечению благополучия страны.

Влияние экономических реформ на положение человека в жизни проявляется по-разному. В частности, прежде всего, благодаря реформам социальный строй и образ жизни в обществе приобрели новый характер. Это, в свою очередь, сказывалось на жизненной позиции человека.

Во-вторых, экономические реформы изменили социальную среду (трудовое сообщество, общественные организации, семью и т.д.), которая непосредственно окружает человека. Эти изменения наложили свой отпечаток на духовный образ человека, на позицию, которую он занял в жизни.

В-третьих, обновление характера потребностей и интересов личности в ходе реформ также повлияло на положение личности в жизни. Однако, как мы уже отмечали, экономические процессы не оказали положительного влияния на духовный имидж личности. В связи с этим существует ряд негативных последствий. Поэтому, анализируя проблемы взаимоотношений в контексте «общество-человек», «экономические процессы-духовный образ человека», необходимо отбросить страсть и эйфорию и упомянуть негативные продукты этих процессов.

Прежде всего, следует отметить, что проводимые в нашей стране реформы сделали упор на материальные ценности и потребности. Этот приоритет формирует совершенно новую модель духовного образа современного человека. Например, экономические реформы сделали личные интересы приоритетом при принятии решений об обществе, основанном на рыночной экономике, включая развитие индивидуальной инициативы и предпринима-

тельства. Потому что без личного интереса не может быть и речи об инициативе и предприимчивости. Примат личных интересов подчинял духовный образ личности принципам индивидуализма.

Сегодня человек становится чистым индивидуалистом: он стремится отделить себя от других, дистанцироваться от них, поклоняться ничему, кроме рынка, где веет духом потребительства и принципами гедонизма. Идея Антуана де Сент-Экзюпери «Есть только одна проблема в этом мире – дать людям духовное содержание и духовные заботы» становится все более актуальной [7. С. 47].

Прогресс человечества в технологическом и духовном отношении меняет во времени взгляды и мотивы поведения народов и государств с учетом их положения в мире общественного взаимодействия. Общество и общественные группы нуждаются в обобщении идей в удовлетворении потребностей и в пользовании общечеловеческими ценностями, преодолевая обострения противоречий и необоснованных претензий в процессах хозяйственной деятельности.

Под влиянием экономических процессов сознание и деятельность личности коммерциализируются, то есть подчиняются материальным интересам. Известно, что под коммерциализацией понимается деятельность физического лица или организации, направленная на получение дохода, прибыли любым способом. В экономическом плане этот процесс не носит отрицательного характера [4. С. 64]. Однако абсолютная коммерциализация сознания и деятельности человека может привести к трагическим последствиям. К сожалению, количество людей, которые строят свою деятельность и образ жизни на основе этого принципа, с каждым годом растет.

Экономические реформы также меняют жизненные ценности и идеалы человека. Абу Райхан Беруни, который сегодня назвал целый век большой группе людей, Хабиб Абдуллаев, известный своей стойкостью, и Муса Ташмухаммад оглу Ойбек, осмелившийся восхвалять великих людей своего народа даже в колониальные годы, не стали оставить след в пении Асадбеку «Художник» становится идеалом.

Таким образом, проводимые в нашей стране экономические реформы позволили добиться значительных результатов, но в то же время оказали значительное влияние на духовный имидж личности.

В частности, под влиянием экономических реформ убеждения, качества и атрибуты человека, жизненная позиция приобрели новый характер. В то же время в ходе реформ в духовном образе личности были выявлены недостатки, и тщательное изучение этих процессов поможет определить законы влияния общества на личность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адьяева З.С., Валетова В.В., Кутаев М.Ю.* К вопросу о трансформации политического строя Центральной Азии в постсоветский период // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 3 (33).

---

2. Жизненная позиция личности, ее виды. Философия // <http://www.nuru.ru/philos.htm>.

3. Жильцов С.С. Роль Евразийского экономического союза в геополитических процессах на постсоветском пространстве (часть вторая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

4. Кашицына Т., Никишина Е. Коммерциализация инноваций. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2011.

5. Медведев Н.П. Политические проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

6. Мирзиеев Ш.М. Танқидий таҳлил, қатъий тартиб-интизом ва шахсий жавобгарлик – ҳар бир раҳбар фаоли-ятининг кундалик қоидаси бўлиши керак // Миллий тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириб, янги босқичга кўтарамиз. Т.: Ўзбекистон, 2017. Том 1.

7. Сент-Экзюпери А. Маленький принц. М.: Эксмо, 2018.

8. Чориев С. Сиесий етук шахс. Т.: Ўзб. файл. миллий жам. нашр., 2004.

9. Эркаев А. Ўзбекистон йўли. Т.: Маънавият, 2011.

10. Эркаев А. Духовность и развитие. Ташкент: Маънавият, 2008.

11. Явчуновская Р.А. Кризис нравственной культуры современного общества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 3 (29).

G.I. ISMOILOVA

*Teacher, Karshi state university,
Karshi, Republic of Uzbekistan*

IMPACT OF ECONOMIC REFORMS FOR SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY

The article is devoted to the study of the spiritual and moral formation of the personality and the influence of economic reforms on this process. The article reveals the relationship between the economy and human spirituality. The nature of spirituality and morality as a social phenomenon is analyzed.

Key words: *economic reforms, the spiritual image of the individual, the impact of economic reforms on the spiritual image of the individual, the change in the convictions of the individual, the change in the values and needs of the individual.*

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Введение. Культура представляет собой ключевой фактор государственного развития, который способствуют обеспечению таких важных критериев деятельности государства как суверенитет, экономическое процветание и самобытность. В 2014 г. начал действовать Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики», который задал стратегические цели и задачи страны в области формирования и реализации культурной политики. Наличие ряда проблем в социокультурной сфере обуславливает необходимость более глубокого рассмотрения и изучения механизмов культурной политики. **Цель.** Анализ сущности и содержания политических механизмов формирования и реализации культурной политики Российской Федерации. **Материалы и методы.** Для проведения исследования использовались следующие методы: контент-анализ, литературный обзор, классификация, сравнительный анализ, системного подход, формализация, гипотетико-дедуктивный метод. В качестве материалов использовались актуальные онлайн-источники, литературные источники и нормативно-правовые акты, посвященные вопросам культурной государственной политики. **Выводы.** Механизм формирования и реализации государственной культурной политики определяется существующей в том или ином обществе моделью человека. Применение в совокупности неогуманистического и симультанного подходов к формированию и реализации государственной политики продиктовано предназначением культурной политики, она представляется глобальным и универсальным явлением, которое лежит в основе национальной безопасности. В соответствии с этим деятельность субъектов культурной политики должна реализовываться через неогуманистичность и «жизнemerность», что будет способствовать формированию неогуманистической личности.

Ключевые слова: культурная политика, государство, общество, политические механизмы, неогуманистическая личность.

Введение. Культура и социокультурная деятельность на данный момент представляют собой ключевые факторы государственного развития, которые способствуют обеспечению таких важных критериев деятельности государства как суверенитет, экономическое процветание и самобытность. Сегодня на территории Российской Федерации формируется новая модель государственной культурной политики, согласно которой культуре отводится не только роль главного фактора социоэкономического государственного развития, но и придается ранг стратегически важных национальных приоритетов, которые в свою очередь являются гарантами сохранения территориальной целостности РФ и единства культурного пространства [7].

В 2014 г. начал действовать Указ Президента РФ «Основы государственной культурной политики», который задал стратегические цели и задачи страны в области формирования и реализации культурной политики. Принятие данного документа и реализуемые меры говорят об осознании недостаточности внимания к проблемам человека в современном обществе, что привело к созданию угрозы гуманитарного кризиса. Гуманитарный кризис проявляется снижением культурного и интеллектуального общественных уровней, девальвацией общепризнанных ценностей, искажением существующих ориентиров, ростом нетерпимости и агрессии, деформацией общественной исторической памяти, разрывом социальных связей и ростом индивидуализма.

Таким образом, очевидна необходимость разрешения имеющихся проблем и инвестиции в человека для формирования ответственной, самостоятельно мыслящей личности с высокими нравственными и моральными ориентирами. Это обуславливает актуальность проведения данного исследования.

Цель исследования заключается в анализе сущности и содержания политических механизмов формирования и реализации культурной политики Российской Федерации.

Для изучения и анализа сущности и содержания политических механизмов формирования и реализации культурной политики Российской Федерации были использованы такие основные подходы как неогуманистический и симультанный. Данные подходы основываются на принципе «жизнемерности» и способствуют более эффективной работе с информацией, целостной работе с источниками. Симультанный подход предоставляет исследователю свободу действий в условиях хаотичности и непредсказуемости процессов, протекающих в обществе. Симультанный подход дает возможность всестороннего изучения культурных феноменов в рамках их взаимосвязей в среде сформировавшегося культурного пространства. Второй подход, неогуманистический, основывается на «биофильной» системе ценностей. В рамках данной системы человек позиционируется как уникальное бытие, ментальное, душевное и духовное [5. С. 25].

Для проведения исследования использовались следующие методы: контент-анализ, литературный обзор, классификация, сравнительный анализ, системного подход, формализация, гипотетико-дедуктивный метод.

В качестве материалов использовались актуальные онлайн-источники и литературные источники, посвященные вопросам культурной государственной политики.

Основная часть. Успех государственной культурной политики определяется уровнем и качеством разработки механизмов ее формирования и реализации. На данный момент на территории Российской Федерации наиболее распространен такой механизм как создания координационных советов и фондов по культуре, которые контролируются и курируются государственными чиновниками, а не экспертными объединениями. Данный механизм показал низкую эффективность на сегодняшний день, необходима разработка и внедрение новых механизмов.

Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации культурной политики должны формироваться на базе неогуманистических и симультанного подходов с учетом межцивилизационной моделью современного культурного человека, у которого в центре мировоззренческой парадигмы стоит «биофильная» система ценностей. Таким образом, сущность и содержание политических механизмов должны вытекать из неоклассической парадигмы, где центральной категорией является «духовное здоровье народа».

Основным нарративом неоклассической философии является идеальная модель человека XXI века, который обладает следующими качествами:

- 1) не искаженное восприятие реальности;
- 2) высокий уровень внутренней культуры;
- 3) высокая мотивация к самосовершенствованию и саморазвитию;
- 4) независимость от негативных факторов окружающей среды;
- 5) обогащение жизненным опытом;
- 6) моральная и нравственная устойчивости;
- 7) способность к саморегуляции;

Если человек государства соответствует представленной модели, цели и задачи, изложенные в «Основах государственной культурной политики» и работах ведущих отечественных культурологов становятся достижимыми и выполнимыми [8. С. 250; 10. С. 15].

Если рассматривать культурную государственную политику в рамках ее официального термина, она представляет собой совокупность действий, направленных на поддержку, сохранение и дальнейшее развитие отраслей культуры и видов творческой деятельности граждан РФ, на формирование и развитие личности на базе системы ценностей российского общества [9]. При этом субъектами данной категории действий выступают общественные институты и органы государственной власти РФ.

Однако такое определение и решение существующих проблем модно было бы считать эффективным только при условии доминирования «культуры достоинства» в российской обществе [2. С. 55]. Однако сегодня наблюдается доминирование «культуры полезности», где основным механизмом развития выступает конфликт, ориентация на разрушающие личность ценности, нарушение заключенных ранее конвенциональных ценностей, проявления агрессии [3].

Доминирование «культуры полезности» приводит к распространению системного феномена переходного общества, в котором большая часть людей относится к негантропам (особая категория людей с нарушениями духовного здоровья, с которыми не представляется возможным ведение диалога) [6. С. 180]. Для негантропов свойственно воспринимать человека как средство и возможности для самоутверждения или извлечения собственной пользы. В связи с этим особую важность обретает «духовное здоровье народа», подразумевающее под собой раскрытие потенциала каждого индивида как представителя единого процветающего народа, а не биомассы. Только такая личность не теряет своей взаимосвязи с традициями, происхождением и историей своего народа, является субъектом культуры.

Важным элементом «духовного здоровья народа» является нематериальное культурное наследие. Даже в рамках теории не представляется возможным представление жизнеспособной культуры, которая не имела бы выстроенной системы духовного воспитания и не сохранила бы духовные традиции прошлых поколений. При этом под нематериальным культурным наследием подразумевают народные обычаи, навыки и знания, формы выражения и представления и связанные с ними предметы, которые признаны культурным наследием сообществами и группами [4].

Ряд авторов указывают на взаимосвязь нематериального культурного наследия с духовной реальностью человека в качестве стратегического ресурса. По их мнению, материальное культурное наследие и духовное здоровье народа зависят в большей степени от конструирования духовной реальности каждым отдельным индивидом [11; 12; 13. Р. 175; 1. С. 185]. Это диктует необходимость использования таких механизмов формирования и реализации культурной политики Российской Федерации, в которых приоритет отводился бы разрешению проблем, обусловленных формированием человека как культурного существа, которое реализует свой смысл жизни посредством полезной деятельности, сострадания к ближнему, саморазвития, веры и устремления в лучшее будущее.

На основании всего вышесказанного наиболее эффективными представляются следующие механизмы формирования и реализации культурной политики РФ:

- 1) проведение культурологической экспертизы нормативно-правовых актов в области государственной культурной политики;

2) разгрузка воспитательных и образовательных учреждений посредством оптимизации их деятельности за счет отказа от бумажной бюрократии, из-за которой сегодня деятельность специалистов указанных учреждений направлена на работу с бумагами, а не формирование профессиональных и общекультурных компетенций;

3) повышение и стимулирование деятельности гуманистически-ориентированного и организационно-творческого профилей.

Заключение. Механизм формирования и реализации государственной культурной политики определяется существующей в том или ином обществе моделью человека. Исторически произошла смена модели «человек-дикарь», руководствующегося варварскими принципами, на модель человека культурного. Смена моделей способствовала внедрению инновационных методов в процесс разрешения проблем культурных кризисов. Применение в совокупности неогуманистического и симультанного подходов к формированию и реализации государственной политики продиктовано предназначением культурной политики, она представляется глобальным и универсальным явлением, которое лежит в основе национальной безопасности. В соответствии с этим механизмы формирования и реализации культурной политики, основанные на рассмотренных подходах, будут способствовать формированию неогуманистической личности, что прямым образом будет вести к «духовному оздоровлению народа».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б.* Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск: Тигра, 2000.

2. *Жидков В.С.* Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. 2001. № 6.

3. *Жидков В.С., Соколов К.Б.* Культурная политика России: теория и история. М.: Акад. проект, 2001.

4. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. Принята 17 октября 2003 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml.

5. *Меньчиков Г.П.* Культура и духовное здоровье народа – фундаментальная проблема бытия человека и общества // Культура, Образование, Время / Науч.-практ. журнал. Казань, 2012. № 2.

6. *Меньчиков Г.П.* Основы антропологии: традиции и новации: Учебное пособие для вузов. Казань: РИЦ «Школа», 2006.

7. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февр. 2016 г. № 326-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 11. Ст. 1552.

---

8. Тагиров Э.Р. Планетарная цивилизация в зеркале глобалистики. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014.

9. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // <http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/OSNOVIPRINT.NEW.indd.pdf>.

10. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М.: Академический проект, 2000.

11. Action plan on cultural policies for development // <http://unesdoc.unesco.org>.

12. Chartrand H.H. Funding the fine arts: international political economic trends 1985, 2001, 2016 // Compiler press: intellectual & cultural property in the global village // <http://compilerpress.ca>.

13. Girard A., Gentil G. Cultural development: experiences and policies. 2nd ed. Paris: UNESCO, 1983.

14. Mercer C. Towards cultural citizenship: tools for cultural policy and development. Stockholm: The Bank of Sweden Tercentenary Foundation: Sida and Gidlunds Förlag, 2002 // <https://papers.ssrn.com>.

K.A. PILYAGIN

*Post-graduate student of the North-Western
Institute of Management, a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russia*

ESSENCE AND CONTENT OF POLITICAL MECHANISMS FOR FORMATION AND IMPLEMENTATION OF CULTURAL POLICY

Introduction. Culture is a key factor in state development, which contributes to the provision of such important criteria for state activities as sovereignty, economic prosperity and identity. In 2014, the Decree of the President of the Russian Federation “Fundamentals of State Cultural Policy” began to operate, which set the strategic goals and objectives of the country in the field of formation and implementation of cultural policy. The presence of a number of problems in the socio-cultural sphere necessitates a deeper consideration and study of the mechanisms of cultural policy. **Purpose.** Analysis of the essence and content of political mechanisms for the formation and implementation of the cultural policy of the Russian Federation. **Materials and methods.** The following methods were used for the study: content analysis, literature review, classification, comparative analysis, systematic approach, formalization, hypothetical-deductive method. The materials used were actual online sources, literary sources and regulatory legal acts devoted to issues of cultural state policy. **Findings.** The mechanism for

---

the formation and implementation of the state cultural policy is determined by the human model existing in a particular society. The combined use of neo-humanistic and simultaneous approaches to the formation and implementation of state policy is dictated by the purpose of cultural policy; it seems to be a global and universal phenomenon that underlies national security. In accordance with this, the activities of the subjects of cultural policy should be realized through neo-humanism and “vitality”, which will contribute to the formation of a neo-humanistic personality.

Key words: *cultural policy, state, society, political mechanisms, neo-humanistic personality.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.022

УДК 32.323; 327

Н.А. ВОРОНИНА

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора прав человека
Института государства и права РАН,
Россия, г. Москва

МИГРАНТЫ В МОСКВЕ: КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ГРАНИ ЭТНОПОЛИТИКИ

Статья посвящена вопросам современной международной миграции в контексте города Москвы. Миграция представлена как важный элемент социально-экономической, демографической и культурной жизни города, как важнейший элемент развития региона. Рассматриваются основные детерминанты миграции, создание новых центров притяжения внутри мегаполиса, реализация потенциала новых территорий, виды миграционных потоков и характеристики мигрантов. Анализируются эффекты и последствия миграции для городского хозяйства, роль миграции в формировании населения Москвы. Характеризуется уровень толерантности москвичей по отношению к мигрантам и рассматривается проблема интеграции этнических мигрантов в городской социум.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, население Москвы, рабочие места, освоение территорий, градостроительство, межнациональные отношения, адаптация и интеграция мигрантов.

Москва относится к числу наиболее активно развивающихся мегаполисов мира. Если в 1989 г. население Москвы составляло около 9 млн человек, то согласно переписи населения 2010 г., эта цифра возросла почти до 11 млн 500 тыс. человек. По данным Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Москве, в столице в конце 2019 г. проживали около 1,6 млн иностранных граждан, то есть примерно четверть всех находящихся в Российской Федерации иностранцев. К этому также следует добавить количество иностранцев, пребывающих в московской области, ежедневно приезжающих на работу в столицу.

Миграционный прирост в Москве и других крупных российских городах происходит преимущественно за счет трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, Закавказья, Украины, Молдовы, Китая и Вьетнама. В ми-

---

грационные процессы вовлечены люди, представляющие разные культуры, религии и народы. К их количеству также следует добавить иностранных граждан, которые могут находиться в России в соответствии с международными договорами до трех месяцев без регистрации.

Больше всех трудовых мигрантов – около 40% – занято в московском строительстве. В ЖКХ – 10%, далее идут промышленность, городской транспорт, здравоохранение, общественное питание, работа в домашних хозяйствах. Считается, что как минимум 70% трудовых мигрантов – мужчины (это каждый третий трудоспособный мужчина в Москве), 40% из них моложе 30 лет.

За прошедшие годы сильно изменился профиль находящихся в Москве иностранных граждан. Так, например, в конце 1980 – начале 1990-х годов китайские мигранты – в основном мелкие торговцы – занимались созданием в Москве (да и по всей России) сети рынков по продаже китайских товаров. Быстро формировались китайские землячества, объединявшие представителей одной диалектной группы, занимающиеся преимущественно торговлей. Землячества представляли собой замкнутые этносоциальные образования, сохраняющие постоянные и устойчивые связи с Китаем. Эти связи базировались на каналах поступления товаров минуя официальную торговлю и отправке в Китай финансовых средств, накопленных в России. Перевод капиталов осуществлялся через специально созданные китайцами конторы (обменные пункты, которые впоследствии стали именовать себя «банками»). Постепенно в Москве появился китайский рынок рабочей силы, китайские рестораны, склады, газеты на китайском языке.

К середине 2000-х годов потоки трудовых мигрантов в Москву приобрели массовый, миллионный характер. Происходила сегментация миграционного рынка труда, выделялись сектора, зависимые от притока иностранных работников, создавались анклавные ниши этнической занятости. Сегодня экономика Москвы сильно зависит от притока иностранной рабочей силы.

В настоящее время в Москве помимо китайских строителей, студентов, стажеров, туристов, дипломатического персонала работают представители крупнейших китайских и иных зарубежных компаний, фирм, осуществляющих производственные, хозяйственно-экономические и культурные контакты с российскими партнерами.

Привлечение трудовых мигрантов осуществляется исключительно экономическими стимулами, вне их соотношения с качеством жизни, уровнем комфорта, безопасности, качества предоставляемых приезжим услуг. Остается высоким уровень агрессивности среды, что, соответственно, существенно снижает совокупную оценку качества жизни. Ограничивающим фактором миграции в Москву является сегодня стоимость жилья.

Москва – постоянно развивающийся и расширяющий свои границы город [4. С. 603-617]. В 2012 г. к Москве были присоединены огромные терри-

тории Подмосковья – почти весь юго-запад Московской области. При этом «Новая Москва» сильно отставала в развитии по сравнению со столицей. На эту территорию надо было привлекать инвестиции, создавать новые рабочие места, повышать уровень жизни населения и при этом сохранить природно-экологическое своеобразие новой городской черты.

Интенсивное развитие данного региона позволило Новой Москве отказать от понятия «окраина». Наряду с миллионами новых жилых квадратных метров в Новой Москве построено около ста крупных социальных объектов – детских садов, школ, поликлиник, больниц. Создается удобный, комфортный для жизни, учебы, работы и отдыха людей район.

Как отмечают исследователи, одной из проблем территории, ставшей Новой Москвой, был дефицит рабочих мест, – «За восемь лет благодаря комплексному подходу к освоению территории их количество выросло в три раза – с 85 тыс. до 258 тыс. Причем речь идет о качественных рабочих профессиях – в промышленности, бизнесе, инновациях и социальной сфере. Сюда уже едут на работу из Подмосковья и из «старой» Москвы» [5].

Создание в Новой Москве центров притяжения – мест приложения труда и обширного рынка жилья способствовало разгрузке транспортных потоков и снижению внутригородской маятниковой миграции.

Маятниковая миграция – это явление, присущее большинству мегаполисов мира. Однако в Москве оно нередко принимало чрезмерные масштабы. Так, десятилетие назад ежедневно в центр города на работу приезжали из Подмосковья и периферийных районов у МКАД, чтобы вечером вернуться в обратно, около 3,5 млн человек.

Согласно проведенному в 2012 г. мировому рейтингу потенциала городов по показателю конкурентоспособности (Global City Competitiveness Index) (1), Москва входила лишь в пятый десяток городов мира [11]. По мнению составителей рейтинга, численность населения Москвы была недостаточна для того, чтобы быть экономическим и финансовым мотором развития всей страны. Сегодня Москва по всем ключевым направлениям поднялась на четвертое место в рейтинге The World's 100 Best Cities (ста лучших городов мира) [12].

Миграция стала важнейшим фактором, стимулирующим обновление экономики и социально-культурной жизни мегаполиса, обеспечивающим ее необходимыми трудовыми ресурсами, многократно расширившим ее глобальные связи и культурный спектр. Сегодня Москва должна дать больший простор интеллектуальному и творческому труду. Чтобы поддерживать потенциал всей страны, Москва должна принимать мигрантов, давать им простор для развития творческих способностей.

Однако следует признать, что мигранты во многих отношениях являются социально исключенными лицами в сравнении с местным населением. По мнению, как российских, так и зарубежных исследователей, в качестве

главного препятствия, мешающего интеграции мигрантов в российский рынок труда и в целом в принимающее общество, выступает дискриминация. Дискриминация касается всех аспектов трудовой деятельности иностранных работников: оплаты труда, ограниченного доступа мигрантов к тем или иным профессиям, продолжительности рабочего времени и времени отдыха, охраны здоровья/труда и техники безопасности, доступа к профессиональной профессиональной подготовке, а также рынка жилья и различных сторон повседневной жизни [17].

К интересным выводам пришел проф. В.А. Ачкасов, исследуя возможности интеграции и риски дискриминации мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге. Как показало его исследование, трудовых иммигрантов регулярно обманывают и бессовестно эксплуатируют не только посредники и работодатели, но «этим занимаются и некоторые национально-культурные автономии, призванные, по мнению городских властей, представлять и защищать интересы мигрантов. Иногда такого рода организации превращаются в институциональную инфраструктуру, которая становится процветающим теневым коммерческим предприятием, а лидеры таких объединений выступают поставщиками дешевой рабочей силы для российского бизнеса или сами используют ее на своих предприятиях» [2. С. 25].

Исследование, проведенное сотрудниками Института социологии РАН в отношении ситуации на рынке труда и занятости мигрантов, выявило, что в крупных городах России в настоящее время идет процесс сегрегации этнических групп в сфере строительства, торговли, общественного питания и общественного транспорта – представителям того или иного меньшинства отводится вполне определенная социальная ниша, которую мигрант и не стремится покинуть и лишь в которой он может приложить свои трудовые навыки [10].

Данные регулярно проводимых среди москвичей опросов свидетельствуют о достаточно низком уровне терпимости москвичей к мигрантам: от настороженного до негативного. Такое отношение во многом формируется теми условиями, в которых живут мигранты – вагончики, скученные общежития, отсутствие надлежащих бытовых удобств – все это поддерживает в местном общественном сознании образ мигранта как «человека второго сорта», к которому применяются гораздо более низкие стандарты в работе и в быту.

Помимо самой большой категории находящихся в Москве иностранных граждан – трудовых мигрантов, в мегаполисе также находится на учебе около 40 тысяч иностранных студентов со всего мира. Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по городу Москве оформляет им приглашения на выдачу учебных виз, ставит на миграционный учет, в случае необходимости продлевает сроки временного пребывания, оформляет разрешение на работу и т.д.

К основополагающим стратегическим доктринальным документам, регулирующим сферу государственной миграционной и этнополитики относятся: утвержденная в 2012 г. Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703), новая редакция 2018 г. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а также принятая в 2015 г. уточненная Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Законодательно закреплена ответственность органов власти всех уровней и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений [15].

Базовые вопросы привлечения и использования иностранной рабочей силы регулируются нормами Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с измен. и доп.) [12]. В соответствии с законом преимущественное право на занятие вакантного рабочего места (при равной профессиональной подготовленности и квалификации) имеет гражданин РФ. Российское законодательство устанавливает допустимую долю иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики хозяйствующими субъектами (торговля, фармацевтика).

Как отмечалось в Итоговом докладе по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России «Стратегия – 2020: новая модель роста – новая социальная политика»: «Преимущественно ограничительный характер миграционной политики, неразвитость сферы услуг в области миграции создают почву для масштабной незаконной миграции, которая является основным источником рабочей силы для теневого сектора экономики» [7].

С 2015 г. изменилось законодательство в сфере регулирования трудовой миграции из стран с безвизовым режимом: была введена патентная система трудоустройства иностранных граждан, что дало мгновенный положительный финансовый эффект. В 2016 г. доходы столичного бюджета от продажи патентов мигрантам составили 11 млрд рублей и превысили поступления от нефтяной отрасли. В 2017 г. патенты пополнили бюджет города Москвы на 15 млрд рублей. Прибыль от продажи патентов мигрантам окупала проект создания и строительство в Москве Многофункционального миграционного центра (ММЦ) «Сахарово», что позволило решить многие важные для трудовых мигрантов вопросы, способствовало выводу многих мигрантов «из тени» и нормализации ситуации на рынке труда иностранной рабочей силы. В ММЦ проходят все необходимые процедуры: регистрация, дактилоскопия, включение в систему обязательного медицинского страхования (ОМС), медосмотр (медзона рассчитана на 1200 человек), тестирование и пр.

В 2013-2014 гг. были введены законодательные акты, усилившие ответственность за нарушение миграционного законодательства и предусма-

тривавшие для нарушителей принудительное помещение в специальные учреждения для временного содержания иностранных граждан, а также их выдворение за пределы Российской Федерации. Активизировалась и общественность: большая работа по выявлению нарушений проводится в жилом секторе, в местах массового скопления лиц, на транспортно-пересадочных узлах и вокзалах столицы.

Были закрыты крупнейшие рассадники преступности, объекты, которые десятилетиями генерировали незаконную миграцию. Закрыты также сотни игорных заведений, «знаменитый» Черкизовский рынок, рынок в «Лужниках», прекращена работа более 30 розничных рынков, на которых постоянно находились десятки тысяч нелегальных мигрантов.

Значительную помощь в поддержании правопорядка на территории столицы оказывает созданная в 2014 г. система автоматизированного мониторинга криминогенной ситуации в городе Москве, где в режиме реального времени отслеживаются наиболее криминогенные точки, а также места постановки на миграционный учет значительного количества иностранных граждан. Данная система, созданная правительством Москвы, позволяет проводить работу по устранению причин и условий, оказывающих негативное влияние на криминогенную ситуацию на территории районов города.

Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 была утверждена новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [13] (далее – Концепция). В новой Концепции расширены и уточнены цели миграционной политики; помимо обеспечения национальной безопасности, содействия экономическому развитию и укрепления демографии добавлено повышение качества жизни населения, обеспечение пространственного развития страны, поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе при защите и сохранении русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России.

К задачам миграционной политики Концепция относит «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в России иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами».

Вопросы адаптации мигрантов нашли свое отражение и в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703), в которой в качестве одной из задач в сфере государственной национальной политики РФ определено формирование системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество (пункт 21. ж).

Однако несмотря на декларируемые целеполагания в области политики адаптации мигрантов к условиям жизни в России, в концептуальных и про-

граммных документах по вопросам миграции, в то же время отсутствует комплексный государственный (общенациональный) план или программа такой деятельности. Согласно с мнением ученых, что «в Российской Федерации до сих пор не выработано четкой стратегии государственной миграционной политики в сфере адаптации и интеграции мигрантов» [1. С. 291].

Процессы урбанизации, сопровождающиеся противоречиями между городской и сельской культурой, нередко приводящие к конфликтам между горожанами и «понаехавшими», могут порождать ксенофобию со стороны местного населения. Трудовые мигранты – это преимущественно молодые люди, не имеющие ни опыта проживания в инокультурной иноязычной среде, ни элементарных навыков поведения в принимающем обществе, не знакомые с его традициями и обычаями. Мигранты-мусульмане нередко грубо вторгаются в культурное пространство коренного населения, привнося чуждые традиции, как например, жертвоприношения баранов на мусульманских праздниках, стрельба из оружия на свадьбах. Следствием этого является формирование негативного отношения к ним со стороны коренного населения.

Проблема усугубляется тем, что трудовые мигранты из стран Центральной Азии не входят в сложившиеся на территории России многие десятилетия тому назад «стародавние» диаспоральные структуры, состоящие из других этносов и народов/народностей. Вспышки ксенофобских проявлений, а главное, отсутствие эффективной политики адаптации временных работников входят в противоречие с потребностью города в постоянном притоке рабочей силы.

Исследователи сходятся во мнении, что государству необходимо решать эти проблемы только вместе с обществом. Без развития местного самоуправления, без активного местного сообщества, без эффективной позиции местных муниципальных депутатов невозможно в городе сохранить межнациональный, а стало быть, социальный мир и благополучие.

В столице регулярно созывается Московский гражданский форум, на котором представители общественности, органов власти и эксперты обсуждают наиболее актуальные для Москвы темы и вырабатывают совместное видение путей решения ключевых проблем. Проблемы межнациональных отношений находятся в центре внимания общественности.

Одна из главных претензий, предъявляемых москвичами мигрантам – конкуренция за рабочие места. Проведенные в разные годы опросы показывают, что почти 40% опрошенных жителей столицы считают, что мигранты «занимают рабочие места, нужные нашему населению». Однако, по мнению Ю. Флоринской, ведущего научного сотрудника Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, представления москвичей о силе мигрантов и миграционном демпинге зарплат на рынке труда сильно преувеличены [3]. Судя по опросам, лишь 7% москвичей столкнулись с си-

туацией, когда их не взяли на работу, а взяли мигранта. Вакансии уборщиц, курьеров, грузчиков, дворников и продавцов в большом количестве присутствуют в общероссийском банке вакансий Москвы. Устойчиво сохраняется в столице спрос на ряд квалифицированных рабочих специальностей: арматурщика, бетонщика, монтажника, плотника, каменщика и т.д.

В 2012 г. Мосгордума приняла закон, касающийся взаимодействия органов государственной власти с НКО. Данный закон привел столичное законодательство в соответствие с федеральным и нацелен на поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, занимающихся содействием мигрантам.

22 декабря 2015 г. Совет по делам национальностей при правительстве Москвы утвердил проект Стратегии национальной политики Москвы до 2025 г., программу и план ее реализации. В Стратегии определены пять основных направлений для достижения ее целей: сделать сферу межнациональных отношений понятной и безопасной, сформировать новые точки для взаимопонимания, гармонизировать отношения. В документе также заложена возможность оперативного реагирования на вызовы современности.

Стратегия разработана в соответствии с Европейской рамочной конвенцией по защите прав национальных меньшинств. В ней наряду с меньшинствами говорится и о правах большинства: необходимо учитывать интересы всех, вне зависимости от национальной принадлежности. Стратегия восполнила пробел в определениях, ввела в оборот новые понятия: «исторические особенности», «интересы местного сообщества», «традиционные ценности» и пр.

В документе подчеркнута необходимость того, чтобы представители московских национальных сообществ направили усилия на адаптацию приезжающих в город людей, а также на предотвращение распространения экстремистских идей. Это особенно важно в условиях, когда имеют место случаи радикализма среди различных этнических групп мигрантов. По наблюдениям исследователей, неадаптированные мигранты легче других социальных групп поддаются под влияние носителей радикальных идеологий [9. С. 11].

Исследователи считают институциональной ошибкой отсутствие в новой, 2018 г. Концепции государственной миграционной политики направления «Интеграция мигрантов» и полагают, что это привело к формированию в сознании общества отношения к миграции как к криминальной сфере, так как основная деятельность по регулированию миграционных потоков в настоящее время связана с МВД России. Обществом мигранты в ряде случаев воспринимаются как потенциальные преступники, а миграция – как явление, осложняющее развитие России [6. С. 73].

Естественно, что процесс адаптации для разных категорий мигрантов различается и зависит не только от социокультурных и личных (личност-

ных) характеристик мигранта (знающие русский язык, знакомые с русской культурой, легко приспосабливающиеся, быстро ориентирующиеся в новой обстановке и пр.), но и от ситуации на территории пребывания (положение на рынке труда, отношение москвичей к мигрантам, уровень культуры населения, этноконфессиональные отношения в местном сообществе и пр.).

Важно при проведении политики адаптации мигрантов исходить из того, что вливаются приезжие не в стану в целом, а в конкретное общество. Поэтому непосредственная работа по адаптации мигрантов должна происходить на муниципальном уровне – по налаживанию межкультурных коммуникаций, в первую очередь, налаживанию взаимодействия с национально-культурными автономиями, разработке и реализации программ адаптации.

По мнению исследователей, представляется перспективным направлением организовывать и проводить начальные курсы по русскому языку, русской истории и культуре на родине мигрантов, чтобы в Россию они попадали уже подготовленными, более-менее связно владели русским языком. Для этого предлагается задействовать существующие в государствах исхода русскоязычные диаспоры. Как считают некоторые эксперты, – «жить и работать в России – привилегия, и, чтобы получить ее, надо потрудиться» [14].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Исследование осуществлялось по инициативе американской транснациональной финансовой группы Citigroup с целью определить, как современные мегаполисы привлекают капиталы, бизнес и людей и распространяют экономическое, политическое и культурное влияние.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография / Л.В. Андриченко, И.В. Плюгина. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019.

2. Ачкасов В.А. Мигранты в Москве и Санкт-Петербурге: возможности интеграции и риски дискриминации // Миграция в России и в современном мире: проблемы, перспективы, практические решения. Материалы Международной научно-практической конференции (5 ноября 2019 г.) / отв. ред. М.А. Омаров. РГГУ. Москва, 2019.

3. Быстрова Д. Приезжая сила // Московская перспектива. 23-29 сентября 2014.

4. Воронина Н.А., Волох В.А. Основы урбанонологической теории миграции // Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория: коллективная монография в 2-х томах / под общей ред. В.В. Таболина. М.: Юстицинформ, 2021.

5. Гусейнов А. Новая Москва как территория развития // Независимая газета. 29 октября 2020.

6. Деханова Н.Г, Леденева В.Ю. Социокультурная адаптация и интеграция мигрантов: основные проблемы и роль государственных органов власти // Миграционная политика Российской Федерации // Сборник экспертно-аналитических докладов. ОГГУ. М., 2019.

7. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия – 20: Новая модель роста – новая социальная политика» // <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.

8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы. СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

9. Кононов Л.А. Процессы адаптации и интеграции мигрантов, их влияние на национальную безопасность Российской Федерации // Миграционная политика в Российской Федерации. Сборник экспертно-аналитических докладов. РГГУ. М., 2019.

10. Национальные меньшинства на рынках труда и жилья: социологические исследования этнофобий и дискриминации в субъектах Российской Федерации. М.: РГНФ, 2014.

11. Рейтинг конкурентоспособности городов мира – Гуманитарный портал // [gtmarket.ru >ratings>info](http://gtmarket.ru/ratings/info).

12. Российская газета. 24 октября 2020.

13. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12. 2018 № 703).

14. Ульянова А. Новые москвичи // СтоЛИЧНОСТЬ. Приложение к АиФ. 29 апр.-5 мая 2015. № 4 (65).

15. Федеральный закон от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений».

16. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». РГ. 2002. № 140.

17. Issue Paper. Human Rights Aspects of Immigrant and Refugee Integration Policies. 2019 // Council of Europe // <https://rm.coe.int/168093de2c>.

N.A. VORONINA
*Candidate of Sciences (law),
Senior researcher at the Sector of Human Rights,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

MIGRANTS IN MOSCOW: CULTURAL DIVERSITY AND FACETS OF ETHNOPOLITICS

The article is devoted to problems of modern international migration in the context of Moscow city. Migration is seen as an important element of socio-economic, demographical and cultural life of the city, as the essential element of development of the region. The study analyzes the main determinants of migration, creation of new inner metropolis centers of attraction, realizing the potential of new territories, types of migration flows and characteristics of migrants. Effects and consequences of migration processes for urban economy and the role of migration in population formation of Moscow are identified. The article reviews the level of tolerance of Moscovites towards migrants and the problem of integration of ethnic migrants into urban society.

Key words: *migration, labour migrants, Moscow population, workplaces, development of territories, urban planning, interethnic relations, adaptation and integration of migrants.*

ЭТНОПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА: К ЕДИНСТВУ ЧЕРЕЗ МНОГООБРАЗИЕ

В статье дается анализ основных принципов национальной политики Республики Казахстан, представлены этапы развития казахстанской государственной этнополитики. В работе раскрыто содержание национально-го вопроса, даны характеристики национальных интересов и национальных отношений в рамках реализации государственной национальной политики Республики Казахстан. На основе анализа более чем 25-летнего периода становления и развития независимого демократического казахстанского государства показана роль Ассамблеи народа Казахстана в реализации государственной этнополитики, в укреплении основ гражданского общества, сохранении мира, согласия и народного единства в республике. Анализируется значение для этнополитики государства создания и деятельности уникального, не имеющего аналогов в мировой практике, общенародного института межэтнического согласия – Ассамблеи народа Казахстана.

Данная статья также посвящена характеристике особенностей формирования национальной модели в контексте реализации индустриально-инновационной политики республики в условиях активного развития гражданского общества, а также модернизации политической и экономической системы государственного устройства.

В статье отражается роль личности главы государства – Н.А. Назарбаева – и дается обзор современной казахстанской истории нациестроительства, позволяющий исследовать взаимосвязи и взаимозависимость всего спектра движущих сил внутривнутриполитических процессов, а также проанализировать деятельность Первого Президента страны в обеспечении сбалансированного развития Казахстана в условиях обостряющихся диспропорций в мировом историческом развитии. На основе анализа постсоветского периода истории раскрывается особый путь Республики Казахстан, ориентированный на создание сбалансированной модели межэтнического и межконфессионального развития, направленного на укрепление мира, согласия и консолидации гражданского общества.

Материалы исследования, кроме того, освещают особенные черты казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного

согласия, автором которой является Лидер нации Н.А. Назарбаев; сегодня эта модель стала своеобразным брендом Казахстана, всеобщим нравственным императивом казахстанской политики, квинтэссенцией методологии обеспечения стабильности и укрепления национального единства в государстве.

Ключевые слова: нация, государство, этнос, культура, народ, язык, национальная политика, межэтнические отношения, национальные интересы, суверенитет, независимость, стабильность.

Для многонационального государства особенно значимой составной частью национальной политики являются *межнациональные отношения*. Важным выражением сущности межнациональных отношений выступает *национальный вопрос*. Национальный вопрос – проблема не столько этническая, сколько социально-политическая. Государство призвано регулировать национальный вопрос, последовательно налаживать отношения между нациями и народностями, проживающими на территории этого государства. Совокупность принципов, норм, правил, посредством которых осуществляется управление национальными отношениями составляет *национальную политику*.

Безусловно, в каждой многонациональной стране национальная политика имеет свои особенности. Так, по мнению Л. Ильченко, национальная политика различается по целям, содержанию, направленности, формам и методам осуществления, а также конечным результатам [13. С. 233].

В условиях полиэтничного государства, каковым является Республика Казахстан, вполне естественно повышенное внимание общественности именно к вопросам этнополитики.

Национальная ситуация в современном Казахстане в значительной мере предопределена его советским прошлым [17. С. 24]. Национальная политика Советского Союза на разных этапах исторического развития носила противоречивый характер. Так, кампании по коллективизации, индустриализации, освоению целинных земель и другие социально-политические «эксперименты» тоталитарного режима привели к резкому сокращению численности казахов на территории Казахской ССР и соответствующему росту численности русского населения, а также представителей других национальностей, что стало причиной общей денационализации казахов.

По мнению казахстанского исследователя Р. Кадыржанова, события 1986 года в столице Казахской ССР Алма-Ате (ныне – Алматы) стали отправной точкой процессов национализации казахов, укрепления их идентичности, оппозированию союзному центру, его национальной политике, насаждению русского языка и русской культуры в Казахстане, приведшей к руссификации и маргинализации казахского языка и культуры, а также к другим отрицательным для казахского народа последствиям.

Этнонациональная мобилизация казахов привела к ответной реакции русских и других национальностей Казахстана. Результатом этой реакции стал массовый выезд русских, немцев и других этнических групп из Казахстана в 1990-е годы [15. С. 89]. Казахстан за период независимости, с 1992 по 2006 годы, покинуло 3,1 млн человек (из общего населения в 16,5 млн чел.), в том числе около 2 млн русских, 300 тыс. украинцев, 500 тыс. немцев [19. С. 50]. С другой стороны, среди тех, кто остался в Казахстане, появились элиты и организации, ставившие своей целью отстаивание интересов своих этнических групп. В первую очередь, речь идет о русских и славянских организациях, приоритетной задачей которых являлась защита статуса русского языка и противодействие стремлению казахских элит казахизировать, ассимилировать нетитульные этнические группы в казахском этнокультурном социуме [15. С. 90].

История показывает, что национальная политика, проводимая в Казахстане до обретения страной независимости, отражала реализацию прежде всего имперских устремлений коммунистического тоталитарного режима. Все национальное было принесено в жертву политическим интересам советской государственной системы. Как отмечал Первый Президент страны Н.А. Назарбаев в своем выступлении на IV сессии Ассамблеи народов Казахстана: «Урок, который преподал нам тоталитаризм, – это тупиковый и абсолютно бесперспективный способ решения национального вопроса. На этой старой базе добиться межнационального согласия в современном Казахстане невозможно» [20. С. 317]. Такова была оценка того периода истории, высказанная главой Казахстанского государства.

Встав на путь независимого развития, постсоветские республики в своем движении к суверенитету столкнулись с целым рядом проблем. Наряду с трудностями переходного периода, такими как кризисные явления в экономике, социальная нестабильность, политическая неопределенность, встал вопрос регулирования межэтнических отношений, которые заметно обострились, часто перерастая в открытое противостояние [4. С. 8].

По мнению российского этнолога В.А. Тишкова, уникальность бывшего Советского Союза состояла в том, что это было одно из государств, в основу организации которого был положен этнический принцип. Суть этого принципа состоит в том, что существующие на земле этнокультурные общности (народы) стремятся оформить свое бытие в форме государства. Государства же через общие символы, доминирующие идеологические и правовые нормы стараются конструировать общую идентичность среди своих граждан. Советскому Союзу не удалось решить эту проблему [24. С. 35].

Развал СССР послужил мощным толчком к экономической, политической и духовной дезинтеграции стран, входивших в геополитическое пространство, называвшееся в разные времена по-разному – Русское царство, Российская империя, Советский Союз. Веками складывавшиеся социальные

и экономические связи были одномоментно разорваны, а решения Беловежских соглашений 8 декабря 1991 года оказались невыполнимыми [22. С. 73].

С некоторым опасением отнесся западный мир к образованию в 1990-х годах множества новых независимых государств на месте прежде единого социалистического лагеря и бывшего СССР.

Созданное в 1991 году Содружество Независимых Государств, по мнению О. Юрова, «...воспринималась как новая форма единого государства, призванное заменить Советский Союз...» [28. С. 61].

Постсоветский период истории Казахстана показал, что страна выбрала правильные экономические, социальные и политические ориентиры. Казахская этнополитика создавалась на исторически сложившейся основе, традициях и менталитете казахов как государствообразующей нации, консолидирующей все казахстанские этносы в единый народ. Любые реформы и преобразования были бы обречены на провал, если бы они противоречили национальным интересам граждан Казахстана. Анализ международного опыта ясно показывает, что ни одна из ранее существовавших моделей нациестроительства не является в полной мере приемлемой для Казахстана [14. С. 239]. В то же время логика исторического процесса свидетельствует в пользу того, что обращение к своим историческим и культурным корням, наследию прошлых поколений не является чем-то исключительным. Немало государств в XX веке по мере укрепления своей независимости и экономического потенциала ставили перед собой комплексную задачу укрепления межэтнических отношений. В данной статье предпринята попытка систематизировать, провести анализ и определить международное значение этнополитики Казахстана в части решения вопросов развития и укрепления межэтнических отношений на современном этапе мировой истории.

Изучение межэтнических отношений на примере Казахстана может рассматриваться как модель развития дружественных отношений между этносами, проживающими в Казахстане, как совокупность процессов укрепления мира и общественного согласия в обществе. В настоящее время создан значительный научно-исследовательский задел в этом направлении, наработан солидный организационно-методический потенциал.

С обретением Казахстаном независимости в 1991 году национальная политика государства претерпела коренные изменения и стала определяющей во всех сферах жизнедеятельности казахстанского общества. Именно национальная политика стала главным приоритетом целенаправленной деятельности органов публичной власти нового Казахстана. Поэтому важнейшей задачей с первых дней провозглашения независимости республики стала задача поиска путей гармонизации межэтнических отношений как залога успешного становления самостоятельного государства.

В 1990-х гг. в Казахстане были заложены не только основы независимого суверенного государства, но и созданы новые важные элементы системы

государственного устройства, а также проведены глубокие преобразования в самом казахстанском обществе, началось формирование качественно новой политической и экономической системы ценностей и структуры социальных отношений [3. С. 62].

В стратегическом плане национальная политика Казахстана была направлена на реализацию национальных интересов и разрешение национального вопроса, причем критерием ее эффективности являлась мера обеспечения прав и свобод граждан независимо от их национальной принадлежности, наличие и эффективность цивилизованных форм межнационального общения [6. С. 23]. В целом, историческая значимость казахстанской государственной национальной политики в этнической сфере основывалась на принципиальном равенстве всех граждан страны, независимо от их национальной принадлежности, а в качестве магистральных целей выделялись политическая стабильность и консолидация общества на основе межэтнического согласия и единства.

В Казахстане в переходный период существовали все предпосылки для использования фактора этнокультурного многообразия страны в качестве двигателя социального прогресса, поступательного духовного развития гражданского общества. Это стало возможным благодаря тому, что представители всех этнических групп Казахстана осознавали себя создателями новой культурной общности – казахстанского народа [2. С. 64].

Таким образом, Казахстан стал на путь разработки собственной модели социального развития на основе демократической идеологии. Почти 37,9% опрошенных в ходе недавнего социологического исследования (это относительное большинство!) прямо указали, что Казахстан, хотя и учитывал опыт зарубежных государств, все же шел своим, особым путем в рамках исторического развития. Часть респондентов придерживалась мнения, что Казахстан в основном двигался на основе опыта России и СНГ (23,5%), а 22% утверждали, что Казахстан ориентировался в большей степени на опыт западных стран [26. С. 252]. Наличие этих суждений, по нашему мнению, подтверждает тот факт, что в Казахстане все же выкристаллизовывался собственный, казахстанский путь развития, который, безусловно, учитывал и международный опыт государственного строительства.

Главными приоритетами государства стали дальнейшее развитие и укрепление казахстанского общества, а также национального единства на фундаменте традиционных ценностей, таких как забота о сохранении народной культуры и языка, воспитание молодого поколения в духе уважительного отношения к истории государства, патриотизм, служение родине и своему народу.

История дает немало примеров того, что ни одно государство, нация, социальный класс или же общественное образование не может существовать без своей идеологии (концепции, программы) – системы взглядов, выража-

ющей видение целей исторического развития, план прогрессивных преобразований своего общества.

Национальные идеи обладают огромной мобилизующей силой, правда, лишь в том случае, если исторически не противоречат воле народных масс [1. С. 53]. Сама диалектика выстраивания «казахстанского пути», модели межэтнической толерантности и общественного согласия, важным компонентом которой является становление и развитие универсального института – Ассамблеи народа Казахстана (далее – АНК) – объективно определяют народ в качестве единого политического субъекта. Концепт «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой» из преамбулы Основного закона Казахстана [18. С. 3] – есть суть духовного состояния казахстанского народа, символ его постоянной устремленности к новым вершинам и целям; в этих словах закреплён абсолютизм суверенитета, государственности и национального единства [14. С. 242]. Эта фраза непосредственно отражает ценностную установку государства, для которого общественное согласие имеет непреходящее значение.

Благодаря политике общественного согласия, как считает Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, «...в сложных условиях нам удалось создать оптимальную модель взаимоотношений между всеми этническими группами населения страны. В результате, страну не коснулись стихии террора, экстремизма и сепаратизма. Страну не коснулись и не затронули все те беды, которые предрекала смутная эпоха после обретения государственного суверенитета». Лидер нации Н.А. Назарбаев, тщательно изучая мировую практику решения национального вопроса, приходит к выводу о том, что она имеет три подхода:

– первый – когда некоторые страны проводят политику «выдавливания», инонационального населения, что никогда не было присуще казахскому народу, по-братски принимавшему переселенцев;

– второй – когда национальному вопросу не придается сколько-нибудь заметного значения в надежде, что проблемы решатся сами собой (по этому пути, кстати, пошел М.С. Горбачев, пассивность которого в конечном итоге привела к распаду целого государства);

– третий – единственно верный путь, по которому Казахстан должен идти и идет сегодня, – путь, требующий постоянной кропотливой работы, путь сотрудничества, согласования интересов и укрепления доверия между народами [10. С. 270].

Национальная идея, национальная политика, роль Ассамблеи народа Казахстана в укреплении мира и общественного согласия занимают ведущее место в трудах Н.А. Назарбаева, звучат лейтмотивом в его ежегодных Посланиях народу Казахстана [11. С. 111]. Концептуальной основой государственной этнополитики Республики Казахстан признаются межэтническая толерантность и общественное согласие, закреплённые в ряде нормативно-

правовых и политических документов, – Конституции РК [18], Законе РК «Об Ассамблее народа Казахстана», Положении об Ассамблее народа Казахстана [12], Доктрине национального единства Казахстана [9], Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 г.), Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства.

Лидерство Первого Президента страны – Елбасы Н.А. Назарбаева – это история великого успеха, источниками которого являются неустанный созидательный труд, оптимизм и стальная воля, постоянное стремление к новому, дар политического предвидения и огромное желание добра для своего единого многонационального народа [8].

Сегодня не только международные эксперты, но и лидеры ведущих государств мира признают казахстанский опыт реформ успешным. Лидерство Казахстана в этом отношении основывается на удачно выбранной политико-экономической модели переходного периода: сильная президентская власть, сопряженная с быстрыми и энергичными экономическими реформами. По сути, методология государственного строительства Казахстана заключалась в синтезе радикальных, но не «шоковых» экономических преобразований, которые были ориентированы на формирование основ рыночной экономики и демократизацию политического процесса в стране при сильной государственной власти. В подтверждение этого тезиса уместно вспомнить высказывание Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Казахстане М.Н. Бочарникова: «...Вопрос сохранения и укрепления межэтнического и межконфессионального согласия стал для руководства Казахстана одной из приоритетных задач государственной политики» [5. С. 220].

На сегодняшний день с уверенностью можно сказать, что в условиях развития демократических преобразований, имеющих целью консолидацию казахстанского народа, политика главы государства была направлена на обеспечение всестороннего развития этносов, налаживание между ними конструктивного диалога. А, как известно, наиболее действенный стимул для выстраивания равноправного и эффективного диалога (как между народами, так и между государствами) – общность целей и интересов. Так, подлинное взаимопонимание и братство ярко иллюстрирует собой тысячелетняя дружба между русским и казахским народами. И в Казахстане, благодаря объединяющей роли казахского народа, и в России, где такую же миссию реализует русский народ, сохраняется и культивируется, с одной стороны, единение и гражданская общность, а с другой, – национальное многообразие и поликультурность различных народностей и этнических групп. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин санкционировал решение о создании в России Ассамблеи народов России, которая призвана стать общенародным институтом дружбы народов, мира и общественного согласия.

Рассматривая действующую в Казахстане модель межэтнической толерантности и общественного согласия, следует остановиться на исторической эволюции государственной этнополитики в РК [14. С. 245].

Первый этап – становление национального этнополитического курса в Республике Казахстан – приходится на 1991–1995 гг. Именно в этот период Казахстан получает возможность самостоятельно проводить внутреннюю политику, регулируя в том числе и вопросы межэтнического взаимодействия. Это позволило молодому государству в короткие сроки при отсутствии нормально функционирующей экономики утвердить основы национальной государственности, что концентрированно выразилось в Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. [7] и Конституционном законе «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 г. [21].

Декларация о государственном суверенитете Республики Казахстан 1990 года стала первым шагом на пути формирования этнополитики в Казахстане.

Второй этап – с 1995 по 2002 гг. – определил параметры казахстанской идентичности. На платформе Концепции формирования государственной идентичности страны была обеспечена консолидация казахстанского общества вокруг казахского народа на основе принципа «единство в многообразии». Важным элементом этнополитики Казахстана этого периода, скрепившим интересы всех этносов и обеспечившим неукоснительное соблюдение прав и свобод граждан независимо от их национальной принадлежности, стала Ассамблея народов Казахстана, созданная 1 марта 1995 года по инициативе Первого Президента страны Н.А. Назарбаева.

С принятием Конституции 1995 года главным постулатом государственной этнополитики становится тезис об образовании единой нации граждан, строящих общую социально-экономическую и политическую систему в рамках суверенной государственности. Именно в этот период рождается Стратегия развития страны «Казахстан–2030». В ходе второго этапа реализации этнополитики различные этносы обрели уверенность в долгосрочной гражданской и политической стабильности казахстанского общества.

Третий этап – с 2002 по 2007 гг. – включал в себя пакет действий по целенаправленному формированию казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия. На этом этапе происходило эффективное взаимодействие государственных органов и институтов гражданского общества.

Четвертый этап – с 2007 по 2012 гг. – характеризовался интеграцией казахстанского общества в единый народ, переходом к системной государственной этнонациональной политике. Так, конституционная реформа 2007 года положила начало новому этапу демократизации и интеграции казахстанского общества в единый народ. Кроме того, казахскому языку была

придана консолидирующая роль в государстве. В 2008 году был принят Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана», который закрепил АНК в качестве полноправного субъекта политической системы страны, определив нормативные правовые основы ее деятельности в сфере межэтнических отношений. В целом, этот этап характеризуется интеграцией казахстанского общества в единый народ.

Пятый, современный этап начался в 2013 году. Его стержневой задачей стала реализация целого набора инициатив:

- Стратегии «Казахстан-2050»;
- Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана до 2025 года;
- перечня задач, сформулированных в программной статье президента РК «Социальная модернизация Казахстана: двадцать шагов к Обществу всеобщего труда»;
- пяти институциональных программ «Сто конкретных шагов»;
- модернизация общественного сознания в рамках реализации программы «Рухани жаңғыру», включающей проекты «Тұған жер», сакральную географию «Духовные святыни Казахстана», «Сто новых лиц», переход казахского языка на графемы латиницы и др.

Все эти проекты – продолжение многоплановой работы по сохранению стабильности в обществе, укреплению мира, согласия и единства народа Казахстана, поддержке патриотизма и любви казахстанцев к своей Родине, к своей земле.

Вот уже многие годы, несмотря на многообразный этнический состав казахстанцев, в республике наблюдается стабильная межэтническая ситуация. И это не голословное утверждение, а факт, основанный на систематическом мониторинговании: к примеру, 86,7% жителей страны, принимавших участие в анкетировании в октябре 2009 года, оценивали межэтнические отношения как спокойные и благоприятные. Очень близки к вышеприведенным показателям и результаты, полученные Центром актуальных исследований «Альтернатива» при содействии Международного института региональных исследований, которые свидетельствуют о том, что 85,1% респондентов не испытывают чувства тревоги и беспокойства в отношении перспектив ситуации в межэтнической сфере.

В заключение, необходимо отметить, что за тридцать лет независимости страны, благодаря мудрой политике Первого Президента Казахстана Н.А. Назарбаева, республика много достигла на пути гармонизации общественных отношений и совершенствования государственного устройства. Перечислим лишь некоторые из социальных завоеваний:

- 1) в стране созданы все предпосылки гармоничного развития этнической сферы;
- 2) Председателем Ассамблеи народа Казахстана является Елбасы, Первый Президент Республики – гарант Конституции страны, прав и сво-

бод ее граждан, независимо от их этнической принадлежности и вероисповедания;

3) в казахстанской модели межэтнического согласия заложен объединяющий принцип – «единство народа Казахстана через многообразие»;

4) конституционная реформа 2007 года закрепила статус Ассамблеи народа Казахстана на конституционном уровне, что стало признанием авторитета и политического статуса Ассамблеи [23]. АНК открыла новую страницу не только в истории государственной национальной политики, но и в решении «национального вопроса» в мировой практике [27. С. 100]. Деятельность Ассамблеи направлена на решение задач содействия сохранению межнационального согласия и стабильности в стране, выработку предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями разных национальностей и т.д. [16. С. 14];

5) Казахстан и его народ, пройдя сложную проверку на способность быть достойным суверенитета, доказал всему миру свою состоятельность, став крепким, самостоятельным во внешнеполитическом отношении государством.

О заметных победах государственной этнополитики Казахстана, а также об успехах в деле обеспечения независимости говорят многие факты:

– каждый этнос Казахстана возродил и развил в рамках системы национально-культурных центров свой родной язык, национальную культуру и самобытную систему ценностей, в которой отражаются и получают новое звучание духовное своеобразие, быт и народные традиции;

– вновь созданная Ассамблея народа Казахстана стала не только координирующим органом, объединяющим все этносы, проживающие в Казахстане, но и общенациональным институтом укрепления мира и общенационального согласия;

– единство народа Казахстана стало ценностным фактором духовного единения в этническом многообразии, основой сплоченности, солидарности и взаимопонимания между народами. На сегодняшний день именно фактор гражданского единства служит визитной карточкой молодого суверенного казахстанского государства на международной арене и является следствием продуманной, научно обоснованной национальной политики.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что грядущим поколениям казахстанцев передается богатейшее наследие, способное обеспечить уверенный социальный прогресс на десятилетия вперед.

2021 год в определенном смысле станет для казахстанцев рубежным. Он пройдет под знаком тридцатилетия независимости республики. Разумеется, это хороший повод для подведения некоторых итогов в историческом контексте, осмысления пройденного пути.

Национальная политика в Казахстане и в дальнейшем будет строиться на ясных и справедливых принципах, среди которых важное место, несо-

менно, будет занимать укрепление общественной стабильности как основы справедливого решения национального вопроса. Как сказал в своем выступлении в мае 2019 года, на мероприятиях, посвященных Дню единства народа Казахстана, Президент страны К.Ж. Токаев, «ключевые достижения нашей страны стали возможными благодаря сплоченности, дружбе и солидарности представителей всех этнических групп, составляющих единый народ Казахстана. Такие непреходящие ценности, как мир и общественное согласие, являются основой стратегического курса современного Казахстана, основателем которого является Первый Президент – Елбасы Н.А. Назарбаев. Будучи единым народом, мы укрепили государственный суверенитет, обрели авторитет и уважение в международном сообществе» [25].

Сегодня историческое развитие Республики Казахстан переходит в стадию стабилизации экономического роста и углубления экономических реформ, модернизации общественного сознания и обеспечения единства народа, мира и согласия на казахстанской земле. Благодаря единству, взаимной поддержке, общности целей и стойкости духа, молодое независимое государство Казахстан успешно справляется с вызовами современности и, нет сомнений, добьется новых успехов в деле государственного строительства. Залогом этого служит, в том числе, эффективная государственная этнополитика Казахстана – политика мира, межэтнического и межконфессионального согласия, которая всесторонне способствует укреплению основ гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Акишев А.А., Иренов Г.Н.* Этнополитика Казахстана на современном этапе: монография. Караганда, 2013.
2. *Акылбаева И.М.* Этнические процессы в казахстанском обществе // Евразийское сообщество: Экономика. Политика. Культура. Алматы, 2011. № 1 (73).
3. *Андиржанова Г.А.* Национальная модель развития Казахстана: монография. Алматы, 2016.
4. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. Алматы, 2015.
5. Ассамблея народа Казахстана в истории страны. Алматы, 2015.
6. *Бондарцова Т.* Межнациональное и духовное согласие // Мысль. Алматы, 2007. № 7.
7. Декларация о государственном суверенитете Республики Казахстан. Постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25 октября 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. 1990 г. № 44. Ст. 408.
8. *Джакупов К.* Великая ответственность и великие обязанности // Казахстанская правда. 1 декабря 2014.
9. Доктрина национального единства Казахстана. Астана, 2010.

10. *Ертысбаев Е.* Казахстан и Назарбаев: логика перемен. Астана, 2001.
11. *Жетпысбаев С.К.* Ассамблея народа Казахстана как институт общенародного единства // Гуманитарные науки Сибири. Новосибирск, 2016. Т. 23. № 2.
12. Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана» от 20 октября 2008 года. № 70-IV.
13. *Ильченко Л.Н.* Межнациональное согласие и гармоничное развитие этносов основа национальной политики в Республике Казахстан // Вестник КазНУ. Серия «Историческая». Алматы, 2009. № 1 (52).
14. Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан (аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов). Астана, 2012.
15. *Кадыржанов Р.* Проблемы изучения национального строительства и этнополитики современного Казахстана // Аль-Фараби. Алматы, 2012. № 2 (38).
16. Қазақстан халқы Ассамблеясы: алғашқы қадамдар (1995-1997 ж.) Құжаттар мен материалдар жинағы. Сборник документов и материалов из Архива Президента Республики Казахстан. Астана, 2015.
17. *Козырев Т.А.* Национальное строительство в современном Казахстане: вызовы и перспективы // Казахстан-Спектр. Алматы, 2009. № 2.
18. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. Алматы, 2003.
19. *Назарова С.В.* Основные тенденции миграционных процессов в Северном Казахстане // Саясат-Policy. Алматы, 2010. № 11.
20. *Назарбаев Н.А.* Выступление на IV сессии Ассамблеи народов Казахстана Астана, 23 декабря 2003 г. Избранные речи. Астана, 2009. Т. 3.
21. О государственной независимости Республики Казахстан. Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 // Ведомости Верховного совета Казахской ССР. 1991 г. № 51. Ст. 622.
22. *Осипов Г.В.* Россия: Национальная идея. Социальные интересы и приоритеты. М., 1997.
23. *Петрова Н.* Уроки дружбы – уроки созидания // Аргументы и факты. 5-11 октября 2011.
24. *Тишков В.А.* Этнология и политика: статьи 1989-2004 гг. М., 2005.
25. *Токаев К.Ж.* Мир и согласие – основа стратегического курса Казахстана // inform.kz https://www.inform.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-mir-i-soglasie-osnova-strategicheskogo-kursa-kazahstana_a3644960.
26. *Шаукенова З.К.* Идеологическое конструирование в Республике Казахстан: монография. Алматы, 2012.
27. *Шоманов Н.Т.* Межнациональное согласие как фактор политической стабильности государства. Вестник ПГУ. Сер. гуманитарная. Павлодар, 2014. № 1-2.
28. *Юров О.* Этнополитические предпосылки интеграции постсоветского пространства // Саясат-Policy. Алматы, 2007. № 1.

S.K. ZHETPYSBAEV

*Ph.D. In Economics, associated Professor,
Department of Management and Political Science,
PSU named after S.M. Toraigyrov,
Pavlodar, Kazakhstan*

ETHNOPOLITICS OF KAZAKHSTAN: TOWARDS UNITY THROUGH DIVERSITY

The article gives an analysis of the main principles of national policy, stages of development of state ethnopolitics are presented. The work shows the essence of the national question, national interests and national relations in the implementation of state national policy. Based on the analysis of more than twenty-five years of formation and development of an independent democratic state, the goal was to reveal the role of the Assembly of Kazakhstan people in implementing state ethnopolitics, strengthening the stability of civil society, peace, harmony and unity of the Kazakhstan people. It is analyzed the significance of the ethnopolitics of the state, in the formation of a unique nationwide institution of interethnic harmony – the Assembly of the Kazakhstan People, which had no analogues in world practice.

The article is devoted to the characteristics of the formation of the national model in the context of implementing the industrial and innovation policy of the republic in the conditions of active development of civil society and modernization of the political and economic system of the state.

The article reflects the personality of the Head of State N.A. Nazarbayev and it analyzes modern Kazakhstan's history of nation building, which allows to investigate the interconnection and interdependence of the whole range of driving forces of internal political processes, analyze the activity of the First President of the country in ensuring balanced development of Kazakhstan in the context of the growing unevenness of the world historical process. Based on the analysis of the post-Soviet period, Kazakhstan's path is revealed – a model of inter-ethnic and inter-confessional development aimed at strengthening peace, harmony and consolidation of civil society. The materials of the article highlight the peculiarity of the Kazakhstan model of interethnic tolerance and social consensus of the Nation Leader N.A. Nazarbayev, which became the brand of Kazakhstan, the moral imperative of Kazakhstan's policy, the methodology of ensuring stability and strengthening national unity.

Key words: *nation, state, ethnos, culture, people, language, national policy, interethnic relations, national interests, sovereignty, independence, stability.*

доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

бакалавр кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

В данной статье авторы обратились к актуальной теме – анализу этнополитического конфликтного потенциала современного Китая. Благодаря взвешенному внешне- и внутривосточному курсу КПК, в стране происходят большие изменения, способные осуществить ключевые преобразования и существенно повлиять на установление нового миропорядка. В этих условиях КНР испытывает ряд проблем, связанных с этнополитическими конфликтами, которые в полной мере характеризуют весь спектр внутривосточного процесса развития страны. В этом ряду такие конфликты как, например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, Тибетском автономном районе Китая, а также в автономном районе Внутренняя Монголия и др. являются ярким примером вызревания конфликтного потенциала, в основе которых лежат религиозные, этнические, политические и территориальные противоречия. Именно данный комплекс проблем является предметом авторского исследования в данной статье.

Ключевые слова: КНР, китаецентризм, Синьцзян-Уйгурский конфликт, Тибетский автономный район, автономный район Внутренняя Монголия, Гонконг.

Владея обоснованной национальной идеей («китайская мечта», 中国梦), Китай активно стремится реализовать свои геополитические и геоэкономические интересы. При этом политическим руководством акцент делается на анализе неразрывной исторической связи фундаментальных положений китайской традиционной культуры и современного политического курса КНР. Именно данное направление в деятельности современного Китая во многом отражает общие национальные настроения китайского общества – сплю-

тить все группы населения государств, объединить китайцев во всем мире и стать планетарным лидером. Необходимо отметить, что дипломатическая деятельность современного Китая глобальна по своим масштабам и представляет из себя микс традиционных и новых методов. Ее главная цель – содействие тому, что председатель КНР Си Цзиньпин назвал «великим возрождением нации», а ее основными задачами являются создание максимально благоприятной международной обстановки для своего развития и обеспечение ресурсами собственной экономики. Тем не менее, при благоприятном восприятии мировым сообществом стратегического внешнеполитического курса Пекина, коллективный Запад, в целом, воспринимает его как зарождение глобального китайского доминирования [5. С. 224].

Однако необходимо признать, что приверженность политического руководства Китая во внутренней политике своим национальным идеям и так называемому «китаецентризму», стали основой зарождения новых и эскалации ряда латентных конфликтов. Это поставило политику руководства страны в разряд острой критики мирового сообщества. Яркими примерами являются конфликты в автономных районах (национальных автономиях), прежде всего, в Тибете и Внутренней Монголии, а также в Синьцзяне (второго по численности мусульманского народа Китая, земли которого населяют 47 национальностей), а также Гуандуне, наиболее развитом и ориентированном на экспорт в развитые страны, в котором тоже очень силен этнический фактор, связанный с коренными народностями – кантонцами, хакка (ханьцами), яо, мяо и др. Здесь важно понять следующее, что уйгуры – наряду с тибетцами, самый не интегрированный в китайское общество народ в Китае. При этом тибетцы, исповедующие буддизм и, генетически близкие к китайцам, имели бы большие шансы стать составной частью китайского общества, если бы не их замкнутое географическое положение. Но уйгуры совсем другая народность. Уйгуры – это тюркоязычный, исповедующий ислам, имеющий богатую историю государственности народ. Эти конфликты, как правило, осложнены влиянием со стороны заинтересованных иностранных государств в поддержании их острой фазы. Цель одна – создать управляемый хаос в стране. Стоит отметить, что такое влияние, как минимум, является вмешательством во внутренние дела Китайской Народной Республики, а как максимум – негативно воздействует на национальную безопасность страны и региона. Говоря о внутривнутриполитических конфликтах в Китайской Народной Республике и о противоречиях, которые возникают за пределами материкового Китая, можно заметить, что они, как правило, развивались в течение нескольких столетий. История некоторых из них, бесспорно, такая же аутентичная и самобытная, как и история самого Китая. Однако, несмотря на глубокие корни и богатую историю, практически все из них остаются неурегулированными и актуальными. Такие споры обычно находятся в латентной стадии и, периодически, обостряются,

вызывая нестабильности регионального развития. По мере эскалации, эти конфликты могут привести к распространению терроризма, к созданию радикальных группировок внутри Китая и за его пределами, а также к неконтролируемому и нелегальному потоку мигрантов.

Авторы полагают, что данные конфликты образуют так называемую «**дугу нестабильности**». Помимо геополитического районирования, она определяет сеть транспортных артерий и коридоров, по которым сегодня переносится политическое воздействие из-за рубежа на обширные географические территории Китая, заинтересованных в поддержании этих конфликтов в латентном состоянии. В том числе в ранее недоступные для прямого внешнего воздействия территории, такие как Синьцзян-Уйгурский автономный район, Тибетский автономный район, а также автономный район Внутренняя Монголия. По этим же коридорам идет транзит радикальных идеологий, пропаганды, которые готовят почву для новых этнополитических конфликтов и, самое главное, в значительной мере увеличивают его конфликтогенный потенциал.

По мнению авторов, многочисленные этнические конфликты в Китае возникают из-за того, что однородная модель национального государства, нашедшая свое выражение в официальной идеологии, государственной политике, господствующих социальных взглядах и питомническом поведении коренной этнической группы – ханьцев, входит в противоречие с этническим и социальным самосознанием подчиненных групп. Кроме того, вне зависимости от определенных особенностей каждого из этих конфликтов, в их основе лежит жесткая китаецентристская, иногда дискриминирующая, политика центральной власти Китая. Поэтому авторы полагают, что фундаментальной основой всех этнополитических и религиозных разладов в Китае является почти **универсальная модель национального государства, порожденная политикой китаецентризма и ставшая основанием государственного строительства**, как преодоление мирового наследия колониальной системы на рубеже XIX-XX веков. При этом надо понимать, когда этнические различия, сознательно или несознательно, используются для того, чтобы придать направленность действиям сил в конфликтной ситуации, они становятся мощным мобилизованным символом – этническая общность превращается в фактор, определяющий существо и динамику конфликта. В результате проявляется такая универсалия этнополитических конфликтов, как **«выход за национальные границы и вовлечение в себя внешние силы»**, или **«интернационализация конфликта»**, что позволяет активно влиять этническим сородичам из-за рубежа на динамику и уровень конфликтного потенциала в национальных автономиях. При этом надо понимать еще одну особенность интернационализации конфликта. На начальном этапе развития, большинство этнических конфликтов в Китае казались преимущественно внутренним делом национального государства, где этни-

ческие группы противостоят друг другу в рамках существующего общества, или же этнические группы автономных районов борются за права и власть с центральным правительством Китая.

Так, к примеру, на территории Тибета прямых столкновений не наблюдалось с 2008 года, и, часть политологов считает, что конфликт является урегулированным. Хотя охарактеризовать его в качестве окончательно решенного нельзя. В частности, из-за тибетской диаспоры в других странах. Именно этнические сородичи за рубежом стали мощным фактором развития чисто внутреннего этнического конфликта. Однако на территории Внутренней Монголии, а также на территории Синьцзяна конфликт до сих пор остается неурегулированным. Например, в СУАР, столкновение происходит между ханьцами и уйгурами. На территории же Внутренней Монголии – между этническими монголами и ханьцами. И в том, и в другом автономном районе этнические меньшинства заявляют, что Китайская Народная Республика проводит против них «культурный геноцид», или, так называемый «этноцид» [1], а также политику тотального контроля и перевоспитания [3].

Стоит отметить, что конфликты в Тибетском автономной районе, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также в автономном районе Внутренняя Монголия усугубляются из-за влияния и значимости для этнических меньшинств религиозного аспекта. Помимо этого, конфликты на территории всех трех автономных районов осложнены с точки зрения их геополитического районирования. Это следует рассмотреть с позиции цивилизационной теории Хантингтона С.Ф., описанной в работе «Столкновение цивилизаций» (1993) [6. С. 640]. Согласно этой теории, преобладающие источники конфликтов между цивилизациями будут определяться не экономикой или идеологией, а культурной парадигмой. Если обратить внимание на карту мира, можно отметить, что СУАР находится на стыке двух цивилизаций – Исламской и Синьской (Конфуцианской), Тибет и Внутренняя Монголия – на стыке Синьской и Буддистской цивилизаций. Данные автономные районы расположены дальше от Синьской цивилизации – это вполне могло бы объяснить конфликт между ханьцами и уйгурами, а также между ханьцами и монголами, ханьцами и тибетцами с точки зрения столкновения цивилизаций. В их основе лежат значительные различия в истории, языке, культуре, традициях и, самое главное, в религии. По мнению Хантингтона С.В., такие конфликты из-за цивилизационных различий являются самыми затяжными и кровопролитными.

Помимо конфликтов, которые осложнены религиозными и этническими факторами, также существуют противоречия, основой которых являются территориальные и политические споры. В этом случае разногласия возникают не из-за столкновения этнических и религиозных меньшинств с китайским обществом, идеями и политикой, а из-за столкновения Китайской Народной Республики с другими государствами, которые также заин-

тересованы в контроле конкретных территорий. Например, многолетний конфликт в Специальном административном районе Гонконг обусловлен исключительной ролью данного района в качестве важнейшего международного финансового центра и крупнейшего свободного порта. Данный район уже давно стал главным посредником и инвестиционным каналом в торгово-экономических отношениях КНР со многими странами, а также важным офшорным центром материкового Китая [7]. Конфликт в штате Аруначал-Прадеш возник из-за значимости этой территории для тибетского народа, который исповедует учение Далай Ламы. Решение нестабильности в пользу Китая помогло бы полностью взять под контроль Тибетский автономный район и искоренило бы тибетский национализм, который может вновь вызвать эскалацию конфликта и который мешает КНР реализовать свои национальные интересы. Территориальные споры по поводу группы островов в Южно-Китайском море, а также конфликт с Тайванем, который КНР рассматривает в качестве своей 23 провинции, обусловлены выгодным геополитическим положением, а также их свободным доступом к морскому пространству, которое континентальная держава Китай не отказалась бы использовать для продвижения и реализации своих национальных интересов в АТР. Также есть и экономические причины, по которым Китай претендует на острова Спратли, Парасельские острова и риф Скарборо. Через морские пути, находящиеся в Южно-Китайском море, проходит примерно 40% трафика мировой торговли и транспортируется до 80% объемов китайского импорта нефти и газа, а также в недрах Южно-Китайского моря залегают 230 млрд баррелей нефти и 16 трлн кубометров газа [4]. Несмотря на то, что КНР посредством контроля, решения и урегулирования данных конфликтов стремится продвигать и воплощать в жизнь свои стратегические цели и задачи, отвечающие ее национальным интересам, она с каждым годом все больше терпит значительные неудачи. Это легко аргументировать. Подобные «нестабильности» уже давно являются не только проблемой Китая, но также и проблемой международного сообщества, которую необходимо решать в рамках международного права. Это мешает Китаю в полной мере реализовать свою политику.

Вмешательство в конфликты международного сообщества, затрагивающее внутреннюю политику КНР, можно объяснить главенствующим принципом современной системы международных отношений. В поствестфальском мире появилось понятие о «мягком» государственном суверенитете, предполагающее вмешательство по необходимости во внутренние дела государства других международных акторов с целью обеспечения в стране полного соблюдения прав человека, которое вышло на первый план в XXI веке [2. С. 283-290]. Однако многие государства используют этот принцип не только по необходимости и не с благой целью решить проблемы нарушенных прав и свобод граждан на конфликтных территориях, а в своих

политических интересах. Влияние таких государств с целью урегулирования и решения конфликта, является лишь предлогом для подстрекательства и еще большей дестабилизации внутрисоветской обстановки. Поэтому, по мнению авторов, другие государства, международные организации, а также зарубежные неправительственные организации используют конфликты на территории Китая и за его пределами в качестве средства сдерживания страны от лидирующих позиций как в АТР, так и в мире в целом.

Условно, такое влияние со стороны международных акторов можно разделить на косвенное и прямое. Косвенное влияние выражается в информационной войне, которую против Китая ведет коллективный Запад во главе с США. Такое влияние реализуется посредством публикации провокационных новостей и статей о конфликтах, в публикации отчетов о систематических и жестоких нарушениях прав и свобод в автономных районах КНР, в митингах и протестах на территории других государств и так далее. Данные действия в современном мире, где технологии по распространению информации достигли пика своего развития, и где любой человек может обнаружить подобные материалы, значительно влияют на облик Китая на международной арене, создавая при этом определенный стереотип о стране, ее населении и методах решения конфликтов. Рефлексируя, такие действия стимулируют протестные настроения в национальных автономиях, которое, ощущая поддержку извне, может попытаться предпринять неправомерные и опасные действия. Таким является, например, акт саможжения.

Другое же влияние, прямое, сказывается на Китайской Народной Республике более ощутимо. Посредством такого воздействия можно дестабилизировать ситуацию в стране как с точки зрения экономики и политики, так и с точки зрения национальной безопасности. Ярким примером такого влияния могут являться санкции, которые США и другие западные державы вводят против Китая на протяжении уже нескольких лет. Из-за введенных санкций, например, китайские компании лишаются рынков сбыта своих товаров, причем не только среди стран, которые вводят эти санкции, но также и среди тех, кто эти санкции одобряет. В результате экономическая ситуация в определенных районах и в стране в целом значительно ухудшается. Особенно ярко такое влияние можно было заметить во время протестных акций в Специальном административном районе Гонконг летом 2019 года, где зарубежные неправительственные организации оказывали финансовую поддержку протестующим, предоставляли им снаряжение и даже организовывали тренировочные лагеря. Помимо этого, страны, которые выражают озабоченность по поводу существующих внутрисоветских конфликтов в Китае, направляют коллективные жалобы в ООН и в другие международные инстанции. Основная цель подобных акций – ограничить возможности Китая в урегулировании конфликтов, а также оказать активное влияние

на исход споров. Такие прямые действия уже не только создают определенные стереотипы о Поднебесной, но и влияют на национальную безопасность страны и региона, ее экономическую, политическую и социальную сферу.

В заключении стоит отметить, что этнополитический конфликтный потенциал Китая принимает вполне определенную форму конфликта не только между этническими группами, но и между одной такой группой и этнократическим государством (т.е. государством, контролируемым господствующей этнической группой). Кроме того, опыт Китая убедительно показывает, что процесс продолжительного этнического конфликта возрастает, когда господствующая идеология национального государства не способна согласоваться с этнической и культурной разнородностью. Культурный геноцид или этноцид, которым сопровождаются эти конфликты, представляет собой распространенное явление не только в Китае, но и во многих районах мира. Этнический компонент имманентен очень многим разновидностям конфликтов, существующих в настоящее время в Китае, при этом он имеет важное свойство этнополитического измерения: процесс исторического вызревания этнополитического конфликта во временных рамках, через различные фазы обнаруживает мощный потенциал его перелива из одной конфликтной разновидности в другую. Зародившись как социальный, пройдя далее стадию этнополитического созревания и вылившись в межнациональные столкновения, конфликт разряжает свою деструктивную энергию сразу в сопредельных областях общественного развития Китая.

Основным инициатором как прямого, так и косвенного влияния на внутрисполитический процесс Китая является коллективный Запад во главе с США. Для Вашингтона высокий конфликтный потенциал Китая наиболее значим с точки зрения внутрисполитической дестабилизации страны. Пока конфликты из-за этнических, религиозных, территориальных и политических противоречий остаются для Китайской Народной Республики актуальными, они будут являться рычагами давления и, соответственно, способами сдерживания. Неурегулированные и нерешенные конфликты, которые пусть и находятся в латентной стадии, мешают Китаю раскрыть свой потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также сместить США с лидирующих позиций на международной арене. Такой исход событий является выгодным для Соединенных Штатов, а также для их союзников и партнеров, которые не хотят потерять свое главенствующее положение на мировой арене и в АТР. Китайская Народная Республика, бесспорно, имеет значительные ресурсы для того, чтобы быть лидером в современном политическом пространстве. Однако все усложняют конфликты, эскалация которых возможна в любой момент во многом из-за влияния других государств. Безоговорочный и полный контроль, а также решение этих конфликтов является ключевым фактором Китая в движении на пути к мировому лидерству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Внутренняя Монголия: протест против «культурного геноцида» // Радио АЗАТТЫК. 04 сентября 2020 // <https://rus.azattyq.org/a/china-protest-in-inner-mongolia-against-new-language-policy/30819495.html>.

2. *Комлева Н.А.* Постфестфальская система международных отношений как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Известия Уральского государственного университета: серия 1: проблемы образования. 2007. Т. 52. № 22 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10426068>.

3. Концлагерь на 10 миллионов уйгуров // Meduza. 18 сентября 2018 // <https://meduza.io/feature/2018/09/18/kontslager-na-10-millionov-chelovek>.

4. Морской спор: о чем не могут договориться Китай и Филиппины // ТАСС. 12 июля 2016 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3448020>.

5. *Печерица В.Ф.* Концепция Си Цзиньпина «сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения: монография / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020.

6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций; пер. с англ. Т. Велимеева. Москва: Издательство АСТ, 2017.

7. *Garcia-Herrero A.* Hong Kong's economy is still important to the Mainland, at least financially / A. Garcia-Herrero, G. Ng // Bruegel. Aug. 19, 2019 // <https://www.bruegel.org/2019/08/hong-kongs-economy-is-still-important-to-the-mainland-at-least-financially/>.

A.A. TUSHKOV

Ph.D., Professor of International Relations and Law at Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

A.I. DANILOVA

Bachelor of International Relations and Law Department, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

THE ETHNOPOLITICAL CONFLICT POTENTIAL OF MODERN CHINA

In this article the authors describe one of the topical issues which is the analysis of ethno-political conflict potential of modern China. As a result of the CPC's prudent foreign and domestic policy, the country is influenced by huge political changes that can bring about key reforms and significantly impact on the establishment of the new world order. Under these circumstances the PRC experiences issues related to ethno-political conflicts. In addition, such problems characterize home-policy development of the country. Conflicts in Xinjiang-Uyghur Autono-

---

mous Region, Tibetan Autonomous Region, Inner Mongolia Autonomous Region etc. are strong examples of the rise of China's conflict potential which is based on religious, ethnic, political and territorial tensions. This range of problems is the subject of the research conducted in this article.

Key words: *People's Republic of China, Sinocentrism, conflict in Xinjiang, Tibetan Autonomous Region, Inner Mongolia Autonomous Region, Hong Kong.*

КОНФЛИКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИРАНА В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ ИЗРАИЛЯ)

Одним из стратегических изменений во внешней политике Ирана в отношении Ближнего Востока является переход ирано-израильского конфликта от палестинского вопроса к сирийскому кризису. До событий «Арабской весны» конфликт был сосредоточен на ядерной программе и палестинской проблеме и ее аспектах. В результате активного участия Ирана в сирийском кризисе и предоставления им различных форм военной поддержки ирано-израильского конфликт преобразовался. Проследившая события, мы обнаруживаем, что конфликт между Ираном и Израилем развивался в соответствии с изменением ситуации на сирийской сцене.

Ключевые слова: *Иран, Израиль, Сирийский Кризис, Ирано-Израильский Конфликт.*

Многолетний ирано-израильский конфликт является серьезной международной проблемой и требует всестороннего научного анализа.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 5; 6; 7].

Однако заявленную в статье проблему нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств, связанных с сирийским кризисом, изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В начале сирийского кризиса Израиль опирался на стратегию «баланса сил» между сторонами в сирийском конфликте и был заинтересован в продолжении конфликта, как способа ослабления и истощения противников. Победа Асада означает укрепление позиций Ирана и его союзников (Сирии и Ливана) вдоль границ Израиля, а победа исламских оппозиционных сил, таких как «Братья-мусульмане» или экстремистские террористические группы, создаст серьезные угрозы безопасности для Израиля [13. С. 11].

Позже, израильская позиция по отношению оппозиционных исламских сил в конечном счете привело к появлению террористических групп и ор-

ганизаций, таких как ИГИЛ и ан-Нусра. В свою очередь, израильский фактор стал одним из причин участия Ирана в сирийском кризисе. По мнению Ирана Израиль заинтересован в падении сирийского режима, что означало бы ослабление оси сопротивления и его сторонников на Ближнем Востоке.

Стратегия Израиля в 2014-2016 годах основывалась на «осторожном нейтралитете»: он контролировал воздушное пространство Сирии, нанося удары по целям, угрожающим его национальной безопасности и не позволяющим «Хезболла» приобретать иранское оружие [14]. В период с 2013 по 2015 год Израиль совершил 43 воздушных удара по целям Ирана, «Хезболла» и режима Асада [9. Р. 26] – места дислокации военных сил, места хранения и поставки оружия.

С 2013 года Израиль разработал программу предоставления гуманитарной помощи жителям граничащих с мухафазой Кунейтра деревень. Израиль расширил эту программу, в которой в 2016 году участвовали более 300 тысяч человек [11]. Иран обвинил Израиль в поддержке пограничных сирийских оппозиционных сил и террористических групп.

Таким образом, сирийский кризис изменил суть традиционного конфликта Ирана и Израиля на Ближнем Востоке. У стран были поэтапные цели, которые менялись в соответствии с развитием сирийского конфликта. Во время участия в крупных военных конфронтациях против сирийских оппозиционных сил и террористических групп, Иран не смог ответить на атаки Израиля, направленные против него и его союзников, особенно «Хезболла», поскольку все силы Ирана были сосредоточены на сохранении режима президента Сирии Башара Аль-Асада. А в это время, Израиль направил свои силы на ослабление своих противников и предотвращение поставки оружия «Хезболла». Это были наиболее важные факторы, определяющие конфликт между двумя сторонами. После военного вмешательства Российской Федерации в Сирии по «мере ослабления Дамаска и усиления роли Ирана в военном противостоянии, позиция Израиля начала меняться. Это изменение было связано прежде всего с началом операции российских ВКС в Сирии осенью 2015 г.» [2. С. 5].

Участие России в сирийском кризисе сильно повлияло на ситуацию на Ближнем Востоке и политику региональных держав, участвующих в сирийском кризисе. Основной целью участия России было: «стабилизировать законную власть и создать условия для поиска политического компромисса» [3. С. 7]. Таким образом, интересы России более совпадали с интересами Ирана, чем Израиля, однако Россия понимала позицию Израиля, а также позицию Ирана в отношении атак Израиля.

После 2016 года Израиль внес коррективы в свою стратегию в отношении сирийского кризиса и управления конфликта с Ираном. Это было в результате побед, достигнутых иранским войском и «Хезболла» – они заняли передовые позиции на границах на Голанских высотах. Эта стратегия

была основана на предположении, что участие России в сирийской войне увеличило могущество Ирана и его союзников в Сирии. Чтобы добиться сдерживания иранской угрозы без непосредственного противостояния российским силам, Израиль должен поддерживать максимальную военную координацию с Россией на основе российско-израильских договоренностей, которые были достигнуты во время визита Нетаньяху в Москву в сентябре 2015 года [15. С. 133]. Новая израильская стратегия, направленная против присутствия Ирана в Сирии включала:

- Предотвращение увеличения численности иранских сил в Сирии;
- Предотвращение использования Ираном конфликта в Сирии для контрабанды и передачи оружия «Хезболла»;
- Предотвращение создания Ираном наступательной инфраструктуры на юге Сирии на границе с Израилем;
- Быстрое реагирование на обстрелы на израильской границе.

В 2018 году Иран предпринял практические шаги по реагированию на израильские атаки путем координации действий с силами режима Асада. В феврале силы сирийской противовоздушной обороны сбили израильский самолет F-16, согласно иранскому плану, который был осуществлен путем пересечения воздушного пространства Израиля иранского беспилотника. 9 апреля Израилем и осью сопротивления произошла четырехчасовая война [16. С. 3].

В свете этого конфликта Россия стала посредником между Ираном и Израилем, и ей удалось в конце мая 2018 года достичь взаимопонимания с Израилем в отношении присутствия иранских сил на его границах и «в соответствии с договоренностями, Израиль давал свое согласие на возвращение районов южной зоны деэскалации, граничащих с Голанскими высотами и Иорданией, под контроль частей сирийской армии. Россия в свою очередь взяла на себя обязательство гарантировать отсутствие проиранских шиитских формирований на границе Израиля» [2. С. 9].

К концу 2018 года достигнутые израильско-иранские договоренности, в связи с требованием Израиля вывести все иранские ополчения из Сирии, зашли в тупик из-за неспособности России убедить иранцев придерживаться этих договоренностей [12]. Причина, по которой Россия игнорирует нарушения Ираном своих договоренностей с Израилем, заключается в том, что интересы России и Ирана в Сирии совпадают в большей степени, чем ее интересы с Израилем.

Иранско-израильский конфликт стал одним из основных аспектов сирийского кризиса, в результате чего взаимные атаки значительно обострились. «В 2017 и 2018 годах израильские военные нанесли удары по более чем 200 иранским целям в Сирии» [10], также Иран улучшил стратегическое оружие и ракеты, например, в январе 2019 г. он выпустил ракету «ИМ 600» на Голанах.

Таким образом, после «Арабской весны» конфликт между Израилем и Ираном переместился в Сирию и стал частью сирийского кризиса. Поскольку Иран сохранял легитимность своего военного присутствия и активности во время кризиса, его политика по отношению к Израилю позволила ему изменить правила военной игры и наделить его способностью реагировать на атаки Израиля. Возможно, ракетные удары Ирана по американским силам в Ираке 8 января 2020 года – в отместку за убийство его военного генерала Кассема Солеймани – представили угрозу для Израиля, что может подтолкнуть Израиль нанести удар по ядерным объектам Ирана. С другой стороны, Израиль продолжает бомбить иранские силы и ополчение и придерживается своих основных требований прекратить военные интервенции в Сирии, вывести иранские силы из Сирии, предотвратить снабжение «Хезболла» стратегическим оружием, что и появляется в заявлениях лидеров Израиля, таких как Министра обороны Нафтали Беннет, который 5 мая 2020 заявил, что они полны решимости и не допустят создания передовой иранской базы в Сирии [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антонова Е.Г. Подготовка учительских кадров в Симбирской губернии в конце XIX – начале XX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2 (71).
2. Бармин Ю.Н. Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений: рабочая тетрадь № 42/2018 / гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2018.
3. Васецова Е.С. Россия и Израиль в Сирийском кризисе // Вестник РУДН. Серия Политология. 2016. № 2.
4. Гехт А.Б., Неровный А.В., Потапенко Т.Г. На пути к Единой Европе: институциональная архитектура Европейского объединения угля и стали // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2 (71).
5. Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 12 (69).
6. Мелконян С.Г. Угрозы безопасности Израиля, исходящие из вооруженного конфликта в Сирии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 8 (65).
7. Рабат Луджан. Сложности разрешения сирийского конфликта: внешнее вмешательство и «либеральный» подход к миростроительству // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2 (71).
8. Штоде Марк. Иран сокращает военное присутствие в Сирии. 05/05/2020 // <https://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/218934>.
9. Crisis Group Middle East Report. Israel, Hezbollah and Iran: Preventing Another War in Syria. 8 February 2018. № 182.

ALJARWAN MOHD KHIER JARWAN

PhD (Political science),

Moscow, Russia

CONFLICT RELATIONS OF IRAN IN THE CONTEXT OF THE SYRIAN CRISIS (CASE STUDY OF ISRAEL)

One of the strategic changes in Iran's foreign policy towards the Middle East is the transition of the Iranian-Israeli conflict from the Palestinian issue to the Syrian crisis. Prior to the Arab Spring, the conflict focused on the nuclear program and the Palestinian issue and its aspects. As a result of Iran's active participation in the Syrian crisis and the provision of various forms of military support to them, the Iranian-Israeli conflict has been transformed. Tracing events, we find that the conflict between Iran and Israel has developed in accordance with the changing situation on the Syrian scene.

Key words: *Iran, Israel, Syrian Crisis, Iran-Israel Conflict.*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВНЕШНЕЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.026

УДК 316.42

А.А. ТУШКОВ

*доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

У.В. ФЕДОРЕНКО

*аспирант кафедры международных отношений
и права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ПЕРИФЕРИЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ КАК ДРАЙВЕР КОНЦЕПЦИИ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

В данной статье авторы обратились к анализу концепции «сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ), предложенной политическим лидером Китая Си Цзиньпином как общей идеи создания международных отношений нового типа. По мнению авторов, данная инициатива не осталась вне внимания ни международного экспертного сообщества, ни политиков, получившая в последующем название «периферийная дипломатия» Китая. Но главное то, что концепция, предложенная Си Цзиньпином, нашла свое подтверждение в выдвижении различных многосторонних инициатив континентального масштаба и послужила формированию дипломатии, основанной на глубоких традициях и истории Китая.

Ключевые слова: *концепции «сообщества единой судьбы человечества», КНР, Си Цзиньпин, стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», США.*

Сегодня мир находится в начальной фазе «Второй холодной войны», которая в отличие от Первой, будет происходить между США и Китаем. Если Первая была борьбой двух систем: капитализма и социализма, в основе которого был выбор мирового развития, то во Второй как США, так и Китай, заинтересованы в глобальном распространении своего влияния, получении доступа к ресурсам, продвижении своих товаров на рынки зависимых

стран и статусе лидера в мировой рыночной системе. При этом обострение противостояния будет сопровождаться расширением практики применения инструментария внешнеполитического влияния иного рода, чем прежде. В том числе всех известных ранее и новых форм дипломатического влияния и давления. Сегодня этот инструмент получил наименование «умная сила». Он многократно превосходит все известные на сегодняшний день военные формы борьбы. Это – торговые войны, односторонние санкции, подкуп элит малых и средних стран, кибератаки и кибершпионаж, вовлечение в конфликт «третьих стран», предоставление зарубежной экономической помощи региональным партнерам с целью формирования лояльной политической клиентелы и т.д. [2. С. 3].

В отношении других стран будут создаваться новые очаги напряженности, вынуждая их идти на сложные политические компромиссы и альянсы. При этом особенностью является то, что эти государства обязательно будут координировать свои интересы и политику с новым формируемым центром силы. Это неуклонно приведет к одному из двух возможных сценариев. Первое решение: укрепление существующих позиций США, во втором сценарии – придаст вес геоэкономическим и геополитическим устремлениям Китая. Как США, так и Китай будут стремиться к максимальному ограничению сфер влияния друг друга. Но итог один: в ближнесрочной перспективе значительное усиление и расширение границ холодной войны.

Важно понять основное направление дипломатических устремлений Вашингтона и Пекина, которые сформируют в долгосрочной перспективе новый миропорядок. Нынешняя ситуация в корне отличается от той, что сложилась во второй половине прошлого века. Нет идеологического противостояния, но есть острое дипломатическое противостояние. Сегодня на эту роль могут претендовать идея «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体), (СЕСЧ), предложенная Китаем, или «торжества демократии западной модели», а также «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (СОИТР), которые отстаивают США. При этом Пекин усиленно подчиняет в отдельных случаях свою концепцию своим экономическим и политическим интересам. Слишком прагматично Вашингтон идет на союз с откровенно недемократическими режимами. В этих условиях Китай становится все более упорным в продвижении и достижения своих интересов. Во внешнеполитической деятельности США все заметнее становится уклон в сторону нового зарождающегося региона, такого как Индо-Тихоокеанский.

Кроме тех проблем, которые непосредственно касаются борьбы двух конкурирующих друг с другом долгосрочных «евразийских проекта» – концепции «сообщества единой судьбы человечества» (СЕСЧ) и американской стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (СОИТР). Надо признать, что Соединенные Штаты в начале наступившего тыся-

челетия столкнулись с самым динамичным и весомым конкурентом в современной политической истории – Китаем. Обстоятельства таковы, что США ищет новые подходы к своему доминированию в Азии. Один из таких подходов всемерное участие в Четырехстороннем диалоге (Quad) по разработке стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

В этих условиях Китай становится все более упорным в продвижении и достижения своих интересов. Противовес этому внешнеполитическая деятельность Соединенных Штатов, когда все заметнее становится уклон в сторону нового зарождающего региона – Индо-Тихоокеанского. В основе этого стремление США не только сдерживать своего стратегического конкурента, но и выстроить «пространство открытости», основой которого будут рыночная экономика, непререкаемость норм международного права и взаимодействие с союзниками, прежде всего Японией, Индией и Австралией.

Если проанализировать, то за каждым из двух конкурирующих друг с другом долгосрочных «евразийских проектов» – концепции «сообщества единой судьбы человечества» и американской стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» стоят национальные интересы глобальных игроков мировой арены. Необходимо понять следующее. В основе каждого из предлагаемых проектов лежат комплексы разработанных региональных военно-политических, экономических и геостратегических концепций, а также двусторонних и многосторонних международных механизмов. Под каждый из проектов выстраиваются крупные политические и военные блоки, мобилизуются союзники и формируются коалиции. Но самое главное, накапливаются ресурсы.

Человечество ждет глобальные схватки за переустройство поствестфальского (постбиполярного) миропорядка. В ближнесрочной перспективе компромиссы между двумя проектами возможны и неизбежны. Но по целям и задачам, как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе, два евразийских проекта совместимы быть не могут по определению. Одному из проектов предстоит роль победителя. Другому, альтернативному варианту, предстоит участь тупикового направления политического и исторического эволюционного развития Азии. Главная цель этой глобальной международной политики является политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая. Другими словами – создание такого жесткого «каркаса», который бы не позволил официальному Пекину занять доминирующие стратегические позиции в Евразии в целом. Концепция новой структуры «Индо-Тихоокеанский регион» реализуется Соединенными Штатами в двух направлениях: по линии создания многосторонних форматов внешнеполитического сотрудничества, включая военно-политический, а также по линии укрепления многоаспектных двусторонних отношений со странами региона.

Важно понять, что в основе американской концепции лежит долгосрочное конструирование региона по ее *внешнему контуру*, т.е. за счет вы-

страивания новых геостратегических отношений со странами восточной и южной периферии евразийского континента, а также островными тихоокеанскими государствами. Вектор стратегического проектирования новой Евразии США в конструкции СОИТР направлен на военно-политическое сдерживание геостратегических устремлений Пекина. Что важно: проблема заключается не с введением новой терминологии. С принятием концепта «Индо-Пацифика» и уходом с политической арены уже устоявшегося термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» США формирует крупнейшую геополитическую проблему. Индо-Пацифика предполагает раскол евразийского континента, поскольку в эту геополитическую конструкцию не предполагается введение ни Китая, ни России, а также других континентальных государств АТР, как наиболее конкурирующие с выстраиваемым в регионе внешнеполитическим курсом США, с целью создания жесткого «каркаса» по внешнему, восточному периметру такого глобального континента, как АТР.

Но такая альтернативная стратегия Китая, как «сообщества единой судьбы человечества», а также Инициатива пояса и пути или ИПП, направлена на выстраивание новой Азии. Она предполагает конструкт, где произойдет консолидация континента не извне, а *изнутри*. Не от периферии к центру, а от центра к периферии. Китайская концепция предполагает, что в роли основного «каркаса» континента должна выступить не внешняя граница, а целая система дополняющих друг друга транспортно-логистических коридоров. Именно они смогли бы стянуть в единое целое неоднородное евразийское пространство. Примером тому служат такие проекты, как Инициатива пояса и пути («Один пояс, один путь») (一帶一路), Великий Шелковый путь (伟大的丝绸之路).

Китайский подход, как общая философия евразийского развития, получил свое начало в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК, когда была предложена Си Цзиньпином. Политический лидер Китая придавал своей инициативе, прежде всего, универсальное значение как глобальной идее, которая распространяется на все международные отношения. Хотя надо понимать, что фактически речь идет, главным образом, о будущем такого континента, как Евразии. Она и затрагивает развитие всего геополитического региона. Естественно, что инициатива Си Цзиньпина не осталась вне внимания ни международного экспертного сообщества, ни политиков, получившая в последующем название «*периферийная дипломатия*» Китая. Оценка экспертов и политиков сошлись в единой оценке целей и задач официального Пекина в отношении евразийских государств. Но главное то, что концепция, предложенная Си Цзиньпином, нашла свое подтверждение в выдвигании различных многосторонних инициатив континентального масштаба.

В частности, Инициативы пояса и пути, а также подписания 15 ноября 2020 г. в Ханое проекта «Всестороннего регионального экономического партнерства». Последний проект уникален тем, что сделку о свободной

торговле кроме КНР подписали 14 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которая затрагивает сразу треть населения планеты и треть мировой экономики. В результате сделки снижаются таможенные барьеры, на территории, охватывающей треть мирового населения (2,2 млрд потребителей) и треть мирового ВВП (28 трлн долларов) [3]. Важно, что экономический союз с Китаем создают такие союзники США, как Япония и Австралия. Данная сделка является первым торговым соглашением, которое объединяет крупнейшие экономики региона, такие как Китай, Японию и Южную Корею. Характерно и то, что участниками «Всестороннего регионального экономического партнерства» стали, помимо стран АСЕАН, и традиционные «морские» союзники США в АТР – Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. По оценкам экономистов, эта сделка может добавить почти 200 млрд долларов в мировую экономику к 2030 году. В сделку вошли страны, которые ранее входили в Транстихоокеанское партнерство. Это может говорить о переходе мирового экономического лидерства от Вашингтона к Пекину.

Ярким примером реализации идеи взаимовыгодного сотрудничества служит связь проекта «Один пояс, один путь» и ШОС. Это заключается в строительстве связывающих Северо-Восточные районы Китая и Дальнего Востока России трансграничного железнодорожного моста и международных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2», строительстве газоперерабатывающего завода и проекта сжиженного природного газа «Ямал СПГ». Инициатива проекта будет приносить пользу обеим государствам во всех сферах общества. В рамках данного проекта Китай активно продвигает создание мировой экономики совершенно нового типа, где все страны могли бы реализовать на многосторонних платформах свой потенциал в свободной торговле без всякой дискриминации [4]. Что касается Шанхайской организации сотрудничества, то данная международная структура выступает в качестве глобальной евразийской организации и становится механизмом в достижении цели «сообщества единой судьбы». Данный механизм выражается в поддержании стабильности в рамках ШОС и умения решать проблемы с помощью взаимного доверия, выгоды, равенства и уважения к многообразию культур, стремлению к совместному развитию.

Главным отличием от американской Индо-Пацифики, «сообщество единой судьбы» не предполагает жестких союзнических обязательств со стороны стран-участников. При этом и сам Китай не меняет своего внеблокового статуса. Но, полагая полностью уйти от измерения безопасности при проектировании будущего Евразии, Китай делает упор на экономическое и социальное развитие всех регионов, составляющих евразийский континент. Предполагая при этом преодолеть существующие ныне диспропорции в их уровне жизни и степени вовлеченности в континентальную и мировую экономику. Но при этом необходимо признать то, чем энергичнее Вашингтон будет выстраивать внешний военно-политический каркас вокруг Китая, тем

больше военно-политических элементов Пекин будет закладывать в активно продвигаемы внутривосточный проект.

Опыт внешнеполитической деятельности Китая служит целенаправленной политикой противодействия коронавирусу, где опыт сотрудничества страны с другими странами по нейтрализации этой угрозы является бесспорным. Эпидемия COVID-19, охватившая 202 страны и все регионы в мире, стала одной из глобальных эпидемий, характеризующихся высокой скоростью распространения, сильной вирулентностью и высокой степенью сложности профилактики и контроля [1]. Вспышка COVID-19 – сложнейшая в плане усилий по сдерживанию чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, со времен эпидемий тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС, SARS) и ближневосточного респираторного синдрома (MERS), лихорадки Эбола и синдрома приобретенного иммунного дефицита. И первый страшный удар эта эпидемия нанесла по самой густонаселенной стране. КНР успешно отвечает на этот удар, содействуя другим странам в борьбе с этой страшной болезнью.

Главное, что способствует победе над эпидемией то, чего не хватает сегодня на Западе, – это высокая ответственность китайского руководства и единение народа, а также ясная и перспективная цель развития КНР. Китай рассматривает развитие не просто как цель, но и как средство решения проблем. Си Цзиньпин пишет: «Мы должны подчеркнуть значение развития как для борьбы с текущей эпидемией, так и для ориентации на долгосрочные цели будущего. В эпоху единой судьбы человечества развитие особенно связано с всеобщим образом действий. Лишь на основе продвижения общего развития человечество сможет повысить потенциал совместного реагирования на вызовы и удержать на своих руках свою судьбу» [5].

Еще один важный аспект в развитии периферийной дипломатии Китая и реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества» можно проследить на примере деятельности Института Конфуция. Важным событием в гармонизации межцивилизационных и межэтнических отношений в Китае и в мире стало открытие в 2019 г. Института сообщества с единым будущим при Университете связи Китая в Пекине (Communication University of China). Это первый аналитический (мозговой) центр (智库) в Китае, посвященный изучению понятия «сообщества единой судьбы» и культурного разнообразия в глобальном контексте [6].

Таким образом, периферийная дипломатия Китая, основой которой служит концепция «сообщество единой судьбы человечества» была признана на мировом уровне. Данная концепция вызвана необходимостью справиться с глобальными проблемами человечества и создать общий мир баланса и равновесия во всех сферах общественной жизни через взаимное сотрудничество, поддержку и получение выгоды в положительном ключе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ван Чжэнь. Нападки на Китай под предлогом международной борьбы с эпидемией – разновидность клеветы // Жэньминьван. 3 апреля 2020 // <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0403/c95181-9675970.html>.
2. Куприянов А.В., Королев А.С. Евразийская хорда, океанское кольцо Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сентябрь, 2019.
3. Самофалова О. Китай нанес экономике США удар в спину // <https://vz.ru/economy/2020/11/17/1070847.html>.
4. Строительство «Одного пояса и одного пути» создает новые возможности // <https://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/zentjln/t1510487.htm>.
5. Укрепление общей оборонительной линии человечества путем развития // Жэньминь жибао. 11 марта 2020 // <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0311/c95181-9667114.html>.
6. China gets first «Common Destiny» Center // China Media Project. December 3, 2019 // <https://chinamediaproject.org/2019/12/03/china-gets-first-common-destiny-center/>.

A.A. TUSHKOV

Ph.D., Professor of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

U.V. FEDORENKO

PhD student in the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia

CHINA'S PERIPHERAL DIPLOMACY AS A BASIS OF "COMMUNITY OF COMMON DESTINY" CONCEPT

In this article the authors study different aspects of the concept of "community of common destiny" proposed by China's political leader Xi Jinping as a common idea of creating a new type of international relations. According to the authors, this initiative has not gone beyond the attention of the international expert community or politicians, which is known as "peripheral diplomacy" of China. But the main thing is that the concept proposed by Xi Jinping has been confirmed in the development of various multilateral initiatives of continental scale and has served to form diplomacy based on the deep traditions and history of China.

Key words: *concept of "Community of common destiny", China, Xi Jinping, "free and open Indo-Pacific" strategy, USA.*

О ПРИНЦИПАЛЬНЫХ И ТАКТИЧЕСКИХ ОТЛИЧИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЙ США

С приближением «Ста дней» правления новой администрации США все очевиднее становятся общие черты и различия во внешнеполитических установках команд Д. Трампа и Дж. Байдена.

Сравнивая эти установки и практические шаги обеих администраций, автор статьи приходит к выводу, что «византийские игры» демократов могут оказаться для России более опасными, чем прямолинейная силовая стратегия Трампа, склонного к изоляционизму.

В этом контексте единственной рациональной альтернативой и силовому давлению, и «византийским играм» может быть лишь конструктивный диалог по вопросам поддержания глобальной стратегической стабильности.

Ключевые слова: *США, Россия, Китай, внешняя политика, информационная война, права человека, стратегическая стабильность, информационная война, «цветные революции», диалог.*

Со сменой администрации в США ожидания тех, кто надеялся на потепление в российско-американских отношениях, казалось, получили реальное и весомое подтверждение в продлении Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Обоснованность и необходимость этого шага, его полезность для обеих стран были совершенно очевидны. Можно было предположить, что и Трамп, будь он переизбран, тоже, в конечном итоге, принял бы аналогичный шаг, так как заморозка стратегических арсеналов в текущий момент даже более выгодна для США, принимая во внимание некоторое опережение России в качественном совершенствовании стратегических носителей ядерного оружия.

Внушает оптимизм и тот факт, что стороны обменялись на политическом и рабочем уровнях сигналами о готовности к конструктивному диалогу

по вопросам поддержания стратегической стабильности. Спустя шесть дней после инаугурации нового президента состоялся его первый телефонный разговор с президентом России, продолжавшийся более получаса. Лидеры обеих стран выразили удовлетворение в связи с состоявшимся в тот же день обменом дипломатическими нотами о продлении СНВ-3, обсудили возможности сотрудничества в борьбе с пандемией, международным терроризмом, угрозами безопасности в регионах и других сферах. Как и следовало ожидать, не обошлось и без выражений озабоченности американской стороны в связи с имеющимися-де место, по мнению политической элиты США, нарушениями прав человека и демократических свобод в России. Последнее выглядело, однако, не очень убедительно на фоне того простого факта, что немало американцев до сих пор убеждены, что в ходе демократических президентских выборов в их стране была реализована хорошо знакомая нам сталинская формула «совершенно неважно, кто и как будет... голосовать; но вот что чрезвычайно важно, это – кто и как будет считать голоса» [1].

На рабочем уровне российская сторона уже направила администрации президента Дж. Байдена запросы на организацию первых контактов для определения сфер взаимодействия. Как подчеркнул посол России в Вашингтоне А.И. Антонов, в Москве рассчитывают на «прагматичное сотрудничество» с Вашингтоном по ряду направлений [7], в т.ч. по противодействию международному терроризму, проблеме нераспространения, иранской ядерной программе, безопасности в регионах, кибербезопасности. Кибербезопасности в Вашингтон придает особенно большое значение, связывая эту проблему напрямую с вмешательством в американские выборы, якобы имевшим место с российской стороны в 2016 г., а также с хакерской атакой на компьютерные сети казначейства, министерства торговли и министерства национальной безопасности США, в организации которой подозревают хакерскую группу Cozy Bear. В Вашингтоне много говорится, но мало делается для налаживания устойчивого продуктивного диалога с Москвой. Договоренность о создании совместной рабочей группы была достигнута еще на саммите с Трампом в Гамбурге летом 2017 г. Но потом как-то американская сторона затормозила практические консультации по этой проблеме, продолжая кампанию бездоказательных обвинений и угроз принять адекватные ответные меры.

Возникает, естественно, вопрос: что лучше для России? Грубый и прямолинейный Трамп, склонный к силовому давлению больше, чем к дипломатическим переговорам? Или учтивые дипломаты из команды Байдена, делающие акцент на коалиционной дипломатии и войне информационной.

В поисках ответа на этот вопрос стоит, по нашему мнению, обратить внимание на один «нюанс», который в силу объективных обстоятельств не могут уловить родившиеся после 1981 г. «поколения Y и Z» – главный объект «иззабурной» информационной войны. Нюанс этот, как могут

подтвердить все еще живущие свидетели тех исторических событий заключается в следующем: никогда, даже в кульминационные моменты советско-американского противостояния в 70-е-80-е гг. XX века, уровень ярости и просто истеричности в обвинениях Москвы в нарушениях прав человека и гражданских свобод не был столь высок так, как в настоящее время. Заметим также, что тогда в СССР действительно грубейшим образом нарушались права человека и демократические свободы, всюду работал механизм Мордовских лагерей для «государственных преступников», свобода средств массовой информации как таковая вообще отсутствовала. Тогда в критике западных пропагандистов было больше объективности и меньше истеричности, а некоторые пропагандистские кампании, как например, знаменитое дело диссидентов Синявского и Даниэля, провоцировались искусственно с подачи западных спецслужб [2]. В чем секрет этого феномена?

В том, что, к большому сожалению, тематика прав человека и демократических свобод в современном мире все чаще используется как козырная карта в тривиальной политической борьбе силовых центров за сферы влияния. В данном случае за заполнение «вакуума силы», образовавшегося, по мнению натовских политтехнологов, на постсоветском пространстве. Неожиданно для политической элиты стран НАТО, заполнение этого вакуума, равно как и развитие событий в отношениях между Россией и коллективным Западом в целом начиная с 2000 года пошло совсем не по тому сценарию, который был написан в «мозговых центрах» США еще до девяностых годов прошлого века.

Любой, кто хоть в какой-то степени проходил военную подготовку, знает: победа не может быть полной до тех пор, пока территория противника не оккупирована своими войсками. Коллективный Запад не решился закрепить свою победу в «холодной войне» оккупацией всего постсоветского пространства. Слишком велики были риски. Да и необходимости в этом натовские политики и генералы в 90-е гг. не видели. Победа казалась абсолютной и бесповоротной настолько, что директор ЦРУ Р. Гейтс в конце своего визита в Москву в конце октября 1992 г. продефилировал по Красной площади с бутылкой шампанского в руках, патетически воскликнув перед направленными на него телекамерами: «Здесь на площади, возле Кремля и Мавзолея, совершаю я одиночный парад победы» [5]. В честь этой «победы» были даже отчеканены памятные медали, и никто даже не упоминал о победе демократии и прав человека. Речь шла «просто» о победе США в военно-политическом противостоянии с другой сверхдержавой.

Но произошло нечто неожиданное.... В течение исторические весьма короткого отрезка времени Россия стала подниматься с колен: заработала экономика, по трубам пошла нефть и газ причем по весьма приличным ценам, на заброшенные поля пришли люди, из импортера пшеницы из заокеанской Канады Россия стала первым в мире экспортером зерновых. Стра-

на нарастила новые мускулы, не глобальные, но достаточные для отпора потенциальному агрессору. Конечно, до полного вставания с колен еще далеко. Но, используя терминологию автора перестройки, можно сказать «процесс пошел». Только в обратном направлении. И этот процесс порождает ту психологическую фрустрацию (разочарование), определяющую истеричный накал русофобии в натовских кругах. Говоря по-русски, срывает комплекс «за что боролись, на то и напоролись».

С учетом изложенного выше можно было бы сделать вывод о том, что вышколаченный Байден и его команда (Э. Блинкен, Дж. Салливан) для России лучше, чем грубый агрессивный Трамп. Вот тут-то, наверное, и не стоит спешить с выводами. Да, Трамп в большей степени делал упор на силовом давлении. Но силовое давление на Россию дело неблагодарное. Немало стратегов обломала себе зубы, уверовав в возможность успеха победы над Россией методом «блицкрига». Даже если «блицкриг» переименовать в *prompt global strike* «глобальный молниеносный удар», перспективы «похода на Москву» остаются сомнительными.

Окружение Байдена понимает это. Поэтому курс взят на укрепление коалиционных связей с союзниками в Евроатлантическом пространстве и поиски новых союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В жертву этим связям Байден может принести даже «священную корову» – дать немцам разрешение на завершение строительства многострадального трубопровода «Северный поток 2». (Кстати, еще неизвестно, кому бы нанес больший вред отказ от этого проекта. Может быть, сократив объем экспорта сырья и энергоносителей, Россия сама смогла бы продавать за рубеж продукты их переработки).

В любом случае речь идет о намерении новой администрации США укрепить вокруг России своеобразный пояс сдерживания, включив в него как можно больше и прямых вассалов, и более-менее независимых государств с тем, чтобы подобно умной обезьяне обозревать поединок тигров в долине.

Эта стратегия хорошо известна с незапамятных времен, и столь же очевидно обречена на неудачу, потому что в ней есть одна «Ахиллесова пята». С поворотом на Восток, к которому Россию подтолкнул сам Запад

в 2014 году, Москва установила отношения продвинутого стратегического партнерства с крупными государствами в Евразии, Африке, Латинской Америке, которые стабильно воздерживаются при голосовании антироссийских резолюций в ООН. Учреждены и действуют, хотя еще и недостаточно эффективно, внеблоковые сетевые альянсы БРИКС и РИК. По нарастающей развивается сотрудничество с Китаем, Индией, странами АСЕАН. В этих условиях изоляция России – это не реальность, а, скорее, сладкая мечта. И вот, словно спохватившись после слоновьего вторжения Трампа в посудную лавку Азиатско-Тихоокеанского региона, администрация Байдена срочно делает реверансы в сторону Пекина, признает ошибкой торговую войну, отказ от Тихоокеанского торгового партнерства и довольно-таки унижительное заигрывание с КНДР сепаратно от Пекина, вассалом которого Пхеньян так или иначе является.

Конечно, реализовать даже на бумаге голубую мечту об антироссийской «Большой двойке» (*Chimerica*) за счет огромных пространств Сибири, «почти призывающих, по словам Зб. Бжезинского, к китайской колонизации» [8. Р. 95] вряд ли удастся. На зондажи байденовской команды Пекин отреагировал хладнокровным изъявлением готовности к сотрудничеству при выполнении Вашингтоном некоторых очевидных условий: отказ от трактовки Коммунистической партии Китая как деструктивной силы, нарушающей стратегическую стабильность в мире; признание территориальной целостности Китая, включая статус Тайваня как провинции КНР; отказ от подрывной деятельности и информационной войны Вашингтона в Гонконге, Синьцзяне и Тибете. Одновременно Пекин недвусмысленно подчеркнул, что углубленное дружественное партнерство Китая и России носит не конъюнктурный, а принципиальный характер совместного противостояния любым гегемонистским устремлениями. Как заявил министр иностранных дел КНР, Китай и Россия будут совместно защищать авторитет ООН и нормы международного права. «Наши страны, подчеркнул Ван И, стали примером того, как следует проводить равноправную и справедливую политику. Мы сообщаем отстаиваем многосторонние форматы сотрудничества» [3].

Ясно, что без выполнения этих законных требований Пекина говорить о каком-либо стратегическом партнерстве США и КНР невозможно. Но для их выполнения США пришлось бы вначале отказаться от главного идеологического стержня своей политики – ставки на глобальное мировое лидерство – *Rax Americana*. А это означало бы смену агрессивного курса не только по отношению к Китаю, но и России, которую с подачи Байдена вновь стали именовать в Вашингтоне «главным противником».

И с этой точки зрения, Байден для нас, пожалуй, хуже Трампа, потому что вместо лобового силового противостояния, к которому мы привыкли, нам навязывается дипломатическая «византийская игра», в которой на стороне Запада огромный опыт. Но будем надеяться, что и для нас истекшие

три десятилетия не прошли даром, что мы извлекли и усвоили уроки, преподанные нам западными «друзьями», продвинувшими свои «демократические» танки на тысячу километров восточнее от границы, некогда разделявшей НАТО и страны Организации Варшавского договора. 2021 год покажет, в какой степени мы усвоили эти уроки. Пик никем не объявленной, но активно ведущейся против России информационной войны еще впереди – на рубеже выборов в Государственную Думу осенью 2021 года. Не победив нас в открытом военном и политическом противостоянии, коллективный Запад будет делать все, для того, чтобы разложить нас изнутри и повторить печальный опыт девяностых годов прошлого столетия.

И тут следует отметить еще один важный «нюанс» – огромный опыт информационной войны, «цветных революций», всякого рода флэшмобов, техкемпов, теневого интернета, «открытого правительства» и других технологий скрытой и откровенной подрывной деятельности. Е.А. Евтушенко засвидетельствовал в истории предупреждение Роберта Кеннеди о том, что пресловутое дело диссидентов Синявского и Даниэля было намеренно спровоцировано ЦРУ, выдавшим советским правоохранительным органам имена этих литераторов, скрывавшиеся под псевдонимами Терц и Аржак. Причем, из личных моральных побуждений, как считал Е.А. Евтушенко, Р. Кеннеди предупреждал, что речь идет о провокации, предназначавшейся для того, чтобы сбить волну мощного антивоенного движения в США, противопоставить что-то советской пропаганде, эффективно использовавшей в то время на международной арене вьетнамскую тему. По свидетельству Е.А. Евтушенко, он довел до сведения советских компетентных органов информацию об истинной цели этой провокации. Но в Москве решили, что, репрессировав двух диссидентов, СССР больше выиграет, чем воздержится от придания их разоблачению политической огласки. Между тем западные медиа действительно использовали факт репрессией настолько, что в значительной степени компенсировали моральный ущерб для США от агрессивной войны во Вьетнаме.

Уроки дела Синявского и Даниэля важны для того, чтобы не поддаваться на подобные провокации сейчас. Иначе, чем такой же подставой нельзя назвать, например, дело «берлинского пациента», с помпой «этапированного» в Москву германской спецслужбой Bundes Nachrichten Dienst. Известно, что последовало за этим. Но возникает вопрос. Стоило ли поддаваться на эту провокацию и организовывать «пышную встречу» во Внуково с последовавшим тиражированием антироссийских материалов в глобальных СМИ?

Нелишне напомнить в этой связи, что эти глобальные «независимые» СМИ контролируются именно той частью американской политической элиты, которая тяготеет к демократической партии. Не стоило ли в данном контексте воздержаться от «помпезной» встречи «берлинского пациента» во Внуково? Ведь в самом российском обществе о нем уже позабыли,

да и не пользуется он у нас сколь-либо значительным влиянием. Слишком уж очевидно его прозападная политическая родословная. С учетом этого вполне можно было бы осуществить необходимые процессуальные шаги без заказанной на Западе политической помпы. Но получилось так, как получилось: на улицы вышли не только обманутые западными блогерами молодые люди, но и некоторые представители системной оппозиции, которых ничто не связывает с именем «берлинского пациента», но которые справедливо настаивают на скорейшем решении имеющихся в нашем обществе реальных проблем.

Возникли трудности в самой системной оппозиции, в частности в КПРФ. На XIII пленуме ЦК лидер партии совершенно верно заявил, что «хозяева мировых транснациональных корпораций явно приняли решение о смещении Путина по сценарию «цветных революций», разрушении нашей государственности. Навальный неспроста рукоплещет новому президенту США», – сказал лидер КПРФ и выразил уверенность, что «ни один коммунист не поддержит эти провокации» [4]. Однако на самом пленуме были и другие высказывания, был озвучен, в частности призыв «задавать свою повестку, а не говорить, какой плохой «берлинский пациент»». Были и случаи участия рядовых партийцев в уличных протестах, связанных с Навальным.

В этом контексте особенно важно не допустить объединения всех чем-либо недовольных в стране под лозунгами, диктуемыми «из-за бугра». При этом надо учитывать, что «забугорным» политтехнологам абсолютно все равно, под какими лозунгами выводить на улицы людей. Технология «цветных революций» разработанная и осуществляемая филиалом партии Байдена Национальным демократическим институтом по международным вопросам (National Democratic Institute for International Affairs), исходит из того, что главное – вывести людей на улицы, затем следуют «пирожки миссис Нуланд», а потом обязательно наступает черед снайперов, крови и мучеников свободы. Именно так создается та самая «мутная вода» (troubled waters), в которой так удобно ловить геополитическую рыбку.

«Рыбку» эту группирующая вокруг «партии ослика» политическая элита США ловит не только в России, но и в Китае. Известный исследователь внутренних процессов в КНР, сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН) Н.Н. Вавилов, выдвигает, в частности, версию о взаимодействии внутренней оппозиции в КПК с американскими демократами на эпидемической почве. Эксперт утверждает, что оппозиционеры пытались спровоцировать в стране переворот «оранжевого» типа, который был предотвращен обращением Си Цзиньпина к НОАК от 29 января, введением в Ухань войскового контингента численностью в 5 тыс. военнослужащих и полной заменой провинциального и городского руководства [6].

Из всего этого однозначно следует вывод о том, что новая администрация Байдена или, как сейчас говорят в госдепе США, Байдена-Харрис,

будет наращивать давление на Россию и Китай, стремясь, с одной стороны, вбить клин между двумя своими противниками, с другой – разложить их изнутри технологиями «цветных революций». К этому демократов подталкивают обостряющиеся противоречия американской экономики. Отношения государственного долга к валовому внутреннему продукту в текущем столетии увеличилось более, чем вдвое – с 58,88 до 129,7 процентов [9]. К сожалению, администрация Байдена не видит и не желает рассматривать другие варианты сокращения этой задолженности помимо экстенсивного наращивания ликвидности за счет внешнеполитической экспансии. Отсюда поиски врагов и нагнетание напряженности в международных отношениях.

Но есть ведь, и альтернатива никому не нужному противостоянию. Это конструктивный диалог, повестку которого сейчас согласовывают дипломаты в Москве, Вашингтоне и Пекине. Будущее за этим диалогом, а не пропагандистской истерией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина // «Всемирное слово». Санкт-Петербург, 1992 // http://lib.ru/MEMUARY/BAZHANOW/stalin.txt_with-big-pictures.htm.

2. Евгений Евтушенко вступился за всех российских «несогласных» // Информационный портал «Новый день». Новости дня. Москва, 07 декабря 200 г. // <https://newdaynews.ru/moskow/154119.html>.

3. Китай заявил о совместной с Россией борьбе с политическим вирусом // Информационный портал – Lenta.ru. 07 марта 2021 г. // <https://lenta.ru/news/2021/03/07/fight/>.

4. *Макутина М.* КПРФ заняла оборонительную позицию. Коммунисты проанализировали Алексея Навального // Газета «Коммерсантъ» № 11/П от 25.01.2021.

5. *Медведев Р.А.* Борис Ельцин От Ипатьевского дома до храма Христа Спасителя // Информационный портал «Відкритий ліс». 28/01/2011 // <https://www.openforest.org.ua/8780/>.

6. Особенности расстановки политических сил в КНР: внешние и внутренние аспекты // Информационный портал Института международных политических и экономических стратегий – РУССТРАТ. 31 января 2021 г. // <https://russtrat.ru/reports/31-yanvarya-2021-0010-2826>.

7. Посол РФ в США уверен, что Вашингтон продолжит давление в отношении Москвы // Информационный портал ТАСС // <https://tass.ru/politika/10754069>.

8. *Brzezinski Zb.* The Grand Chessboard: American Primacy And Its Geostategic Imperatives. New York, Basic Books, 1997.

9. US Debt. Clock // <https://www.usdebtclock.org>.

V.F. PRYAHIN
*Doctor of Political Science,
Professor, International Relations Dept., RSHU;
Professor, Diplomacy Dept., MGIMO-University,
Moscow, Russia*

**ON THE PRINCIPAL
AND TACTICAL DIFFERENCES
IN THE FOREIGN POLICY OF THE REPUBLICAN
AND DEMAMOOKRATIC ADMINISTRATIONS
OF THE USA**

With the approach of the “Hundred Days” of the new US administration, the common features and differences in the foreign policy attitudes of the D. Trump and J. Biden’ teams are becoming more and more obvious ones. Comparing these attitudes and the practical steps of both administrations, the author of the article presented concludes that the “Byzantine games” of the Democrats may turn out to be more dangerous for Russia than Trump’s straightforward power strategy, inclined to isolationism. In this context, the only rational alternative to both forceful pressure and the “Byzantine games” can only be a constructive dialogue aimed at the maintenance of the global strategic stability.

Key words: *USA, Russia, China, foreign policy, information war, human rights, strategic stability, information war, color revolution, dialogue.*

кандидат политических наук,
доцент факультета международных отношений
и зарубежного регионоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ

В статье анализируется проблема энергетической безопасности Турции и роль газопроводных проектов, и их влияние на внешнюю политику Турции. Растущее потребление природного газа в мире в качестве источника энергии сделало Турцию стратегически важным партнером в мире. Турция играет ключевую роль в рамках стратегического газового коридора «Турецкий поток». Автором раскрываются интересы Турции в сотрудничестве с Россией, позиции, занимаемые Турцией в отношении природного газа и энергетической безопасности, рассматривается роль Турции как транзитной страны, в дополнение к ее собственному растущему внутреннему энергетическому рынку, и используются последние данные о геополитике различных трубопроводов, которые проходят через Турцию. В заключении сделан вывод, что Турция становится энергетическим центром в рамках своей региональной энергетической стратегии, которая направлена на увеличение статуса и влияние в мире, расширяя стратегическое сотрудничество в области энергетики с ЕС, Россией и с соседними странами.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, внешняя политика, углеводородные ресурсы, геополитика, Турция, ЕС, Россия.

Энергетическая безопасность призвана гарантировать достаточное количество ресурсов по доступным ценам в любое время и при возникновении спроса. В этом отношении энергетическая безопасность Турции основана на наличии ресурсов по доступным ценам и устойчивых политических процессах. Географические особенности Турции стимулируют международные проекты транспортировки нефти и газа. Однако невозможно определить энергетическую стратегию Турции, как если бы она просто проистекает из геополитической повестки дня. Напротив, энергетическая стратегия Турции вытекает из политических приоритетов, а также из характеристик рынка. Экономические проблемы и торговые возможности

являются эффективными мотивами стратегии Турции, рост внутреннего спроса на энергию в Турции приводит к инициативам по диверсификации поставок и поставщиков.

Турецкая внешняя политика существенно изменилась за время правления Партии справедливости и развития с 2002 г. Турция постепенно превращается в консервативное государство, формально сохранявшим светский характер. Идеологические основы современного политического процесса в Турции включают возвращение к традициям, неоромантизм, неотуризм, авторитарные формы правления и укрепление суверенитета. Во внешней политике Турция претендует на роль державы, которой не хватает адекватных ресурсов. Он пытается отойти от чисто западной политики и сосредоточиться на преследовании собственных интересов в прилегающих регионах, на территории бывшей Османской империи и в «исламском мире». В государстве отсутствуют явные письменные доктрины и концепции. Деятельность МИД Турции определяется соответствующим законом, а главным нововведением является идеология министра иностранных дел Чавушоглу – политика Турции должна быть «активной и гуманной».

По ключевым направлениям внешней политики Турецкой Республики в отношении стран Запада и Востока усиливается линия наступления на Восток. Ранее внешняя политика Турции была сосредоточена на отношениях с западными странами, особенно в контексте поддержания отношений с союзником по НАТО США в качестве младшего партнера. Сегодня отношения между США и Турцией характеризуются конфликтующими взаимодействиями и обостряющимися противоречиями. В основе противоречий лежит независимость, которую Турция продвигает в решении внешнеполитических проблем, не всегда учитывая мнение своего партнера по НАТО [8. Р. 23-32].

В этом контексте Турция в настоящее время видит перспективы сотрудничества со странами Ближнего Востока, а также с Восточной и Юго-восточной Азией. Во многом из-за растущей независимости во внешней политике Турции наблюдается рост влияния в регионах. Например, на Ближнем Востоке Турция пытается укрепить свои позиции в Сирии, чтобы разрешить кризис. Отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Япония, Пакистан) экономически развиваются в контексте партнерства. За почти сто лет существования Турецкой Республики практически завершился процесс создания правовой и институциональной базы внешнеполитического процесса. Основная проблема с точки зрения анализа внешней политики Анкары состоит в отсутствии официальных открытых документов, отражающих интересы и ценности Турции.

С первой половины XX века Турция объединила демократические принципы Запада с традициями Востока, и сегодня пытается проводить политику многовекторного сотрудничества, меняя направление своей внешней

политики с Запада на Восток. Турецкое руководство поставило перед собой цель сделать государство независимым субъектом международных отношений, а также создать собственную подсистему международных отношений («турецкий мир»).

Новая консервативная внешняя политика Турции делает акцент на национальные и наднациональные интересы и ценности (неоманизм, паннационализм). Сегодня наблюдается тенденция к интеграции турецких народов в политику Турции, которая связана с идеологией внешней политики государства неомантуркизмом, неоманизмом и умеренным исламом [1. С. 1-12]. Основные задачи в рамках неоосманской идеологии: возвращение Турции на прежний уровень «имперского» развития через расширение влияния на соседние государства. В своих действиях турецкое руководство проявляет большую независимость на международной арене, что также является подтверждением ее стремления претендовать на роль региональной державы. В этом контексте энергетические аспекты внешней политики Турции служат инструментом в реализации ее геополитических амбиций.

Трубопроводная политика и политэкономия нефтегазовых проектов Каспийском регионе вошла во внешнеполитическую повестку Турции в 1990-е гг. Энергетически богатые страны региона Каспийского моря – Казахстан, Азербайджан и Туркменистан – стали новыми участниками энергетической геополитики в начале постсоветского периода. Их энергетические ресурсы оказались важны для диверсификации, обеспечения безопасности и стабилизации мировых поставок энергии. Благодаря своему географическому расположению трубопроводная политика стала частью внешнеполитической ориентации Турции в ее адаптации к изменившимся условиям после распада СССР. Турция сфокусировала свою внешнюю политику на то, чтобы ее территория стала энергетическим коридором, а затем и хабом транспортировки нефти и газа из каспийского и ближневосточного регионов на европейские рынки.

За последние годы произошла переоценка важности Евразии для энергетики Турции в свете дебатов о появлении альтернативной евразийской ориентации во внешней политике Турции. Очевидна важность этого региона для энергетических отношений Турции на протяжении двух периодов: первоначальные проблемы в трубопроводной политике в 1990-е гг., и роль энергетической безопасности во внешней политике Турции в 2000-е гг.

Внешняя политика Турции в отношении богатых энергоресурсами стран Евразии стала проявляться в 1990-е гг. Новые независимые постсоветские государства в Евразии, населенные в основном мусульманами, где Турция ранее имела лишь незначительное влияние. Новые государства Кавказа и Центральной Азии, благодаря «напористой активности» стали центром геополитической переориентации политики Турции [11. Р. 2-22], а идея «тюркского мира» приобрела ключевое значение и во внешней политике Турции [9. Р. 722-740].

Трубопроводная политика стала явно важным аспектом внешней политики Турции с точки зрения завершения строительства так называемого «энергетического коридора» «Восток-Запад», и нацелена транспортировать энергоресурсы из региона Каспийского моря на западные рынки по альтернативным маршрутам в обход российской территории.

Разработка углеводородных ресурсов Азербайджана, Казахстана и Туркменистана создали возможности для диверсификации и доступа их на международные рынки. Важность нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) для внешней политики Турции, Азербайджана, Грузии и США была продемонстрирована тем фактом, что он был завершен, несмотря на смену правительств этих стран с 1991 по 2006 гг.

Таким образом, в то время как энергетический коридор Восток-Запад был необходим для стратегических интересов Турции, он также способствовал формированию региональной взаимозависимости с постсоветскими тюркскими странами в Евразии. В течение 1990-х гг. Турция перепределяла свои стратегические интересы также под влиянием вопросов энергетической безопасности [3. С. 127-135].

Хотя геостратегическое расположение Турции позволяет ей иметь статус транзитного государства для альтернативных маршрутов трубопроводов и диверсификации поставок газа в ЕС, планы по Транскаспийскому газопроводу были заблокированы из-за спора о правовом статусе Каспийского моря. Договор о поставке природного газа в Турцию из Туркменистана был подписан в 1999 г., но проект был остановлен ввиду разногласий по демаркации Каспийского моря между прибрежных государства и ухода многонациональных энергетических компаний при авторитарном правлении покойного президента Туркменистана Сапармурата Ниязова [7. Р. 6-9].

Поэтому церемония открытия трубопровода БТД в июле 2006 г. была важной вехой для внешней политики Турции не только для ее стратегических усилий стать «мостом» или «энергетическим коридором», транспортирующим нефтегазовые ресурсы Каспийского региона на европейские рынки, но также и для национальной концепции идентичности Турции как лидера тюркской Евразии.

Введенные в эксплуатацию газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум (БТЭ) в марте 2007 г. и Турция-Греция-Италия (ITGI), который был завершен в ноябре 2007 г., позволили начать экспортировать азербайджанский газ в Европу. Эти первые трубопроводные проекты (BTC, BTE и ITGI), были успешными с точки зрения обеспечения доступности через новую инфраструктуру – энергетический коридор «Восток-Запад» для не имеющих выхода к морю каспийских нефтегазовых ресурсов.

Также был запланирован проект «Nabucco» как основной трубопровод для транспортировки большего количества газа регионов Каспия и Ближнего Востока, чтобы уменьшить зависимость ЕС от российского газа [15. Р. 251].

Проект поддержали несколько государств Европейского Союза и США, и его рассматривали как конкурента газопровода «Южный поток», а основным поставщиком должен был стать Ирак с потенциальными поставками из Азербайджана, Туркменистана и Египта.

Межправительственное соглашение по трубопроводу Nabucco было подписано в июле 2009 г. Основной задачей проекта был доступ к дополнительным ресурсам газа из Туркменистана и, возможно, из Ирака, Ирана и Египта. После двух российско-украинских газовых кризисов 2006 г. и 2009 г. и российско-грузинской войны в августе 2008 г., трубопровод Набукко стал рассматриваться как флагманский проект Южного газового коридора ЕС, предложенный Комиссии ЕС для поставки газа из каспийских и ближневосточных ресурсов [4].

Документ «Энергетической стратегии Турции 2009-2014», принятый в 2009 г., отразил нормативные принципы региональная взаимозависимость, четко указав на потенциальные возможности, для углубления регионально-сотрудничества, содействие экономическому и социальному развитию стран каспийского региона, либерализацию внутреннего энергетического рынка в соответствии с гармонизацией законодательства Турции с законодательством [10].

Медленный прогресс в переговорах о вступлении в ЕС способствовал использованию энергетической безопасности в качестве рычага и инструмента во внешней политике Турции, чтобы продвигать экономические выгоды членства Турции в ЕС, подчеркивая ее геополитическое положение и политическую стабильность в качестве надежного транзитного партнера для альтернативных газопроводов из Евразии и Ближнего Востока [6. Р. 210].

Между тем, трудности с обеспечением туркменского газа, проблемы России с запуском проекта «Южный поток», беспорядки в Ираке и опасения по поводу ядерной Программы Ирана усилила скептицизм по поводу проекта Nabucco [5].

Несмотря на политическую волю правительств Турции и Азербайджана, глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. еще больше подорвал инвестиционные перспективы для дорогого проекта Nabucco. В результате, проект Трансанатолийского трубопровода (TANAP) трубопроводное соглашение между Азербайджаном и Турцией, заменило более крупный Nabucco в декабре 2011 г. В 2013 г. проект «Набукко» был официально закрыт, приоритетным стал Трансадриатический газопровод, а планировавшиеся поставки газа с месторождения Шах-Дениз из Азербайджана под вопросом. Не исключена возможность, что проект «Набукко» в конце концов будет реализован в связи с запуском в 2018 г. Трансанатолийского газопровода (TANAP) через Турцию от Грузии до Греции.

Была пересмотрена роль энергетической безопасности во внешней политике Турции и ввиду идеологических соображений, а также социальны-

ми и политическими потрясения на Ближнем Востоке, что также способствовало сближению Турции с Россией и Ираном.

Турция импортирует около 74% своей первичной энергии, в которой нефть и природные газ приходится 60%. Распределение турецкого импорта нефти и природного газа по странам между 2005-2008 и 2017 гг. демонстрируют, что Россия по-прежнему имеет самую высокую долю в импорте природного газа Турции, в то время как занимает третье место в импорте нефти Турции.

Азербайджан по-прежнему занимает третье место среди турецких поставщиков природного газа, хотя у него нет значительной доли в турецком импорте нефти. Казахстан имеет стабильную долю и занимает шестое место в десятке крупнейших поставщиков нефти в Турцию, в то время как Туркменистан не имеет доли в турецком импорте нефти или природного газа. Соответственно, Россия и Азербайджан в настоящее время являются важными странами в Евразии для энергетической безопасности Турции. Трубопроводным импортом природного газа преимущественно из России имеет решающее значение для критериев доступности и надежности поставок в Турцию с точки зрения энергетической безопасности. С другой стороны, с начала работы трубопровода TANAP в июне 2018 г., который будет предоставлять дополнительно 6 млрд. куб. природного газа в год из Азербайджана в Турцию, подчеркивает важность доступности и надежность в энергетической безопасности Турции.

Турция импортировала в 2017 г. 82% своих поставок природного газа только из трех стран, а именно Россия, Иран и Азербайджан, и 73% импорта нефти были преимущественно из двух стран – Ирана и Ирака. Несмотря на необходимость диверсификации поставщиков природного газа и высокую зависимость от трубопроводов импортируемый газ в энергетической структуре Турции, газ сохранил большую долю в общем объеме импорта в Турцию в период с 2005 по 2017 гг.

Азербайджан остается важным альтернативным поставщиком природного газа, в то время как экспорт российского природного газа по-прежнему имеет решающее значение для энергетической безопасности Турции в среднесрочной перспективе.

Ряд важных энергетических сделок было заключено между Россией и Турцией, несмотря на их продолжающиеся разногласия по поводу сирийского кризиса. В мае 2010 г. подписано межправительственное Соглашение о сотрудничестве по строительству и эксплуатации атомной станции в Аккую на Средиземноморском побережье Турции. В декабре 2011 г. Турция также одобрила трубопроводный проект «Южный поток» Транзит трубопровода через исключительную экономическую зону Турции на Черном море сразу после подписания соглашения TANAP с Азербайджаном.

Антимонопольное расследование Комиссии ЕС, начатое в сентябре 2012 г. против Газпрома, косвенно повлияло на внезапное решение России

отменить проект «Южный поток» и перенаправить газопровод в Турцию. Так, между Россией был подписан меморандум о строительстве газопровода «Турецкий поток» [13].

Окончательное соглашение о «Турецком потоке» было подписано в 2016 г. после периода серьезного ухудшения отношений Турции с Россией. Уничтожение Турцией российского истребителя на турецко-сирийской границе в ноябре 2015 г. представляло серьезную проблему. Был повышен уровень неопределенности для Турции с учетом высокой доли поставок природного газа. До того как Турцию сбили Российский истребитель, так называемый курдский коридор в Сирии, воспринимался как постоянный кошмар Турции о возможности создания независимого курдского государства.

В свете таких значительных изменений в геополитике на Ближнем Востоке необходимость в диверсификации поставщиков природного газа и неопределенность в отношении любых нарушений приграничного импорта газа энергетическая безопасность стала более важным фактором для внешней политики Турции. Хотя Россия ввела санкции против Турции, такие как ряд ограничений на торговлю, однако не было никаких сбоев в экспорте российского газа в Турцию. Тем не менее, переговоры между Турцией и Россией по проекту газопровода «Турецкий поток» были приостановлены в декабре 2015 г. и Газпром отменил на цену на природный газ для турецких компаний в январе 2016 г.

Кризис между Россией и Турцией окончательно закончился, когда президент Эрдоган направил письмо с сожалением президенту РФ В. Путину в июне 2016 г. В письме, Эрдоган выразил соболезнование пилоту, назвал Россию другом и стратегическим партнером. Российско-турецкие отношения заметно улучшились после попытки государственного переворота против правительства Турции в июле 2016 г.

«Турецкий поток» был предложен в качестве альтернативного трубопровода с дополнительным преимуществом, заключающимся в том, что он будет обходить правила и ограничения ЕС с поставкой газа на границе. «Турецкий поток» будет иметь ту же мощность, что и «Южный поток», из которой 14 млрд. куб пойдет на турецкий рынок, чтобы компенсировать прогнозируемый рост внутреннего спроса. Остальные 49 млрд. куб пойдут на рынок ЕС либо для замены газа, поставляемого через Украину, либо для обеспечения дополнительных объемов, если это необходимо [2].

Реализовывая «Турецкий поток», Россия стремилась выполнить свои существующие контракты в то же время, чтобы полностью прекратить торговлю газом с Украиной в 2019 г., когда истек срок двусторонних контрактов.

Это также позволило России сосредоточиться на рынке Юго-Восточной Европы как по коммерческим, так и по геополитическим причинам.

Хотя двусторонние турецко-российские отношения значительно улучшились за последнее десятилетие, особенно в плане экономического со-

трудничества и взаимных инвестиций, политические отношения двух стран остаются сдержанными при этом Турция остается прочно интегрированной в НАТО. Россия и Турция соперничают за региональную гегемонию в Евразии в целом и в Черноморском пространстве в частности, в то время как их историческое прошлое несет для них неблагоприятное наследие XXI век. Совпадение интересов никоим образом не заменила глубоко укоренившиеся конфликтующие разногласия. Например, политика России не нашла положительного отклика и при воссоединении с Крымом. Более того, в то время как Россия поддерживает Армению в ее конфликте с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, Турция встала на сторону Азербайджана, и оба остаются близкими союзниками как в сфере энергетики, так и в сфере безопасности. Грузия привязана к турецко-азербайджанской геополитической и энергетической оси, в то время как Россия воспринимает геополитическую ориентацию Грузии с точки зрения соперничества.

В реализации «Турецкого потока» (вторая нитка была открыта в 2020 г. с мощностью 15,75 млрд. м. куб в год, предназначена для газоснабжения стран Южной и Юго-Восточной Европы) Турция превращается в мощный газовый узел, если также принять во внимание ее транзитную роль для азербайджанского газа. Это усиливает общее положение Турции в регионе. Однако предоставление Турции такой ключевой роли может быть оспорено некоторыми европейскими государствами, такими как Греция и Болгария, чьи отношения с Турцией остаются непростыми и поэтому они не склонны связывать свою энергетическую безопасность с политикой Анкары [12].

Геополитические дискурсы внешнеполитических элит изображают Турцию с гибридной идентичностью и ограниченностью [14. Р. 549-570], согласно которой Турция занимает промежуточное положение как на Западе, так и на Востоке, и для нее часто используют метафоры, такие как «мост» и «перекресток». Действительно, эти концептуальные конструкции также имеют отношение к внешнеполитической концепции энергетической безопасности Турции.

В то время как растущий националистически-консервативный дискурс президента Эрдогана задает тон для внутренней политики, усиливается многовекторная внешняя политика, возрождается евразийская ориентация во внешней политике, возрастает роль энергетического фактора в принятии внешнеполитических решений – это стало новыми элементами во внешней политике Турции [16. Р. 270].

В конце XX века страна была очень подвержена волатильности цен на нефть и газ. Поскольку Турция почти не имеет собственного природного газа, это усиливает ее зависимость от импорта, особенно от российского газа. Поэтому в начале 2000-х гг. было построено гораздо больше заводов по регазификации и газовых хранилищ на случай, если по какой-либо причине будут перекрыты основные международные импортные трубопрово-

ды. Однако рост спроса на электроэнергию в Турции часто переоценивался. Хотя большая часть энергетической инфраструктуры была приватизирована в конце XX в. по состоянию на 2020 г. энергетика оставалась строго контролируемой государством.

В отчете Стамбульского международного центра энергетики и климата за 2020 г. предлагалось «повысить энергоэффективности путем более широкого использования возобновляемых источников энергии, улучшения рынков электроэнергии и природного газа, строительство первых атомных электростанций в Турции, увеличение исследований и разработок в области энергетических технологий, а также продолжение и расширение недавних усилий по открывать и добывать больше природного газа и нефти.

Турция удовлетворяет четверть своего спроса на энергию за счет национальных ресурсов. В 2019 г. страна была почти на 40% зависимой от экспорта из России, она импортирует 99% своего природного газа и 93% нефти.

Чтобы обеспечить энергоснабжение, правительство построило новые газопроводы и диверсифицировало источники энергии. Например, ожидалось, что поставки газа из Азербайджана будут сильно конкурировать с поставками из России в 2020 г. По состоянию на 2020 г. наблюдался избыток мощностей по выработке электроэнергии, однако правительство Турции стремится удовлетворить прогнозируемый рост спроса на электроэнергию путем строительства своей первой атомной электростанции и увеличения количества солнечной, ветровой, гидро- и угольной энергии. Как импортер нефти и газа Турция может повысить надежность поставок за счет увеличения доли производимой ею электроэнергии из возобновляемых источников. В долгосрочной перспективе правительство предполагает снизит зависимость от импорта за счет ускорения развития национальной солнечной и ветровой энергии.

Турция имеет привилегированное географическое положение и стремится воспользоваться этим фактом, выстраивая энергетические отношения с соседними странами. Она расположена рядом с основными странами-экспортерами, но также недалеко от стран-импортеров Европы, что означает, что она находится в центре энергетических коридоров. Через ее территорию проходят маршруты транспортировки энергии, что увеличивает политический вес Турции как важного партнера и как энергетического узла, к статусу которого она стремится.

Очевидна асимметричная взаимозависимость Турции от России в импорте природного газа и значение Азербайджана как альтернативного поставщика природного газа. В то время как богатые газовые запасы Туркменистана в настоящее время недоступны, общие материальные интересы во внутренней политике энергетической политики становятся все более важными, что в свою очередь также влияют на роль энергетической безопасности во внешней политике Турции.

Энергетическая безопасность приобретает все большее значение в западном мире, поскольку некоторые производители энергии используют нефть и газ в качестве политического рычага. Кроме того, наряду с устоявшимися Турция также стремится к гарантированной стабильности и безопасным условиям, чтобы покупать и транспортировать газ и нефть на мировом рынке без каких-либо перерывов или предписаний со стороны производителей.

Турция с приходом к власти Т. Эрдогана проводит внешнюю политику, включив в нее свое понимание энергетической безопасности Турции, а страны импортеры нуждаются в таком надежном партнере. Энергетическая безопасность будет продолжать оставаться одним из ключевых факторов и вызовов внешней политики Турции в предстоящие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аватков В.А.* Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // *Мировая политика*. 2019. № 4.

2. *Куденко А.* Газопровод «Турецкий Поток». Этапы реализации // *Sputnik News*. 2017 // <https://ru.sputnik-news.ee/economy/20170309/5033293/gazoprovod-tureckij-potok-jetapy-realizacii.html>.

3. *Хлопов О.А.* Евразия в энергетической политике Турции // *Социальные науки: social-economic sciences: электронный научный журнал*. 2019. № 4 // <http://academymanag.ru/journal/Khlopov.pdf>.

4. EUR-Lex. Annex to the Green Paper. A European Strategy for Sustainable, Competitive, and Secure Energy: What Is at Stake – Background Document. March 8, 2006 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52006SC031>.

5. *Hays F. Wallace.* The Nabucco Pipeline: A Sober Assessment. Center for European Policy Analysis Report. November 15, 2018. № 18 // <https://cepa.ecms.pl/index/?id=6644cb08d30b2ca55c284344a9750c2>.

6. *Ianrikulu F.* The European Union's Energy Security and Turkey's Role in the Southern Gas Corridor: Interdependence on the Natural Gas Pipeline between Turkey and EU. *eter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften*. 2018.

7. *İpek, Pınar* Azerbaijan's Foreign Policy and Challenges for Energy Security // *Middle East Journal*. 2009. № 63 (2) (Spring).

8. *Kadir U.* U.S.-Turkey Relations Endure Despite Crises // *Insight Turkey*. 2020. № 22 (2).

9. *Köstem Seçkin.* When Can Idea Entrepreneurs Influence Foreign Policy? Explaining the Rise of the 'Turkic World' in Turkish Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2017. № 13 (3).

10. Ministry of Energy and Natural Resources (MENR), Turkey's Energy Strategic Plan 2009-2014.

11. *Mustafa A.* Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // *Turkish Studies*. 2004. № 5 (2).

---

12. *Proedrou F.* What is the Turkish Stream and why does it matter? // Central European Journal of International and Security Studies. 2018. E-Contribution // <http://www.cejiss.org/econtribution/what-is-the-turkish-stream-and-why-does-it-matter>.

13. *Roth A.* In Defeat, Putin Diverts Gas Pipeline to Turkey // New York Times. December 3, 2014.

14. *Rumelili, Bahar & Rahime Süleymanoğlu-Kurum.* Brand Turkey: Liminal Identity and its Limits. Geopolitics. 2017. № 22 (3).

15. *Schröder M. Bettzige M.O.* Turkey as an Energy Hub?: Contributions on Turkey's Role in EU Energy Supply. Nomos Verlagsgesellschaft. 2017.

16. *Tugce Varol.* Energy Policies of Turkey During the Erdogan Era: Facts and Lies. Nova Science Publishers, Inc. 2018.

O.A. KHLOPOV

PhD in Political Sciences

Associate Professor of the Department

of International Relations and Foreign Regional Studies,

Russian State University for the Humanities (RSUH),

Moscow, Russia

TURKEY'S ENERGY SECURITY PROBLEMS

The article analyzes the problem of Turkey's energy security and the role of gas pipeline projects and their impact on Turkey's foreign policy. The growing consumption of natural gas in the world as a source of energy has made Turkey a strategically important partner in the world. Turkey plays a key role within the strategic Turkish Stream gas corridor. The author reveals the interests of Turkey in cooperation with Russia, the position taken by Turkey in relation to natural gas and energy security, examines Turkey's role as a transit country, in addition to its own growing domestic energy market, and uses the latest data on the geopolitics of the various pipelines that pass through Turkey. It was concluded that Turkey is becoming an energy center within the framework of its regional energy strategy, which is aimed to increase its status and influence in the world by expanding strategic cooperation in the field of energy with the EU, Russia and with neighboring countries.

Key words: *energy security, foreign policy, hydrocarbon resources, geopolitics, Turkey, EU, Russia.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.029

УДК 32.327

М.Е. РОДИОНОВА

*кандидат социологических наук,
PR & GR Директор Celebrium Labs, доцент,
доцент Департамента политологии Финансового
университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва*

Н.А. НАЗАРОВА

*кандидат экономических наук, заместитель
директора по персоналу, доцент Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

В.Г. ГИМАЛАЕВ

*кандидат педагогических наук, доцент
кафедры иностранных языков N2 Чувашского
государственного университета имени И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары.*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОСУДАРСТВАХ ЕС

Материал рассматривает такие современные тенденции электоральных процессов стран Европейского союза как миграция, вопросы экологии и инвестиций, гендерная политика в качестве одних из ключевых. Затронута влияние прихода к власти в США Джозефа Байдена, дана оценка конкурентных условий выборных процессов во Франции, Германии, Италии, Польше и ряде других стран Европы.

Ключевые слова: *электоральные процессы, ЕС, современные тенденции, популизм, миграция, экология.*

Совокупность факторов, влияющих на ход и результаты выборов в государствах ЕС, обуславливает актуальность исследования современных тенденций в протекании электоральных процессов. В связи с приходом правого популиста Дональда Трампа в США к власти (2016) и его умеренным изоляционизмом в отношении ЕС стала расти политическая субъектность последнего. Со стороны некоторых политических деятелей отмечаются тенденции отдаления Европейского Союза от США, что указывает на потенциал ЕС как субъекта международной политики, обладающего суверенитетом [6]. Победа Джозефа Байдена на президентских выборах в США

(2020) евро имеет шансы на перехват у доллара статуса главной западной валюты для торговых операций [2]. В контексте настоящего исследования мы исходим из гипотезы, построенной на предположении о том, что характерные для государств ЕС проблемы социально-экономического характера (вопросы миграции, экологии, инвестиций, гендерной политики) наиболее рельефно детерминируются именно в период избирательных кампаний, являясь основой формирования актуальных трендов в протекании электоральных процессов.

На повестке дня ряда выборных процессов Европы стоял на протяжении последних лет экологический кризис. Реальные экологические опасности связаны со все большим загрязнением окружающей среды, потенциальные же опасности – с возникновением техногенных катастроф и перспектив скорого исчерпания невозполнимых природных ресурсов. Опасности того и другого вида чреваты нанесением колоссального ущерба не только здоровью людей, но и политическими и экономическими потрясениями, социальным хаосом. Очевидно, что перед человечеством уже сегодня и в ближайшей перспективе стоит вопрос кардинального изменения взаимодействия с природой.

В настоящее время для ЕС характерны проблемы миграционного кризиса и положения мигрантских диаспор из Ближнего Востока и Северной Африки (это относится к западно- и североевропейским членам организации), необходимости ослабления регуляций рынка труда для более эффективной борьбы с безработицей, необходимости демонтировать или сильно урезать социальное государство при старении населения и низкой рождаемости. Не последнее место в списке проблем ЕС занимает кризис идентичности, характеризующийся провалом политики мультикультурализма, ростом националистических настроений и конфликта интересов между сторонниками «европейской» идентичности и сторонниками мультикультурализма. В этот конфликт интересов добавляются сторонники плавильного котла, среди которых есть два лагеря. Первый из них предполагает интеграцию мигрантов согласно европейской (христианской или светской) идентичности, второй придерживается необходимости развития космополитической модели, считая ее способной разрешить межнациональные противоречия.

Также в ЕС сложился раскол по линии федералистов и конфедератов. Федералисты – сторонники сильной власти Брюсселя, считающие необходимым вмешательство центральных властей в дела национальных государств. Фактически сейчас ЕС реализует на практике федералистскую модель, пытаясь оказывать воздействие на Польшу и Венгрию. Страны-члены ЕС, которые попадают под давление центральных властей, склонны придерживаться тактики конфедератов. Конфедераты в контексте Европейского Союза – сторонники усиления полномочий национальных государств, не поддерживающие вмешательство брюссельских властей во внутренние

дела отдельных членов ЕС (например, вопрос ЛГБТ-сообщества в Польше и реформирование политической системы Венгрии). Начиная с 2010-х годов, конфедераты перестают быть маргиналами в связи с приходом к власти евроскептических (в отношении федерализма) правительств в Польше и Венгрии, а также благодаря росту позиций своих представителей в других странах («Альтернатива для Германии», «Национальное объединение» во Франции, «Лига» и «Братья Италии» в Италии, «Голоса» в Испании). Европейский Союз в настоящее время – это надгосударственное образование, которое могло бы стать фактически федерацией или конфедерацией в 2004 году в случае принятия Европейской Конституции. Однако в таких странах, как Польша, Франция, Великобритания (вышла из ЕС в 2020) наблюдалась сильная оппозиция общеевропейскому единству, поскольку в случае реформирования ЕС эти страны могли потерять свои позиции в Европе. В настоящее время ключевые центры влияния в ЕС – Германия, Франция, Италия, Польша, в меньшей степени Венгрия и Австрия. Это позволяет обозначить политическую систему ЕС как полицентрическую. Сотрудничество между государствами-членами ЕС не отменяет конкурентных отношений между ними.

В настоящее время европейские выборные процессы отличаются ростом конкуренции между политическими силами. Начиная с 2015 года, в европейской политике растут позиции популистов, начинающих теснить мейнстримные политические силы. Политики-популисты стали новым типом воспроизводства правящей элиты, начиная от бывших маргиналов (Маттео Сальвини, Италия) и заканчивая более опытными политиками (Хайнц-Кристиан Штрахе, Себастьян Курц – Австрия). Другим политическим процессом в Европе становятся попытки Германии сохранить ядро «старой» Европы в противовес авторитарным трендам в Польше и Венгрии. Несмотря на конкуренцию между «старой» и «новой» Европой, развивается и более плотное сотрудничество между европейскими государствами (треугольник Варшава-Берлин-Париж). Сотрудничество внутри ЕС укрепляется после выхода Великобритании из Европейского Союза 31 января 2020 года [3]. Европейская интеграция возможна даже в период нахождения популистов у власти – например, президентом Франции является Эммануэль Макрон, пришедший к власти на популистской повестке и не имеющий какой-либо ярко выраженной идеологии.

Выборы в странах ЕС проходят в жестко конкурентных условиях, которые только укрепятся в ближайшие годы. Выборы президента Франции 2017 года произошли на фоне кризиса двух центристских партий (социалистов и республиканцев) при росте рейтинга популистов («Вперед, Республика!» Эммануэля Макрона и «Национальное объединение» Марин ле Пен). Во второй тур прошли именно эти два кандидата. Германские выборы в Бундестаг 2017 года отметились кризисом Христианско-Демократическо-

го Союза/Христианского Социального Союза (ХДС/ХСС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ), в то время как рейтинг «Альтернативы для Германии» (особенно в бывшей ГДР) заметно вырос. Итальянские парламентские выборы 2018 года также отличились кризисом социал-демократов (Демократическая партия) и консерваторов («Вперед, Италия» Сильвио Берлускони), электорат которых отошел к «Движению пяти звезд» (популистская партия «Большого шатра») и «Лиге» Маттео Сальвини (правая популистская партия). Год спустя стала наращивать влияние более радикальная популистская партия «Братья Италии», имеющая перспективы вступить в коалицию с «Лигой» после парламентских выборов 2023 года. В Испании в 2019 году впервые прошла в парламент правая популистская партия «Голос». Следует отметить, что в Испании такие политические силы были маргинальными даже в первые годы миграционного кризиса (2015-2017, сейчас кризис продолжается). В Австрии до 2019 года высокий рейтинг имела Австрийская Партия Свободы (АПС), отличавшаяся правыми популистскими настроениями. Ее риторику, в том числе и критику миграции, переняла мейнстримная Австрийская Народная Партия (АНП), представитель которой Себастьян Курц с 2017 года является федеральным канцлером. До 2019 года в австрийском парламенте существовала коалиция АНП и АПС, причем первая переняла часть программы второй для повышения рейтинга.

В Польше с 2015 года двухпартийная система («Право и справедливость», национал-консервативная партия, и «Гражданская платформа», либеральная партия) начинает трансформироваться в систему с доминирующей партией. «Право и справедливость» Ярослава Качиньского разгромила оппонентов на парламентских выборах осенью 2015 года, несколькими месяцами ранее выиграв выборы президента (им стал Анджей Дуда). В 2019 году эта партия снова победила на выборах в парламент, сформировав правительство меньшинства в Сенате и сохранив позиции в Сейме. Год спустя, в период пандемии COVID-19, Анджей Дуда был переизбран на второй срок. Во время пандемии прошли парламентские выборы в Словакии, где победителями стали «Обычные люди» (консервативная популистская партия), а правящая социал-демократическая партия «Курс – социальная демократия» потерпела историческое поражение.

Популизм – и политическая технология, и политическая идеология. Одна из ключевых технологий, применяемых в рамках популизма – кандидат олицетворяет образ кандидата от «Народа» («Своих»), выступающего против «Элиты»/«Брюссельской бюрократии» («Чужих»), в меньшей степени иммигрантов (еще одних представителей «Чужих»). Это можно охарактеризовать как политику харизматичности. Эксплуатация образов «Своих» и «Чужих» («Других») происходит в рамках политики Другого (Чужого).

Другие ключевые европейские проблемы – это миграционный кризис (2015 – н.в.) и экология. Популистская риторика, особенно правого крыла,

получила распространение благодаря нерешенности проблемы миграции в ЕС в целом. На этом вопросе повысила свою популярность «Альтернатива для Германии», сыграв на националистических настроениях в основном избирателей из Восточной Германии. Экологическая проблема в европейских странах связана с ростом промышленного потенциала, автомобилизацией, увеличением потребления. Отсюда происходит рост загрязненности не только городов, но и сельской местности, вместе с ростом количества выбрасываемого мусора. Экологическая повестка сосредоточена на развитии экологически чистого транспорта, совершенствовании технологий с целью уменьшения вредных выбросов, строительстве мусороперерабатывающих заводов, развитии раздельного сбора мусора.

Для продвижения миграционной, экологической и других повесток необходима качественная политическая пропаганда, для которой нужно финансирование. Политическая пропаганда кандидатов и партий активизируется в рамках избирательных кампаний, в связи с чем набирает актуальность вопрос финансового обеспечения предвыборных мероприятий. Во многих европейских странах практикуется государственное финансирование, размер которого зависит чаще всего от результатов выборов. Законодательства ключевых европейских стран свидетельствует о том, что государственные власти заинтересованы в формировании политических институтов.

Еще одним значимым вопросом является инвестиционная миграция – привлечение квалифицированных специалистов для проживания в ЕС, в том числе и для ведения бизнеса. Предполагаются инвестиции в инфраструктурные проекты Европейского Союза. Во внимание «плана Юнкера» более 700 тысяч малых и средних предприятий Европы, для которых серьезно упростили доступ к финансированию. При этом половина субсидий пришлась на энергетический сектор. Таким образом, в ЕС поддерживается развитие малого и среднего бизнеса как одной из основ экономики региона.

Помимо экономических вопросов, в европейских странах еще одним направлением становится гендерная политика. Основой гендерной политики становится концепция «нового гендерного порядка», основанная на равноправии мужчин и женщин, и коренным пересмотром прошлых норм – как формальных, так и неформальных. Изменение социального положения женщин сформировало новую (в сравнении со 100 годами ранее) гендерную политику. Растет актуальность участия женщин в политике, однако гендерная политика ЕС имеет серьезные проблемы. В странах ЕС по состоянию на 2020 год доля женщин в национальных парламентах составляет 29,9% [5]. Наибольшей представленностью женщин в парламентах отметились страны Северной Европы (в том числе не члены ЕС – Норвегия и Исландия), Германия, Австрия.

Таким образом, в настоящее время европейская политика тесно связана с ростом политической конкуренции. Свертывание политической конкурен-

ции в Польше и Венгрии в 2010-е годы – скорее исключение, чем правило. В период предвыборных кампаний активно обсуждаются миграционный, экологический и другие социально-экономические вопросы. В меньшей степени развивается повестка гендерного равенства в связи с решением ключевых проблем в части стран ЕС, Норвегии и Исландии.

Основываясь на тезисе, что избирательные процессы завязаны на межличностных отношениях, необходима целостная концепция, описывающая взаимодействие политического кандидата с его электоратом, а также взаимодействие сторонников и противников кандидата среди избирателей в какой-либо стране. Она может помочь разрешить недостатки, возникающие при концентрации исключительно на социально-экономическом аспекте электоральных процессов. Один из ключевых недостатков – неблагоприятная социально-экономическая ситуация (например, рост нелегальной миграции и преступности среди иммигрантов) не помогает победить на выборах кандидату, который специализируется на данной тематике. Так произошло с Марин ле Пен, разгромно проигравшей второй тур французских президентских выборов 2017 года.

Европейский Союз имеет потенциал для развития – и экономического (благодаря развитию экономических свобод), и политического (возможное развитие большего изоляционизма в США). В ближайшие 5-10 лет вероятно продолжение раскола по линии федералистов и конфедератов, то есть сторонников сильной брюссельской власти и сторонников расширения полномочий национальных государств соответственно. Правящий мейнстрим из Европейской Народной партии (ЕНП), Партии европейских социалистов и демократов (ПЕСД), Альянса либералов и демократов за Европу (АЛДЕ – Обновим Европу) не имеет серьезных рисков для своего господствующего положения. «Зеленые» (Европейская партия зеленых) и Альянс европейских консерваторов и реформистов (АЕКР) продолжают находиться в рамках «конструктивной» (близкой к мейнстриму) оппозиции. Европейские объединенные левые/Левые зеленые Севера (GUE-NGL на английском) сохраняют статус оппозиционной политической силы без всяких перспектив к росту: она строится лишь на популизме, к тому же часть его электората может перейти к «Зеленым». Сложное положение существует у Европы за свободу и демократию (ЕСД) и Европы наций и свобод (ЕНС). Обе партии относятся к правым популистам, однако первые намного умереннее и имеют более либеральную повестку. Перспективы прихода к власти имеют представители ЕНС – например, сделавший тактическое отступление итальянец Маттео Сальвини, лидер «Лиги». «Братья Италии» – представители АЕКР, имеющие все шансы стать партнерами Маттео Сальвини после выборов в парламент в 2023 году. ЕСД не зарегистрировалась как политическая партия и как минимум до 2024 года прервала свое существование. Ее члены работают как независимые депутаты. Популисты как новая политическая сила представлены в основном в ЕНС.

В результате данного исследования можно сделать следующие выводы. Конкуренциоспособность европейских электоральных процессов имеет тенденцию к росту в связи с увеличением влияния популистских партий и лидеров. Популистские политические силы тяготеют к персонификации партии, что было рассмотрено на примере Себастьяна Курца, Маттео Сальвини, Эммануэля Макрона, в меньшей степени Марин ле Пен. Политический лидер-популист выстраивает с избирателями стратегию харизматичности (создания образа харизматичного лидера), дополняя ее имиджем кандидата от «народа». Популизм становится, как и идеологией, апеллирующей к широким народным массам, так и политическими технологиями. Политические технологии, применяемые популистами, в целом нацелены на персонификацию «народной» политической силы, в том числе с целью противопоставления «безликой» брюссельской бюрократии. В период предвыборной кампании решающим фактором становится имидж политического кандидата, который должен стать привлекательным для большинства электората. Вышеуказанные политики отметились успешной работой в этом направлении.

Во время прихода к власти популисты склонны менять партийно-политический ландшафт в своих странах. Это произошло в Венгрии (2010), Польше (2015-2020) и в настоящее время происходит в Словакии. Левый популизм в Европе развит далеко не так сильно, как популизм правого крыла и «большой шатер». Новый тип политического лидера, к которому относится Эммануэль Макрон, выглядит шире правого популиста, так как объединяет представителей практически всех взглядов (кроме самых радикальных). Для успешного исхода избирательной кампании необходимо формирование имиджа политического кандидата, который отвечает запросам широких слоев населения. Себастьян Курц, Маттео Сальвини и в большей степени Эммануэль Макрон стали лидерами нового типа. Это произошло в том числе и благодаря грамотным политтехнологиям со стороны профессионалов в этой области. Популисты могут успешно функционировать в случае кризиса традиционных партий, однако могут не иметь позитивной повестки, что ограничивает возможности для их развития. Для сохранения позиций, взятых в кризисы, им необходима координация с мейнстримными политическими силами. Также такое сотрудничество – ценный ресурс для возможности взятия власти. Наиболее благоприятный период для оппозиционности популистов – более мирный период, так как у мейнстрима в случае наличия политической воли есть шансы выходить из кризиса. Это показала ситуация в Германии в период пандемии COVID-19, когда правящая ХДС/ХСС практически вернула себе позиции, утраченные в связи с миграционным кризисом.

Одна из самых обсуждаемых вопросов в европейских предвыборных процессах – это миграция. Масштабная миграция привела за собой рост

преступности, что стало ключевой причиной роста рейтинга правых популистов. Даже мейнстримные политические силы, такие как ХДС/ХСС в Германии, поддерживали ужесточение миграционной политики. «Альтернатива для Германии», напротив, изначально отличалась крайне радикальной повесткой, за счет которой и получила популярность, особенно в Восточной Германии. Немецкое общество в период миграционного кризиса оказалось более склонно поддерживать радикальные взгляды «Альтернативы для Германии», чем более умеренные предпочтения ХДС/ХСС. Аналогичное произошло в 2018 году в Италии, когда из-за критики нелегальной миграции на парламентских выборах значительно укрепила свои позиции «Лига» Маттео Сальвини. Себастьян Курц (Австрия) в рядах умеренно консервативной Австрийской Народной Партии (АНП) пошел на сотрудничество с Австрийской Партией Свободы (АПС) и перенял часть ее повестки, в дальнейшем увеличив влияние своей партии в парламенте. Успешно реализуемые мероприятия против нелегальной миграции и ее последствий (приравнивание исламизма к сепаратизму [4; 1], ужесточение антитеррористической политики – с 2018 года не было ни одного теракта во Франции, активный отъезд мигрантов в Великобританию) происходят и в администрации Эммануэля Макрона. Это свидетельствует о том, что миграционный вопрос вышел далеко за рамки дискурса правых политиков, которые на нем не специализируются. В то же время, миграционный вопрос неактуален для «новых» членов ЕС в связи с низкой привлекательностью этих стран для мигрантов из Ближнего Востока и Северной Африки.

Другим вопросом всеевропейского значения становится экология, которой озабочены жители стран Северной Европы (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия). Несмотря на лидерство Дании и Швеции в области экологии, жители этих стран считают, что данному вопросу необходимо уделять больше внимания. Экологическую повестку из политических партий защищают «Зеленые», влиятельные в Австрии, Германии, Нидерландах, Дании, Швеции, Финляндии. В Испании и Франции местные «Зеленые» маргинальны, однако вопросы экологии обсуждаются в локальной политике этих стран. В Испании есть потенциал для развития у независимых экологических организаций, что делает непопулярными именно политические партии подобного типа. Уделение внимания экологии со стороны французского государства стало причиной маргинальности «зеленых» политических сил во Франции. В настоящее время они не имеют никаких перспектив для развития.

Экологическая повестка усугубляет традиционный в ЕС конфликт интересов «Запада» и «Востока» – «старых» и «новых» членов организации. Ужесточение экологических регуляций может обернуться разгромом польской промышленности, в первую очередь угольной. Таким образом произойдет откат от успехов в лоббировании интересов национальной промышленности в Польше до вступления в ЕС (1994-2004). Правящая партия «Право

и справедливость» отстаивает интересы угольной промышленности, тем самым формируя особое место Польши в ЕС. Экологическая политика ЕС расширяет возможности создания такого имиджа Польши.

В целом «Зеленые» выступают за социальную справедливость, борьбу с дискриминацией и гендерное равенство, параллельно с этим акцентируя внимание на экологии. Они довольно близки к социал-демократам в вопросе идеологии, но выглядят более радикально. Редкие исключения – популистская Польская Крестьянская партия (младший партнер либералов из «Гражданской платформы») и Союз зеленых и крестьян в Латвии (защита интересов сельского населения).

Повестка «Зеленых» нашла популярность на выборах в Европарламент в 2019 году, когда эта партия стала одной из их бенефициаров. Это свидетельствует о заинтересованности населения ЕС экологической тематикой. Следует отметить и заслуги «Зеленых» за рамки экологии в своих политических программах.

Также в странах ЕС уделяется внимание развитию малого и среднего предпринимательства (МСП), для чего функционируют специальные инвестиционные миграционные программы с возможностью субсидирования их участников. Ключевым получателем государственных субсидий в странах ЕС стал энергетический сектор.

Последним значимым вопросом в европейской политике становится гендерное равенство. Однако универсальной для всех европейских государств эта тема не является из-за решения вопроса в странах Северной Европы из-за декретов для отцов, социального обеспечения матерей в период декрета (и сохранения рабочего места), квот для представительства женщин в парламентах. Ситуацию с квотами для женщин в восточноевропейских странах, в том числе не членах ЕС, еще долго предстоит обсуждать. Это свидетельствует о том, что обозначение какой-либо социально-экономической проблемы в европейской политике носит слишком упрощенный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Британия и Франция оказались на грани скандала из-за нелегалов // Вести // <https://www.vesti.ru/article/2439769>.
2. Евро готов к мощному прыжку // Рамблер Финансы // <https://finance.rambler.ru/markets/44749993-evro-gotov-k-moschnomu-pryzhku/>.
3. Польша и Франция решили вернуться к «Веймарскому треугольнику» // Взгляд // <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2020/2/3/1021753.html>.
4. Президент Франции расширил понятие «сепаратизм» // Коммерсант // <https://www.kommersant.ru/doc/4519365>.
5. См. вложение №3 Средние мировые и региональные показатели представленности женщин в парламентах, 1995 год и 1 января 2019 года // Inter-Parliamentary Union – Women in Politics: 2020 // <https://www.ipu.org/resources/publications/infographics/2020-03/women-in-politics-2020>.

---

6. Politico: Меркель раскритиковала главу МИД Германии за призывы отдаляться от США // RT на русском // <https://russian.rt.com/inotv/2018-08-24/Politico-Merkel-raskritikovala-glavu-MID>.

M.E. RODIONOVA

*PR & GR Director of Celebrium Labs,
Candidate of Social Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science
of the Financial University of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

N.A. NAZAROVA

*Deputy Director for Personnel,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science of the Financial University
of the Russian Federation, Moscow, Russia*

V.G. GIMALIEV

*Doctor of Philosophy, Associate Professor
of Department of foreign languages N2, I.N. Ulyanov
Chuvash State University, Cheboksary, Russia*

CURRENT TRENDS IN ELECTORAL PROCESSES IN THE EU COUNTRIES

The material considers such modern trends in the electoral processes of the European Union countries as migration, environmental and investment issues, gender policy as one of the key ones. The influence of Joseph Biden's coming to power in the USA is touched upon, an assessment of the competitive conditions of electoral processes in France, Germany, Italy, Poland and a number of other European countries is given.

Key words: *electoral processes, EU, current trends, populism, migration, ecology.*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ АРАБСКИХ СТРАН

В статье рассматриваются особенности становления и эволюции территориально-политического устройства арабских государств, расположенных на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Автором продемонстрированы особенности влияния доколониального и колониального прошлого арабских стран на современную систему взаимоотношений «Центр – регионы». На основе изучения попыток Саудовской Аравии и Египта по внедрению элементов федерализма в свою политико-правовую практику автором сделан вывод, что регионализация и федерализация данных государств направлены скорее на решение тактических и конкурсных задач. Становление и развитие федерализма испытывает существенные трудности в данном регионе по причине тяготения данных стран к авторитарному правлению и первоначальному негативному отношению к идее федерализма.

Ключевые слова: федерализм, ассиметричный федерализм, Саудовская Аравия, Египет, регионализация, децентрализация.

Колониальное/предгосударственное прошлое. Тяжелое колониальное бремя для всех арабских государств состоит в том, что они, несмотря на этнорелигиозную гетерогенность, должны попытаться внутри произвольно обозначенных границ достичь национальной идентичности как главной политической составляющей соотношения лояльности. Если «nation-building» (формирование нации) в федеративном государстве, как в США, Канаде или Швейцарии, удалось, то оно следует принципу «coming together federalism» (федерализму сближения), т.е. добровольному объединению самоуправляемых территорий в большую национальную единицу. В арабских государствах этнотерриториальные и племенные (общинные) союзы ко времени начавшихся «процессов построения нации» не были организованы как политические единицы. Частично они еще и сильно отделились друг от друга, сознательно предпочитая определенные локальные меньшинства в Сирии

и Месопотамии в 1920-е-1930-е гг. и благодаря британским и французским колонизаторам. В результате нового, навязанного извне регионального миропорядка после окончания первой мировой войны (1) им была дана новая государственность как «fait accompli» (свершившийся факт) или как ожидаемый результат дальнейшей имперской экспансии (речь идет о Французском Мандате и Английском Мандате). Попытки централизованного государства интегрировать этническую дифференциацию, подавить ее или игнорировать полностью не удалось нигде, и результатом в большинстве случаев стало усиление государственных репрессий (например, в отношении курдского меньшинства в Турции) [3. С. 30]. За пределами столиц сохранилась предгосударственная лояльность как ядро политических связей, что бросает вызов государственной власти или находится с ней в волотильном симбиозе.

Историческое исследование арабского мира показывает, что досовременные и раннесовременные идентичности, как и образование человеческих имен (по-арабски – nisba – «человек мог также именоваться по названию той страны или местности, где родился или откуда приехал, что соответствует части имени, называемой «нисба»), часто жестко привязаны к городу или местности (например, горный хребет Ливан, Шуф и т.д.). После получения независимости внутренние регионы и региональные идентичности формально перестали играть большую роль, но региональные идентичности сохранились в исторической памяти людей. Это касается не всех стран арабского мира, но при взгляде на образование государств прежде всего арабского полуострова видны различные зависимости: Арабский полуостров за исключением Адена и нескольких опорных пунктов британцев в Персидском заливе (2) не был целью аналогичного имперского продвижения. Так, образование государств (Саудовской Аравии в 1932 г.) не было инициировано извне, а стало результатом развившихся внутривнутриполитических процессов в «государственной конструкции». Совокупность интерактивных и властных (из времен догосударственного племенного общества) методов стала источником нормативности для институциональной структуры Саудовской Аравии, что до сего дня с одной стороны определяет территориальность власти в 13 провинциях и, с другой стороны, деноминацию всех парламентских (Кувейт и Бахрейн) и близким к парламентским (Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ и Оман) институтов [4]. Все институты используют понятие «меджлис» (Majlis) как социополитическую традицию собраний в племенных или родовых сообществах.

Регионализация и неопатримониализм. В последнее время в исследовательской литературе все чаще встречается единое мнение относительно неопатримониальных связей в арабском мире [1. С. 112-115]. Политическая релевантность неопатримониальных связей как в отношении вопросов центральной власти, так и в вопросах управления на периферии, как правило, только формально констатируются. На наш взгляд, в арабском мире

в процессе формирования автономных регионов и передачи им полномочий достаточно часто можно наблюдать субъективный фактор в виде патронажа и протекционизма. Неформальная/общественная территориализация имеет в арабском мире, в отличие от классических европейских случаев, куда большее значение, чем конституциональная. Но хотелось бы отметить и некоторые особенности регионализации на Аравийском полуострове: во-первых, практически полное отсутствие государственных институтов и государственной бюрократии к началу строительства государственности, прежде всего, в 1970-е (и в 1930-е в случае Саудовской Аравии); во-вторых, пролиферация вертикальных властных связей на основе семейно-родственных отношений.

Политическая территориализация и этнически-конфессиональный плюрализм. Исторически обусловленное, отфильтрованное восприятие стратегий децентрализации по-видимому воспринимает понятие «регионализация» в контексте глобальных дебатов как «добросовестное управление», в то время как федерализм воспринимается в большей степени негативно, как опасность для властных притязаний центра (централизованного государства). С этим тесно связано отсутствие мультиэтнического, мультиконфессионального и мультикультурного общества на территориальной основе. Эта социальная модель воспринималась как угроза властным амбициям сегодняшних элит. Так, Саудовская Аравия благосклонно одобрила неудачу «первых шагов» федерализма после 2003 г., но диффузия такой государственной организации как пример для маргинализованных шиитов в богатых нефтью саудовских восточных провинциях была опасностью политическому и религиозному доминированию суннитской правящей династии Аль-Сауд.

Такое политизирование общественного многообразия может быть непосредственно связано с территориализацией политики и ее центральной и региональной структуры. Следующие факторы, которые должны предопределить политическую территориализацию, – это требования разделения власти по экономическим основаниям или из-за неэффективности управления со стороны центра в существенных политических вопросах. Кроме того, в повестку дня в качестве причины политической регионализации приходят «top-down» процессы («сверху вниз»), как формы управления, делегирования задач или формирования общественного контроля. Последние процессы предусматривают, во-первых, такую государственную сущность, которая может устанавливать приоритеты с помощью абстрактного, т.е. не связанного с личностными связями, правового государства, но не может рассчитывать на альтернативные пути и лояльность при решении государственных проблем. Во-вторых, это предусматривает политическую респонсивность, которой в авторитарных режимах нет или она сильно ограничена, даже если бы она и включала в себя частные / более мелкие задачи и смещение ресурсов власти.

На примере Египта мы видим, что региональная административная структура данного государства традиционно отличается выраженным централизмом государства и власти, обусловленным многими факторами: географической закрытостью долины Нила, вытекающими отсюда демографической сконцентрированностью на плодородной части страны (около 5% государства) и социально-исторической государственностью, отличающейся асимметрией власти между центром и периферией в пользу сильной центральной власти. Вопреки централизованным традициям государства и власти, региональные уровни власти нуждаются в оперативной перестройке государственной политики с целью снижения региональных и социальных диспаритетов. Формирование региональных структур – есть главный и актуальный принцип египетской правительственной политики со времени основания Республики в 1953 г. в разных своих проявлениях. Но в свете переформулирования конституции после краха режима Мубарака принцип получил новую динамику. И вряд ли удивительно, что несмотря на постоянные дискуссии, до сегодняшнего дня не было предпринято хоть сколько-нибудь заметных шагов в направлении построения федерализма в Египте.

Действующая конституция Египта 2014 г. [2] предусматривает фундаментальное разделение вертикальной структуры власти на 3 уровня: 27 провинций, города и села. На основании очень неравноценного разделения населения на отдельных частях страны, египетский закон проводит различия между городскими советами управляющих, которые и далее делятся на административные структуры. Городские советы управляющих делятся на дистрикты и далее на так называемые кварталы (*sheyakha*), как функциональные единицы без собственного правового статуса. Советы управляющих сельского характера делятся на регионы (*markaz*), города (*madina*) и деревни (*gariya*). Эти 5 управленческих структур (советы управляющих, дистрикт, регион, город, деревня) – это формальные функциональные уровни местного управления. Все управленческие уровни ответственны перед вышестоящими. Во главе совета управляющих стоит назначенный президентом губернатор, чей ранг соответствует тому же в кабинете министров, и он как правило – выходец из армейского генералитета или полицейского аппарата. Формально он – представитель президента в рамках совета управляющих и обладает широкими исполнительными полномочиями (в повседневных политических вопросах он ответственен перед премьер-министром) в отношении регионального и социального развития своего совета. Шефы регионов и бургомистры (*umda*) городов и деревень с 1994 г. назначаются правительством. Связующим звеном с правительством в Каире является возглавляемый премьер-министром Высший совет местного управления (*al-majlis-al-aalali-l-idaraal-mahalliyya*), который был учрежден еще президентом Камалем Абдель Нассером. (Политическая ответственность за развитие регионов воплотилась в создании в 1999 государственного министерства ло-

кального развития. Процессы формирования и принятия политических решений в региональном и социальном развитии следуют «top-down-модели», и они – не результат подлинного участия «снизу-вверх» (bottom-up – модели).

Легитимация на локальном уровне основывается только рудиментарно на партиципаторных механизмах: местные советы на уровне городов, деревень и дистриктов утверждаются народом на свободных выборах, которые отличаются рестриктивными избирательными механизмами в отношении подбора кандидатов, очень ограниченным участием и регулярным переносом сроков. Все остальные должности заняты представителями более высоких уровней, а их полномочия определяются принципом делегирования. Описанные нами сложные управленческие структуры дополняются другими, часто конкурирующими, ведомствами, которые отвечают за выполнение специфических правительственных мероприятий и подчиняются непосредственно соответствующим министерствам (например, «Sinai Development Authority» в дополнение к национальному «Tourism Development Authority»). Наглядный пример – последние планы по новой столице – подтверждают эти выводы.

Деконцентрация вместо децентрализации. В истории Египта со времен Нассера традиционно заметны усилия по поддержке по всей стране инфраструктурных проектов и отстраивания периферийных городов в окружении Каира (города-спутники) и в Верхнем Египте, чтобы снизить внутреннее движение в рамках быстро растущей столицы и тем самым разгрузить урбанистические центры Нижнего Египта.

Особенно явно это видно на примере самого большого сегодня проекта режима Аль Сиси – новой столицы с официальным названием «Capital City». Всего за 7 лет, до 2022 г., в пустыне восточнее Каира должен вырасти город на 5-7 млн жителей с новым международным аэропортом. Реализоваться эти планы должны с помощью международных инвесторов совместно с ключевыми вето-акторами Египта – египетскими вооруженными силами, которые, как некий невидимый конгломерат из фирм, долей в предприятиях и инвестиций, бывших военных высшего ранга, имеют по разным оценкам до 40% экономического объема страны. Правительственные СМИ объявили в 2016 со ссылкой на египетское министерство жилищного строительства о том, что строительным фирмам было поручено развитие инфраструктурных проектов. Конкретно речь идет о китайско-египетском альянсе, в который с египетской стороны входят фирмы, близкие к президентскому дворцу и армейской верхушке; конкретно – находящийся большей частью в собственности строительный гигант «Arab Contractors (El – MokawloonEl-Arab)», «Petroleum Projects and Technical Consultations Company (Petrojet)» и китайское госпредприятие «ChinaStateConstructionEngineeringCorporation (CSCEC)». Китайский партнер – CSCEC должен, по словам египетских СМИ, выступать как кредитор для местных предприятий. Это стало одним из результатов посещения Аль Сиси Китая в 2015 г.

Локальный уровень. Проекты децентрализации в Египте (и в историческом контексте) – это попытка деконцентрации для того, чтобы снизить плотность населения в городских центрах на Ниле (Каир и дельта Нила). Эта централизованная государственная консолидация восходит ко временам начала имперской экспансии европейских властей с 1798 г. (с краткосрочным завоеванием страны Наполеоном). Но еще и под османским владычеством (Египет как провинция) Каир был культурным и экономическим центром, но с началом правления Мохаммеда Али в 1805 г. политика последовала эксплицитному централизованному государственному подходу, что коррелировалось и с экономической централизацией (торговлей хлопком). Фаза европейского имперского влияния это только усилила, и основание Республики Египет Нассером в 1950-е г. после следовало принципу централизованной государственной консолидации и выраженного этатизма. Подходы к регионализации, призванные решить проблемы управления (например, на Синайском полуострове или на Верхнем Египте), служат, прежде всего, личным связям тех, кто располагает хорошими отношениями с политическим центром, с президентским дворцом и ассоциируемыми с ними вето-акторами (прежде всего – Армией). Даже при том, что в действующей конституции локальному управлению обещана самостоятельная роль, все говорит о том, что это – «подраздел» в цепи исполнительных полномочий. Локальное управление следует понимать или в широком контексте проведения политики централизованного государства или в контексте более эффективного прямого (без иерархических уровней) управления. Настоящая политическая территориализация этнического плюрализма, например, на Синайском полуострове, с большим количеством бедуинов в местном населении, не в интересах центрального правительства.

Напротив, традиционно менее лояльно воспринимаемые центром бедуины становятся объектом эскалации государственных репрессий и дискриминации. Из-за значительной передачи заказов по развитию инфраструктуры предпринимателям из Каира возникающие рабочие места заполняются исключительно трудовыми мигрантами из глубины страны, которые к тому же (в силу множества возможностей найти работу) привлекаются и к работе, и в неформальном секторе сферы услуг. Местное население постепенно вытесняется, и их традиционные источники дохода с ростом туристической отрасли «конфисковываются». Включение локальных, часто племенных групп населения – не в приоритетных интересах государства в силу политики безопасности; бедуины воспринимаются египетскими политиками как фактор риска в вопросах безопасности и как коллаборационисты джихадистских группировок (прежде всего, «AnsarBaytal-Magdis», которая присоединилась в 2015, как и «Provinsinai» (WilayatSinai) к «ИГИЛ»).

Вывод. Федерализм требует множества условий. Демократизация и федерализация идут рука об руку, т.к. федерализм выстраивает поли-

тический порядок власти снизу соответственно принципу субсидиарности. Если субсидиарное разделение власти отсутствует, как в автократиях, власть осуществляется только через каналы государственного центра. Тогда федерализм невозможен в принципе, но возможна децентрализация: это подтверждает значительный рост стратегий децентрализации в регионе с начала 1990-х гг. Египет следует с этого времени усиленным стратегиям децентрализации, чтобы, с одной стороны, решить управленческие проблемы, снизить социально-региональные диспропорции и при этом обеспечить защиту власти; а с другой стороны, – обеспечить выполнение требований международных организаций – доноров, которые со своей стороны поощряют децентрализацию как подготовительный этап к «good governance» (эффективное управление).

Более близкий взгляд на пример Египта и результаты исследований, проливающие свет для других арабских государств, указывают на систематические трудности (ограничение возможностей) стратегий децентрализации из-за присутствия элементов автократического правления. Препятствия также усиливаются в силу традиций централизованного государства, которые объясняются не только колониальным наследием, но и другими, предгосударственными специфическими факторами (например, родовыми/племенными обществами). Сплетение децентрализации с характером политического правления приводит к некорректному влиянию форм и следствий децентрализации в условиях зависимости вовлеченных неопатримониальных связей от патронажа и протекционизма, что, безусловно, должно стать предметом еще более тонкого исследования. В сущности, федерализм в этом регионе традиционно имеет негативную окраску восприятия. Этнически-религиозное многообразие могло бы найти решение, на наш взгляд, через особую форму политической территориализации и тем самым иметь механизмы против власти централизованно ориентированного автократического режима. Надежда на федерализм как на модель, способную решить конфликты, была привнесена в арабский мир извне. Более реальными альтернативами здесь представляются распад государства или автократия. Текущая политика некоторой децентрализации представляется здесь прямой, открытой попыткой к демократическим преобразованиям, но на промежуточной и конъюнктурной основе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В связи с чрезмерным правовым нагромождением в рамках версальско-вашингтонских договоренностей.

(2) В форме договора с локальными племенами, семьями и главами кланов: «trucialstates» – Договорный Оман.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белоконь А.Ю. Неопатримонализм в современной Африке // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2015. № 4-2.
2. Конституция Египта // <https://worldconstitutions.ru/?p=1013>.
3. Кудряшова Ю.С. Региональная безопасность Турции в контексте курдской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1 (10).
4. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/federalizm-v-yemene-na-oblomkakh-schaste-slozhno-stroit/>.

E.E. KOCHETKOV

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor of the Department of History of the
Russian University of Transport (МИТ),
Moscow, Russia*

PROBLEMS AND PROSPECTS OF FEDERALIZATION AND REGIONALIZATION OF SOME ARAB COUNTRIES

The article examines the features of the formation and evolution of the territorial and political structure of the Arab states located in the Middle East and North Africa. The author demonstrates the features of the influence of the pre-colonial and colonial past of the Arab countries on the modern system of relations "Center – regions". Based on the study of the attempts of Saudi Arabia and Egypt to introduce elements of federalism into their political and legal practice, the author concluded that the regionalization and federalization of these states are aimed rather at solving tactical and competitive problems.

The formation and development of federalism is experiencing significant difficulties in this region due to the gravitation of these countries to authoritarian rule and the initial negative attitude towards the idea of federalism.

Key words: *federalism, asymmetric federalism, Saudi Arabia, Egypt, regionalization, decentralization.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.031

УДК 32.327

А.В. МОИСЕЕВ

*кандидат военных наук, заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации, профессор,
профессор кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности
Дипломатической академии МИД России,*

Россия, г. Москва

Р.Н. ШАНГАРАЕВ

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии МИД России, член-корреспондент Академии военных наук
и Российской академии естественных наук,*

Россия, г. Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО СНИЖЕНИЮ УРОВНЕЙ ГЛОБАЛЬНЫХ ЯДЕРНЫХ УГРОЗ: КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКА

Действующие международные механизмы не в полной мере отвечают глобальным ядерным вызовам. Глобализационные процессы привели к тому, что разрозненный мир с ядерным оружием и ядерными технологиями трансформировался в качественно новое геополитическое явление – «ядерный мир», существенно изменивший картину глобальных ядерных угроз. На фоне повышения интенсивности кризисных ситуаций в мире остро обострилась проблема поиска новых механизмов международного сотрудничества, способных снизить уровень глобальных ядерных угроз и обеспечить человечеству мирное сосуществование.

Ключевые слова: *ООН, ДНЯО, ядерное оружие, международное сотрудничество в ядерной сфере, ядерный мир, ядерная безопасность, глобальные ядерные угрозы.*

В рамках ядерной геополитики целесообразно развести понятия международного и межгосударственного сотрудничества в ядерной сфере, так как эти виды консолидированной деятельности государств характеризуют различные форматы международных отношений.

Международное сотрудничество в ядерной сфере является одним из аспектов международных отношений, предполагает консолидированную

деятельность государств под эгидой ООН и ее структурных подразделений МАГАТЭ и ЮНЕСКО, на региональном уровне – под эгидой региональных международных правительственных организаций, например Евросоюза.

Международное сотрудничество в ядерной сфере имеет свою предысторию и реализуется на основе различных концепций.

Концепция отказа государств от применения ядерного оружия первым и практика ее реализации.

В 1983 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 38/75, в которой осудила разработку, выдвижение, распространение и пропаганду политических и военных доктрин и концепций, призванных обосновать «правомерность» применения ядерного оружия первыми. К сожалению, эта резолюция не стала руководством к действию для многих современных политиков. В ныне действующих официальных документах США, Великобритании, России и Франции имеют место установки о возможности применения первыми ядерного оружия. В отечественной и зарубежной литературе также есть публикации, где обосновывается необходимость применения ядерного оружия первыми.

Концепция публичного освещения национальной ядерной политики. В конце 1980 гг. многие видные политики осознали, что в условиях нестабильных международных ядерных отношений необходимо, чтобы каждое ядерное государство имело официальный документ о политике в ядерной сфере. Поэтому 21 декабря 1990 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция, в которой отмечается, что на вооруженные силы всех государств (в том числе и на ядерные силы) должны возлагаться задачи лишь предотвращения войны, индивидуальной и коллективной самообороны, совместных действий в соответствии с гл. 7 Устава ООН в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии. Оборонительные потенциалы должны отражать подлинные потребности обороны. Для этого рекомендовалось государствам иметь военные доктрины, которые должны быть призваны путем открытого декларирования военно-политических и стратегических установок рассеять опасения других стран относительно истинных намерений государств в военной области.

Последняя рекомендация (в отношении ядерного оружия) не была выполнена многими ядерными государствами.

Концепция незаконности применения ядерного оружия. В июле 1996 г. в ответ на запрос Генеральной Ассамблеи ООН Международный суд вынес консультативное заключение по поводу «незаконности угрозы применения ядерного оружия». Суд принял единодушное решение, что существует обязательство добросовестно вести переговоры и прийти к окончательному заключению по ядерному разоружению во всех аспектах при соблюдении строгого и эффективного международного контроля. Суд вынес постановление, что любое применение ядерного оружия будет противоречить принципам и нормам гуманитарного права, кроме того, суд постановил, что угроза

применения ядерного оружия также противоречит международному законодательству.

Концепция и практика создания безъядерных зон на планете. Правовым основанием для создания безъядерных зон на планете послужила первая резолюция ООН, принятая в 1946 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Документ призывал государства к исключению из их военных арсеналов ядерного оружия и иных видов вооружений, которые могут быть применены в целях массового уничтожения. Это положение легло в основу позиции ООН в отношении безъядерных зон. Организация рассматривает безъядерные зоны как один из действенных механизмов борьбы с глобальной ядерной угрозой.

Статус безъядерной зоны предполагает, что зону официально признают ядерные державы и берут на себя обязательство уважать этот статус, не размещать ядерного оружия на территории зоны, не проводить там ядерных испытаний. Одновременно с этим ядерные страны должны предоставить государствам, входящим в зону, гарантии, что в отношении последних не будет применяться ядерное оружие, а также не будет угроз его применения.

По масштабу безъядерные зоны могут быть глобальными, региональными и национальными.

Глобальная безъядерная зона. Она представляет собой планетарное пространство, свободное от ядерного оружия. Первым шагом в этом направлении стала деятельность ООН по заключению в 1970 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который поддержали практически все страны мира, за исключением Кубы, Индии, Пакистана и Израиля. Геополитическая цель Договора заключалась в полном уничтожении ядерного оружия.

Другим актом в этом направлении можно считать заключение Договора о полном и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, подписанного в 1996 г., который запрещает любого рода ядерные испытания в любых средах (подземные, наземные, в воде, в воздухе и в космосе) и проводимые в любых целях, в том числе и в мирных. Документ подписали 44 страны, которые обладали ядерной инфраструктурой. К сожалению, Индия, Пакистан и Северная Корея его не подписали, а США и Китай подписали, но не ратифицировали.

В 1967 г. была заключена и вступила в силу Конвенция об исследованиях и использовании ближнего космоса. Согласно положениям Конвенции прилегающие к Земле районы космоса разрешено использовать только в мирных целях. Документ запрещает создание на земных орбитах и на Луне военных баз, сооружений и укреплений, проведение любого рода военных испытаний и военных учений. В нем страны-участницы взяли на себя обязательство не выводить на земную орбиту любой объект, несущий ядерное оружие или любое другое оружие массового уничтожения.

В 1971 г. под эгидой ООН было заключено международное соглашение – Договор о запрете на размещение ядерного оружия на дне морей и океанов

(в 1972 г. вступил в силу), запрещающий установку на океанском дне ядерного оружия, а также структур, используемых для его запуска, испытания или использования.

Региональные безъядерные зоны. Первая договоренность о создании региональной безъядерной зоны была достигнута в 1959 г. – Антарктический договор вступил в силу в 1961 г. Его подписали государства, имевшие в тот момент свои объекты в Антарктиде (Аргентина, Австралия, Бельгия, Чили, Франция, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, ЮАР, СССР, США, Великобритания). Согласно договору, континент Антарктида может быть использован лишь в мирных целях. В частности в Антарктиде запрещено проводить ядерные испытания и хранить радиоактивные отходы.

Антарктический договор стал преддверием дальнейшей деятельности ООН по формированию безъядерного геополитического пространства, в котором особая роль отводится безъядерным зонам в различных регионах планеты. Сегодня в мире, кроме Антарктиды, существует пять региональных безъядерных зон, в которых запрещается разработка, производство, владение, испытание, приобретение и принятие ядерных вооружений.

Безъядерная зона была создана в 1967 г. в Латинской Америке (Договор Тлателолько, который вступил в силу в 1968 г.). Зона включает государства Центральной и Южной Америки, а также распространяется на страны Карибского бассейна. Подписантами Договора являются 32 государства, при этом Куба подписала договор, но не ратифицировала его.

В 1985 г. безъядерная зона была создана в южной части Тихого океана на основе Договора Раротонга, который вступил в силу в 1986 г., его подписали 15 государств, в том числе Австралия и Новая Зеландия. Соединенные Штаты присоединились к данной конвенции, но не ратифицировали ее. Особенность этой зоны заключается в том, что традиционные запреты дополняются запретом на проведение ядерных тестов, в том числе и в мирных целях, и запретом на захоронение радиоактивных отходов.

В 1992 г. Корейский полуостров получил статус безъядерной зоны. КНДР и Южная Корея подписали декларацию о создании зоны, свободной от ядерного оружия, на Корейском полуострове. В документе страны договорились не испытывать, не производить, не владеть, не получать, не хранить, не развешивать или использовать ядерные вооружения, не разрешать (или закрыть имеющиеся) производства обогащения урана и использовать атомную энергию исключительно в мирных целях. К сожалению, эта декларация так и не вступила в силу по причине того, что КНДР вышла из ДНЯО и активизировала свою деятельность по созданию ядерного оружия.

В 1995 г. создана безъядерная зона в Юго-Восточной Азии. Был заключен Бангкокский договор, вступивший в силу в 1996 г. К договору присоединились Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Мьянма (Бирма), Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд и Вьетнам. Особенность этой зоны за-

ключается в том, что запрет на ядерное оружие распространяется не только на территории государств – участников зоны, но также на зоны их экономических интересов, которые включают значительные части Тихого и Индийского океанов.

В 1996 г. континентальная Африка и ряд прилегающих островов (всего 54 государства) стали безъядерной зоной на основе Договора Пелиндаба. Участникам договора запрещено угрожать применением ядерного оружия и введен запрет на любого вида атаки на мирные ядерные объекты, находящиеся на территории данной зоны. К сожалению, данная конвенция до сих пор не вступила в силу.

В течение нескольких десятилетий ведутся переговоры о создании новых безъядерных зон в Центральной Азии, Ближнем Востоке, Южной Азии, Центральной Европе.

Национальные безъядерные зоны. Они создаются политическим декларированием и законодательным порядком. Первым государством, объявившим свою территорию безъядерной зоной, было Палау (остров в Тихом океане), в 1982 г. в его конституцию было внесено соответствующее положение. Этому примеру последовали Австрия, Новая Зеландия, Монголия и Филиппины.

Австрия и Монголия ввели особый закон, запретивший производство, хранение, транспортировку и испытания ядерного оружия. Монголия дополнительно к этому ввела запрет на транспортировку и хранение ядерных отходов. Новозеландское законодательство установило запрет на заход в территориальные воды страны любого судна, имеющего ядерную энергетическую установку или оснащенного ядерным оружием. Новая Зеландия пошла еще дальше – она в законодательном порядке ввела запрет на посадку самолетов с ядерным оружием [5].

В целом можно отметить, что при активной организаторской деятельности ООН международное сотрудничество государств вносит существенный вклад в дело снижения уровня глобальной и региональной ядерной опасности. Однако несмотря на это в практике государств доминирует позиция противодействия процессу распространения ядерного оружия и технологий и нет прямых свидетельств о намерениях построения относительно безопасных отношений в условиях возможного нарушения режима нераспространения. Отсутствие в международном сотрудничестве концептуальных положений о ядерном мире и трансформациях глобальных ядерных угроз порождает сомнение в достаточности предпринимаемых мер [3].

В настоящее время уровень международной безопасности во многом зависит от целей и возможностей государств вести геополитическую борьбу в современных условиях. Отметим, что практически любое сильное государство неизменно обнаруживает стремление к пространственной экспансии посредством геополитики. Теперь соперничество государств, помимо

традиционного, связанного с борьбой за наземное, водное и воздушное пространства, переносится в новые пространства: космическое, информационное, экономическое, финансовое, энергетическое, ресурсное, культурное и другие. Причем все эти пространства, в той или иной мере, пересекаются и взаимодействуют друг с другом, формируя глобальное пространство существования и противоборства акторов международных отношений.

Осмысление современной геополитической борьбы и существующих логических определений позволило сформулировать определение геополитики более высокого уровня обобщения. Геополитика есть область научных знаний о системе взаимосвязанных пространств, в которых геополитические субъекты формируют свою политику и ведут практическую деятельность по освоению пространства и контролю над ним с целью обеспечения своих национальных интересов, либо ищут оптимальное место в них, когда активные действия невозможны или нецелесообразны.

Сегодня геополитическая борьба интенсивно ведется в ядерной сфере (ядерном пространстве), которая сильно влияет на международную обстановку и международную безопасность.

Начиная с 1980-х годов ядерная сфера начала трансформироваться, в ней стали происходить существенные геополитические изменения, которые можно охарактеризовать как геополитический процесс в ядерной сфере. Это проявилось, в следующем.

1. Мировое сообщество столкнулось с проблемой распространения ядерного оружия. Несмотря на активное противодействие со стороны многих государств и международных организаций, «ядерный вирус» продолжает распространяться по планете, и остановить этот процесс пока не удастся. Над мировым сообществом нависла реальная опасность и есть серьезные основания полагать, что ядерное оружие может оказаться на вооружении нескольких десятков государств и, что еще хуже, в руках террористических организаций [2].

2. В настоящее время весьма опасен рост объектов «мирного атома». В условиях угрозы энергетического кризиса многие страны стремятся обзавестись атомной энергетикой, строят атомные электростанции, радиохимические заводы, проектируют ядерные силовые установки для кораблей и подводных лодок, создают склады для хранения радиоактивных отходов и т.д. Количество ядерных объектов мирного назначения с каждым годом возрастает, увеличивая риски ядерных аварий и катастроф.

3. Между странами все отчетливее проявляются специфические ядерные связи, которые с каждым годом укрепляют ядерную взаимозависимость государств и во многом определяют характер межгосударственных отношений в целом [1].

Качественные изменения в ядерной сфере за счет совершенствования ядерных технологий и их распространения, а также укрепления ядерных

связей между акторами международных отношений преобразовали совокупность государств, обладающих ядерным оружием и ядерными технологиями, в геополитическую систему ядернозависимых государств с присущими ей признаками целостного явления. Этой системе можно дать название «ядерный мир».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анненков В.И., Кононов Л.А., Моисеев А.В., Шангараев Р.Н. Международная безопасность. Ядерные аспекты современности. М.: КноРус, 2020.
2. Анненков В.И., Кононов Л.А. Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. М.: Дип. академия МИД России, 2004.
3. Анненков В.И., Баранов С.Н., Кононов Л.А. Теоретические основы ядерной геополитики. М.: Русавиа, 2013.
4. Анненков В.И., Карпов В.В., Моисеев А.В., Сурма И.В. «Сетевое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира. Национальная безопасность/ note bene. 2014. № 2. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.2.11393.
5. Безъядерные зоны: от морского дна до Луны // <http://www.washprofile.org/ru/node/455>.

A.V. MOISEEV

Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ph.D. of Military Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

R.N. SHANGARAEV

Ph.D. of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia

INTERNATIONAL COOPERATION TO REDUCE GLOBAL NUCLEAR THREATS: CONCEPTS AND PRACTICE

The current international mechanisms do not fully meet the global nuclear challenges. Globalization processes have led to the fact that a scattered world with nuclear weapons and nuclear technologies has transformed into a quali-

---

tatively new geopolitical phenomenon – the “nuclear world”, which has significantly changed the picture of global nuclear threats. Against the background of an increase in the intensity of crises in the world, the problem of finding new mechanisms of international cooperation that can reduce the level of global nuclear threats and ensure peaceful coexistence of humankind has become acute.

Key words: *UN, NPT, nuclear weapons, international cooperation in the nuclear sphere, nuclear world, nuclear security, global nuclear threats.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.032

УДК 32.327

Д.А. АВАКЯН

*кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

К.М. ТРОФИМОВА

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье анализируется регламентация трудовых отношений и жилищной политики, и вытекающие из них социально-политические и экономические связи между государством и рабочими в Великобритании в XIX-XX вв. Целью данной статьи является выделение основных этапов в развитии фабричного законодательства и в становлении рабочего класса как политического института в Англии XIX-XX вв. Также представлена детальная периодизация процесса формирования трудовых взаимоотношений в Англии XIX-XX вв., которая позволяет выделить и определить основные этапы развития данного явления.

Ключевые слова: *промышленная революция, Великобритания, рабочий класс, социально-политический конфликт, трудовое законодательство, трудовые отношения, жилищный вопрос.*

Столь часто используемые сегодня понятия «жилищный вопрос», «фабричное, трудовое законодательство» появились и стали активно использоваться в общественно-политическом дискурсе только во второй половине XIX века. Определение направлений формирования соответствующей политики и обеспечение необходимых санитарно-гигиенических условий труда и жизни в городах, на фабриках стали одними из приоритетных направлений в это время прежде всего в английской внутренней политике. Именно Великобритания стала первой страной, где началась промышленная революция. Промышленный переворот требовал пересмотра взаимоотношений между владельцами фабрик и рабочими, с одной стороны, и государством, с другой.

Безусловно, вопрос об оптимальной организации труда и жизни рабочих существовал и ранее, но только в XIX в. проблема стала восприниматься как социально-политическая, возникла необходимость ее систематического разрешения в целях смягчения напряженности в обществе.

С середины XIX века деятельность в области улучшения жилищных и трудовых условий бедного населения, большую часть которого составляли рабочие, осуществлялась по нескольким направлениям. Это – и принятие соответствующих законодательных мер; и активная строительная политика; и санитарный надзор над исполнением актов и постановлений парламента. Но если на начальном этапе более активное участие в улучшении условий жизни населения принимали промышленники и благотворители, то позднее роль и значение государства в регулировании отношений на рынке труда стали возрастать. По сути, те меры, которые принимались в отношении защиты прав рабочих, стали уступками и реакцией государства на протестные настроения в среде самих пролетариев. Так как рабочие, добываясь улучшения своего положения, по мере развития промышленного производства все чаще обращались с жалобами в парламент, проводили забастовки, ломали станки и поджигали фабрики.

Но все-таки долгое время в Великобритании продолжали действовать нормы так называемого «общего права», согласно которым предприниматель, нарушивший договор с рабочим, мог преследоваться только через механизм гражданского иска. Если же трудовой договор нарушал рабочий, то он мог быть привлечен к уголовной ответственности. И только в 1824 году английскому парламенту пришлось пойти на уступки и легализовать соглашения рабочих, целью которых были повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и т.д. Это было связано с тем, что к этому времени борьба английских рабочих за улучшение условий труда стала принимать уже организованный характер, появились первые профессиональные объединения. Так, в 1836 году была создана Лондонская ассоциация рабочих, а в 1840 году возникла общенациональная Национальная чартистская ассоциация.

В дальнейшем рост профессиональных организаций, выдвигающих все новые и новые требования (экономические, социальные, политические, в том числе и требование о всеобщем избирательном праве) только продолжался. Поэтому парламент был вынужден идти на дальнейшие уступки.

В 1871 году был принят «Закон о рабочих союзах», где цели профессиональных союзов (или тред-юнионов) признавались правомерными и запрещались судебные преследования рабочих за участие в профсоюзной деятельности. Но одновременно в виде поправки к уголовному законодательству был принят и другой акт, согласно которому ряд эффективных приемов профсоюзной борьбы (пикетирование и т.д.) рассматривались как наказуемые. В 1875 году парламент пошел на дальнейшие уступки рабочим и на легализацию профсоюзного движения. Акт о предпринимателях

и рабочих отменил уголовные наказания за одностороннее прекращение рабочими трудового договора. Как отмечают некоторые российские исследователи, профессиональные союзы, будучи органично встроенными в политическую систему общества, могут способствовать ее стабилизации (это и происходит в современной Великобритании) [6. С. 416-423].

Одновременно с трудовым законодательством развивалась и жилищная политика, где тоже было немало проблем. Положение в этой сфере осложнялось тем, что увеличение численности населения, занятого в производстве, привело к появлению ранее неизвестных проблем. Именно в период промышленной революции большая часть людей стали перемещаться в города. Но если ранее значительная часть городов и большая часть пригородных территорий застраивались домами сельского типа, с соответствующими им санитарными условиями, то в XIX веке строительство многоэтажных домов и создание дорогостоящих коммуникационных сетей стало необходимо. Наиболее уязвимой группой населения в данной ситуации оказывались рабочие. Именно поэтому в большинстве европейских странах жилищный вопрос и вопрос, связанный с регулированием трудовых отношений, оказался напрямую связан с рабочим вопросом [4. С. 111].

В работе «Жилищная проблема в Англии. Ее статистика, законодательство и политика» [7. С. 197] профессора чикагского университета Э.Р. Дьюспана представлен глубокий анализ развития жилищной политики в Англии с 1851 года до 1903 год. Исследователь систематизировал основные этапы развития английского законодательства в данной области. В частности, Дьюснап выделил наиболее важные политические решения, направленные на улучшение жилищных условий для рабочих, на установление санитарно-гигиенических норм при строительстве жилья, обязывающие строителей обустраивать инфраструктуру. Согласно предложенной классификации, в деятельности государства в решении городских проблем, и в частности в сфере жилищного законодательства, осуществляющейся во второй половине XIX в., можно выделить несколько направлений.

Первое направление связано с заинтересованностью чиновников в исполнении своих собственных законодательных предписаний по отношению к арендаторам. Начало было положено законом 1851 года. В частности, постановление «Создание жилья для рабочего класса» («Establishment of Lodging Houses for the Working Classes») уполномочивало каждый регион, каждую комиссию брать на себя ответственность за улучшение жилищных условий рабочих, используя средства местных бюджетов или особых сберегательных фондов. «Постановление о жилищах рабочих» 1855 года («Labourers Dwelling Act») позволяло основывать частные общества, состоящие как минимум из шести человек, в целях строительства и обустройства домов для рабочего класса. Такое жилье могло сдаваться в аренду на любой срок, но не более чем на двадцать один год.

Первые серьезные шаги в направлении объединения властей разного уровня были предприняты в 1855 году, когда в Лондоне было создано специальное «Управление городским хозяйством» (Metropolitan Board of Works, MBW). Предполагалось, что основными направлениями его деятельности станут санитарно-гигиенические проблемы города, в частности вопросы водоснабжения, канализации, освещения улиц, их благоустройство. Но вскоре в обязанности Управления был включен более широкий спектр направлений: газоснабжение города, организация пожарной службы и общественных парков, расчистка трущоб и т.д. Важно отметить, что деятельность «Управления городским хозяйством» была достаточно успешной: в короткий период удалось создать систему подземных канализационных стоков, привести в порядок транспортные узлы, уничтожить ряд трущоб.

Акты и законы, принятые в 1850-е годы создали целую систему, способствующую развитию первых мер, направленных на обеспечение здоровья, безопасности и благосостояния населения.

В 1860-е годы регламентация закона распространилась и на другие виды жилья, ограничивая их сдачу максимальной ценой и тем самым устраняя возможность собственникам квартир, домов свободно распоряжаться ими. Происходило непрерывное издание строительных правил, различных уставов.

В 1870-е годы правительство обратило внимание на неудовлетворительное состояние целых частей города, отдельных кварталов и стало искать возможность снести подобные трущобы. В последующие годы парламентом издано значительное количество отдельных законов, пересмотренных, дополненных и консолидированных в 1875 году в рамках обширного «Акта о народном здравоохранении» (Public Health Act 1875), который представляет собой своеобразный кодекс санитарного законодательства.

Кроме того, законодательно вводился ряд мер, которые предоставили предпринимателям право приобретать земельные участки для жилищных целей, строить на них и сдавать дома. Уже в 1851 году коммунальным властям было предоставлено право на регулирование процесса застройки постоянных домов. В 1866 году был основан государственный фонд для ссуд общественным управлениям под подобные застройки. В 1875 году изданы правила, которые предоставляли общинам право отчуждать на условиях возмещения частновладельческие имения и земли под подстройку домов и квартир низшим классам населения.

«Закон об охране здоровья населения», дополнение к Закону 1875 года (Public Health Acts Amendments Act – amends the 1875 Act), изданный в 1890 году, представляет собой обобщение уже существующих законов. Но он имел огромное значение в регулировании санитарно-гигиенического состояния городов. Благодаря данному акту английские муниципалитеты получили право отчуждать дома и целые городские участки, находящиеся в условиях, которые угрожали общественному здоровью. В Англии вопрос

об экспроприации городского участка земли во второй половине XIX веке возникал тогда, когда двое мировых судей или двенадцать налогоплательщиков местных налогов заявляли санитарному врачу о необходимости улучшения условий. Получив подобную жалобу, санитарный врач был обязан исследовать данную местность, сделать официальное представление местным властям о необходимости изменений. В своем отчете санитарный врач должен был указать на то, что данная местность может быть улучшена только при помощи перестройки домов. Когда местные власти получали официальное представление от своего санитарного врача, они начинали предпринимать необходимые меры.

«Закон об охране здоровья населения» (Public Health Act – consolidates the sanitary law relating to London), принятый в 1890 году, объединял санитарное законодательство, относящееся к Лондону, а также имел значение для поддержания необходимых санитарных условий в уже существующих домах. Он давал местным санитарным властям право осуществлять осмотры в своем округе с целью сведения антисанитарных условий к минимуму. О наличии тех или иных проблем каждый городской житель мог уведомить муниципалитеты, что в свою очередь обязывало последних принять соответствующие меры, направленные на их решение [1. С. 86; 3. С. 73-87].

К концу XIX – началу XX вв. в профсоюзах Великобритании состояла уже значительная часть рабочих страны. И такие организации стали влиять не только на экономику, но и все более активно участвовать в политической жизни. Так, в 1900 году была основана лейбористская партия Великобритании, которая изначально называлась «Комитет рабочего представительства». Именно профсоюзы вместе с кооперативными обществами стали массовой базой новой партии.

Представительство этой партии в парламенте во многом способствовало дальнейшему усложнению, уточнению жилищного, фабричного и трудового законодательства. В 1906 году был принят закон, по которому предприниматель мог быть освобожден от ответственности, если у него получалось доказать вину самого потерпевшего.

Еще одним немало важным законодательным актом стал закон 1911 года. Согласно новому документу наряду с социальным страхованием в случае болезни, инвалидности, родов, предусматривалось страхование по безработице.

После Второй мировой войны в законодательстве Великобритании произошли кардинальные изменения, которые многие исследователи оценивают, как социально-политический прорыв. Но все-таки еще несколько десятилетий в трудовых отношениях сохраняли свое действие некоторые нормы прецедентного права и законы XIX века.

Основная масса законов о регулировании трудовых отношений в сфере производства была принята в 1970-1980-е годы. К таким законам относятся: законы о занятости 1975, 1978, 1980 годов, Закон о равной заработной

плате мужчин и женщин 1970 года, Закон о профессиональном обучении 1982 года, консолидированный Закон о профсоюзах и трудовых отношениях 1992 года и т.д. [2. С. 90].

Современное законодательство Великобритании не предусматривает единого контрольно-надзорного органа по защите трудовых прав. Функции контроля и надзора за соблюдением и защитой прав сторон трудового договора осуществляют самые разные инстанции. Это и государственные органы судебной и исполнительной власти, а также органы контроля за соблюдением законодательства в определенных областях, имеющих непосредственную связь с трудовыми отношениями.

Таким образом, в XIX-XX веках в Британии законодательство становилось все более сложным и разветвленным во многом благодаря политической институализации рабочего движения, а также специфике британского исторического развития в целом. Исторический опыт способствовал принятию большого числа новых публичных актов по вопросам, которые ранее не были предметом законодательного регулирования ни в одной стране мира.

Опыт Великобритании в сфере регулирования трудовых отношений безусловно представляется уникальным, и может быть использован и другими государствами. Его особая ценность заключается в том, что он лег в основу западной модели социального партнерства – трипартистской системы согласования интересов людей труда, собственников капитала и государственных институтов [5. С. 253]. Уникальность проявляется и реализуется в многообразии способов и источников правового регламентирования, которые включают в себя и нормы, развитые в течении столетий через систему прецедентного права, и нормы, пришедшие в эту страну через законодательную деятельность Евросоюза. Даже само понятие трудового договора раскрыто в Великобритании через судебные прецеденты, что предполагает достаточный уровень гибкости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авакян Д.А.* Промышленная революция и урбанизация в английской и французской политической мысли XIX – начала XX века. М.: Наука, 2020.
2. *Киселев И.Я.* Трудовое право в условиях рыночной экономики: опыт стран Запада. М., 1992.
3. *Мачульская Е.Е.* Понятие и содержание договора найма труда по законодательству Великобритании // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 1997. № 4.
4. *Покровская М.И.* Улучшение жилищ рабочих в Англии. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1899.
5. *Святловский В.В.* Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Жилищный вопрос на Западе (общая постановка). СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1902. Выпуск I.

---

6. Фельдман П.Я. Механизмы политического согласования интересов: системный анализ // Конфликтология / nota bene. 2015. № 4.

7. Яблокова И.Я. Коллективный договор в Англии. М., 1995.

D.A. AVAKYAN

*Candidate of political sciences,
senior lecturer of the Department of philosophy and sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
Moscow, Russia*

K.M. TROFIKOVA

*Postgraduate student of the Department
of philosophy and sociology, Academy of Labor and
Social Relations, Moscow, Russia*

SOCIAL AND POLITICAL CONFLICT AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF LABOR RELATIONS IN THE UK

The article analyzes the regulation of labor relations and housing policy, and the resulting socio-political and economic relations between the state and workers in Great Britain in the XIX-XX centuries. The purpose of this article is to highlight the main stages in the development of factory legislation and in the formation of the working class as a political institution in England of the XIX-XX centuries. A detailed periodization of the process of forming labor relations in England of the XIX-XX centuries is also presented, which allows us to identify and determine the main stages of the development of this phenomenon.

Key words: *Industrial revolution, Great Britain, working class, socio-political conflict, labor law, labor relations, housing issue.*

кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа и
управления Российского университета дружбы
народов (RUDN University), Россия, г. Москва

А.Р. МЕНАЖДИНОВА

студентка магистратуры «Политическое управление»
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

СПЕЦИФИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ФРГ КАК УСЛОВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ¹

Одним из важных аспектов развития современного общества стало значительное усиление потоков иммиграции, участниками которых становятся все больше регионов и стран и которые, вместе с тем, оказывают существенное влияние не только на процессы глобализации, но и региональной интеграции. Это приводит к необходимости выработки иммиграционной политики государствами, а также мер коллективного и национального характера в сфере предоставления убежища и защиты границ. Одним из самых приоритетных направлений иммиграционных потоков на сегодняшний день является Европейский союз (ЕС), в особенности Федеративная Республика Германия (ФРГ), которая считается классической иммиграционной страной и по этой причине принимает существенное число иммигрантов по сравнению с другими странами Западной Европы. Именно это и определяет характер реализации политики иммиграции Германии. Проблематика интеграции большого числа мигрантов в немецкое общество является дестабилизирующим фактором политической системы и приводит к росту популярности правых политических партий.

Ключевые слова: иммиграция, миграционная политика, интеграция, политические партии, политическая стабильность, ФРГ.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского университета дружбы народов. Код (шифр) темы НИР/НИОКР «Технологии обеспечения политической стабильности в современной России» 100701-0-000.

Начало современному этапу регулирования иммиграционных потоков на территории Германии (ФРГ) было положено после окончания Второй мировой войны. Тогда в ФРГ возник значительный дефицит трудовых ресурсов, связанный с необходимостью послевоенного восстановления инфраструктуры и промышленности государства и обеспечением политической стабильности. Политическая стабильность, как правило, связана с социальной интеграцией и/или состоянием определенного социального равновесия. Такая интеграция является результатом взаимодействия и согласования различных систем обмена, сходных ценностей, культурных традиций и интересов, с допущением небольших различий [4. С. 51-54].

Правительство ФРГ с целью разрешения этой проблемы взяло курс на реформирование трудового рынка. Одним из важных шагов в восстановлении экономики страны был сделан в рамках двухсторонних соглашений межгосударственного характера с целью привлечения рабочей силы из-за рубежа. Впервые данный договор был заключен с Итальянской Республикой в 1955 году, что и легло в основу первой иммиграционной волны в ФРГ. В последующем правительство ФРГ в период 1960-1968 гг. заключило ряд подобных соглашений с иными государствами Европы, Ближнего Востока и Северной Африки: например, с Турцией, Грецией, Испанией, Марокко и др.

Здесь важно отметить, что в основе заключенных соглашений лежал принцип «возвратной миграции», суть которого состояла в том, что по истечению определенного срока наемные рабочие должны вернуться в свои страны, а освободившиеся места будут предложены новым кандидатам [6].

Анализируя итоги окончания первой иммиграционной волны, важно отметить, что несмотря на принятые правительством Германии меры, значительная часть иммигрантов, преимущественно турецкого происхождения, предпочла остаться в связи с низким уровнем социально-экономического развития в своей стране. Именно это и стало одной из главных причин реализации политики репатриации GARP/REAG [5. С. 50-60]. Так, в 1984 году правительство ФРГ установило поддержку в виде грантов, предназначенных для тех лиц, которые соглашались добровольно покинуть территорию Германии, однако, несмотря на это общее число иммигрантов в стране продолжало расти.

Также принятые правительством Германии меры в рамках иммиграционной политики стали причиной изменения статуса наемных рабочих из-за рубежа с временного на постоянный, что, в результате, привело к образованию иммиграционных параллельных сообществ. Более того, период 1970-1980 гг. численность иммигрантов, проживающих на территории ФРГ, продолжало расти и к началу 1990-х гг. составляла около 7% от всего населения Германии. Характерной чертой иммиграционной политики в период с 1970-1980-х гг. стало отсутствие целенаправленного комплекса мер в сфере интеграции. Это, в свою очередь, стало причиной постепенного обособления сообществ имми-

грантов. В связи с тем, что наемные рабочие из-за рубежа отказывались покидать Германию, правительству необходимо было обеспечить лояльность иммигрантов. Именно это и послужило одним из главных факторов активного развития нового направления иммиграционной политики правительства ФРГ, а именно «мультикультурализма», сохранения иммигрантами своей культуры в обмен на лояльность отношению к немецкому обществу [11. S. 396].

Ситуация в Германии относительно иммиграционной проблемы значительно обострилась в период 1980-1990-х гг., что было непосредственно связано не только с распадом СССР, но и прекращением существования Восточного блока. Именно эти события и положили начало второй волны иммиграции, однако здесь акцент был сделан именно на возвращение этнических немцев [3. С. 57-70].

Вместе с тем правительство ФРГ продолжало развивать интеграционную политику в отношении иммигрантов, большая часть которых была турецкого происхождения. Так, в конце 1980-х гг. была разработана «Программа Коля», направленная на двухстороннее культурное обогащение (между иммигрантами и немецким обществом), а также их взаимную адаптацию.

Другим важным фактором в развитии иммиграционной политики стало углубление интеграции европейских стран, что было, в том числе, обусловлено началом работы Шенгенской зоны и заключенных в ее рамках соглашений. Данные соглашения затрагивали такие аспекты как свобода передвижения и особые иммиграционные преимущества для тех, кто являлся гражданами стран-членов «шенгенской зоны».

Интенсификация на территории стран Африки и Ближнего Востока вооруженных конфликтов спровоцировала крупномасштабный рост иммиграционных потоков на территорию стран-членов ЕС, что, в результате, и привело к возникновению иммиграционного кризиса в 2015 году. Поскольку ФРГ в результате проводимой ей политики стала классической иммиграционной страной, именно она и приняла на себя значительную часть иммигрантов по сравнению с другими европейскими государствами. Правительство Германии в рамках реализации иммиграционной политики сделало упор на «гуманитарный императив», который воплощен в высказывании А. Меркель на съезде ХДС: «Мы справимся!», ставшего своего рода лозунгом нового направления иммиграционной политики ФРГ, а именно политики «открытых дверей».

В то же время проводимые попытки интеграция мигрантов в рамках реализации политики мультикультурализма не были в полной мере эффективными, что усилило конфликтность в немецком обществе, что и послужило одной из причин роста популярности создания популистских и крайне правых организаций таких как «Альтернатива для Германии» и «Пегида». Например, партия «Альтернатива для Германии», занимающая жесткую антииммигрантскую позицию, на выборах 2016 года заняла вторые и тре-

тьи места в ряде федеральных парламентов: Саксония-Анхальт (24%), Баден-Вюртемберг (15%) и Рейнланд-Пфальц (13%). В 2017 году на выборах в Бундестаг данная партия, получив значительную поддержку электората, заняла 94 места (12,6%) [1. С. 115-125].

«Альтернатива для Германии» единственная политическая сила в стране, которая выступает за жесткое и тотальное ограничение миграции и социально-финансовую поддержку мигрантов. В этой связи партии удалось консолидировать активное голосование недовольных миграционной политикой Ангелы Меркель жителей востока страны, в первую очередь Саксонии и Тюрингии, где по социологическим опросам почти 80% местных жителей негативно относятся к исламу и мигрантам [10. С. 115-125].

Рост популярности «Альтернативы для Германии» и ее успех на выборах являются в определенной степени формой проявления протестного голосования в немецком обществе. Это, в свою очередь, стало результатом неэффективности политики «открытых дверей» в сфере регулирования иммиграционных потоков, что негативно отразилось на политическом имидже не только консервативных партий (прежде всего, ХДС), но и А. Меркель. Так, к 2018 году рейтинг федерального канцлера упал до рекордно низких значений (до 48%), что привело к обострению политического кризиса в Германии [7].

Сложившаяся ситуация значительно усугубилась в результате прошедших в 2018 году выборов в федеральный парламент земли Бавария, где ХДС во главе с А. Меркель показала наихудший результат с 1954 года, получив только 35,5% голосов избирателей и тем самым потеряв абсолютное большинство в парламенте данной земли. Говоря о выборах в ландтаг Баварии, нельзя не отметить результат партии «Альтернатива для Германии», которая получила 11% голосов избирателей. Это, в то же время, негативно сказалось на рейтинге А. Меркель и ХДС.

Также нельзя не отметить, состоявшиеся также в 2018 году выборы в парламент федеральной земли Гессен, по результатам которых электоральная поддержка ХДС и А. Меркель значительно снизилась (с 38% до 27%) [9]. Партия «Альтернатива для Германии», в свою очередь, существенно улучшила свой результат по сравнению с выборами 2013 года (с 4,1% до 13,1%).

Так, прошедшие выборы в федеральных землях Бавария и Гессен наглядно продемонстрировали усиление конфликтности в немецком обществе, возникшей в результате неэффективности принятых мер в контексте регулирования иммиграционного кризиса. Более того, существенное падение рейтинга ХДС и А. Меркель в данных землях стало одной из главных причин ее решения не только покинуть пост председателя партии, но и федерального канцлера в дальнейшем.

Таким образом, политика «открытых дверей» как логическое продолжение мультикультурализма привела к конфликтности в немецком обществе не только социально-экономического, но и политического характера.

Это, прежде всего, выразилось в росте популярности популистских и крайне правых сил и падения рейтинга традиционных партий. Это напрямую связано усилением протестного голосования вследствие проводимой правительством ФРГ иммиграционной политики, что стало одной из причин ухода А. Меркель с поста председателя партии ХДС, а в дальнейшем и руководителя страны. Исходя из этого, мы можем говорить о крупномасштабной трансформации политической системы Германии.

Более того, значительное увеличение числа беженцев на территории страны во много раз осложнило их интеграцию в немецкое общество, сведя ее практически к минимуму и тем самым повысив обособленность иммиграционных сообществ. Это, как отмечают, немецкие криминологи и стало одной из причин роста числа преступлений со стороны иммигрантов и, как следствие, усиления напряженности в стране [8].

Согласно опросу, проведенному в 2015 году, около 50% опрошенных жителей Германии высказывали опасения касательно большого числа иммигрантов в стране. Следует отметить, что подобная тенденция характерна для многих западноевропейских государств, принимающих мигрантов и беженцев [2. С. 1799-1806].

Иммиграция представляет собой неотъемлемый элемент общественно-го развития ФРГ. Изначально иммиграционная политика Германии носила замещающий характер и была направлена на привлечение дополнительной рабочей силы из-за рубежа с целью экономического и промышленного восстановления страны.

В результате принятых мер в ФРГ образовалось значительное число трудовых иммигрантов, преимущественно турецкого происхождения, которые проживали на территории страны в течение длительного периода времени. Это и обусловило формирование нового направления иммиграционной политики Германии, а именно мультикультурализма, который должен был исполнить роль «плавильного котла» в рамках интеграции иммигрантов в немецкое общество.

Данное направление, однако, не принесло ожидаемого результата, показав свою неэффективность. В связи с этим, обострилась социально-экономическая обстановка в ФРГ, что привело к росту популярности крайне правых и популистских политических сил.

Ключевой поворот в формировании политики иммиграции Германии произошел в 2015 году в результате иммиграционного кризиса, в ходе которого потоки иммигрантов на территорию страны многократно возросли. И с целью их регулирования правительство ФРГ приступило к реализации политики «открытых дверей», которая, с одной стороны, привела к усилению обособления иммиграционных сообществ, а, с другой стороны, к обострению социально-экономического и политического кризиса в стране.

Так, электоральная поддержка традиционных партий, в том числе и ХДС, значительно снизилась, а ряд популистских и крайне правых партий, в свою очередь, получил представительство во всех земельных парламентах и Бундестаге. Именно это и стало одним из основных факторов принятия А. Меркель решения об уходе как с поста председателя партии ХДС, так и с поста федерального канцлера.

Таким образом, в результате реализации иммиграционной политики правительством ФРГ в немецком обществе усилилось протестное голосование. Более того, на настоящем этапе имеет место глубинная трансформация политической системы Германии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бурда М.А. Миграционные процессы в Европе и феномен роста влияния правых политических партий // PolitBook. 2017. № 4.

2. Бурда М.А., Хорева Е.Е., Ларкина М.А., Беляева В.П. Национально-государственная идентичность в современной Европе в контексте происходящих миграционных и политических процессов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8 (48).

3. Васильев В.И. Миграция как благо и обуза для Германии // Международная жизнь. 2016. № 3.

4. Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. I. Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56).

5. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный и неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 7.

6. Карнаухова Е.Е., Весельникова Л.И., Лобанова Н.С. Характер и динамика миграции в современной Германии: исторический и политический контексты // Cyberleninka // <https://cyberleninka.ru/article/n/harakter-i-dinamika-migratsii-v-sovremennoy-germanii-istoricheskij-i-politicheskij-konteksty>.

7. Миграционный кризис в Германии и Евросоюзе // Russian Council // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krisis-v-germanii-i-evrosoyuze/>.

8. Немецкие криминологи констатировали связь между ростом преступности и притоком мигрантов // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4856032>.

9. Очередные выборы, очередные потери. Консерваторы Меркель теряют голоса в Гессене // ТАСС // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5730655>.

10. Burda M.A., Gerasimova I.V., Ochacha M.V. Migration policy as instrument of ensuring national state security // Przeglad Strategiczny. 2019. Т. 12.

11. Löffler B. Integration in Deutschland. Zwischen Assimilation und Multikulturalismus. München: Verlag R. Oldenbourg, 2011.

S.I. POPOV

*Ph.D. in Political Science, Associate Professor,
Department of Policy Analysis and Management,
Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University),
Moscow, Russia*

A.R. MENAJDINOVA
*Master's Degree student,
RANEPa, Moscow, Russia*

SPECIFICS OF REGULATION OF IMMIGRATION POLICY IN GERMANY AS A CONDITION OF POLITICAL STABILITY¹

One of the important aspects of the development of modern society has become a significant increase in immigration flows, which are becoming more and more regions and countries, and which, at the same time, have a significant impact not only on the processes of globalization, but also on regional integration. This leads to the need for the development of immigration policies by States, as well as measures of a collective and national nature in the field of asylum and border protection. One of the highest priority areas of immigration flows today is the European Union (EU), especially the Federal Republic of Germany (FRG), which is considered a classic immigration country and for this reason accepts a significant number of immigrants compared to other countries in Western Europe. This is what determines the nature of the implementation of Germany's immigration policy. The problem of integrating a large number of migrants into German society is a destabilizing factor in the political system and leads to an increase in the popularity of right-wing political parties.

Key words: *immigration, migration policy, integration, political parties, political stability, Germany.*

---

¹ The study was supported by the Peoples' Friendship University of Russia. Code (cipher) of the R & D topic "Technologies for ensuring political stability in modern Russia" 100701-0-000.

МУЗЫКАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается музыкальный контент глобальной поликультурной среды с позиций информационного подхода. Исследована роль музыки в политической жизни государства и в международных отношениях в различные периоды истории. Показана ее воспитательная, языковая, коммуникативная, охранительная и системообразующая роль. Восприятие звукового контента через чувственно-эмоциональную сферу характеризует ее как особую технологию коммуникационного взаимодействия. Существенная роль в использовании богатого потенциала музыкального искусства отводится как самой сфере искусства, так и системе дополнительного и профессионального образования как факторов «мягкой силы» государства.

Ключевые слова: *мягкая сила, культура, искусство, музыка, образование, политика, межкультурная коммуникация, аудиоинформация.*

Одной из важнейших тенденций развития современного общества является трансформация в важнейших сферах жизни – политической, экономической, социальной, духовной. С развитием информационно-коммуникационных технологий все больше людей взаимодействуют в глобальной информационной среде, усиливается процессы межкультурного взаимодействия. В информационном обществе приоритетным ресурсом становятся невещественные элементы, знания. Информация, особенно новая и актуальная, наряду с веществом и энергией, является одним из видов фундаментального воздействия. Согласно кибернетическому подходу, она носит управляющий характер в системе любой природы.

Конец XX века свидетельствует, что эпоха, провозгласившая ценности материально-технического развития, сегодня испытывает период осмысления необходимости обращения к духовным ценностям, что подразумевает взаимодействие человека с природой и человека с человеком в поликульту-

турном мире глобального пространства [11. С. 18]. Становящиеся «прозрачными» информационные границы между государствами обнаруживают множество новых участников международных отношений и межкультурного диалога, зачастую не имеющих прямого отношения к политике. ИКТ позволяют осуществлять взаимодействие на уровне государств, социумов, групп, отдельных индивидуумов, различных культур посредством информационных потоков аудиовизуальной информации. Во многом благодаря новым технологиям создается поликультурное многообразие, наблюдаются процессы взаимопроникновения культур.

О гуманитарной миссии культуры, искусства, а также сферы образования в жизни государства говорится в ряде законопроектов последних лет, а о том, что в сочетании с политической идеологией и внешней политикой культура и образование – значимая сила на международной арене – указывает внимание политиков к гибким инструментам влияния. Эти факторы составляют, по терминологии профессора Гарвардского университета Дж. Ная, потенциал «мягкой силы», основанный на привлекательности образа государства [4]. Такой образ определяется множеством составляющих – политической и экономической моделью государства, творческой силой нации, массовой и национальной (цивилизационной) культурой, высоким уровнем образования, способствующим привлечению иностранных студентов и другими.

Рейтинг национальных брендов, публикуемый немецким исследовательским институтом GfK на основе международного опроса характеризует глобальный имидж стран мира. В 2017 году в данном рейтинге Россия заняла 23 место в мире [10]. Согласно данным рейтинга, в России стабильно лидирующее место занимает культура (в сравнении с уровнем экспорта, туризмом, инвестициями, миграцией, властью и восприятием людей) и является одной из самых сильнейших в мире [23].

Потенциал «мягкой силы» после распада Советского Союза был довольно существенным и сейчас он включает в себя информационно-культурное влияние России на страны СНГ на основе исторической и языковой общности, распространения влияния на аудиторию с помощью продукции киноиндустрии, популярной музыки (по мнению многих исследователей, достаточно низкого качества), научно-образовательную привлекательность российских вузов в сфере образования и науки, хороший книжный рынок [11. С. 18].

Из всех составляющих культурного наследия наиболее доступной для межкультурного диалога является музыка. Через эмоциональные переживания музыка воздействует на внутренний мир слушателя, его мышления и чувства, эмоционально окрашенная информация запоминается лучше всего. Особенностью невербальной информации является то, что она воспринимается чаще всего неосознанно. Наиболее естественным и генети-

чески обусловленным средством выражения эмоций для человека является голос. Но голос связан с речью, а множество оттенков человеческой речи и пение способны влиять на нервную систему другого человека воздействовать и его эмоциональный мир, передавая в процессе коммуникации как эмоциональный, так и вербальный контент.

В древности придавали особо важное значение учению о музыке и музыкальному воспитанию. Пифагор, Аристотель рассуждали о ее влиянии на здоровье, характер, чувства, мораль и душу. Платон призывал искусство воспитывать доблесть и мужество. Музыкальное воспитание он считал наиболее действенным средством воздействия на личность, так как гармония и ритм находят путь в сокровенные глубины души: ритмы и лады, воздействуя на мысль, делают ее сообразно им самим. Он утверждал, что нет худшего в государстве нарушения нравов, чем отход от музыки «стыдливой и скромной», «степенной и слаженной». В своем труде «Государство» он писал об опасности введения нового рода музыки – изменение музыкального стиля всегда сопровождается влиянием на важнейшие политические области [18. С. 448]. Конфуций также утверждал, что разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Воспитательная роль музыки состоит в том, что она косвенно способствует тому, чтобы обостренно реагировать на оппозицию добра и зла в собственном поведении [1].

Выдающийся английский пианист и композитор К. Скотт, опровергая представление о том, что музыка рождается культурной эпохой, утверждал, что сама культурная эпоха создается музыкой, при этом каждый специальный род музыки по-своему влияет на историю, культуру и мораль. Существует много естественнонаучных исследований влияния музыки на человека.

В XIX ученый И. Догель установил, что под воздействием музыки меняются кровяное давление, частота сокращений сердечной мышцы, ритм и глубина дыхания, как у животных, так и у человека [7. С. 121]. Об эффективности положительного влияния музыки на состояние человека еще в первой половине XX в. писали В.М. Бехтерев (1916), Б.Г. Ананьев (1928), Л.С. Выготский (1925). Под влиянием звуков мышцы стимулируют расширение и сужение артерий, а определенный ритм влияет на пульс [3. С. 105-124]. Русский хирург академик Б. Петровский делал операции под музыку, отмечая, что при этом организм работает более гармонично. Н.Н. Захарова и В.М. Авдеев исследовали функциональные изменения в ЦНС при восприятии музыки, осуществляя запись ЭЭГ, исследования свидетельствуют о большой активности коры головного мозга [8. С. 915-929].

Советский музыковед и музыкальный социолог А. Сохор считал причиной появления музыки потребность в эмоциональных контактах. Воздействуя на эмоционально-чувственный мир, музыка помогает психологически сблизить и сплотить в коллектив людей, не требуя словесного перевода. В данном случае она является системообразующим фактором, создавая но-

вую общность. Существует немало исследований роли музыки в социально-политической жизни общества. Музыка может призывать к справедливости либо к насилию, к популяризации идей, поддержке кандидата, может воздействовать на молодежь, выступать в пропагандистской роли.

Американский ученый А. Мерриэм предлагал развивать взаимопонимание между разными народами путем изучения различных музыкальных культур, отходя от европоцентристского образа мышления. В конце XX века роль американской популярной музыки рассматривается с двух сторон – воспевание «американской мечты» и средство сопротивления и противостояния. Отечественные работы по исследованию музыкального искусства связаны с идеей служения искусства задачам общества и государства, целям просвещения, патриотического воспитания» [21].

Информационные процессы, во-первых, способствуют развитию культурного многообразия, а во-вторых, создают предпосылки для доминирующего культурного влияния заинтересованными участниками межкультурного диалога. За вторую половину XX века американская массовая культура превратилась в широко потребляемую в мире продукцию.

Массовая музыкальная культура получает широкое распространение благодаря глобализации информационного пространства, развитию СМИ, телевидения и других средств трансляции. Наблюдаемое явление проникновения американской массовой культуры за счет предпочтения ее продукции музыкальной и киноиндустрии [4], развитие прямых контактов с аудиторией, программ научных стипендий выводят глобальный имидж США в рейтингах GFK в число сильнейших в мире.

Рациональность современного человека создает более благоприятные условия для развития массовой культуры и менее всего – для академической ввиду иррациональности самой музыки в сочетании с отсутствием музыкального воспитания в школе [22]. Деление музыки на профессиональное и непрофессиональное, массовое и элитное может привести к потере ее общезначимости, глубины, общепонятности. Академическая музыка по-прежнему выполняет свои функции со времен античности. Однако она требует эстетической и этической подготовки, некоторых музыкальных и философских знаний, поэтому остается невостребованной у массового слушателя. При отсутствии музыкального воспитания музыкальный материал может быть сложен для восприятия. Это связано, как установлено психологами, с количеством информации, содержащейся в нем. Закономерности и предсказуемые элементы не несут для слушателя новой информации, поэтому такой материал легче для восприятия и осмысления [5. С. 352]. Однако частая повторяемость одних и тех же фрагментов мелодии и текста лишает необходимости творческого осмысления произведения, создает общее ощущение сплошного ритма. Воздействие специальных ритмов, агрессивных средств подачи ориентированы на возбуждение стихийных

эмоций, раскрепощение сферы бессознательного и выхода негативных эмоций [16. С. 40]. Массовая музыка часто демонстрирует подчинение творчества какой-либо цели: рекламы, пропаганды, развлечения.

Наибольшей восприимчивостью и доверия к средствам музыкального искусства обладает молодое поколение в возрасте от 18 до 28 лет; люди более старших поколений готовы строить ассоциативные связи между конкретным музыкальным произведением и ситуацией [21]. Ограничителем влияния «мягкой силы» является сильная культурно-историческая традиция, цивилизационные барьеры, выступающие в роли «фильтров», которые на уровне архетипов защищают от нежелательного воздействия [12].

Сохранение национального характера российской культуры в условиях выработки общеевропейских ценностей позволит избежать культурологического разлома, сопровождающегося превращением художественного производства в индустрию, падением художественного вкуса населения [9]. Необходимо отметить, что кризис традиционных форм духовной культуры в современной цивилизации можно понимать и как кризис трансляции традиционной духовной культуры [2. С. 158]. Наличие ценного музыкального контента играет охранительную роль.

Задачи обеспечения информационно-психологической безопасности, связанные с навязыванием ложных ценностей извне, решаются знанием истории своей страны, укреплением духовной связи между поколениями, составляющими богатый духовно-нравственный потенциал России [14].

Указанные факторы обосновывают необходимость повышения интереса к традициям классической и народной музыки, и эти задачи объективно возлагаются на систему музыкального воспитания и образования. Успех музыкальной культуры определяется, в первую очередь, качеством профессионального и дополнительного музыкального образования, воспитательными традициями школ и семьи.

Однако образовательные услуги в настоящее время оцениваются как снижающиеся, а отечественная массовая культура определяется в целом как неконкурентоспособная [17]. Именно раннее приобщение к музыке является основополагающим принципом музыкального воспитания и обучения. Более раннее знакомство с музыкальной культурой разных народов также создает более весомый тезаурус для межкультурного диалога. Проводимые среди студентов музыкальных ВУЗов исследования показывают, что широкий спектр музыкальных предпочтений личности способствует развитию этнокультурной толерантности, что отвечает, как одним из важнейших принципов педагогики музыкального образования [13], так и современным задачам воспитания в целом.

Критерий «Образование» международного рейтинга факторов «мягкой силы» характеризует наличие программ студенческого обмена, количество обучающихся в стране иностранцев. Российские музыкальные ВУЗы также

открывают программы по международному обмену студентами и преподавателями, в рамках которых проходят стажировки, мастер-классы, концерты. Прогрессивные исследователи в области музыкальной психологии «подчиняют свои задачи интересам развития передовой музыкальной культуры, гуманизма в музыкальном искусстве, целям массового музыкального воспитания, развития личности» [5. С. 352].

Основными целями «Национальной доктрины образования в Российской Федерации» на период до 2025 года являются преодоление социально-экономического и духовного кризиса и «восстановление статуса России в мировом сообществе как великой державы в сфере образования, культуры, науки, высоких технологий и экономики» [15].

В рамках программ принято реализовать привлечение детей во внеурочное время к музыкальному искусству, участию в творческих коллективах, а улучшению качества профессионального образования будут способствовать повышение статуса вузовской науки, а также углубление интеграционных и междисциплинарных программ в их сочетании с прорывными высокими технологиями.

Уникальная Российская система музыкального образования, основанная на апробированных исторических традициях обучения и воспитания на лучших образцах классической и народной музыки» представлена трехступенной моделью – музыкальная школа/школа искусств, училище/колледж искусств, ВУЗ и двухступенной – средние специальные музыкальные школы/хоровые училища, ВУЗ. Для подготовки преподавателей для ВУЗов существует возможность обучения в ассистентурах-стажировках и аспирантуре.

Музыкальное образование, ранее функционировавшее в контексте государственной культурной политики, сейчас находится в поле зрения образовательной политики. Оно сегодня теряет качество подготовки специалистов из-за потери преемственности ступеней обучения, несогласованности их содержательных частей, отсутствия связи детских школ, училищ и вузов между собой. В силу психоэмоционального, физиологического развития становление музыкантов должно осуществляться на протяжении 17-19 лет с помощью преемственных образовательных программ [19]. Необходимость сохранения указанных моделей позволит своевременно развивать и совершенствовать профессиональное мастерство музыкантов.

В условиях информационного общества «системно-последовательная работа над собой, вовлеченность в непрерывный процесс самообразования, саморазвития – неотъемлемые составляющие творческой жизни педагога-музыканта» [6]. Концепция непрерывного образования зародилась еще во взглядах древних философов. Необходимость продолжения обучения после окончания вуза обосновывает создание систем повышения квалификации, а также возможность дополнительного обучения в других вузах, за рубежом.

Наряду с известными традициями советской и российской высшей школы включение в общемировое образовательное пространство с применением экскурсионных, телевизионных, «кружковых» и других форм работы позволит нашей стране не выглядеть, а действительно быть привлекательной также для иностранных студентов [20. С. 314].

Воспитательная, языковая, коммуникативная, охранительная и системообразующая роль музыки в сочетании с улучшением качества дополнительного и профессионального музыкального образования на всех объективно необходимых его этапах способствуют повышению как профессионального мастерства музыканта, так и духовно-нравственного потенциала государства, являясь существенным фактором его «мягкой силы» в условиях вхождения в глобальное международное культурно-образовательное пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Адаева Н.А.* Музыка и нравственное развитие человека: К истории и теории проблемы. Автореф. дис... к. фил. наук. Саранск, 2000.

2. *Аксюмов Б.В.* Кризис традиционных форм духовной культуры в современной цивилизации. Автореф. дис... к. фил. наук. М.-Ставрополь, 2002.

3. *Бехтерев В.М.* Вопросы, связанные с лечебным и гигиеническим значением музыки // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1916. № 1-3.

4. *Бобыло А.М.* «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Журнал «Вестник» Бурятского государственного университета. 2013. № 14 // <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-mezhdunarodnoy-politike-osobennosti-natsionalnyh-strategiy>.

5. *Бочкарев Л.Л.* Психология музыкальной деятельности. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997 г.

6. *Дальская В.А.* Формирование певческого голоса у студентов-вокалистов средствами визуального моделирования в вузах культуры и искусств.

7. *Догель И.М.* Влияние музыки на человека и животных. Публичная лекция 2-е изд. исправ. и дополн. Казань, 1898.

8. *Захарова Н.Н.* Функциональные изменения ЦНС при восприятии музыки / Н.Н. Захарова, В.М. Авдеев // Журнал высшей нервной деятельности. 1982. Т. 32. Вып. 5.

9. *Ирхен И.И.* Российское образование в сфере культуры и искусства. Дис. ... д. культурологии. Москва, 2012.

10. Исследование GfK: Anholt-GfK Nation Brands Index 2017 / GfK. Growth from Knowledge. М., 04.12.2017 // <https://www.gfk.com/ru/press/issledovanie-gfk-anholt-gfk-nation-brands-index-2017>.

11. *Костюк О.В.* Межкультурная коммуникация в процессе глобализации современного мира. Автореф. дис... к. фил. наук. Ставрополь, 2002.

12. *Леонова О.Г.* Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhozef-nay-i-myagkaya-sila-popytka-novogo-prochteniya>.

13. *Майковская Л.С.* Феномен этнокультурной толерантности в музыкальном образовании. Автореферат дис... д. пед. наук. М., 2009.

14. *Матвеев Ю.И., Галаева М.Г.* «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // Журнал «Politbook». 2015. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-sovremennoy-geopolitiki> <https://cyberleninka.ru/>.

15. Национальная доктрина Российской Федерации // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97368/.

16. *Олейник М.А.* Функции музыки в европейской культуре: философско-антропологический аспект. Автореф. дисс. доктор философских наук. Ростов-на-Дону, 2007.

17. *Паршин П.Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитический доклад // Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. М., 2013. № 36.

18. *Платон.* Государство / перевод с древнегреческого А.Н. Егунова. Москва: Издательство АСТ, 2020. (Эксклюзивная классика).

19. Программа развития системы российского музыкального образования на период с 2015 по 2020 годы // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_252345/.

20. *Сурма И.В.* Дипакадемия и проблемы «мягкой силы» образования. Дипломатическая академия МИД России. 80 лет во благо Отечества: 1934-2014 / под. ред. Е.П. Бажанова. М.: Издательство «Весь мир», 2014.

21. *Табакаев Д.Б.* Использование музыкальных средств в современной политике. Автореф. дис кандидат политических наук. Кемерово, 2005.

22. *Трифонова И.А.* Академическое вокальное искусство как социокультурный феномен. Автореф. дис...к.фил. наук. Тюмень, 2011.

23. *Шереметьева А.* Россия заняла 22-ю позицию в рейтинге национальных брендов // Next Brands. М., 08.12.2015 // <http://www.brandreport.ru/rossiya-zanyala-22-yu-poziciyu-v-rejtinge-nacionalnyx-brendov/>.

O.V. SEMENOVA
*Senior Lecturer at the Department of Public
Administration in Foreign Policy Diplomatic Academy
of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia*

MUSICAL AND INFORMATIONAL SPACE OF THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT AS A FACTOR OF THE “SOFT POWER” OF THE STATE

The article examines the musical content of the global multicultural environment from the standpoint of an informational approach. The role of music in the political life of the state and in international relations in different periods of history has been investigated. Shows its educational, linguistic, communicative, protective and system-forming role. The perception of sound content through the sensory-emotional sphere characterizes it as a special technology of communication interaction. A significant role in using the rich potential of musical art is assigned both to the art sphere itself and to the system of additional and professional education as factors of “soft power”.

Key words: *soft power, culture, art, music, education, politics, intercultural communication, audio information.*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕНИН ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ ПАТРИСЕ ТАЛОНЕ (2016-2021 гг.)

Статья посвящена политическим и экономическим реформам в Республике Бенин при президенте Патрисе Талоне. Она начинается с экономических реформ, позволяющих улучшить деловой климат в Республике Бенин и заканчивается на особенностях политических реформ. Реформы в целом вызывают недовольство у оппозиционеров, именно поэтому в статье рассказывается о важности установления национального диалога.

Ключевые слова: политические реформы, экономические реформы, Республика Бенин, национальный диалог, структурная трансформация, частный сектор.

Реформа – преобразование, переустройство, изменение чего-либо. Экономические реформы – это крупные преобразования, которые ведутся в целях осуществить ту экономическую политику в состоянии справиться с низкой эффективностью экономической системы, а также возникновением экономических кризисов [5. С. 479]. Политические реформы – это переустройство политической жизни общества. Они связаны с изменением институтов государства, с изменением порядка и отношений. Другими словами, они касаются эволюционного развития общества, его социальных и политических институтов [6]. Политические реформы в основном могут быть осуществлены исходя из трех способов. Первый способ заключается в осознании и необходимости правящего класса проводить политические реформы внутри страны. С данным способом констатируется определенное разногласие между правящей и политической (т.е. оппозицией) классами страны. Второй способ заключается в отречении власти связанным с отказом от нее господствующих политических сил, осознавших бесперспективность своего правления. Данный способ в основном встречается в случае прекращения (распада) авторитарных режимов власти. Третий способ осуществления политических реформ касается постепенного реформирования

власти объединенными усилиями. Речь идет о объединенных усилиях правящего класса и оппозиции. Данный способ осуществления политических реформ считается более эффективным так, как он приводит к круглым столам и облегчает национальный диалог внутри страны [7].

После прихода к власти в 2016 году Президент Патрис Талон посветил свой президентский мандат многочисленным реформам, у которых основная цель – позволить стране иметь быстрый темп развития во всех сферах. Задача кажется трудной, но по словам самого Патриса Талона она реализуема [8]. Реформы в первую очередь политические, поэтому от политической воли зависит успех во всех остальных сферах развития. Реформы в основном касаются судебной администрации, государственного управления, обороны и безопасности, международного сотрудничества и дипломатии, образования, финансирования программ и налоговых положений, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и т.д.

Важно отметить, что впервые в политической истории Республики Бенин наблюдается масштабная реформация государственных институтов после конституционного референдума 1991 года. Реформы на сегодняшний день без сомнения амбициозные, но как показывает практика они могут не реализоваться особенно без воли политического класса. В продолжении исследования, данная научная статья будет концентрирована на экономических и политических реформах, а также на причины их применения.

Экономические реформы для улучшения делового климата в Республике Бенин. Главная цель президента Патриса Талона с экономическими реформами – поставить частный сектор в центр структурной трансформации экономики Бенина. В процессе осуществления экономических реформ республика Бенин явно демонстрирует свое желание привлечь еще больше инвесторов, создавая более благоприятный деловой климат не только для государственных, но и для частных субъектов (акторов), действующих на территории страны [2]. На самом деле с 2018 года правительство Республики Бенин в пользу частного сектора начал серию реформ, с которыми основная цель является облечением делового развития данного сектора. Поэтому под руководством министра экономики и финансов Ромюальда Удагньи были установлены более пятидесяти реформ. Отметим, что до сегодняшнего дня продолжается установление других экономических реформ, несмотря на тяжелое экономическое положение, связанное с пандемии COVID-19.

С политической точки зрения напомним, что успех экономических реформ в стране позволят президенту иметь поддержку народа особенно во время выборов так, как развитие частного сектора и востребованность рабочих сил взаимосвязаны. Другими словами, можно сказать, что в стране констатируется отсутствие востребованности рабочих сил из-за медленного темпа развития частного сектора, что сильно увеличило число безработи-

цы. Поэтому изучение экономических реформ в Республике Бенин при президенте Патрисе Талоне позволяют понять насколько они влияют на весь жизненный цикл местных компаний и насколько они взаимодействуют с госслужбами, что может привести к поднятию уровня популярности Главы Государства.

Важно отметить, что реформирование частного сектора в Республике Бенин имеет большое влияние на жизненный цикл и деятельность компаний. В майском отчете 2020 года Министерства экономики и финансов Республики Бенин о экономических реформах, было отмечено, что влияние на жизненный цикл и деятельность компаний способствует: облегчением взаимодействия с госслужбами за счет упрощения и оцифровки процедур, сокращая их стоимость и путем установления максимальных сроков; поощрением прозрачности через правовую базу и четки процедуры; поддержкой включения и защиты пользователей [9]. Имея влияние на частные сектора в стране как выше было сказано, эти меры представляют собой необходимость для изменения правил экономической деятельности Бенина, в частности, для малого и среднего бизнеса, что позволяет стране становиться образцовым центром для экономической активности и инвестиции не только в регионе Западной Африки, но и на континенте. В процессе реформирования частного сектора, правительство президента Патриса Талона через министерство экономики и финансов упростило процедуру открытия собственного бизнеса для граждан. Отмечается:

- Поддержка гендерного равенства путем удаления требования свидетельства о браке для женщин в процедурах подачи документов, удостоверяющих личность.

- Дематериализация процесса создания бизнеса с онлайн-процедурами и платежами на сайте «www.monentreprise.bj».

- Стоимость создания индивидуального предприятия установлена в размере 10 000 франков КФА (что составляет около 1300 рублей).

- Стоимость создания компании (ООО и АО) установлена в размере 17 тысяч франков КФА (что составляет около 2300 рублей).

В заключении данной части исследования важно отметить, что благосостояние частного сектора занимает ключевое место в политике экономического развития Республики Бенин. Правительство президента Патриса Талона, для достижения эффективного экономического развития вынуждено пройти важнейший путь с экономическими реформами. Отметим, что успех реформ от части зависит от постройки системы, в которой они легко, могут быть применены. Поэтому можно утвердить без сомнения, что несмотря на необходимость благосостояния государственных правовых органов для контроля соблюдения закона о реформах, внутренняя политическая стабильность прежде всего является важным аспектом для устойчивого развития любого государства [1].

Особенности политических реформ в Республике Бенин. Политические реформы в Республике Бенин при президенте Патрисе Талоне похожие на первый способ реформирования как было указано в начале данного исследования так, как констатируется отсутствие национального диалога между правящим классом и оппозицией. На самом деле политические реформы имеют как основную цель – восстановление Государства, уважающее демократический процесс [3]. Это главный слоган правящего класса в политике продвижения данных реформ. На практике констатируется, что Конституция от 11 декабря 1990 г. предлагает президенту страны слишком большее полномочие над институтами Государства, поэтому основные причины принятия политических реформ следующие:

– Президент Республики Бенин обладает «подавляющей» властью, которая позволяет ему доминировать над всеми другими учреждениями, поставить под свой исключительный контроль средства государства, ослабить права и проводить дискриминацию при исполнении обязанностей.

– Исполнительная власть стала уязвимой так, как она сталкивается с конституционными и структурными нарушениями. Она продолжает свою работу лишь для собственного поддержания и развития в ущерб коллективной динамике.

Именно поэтому политические реформы имеют прямую связь с реформированием Конституционного суда, Верховного суда, политических партий и СМИ. Реформы, провоцирующие разногласие между правящей элитой и оппозицией, являются реформами политических партий. Без углубления в детали важно отметить, что основной пункт заключается в требовании от политических партий репрезентативности во всех регионах страны. Данное решение систематически обеспечивает исчезновение маленьких или региональных политических партий, у которых основная цель зарабатывать в политике за счет голосов народа (избирателей) данных регионов. Решение также обеспечивает прекращение развития, этнополитические партии, которые являются большой угрозой для политической стабильности страны так, как в Республике Бенин встречается более 35 этносов [4].

Политические реформы также имеют цель – реформировать не только политическую, но в первую очередь избирательную систему страны. По словам Патриса Талона реформы должны обеспечить демократию, но при этом значительно уменьшить количество политических партий, которое составило около 200. Можно также прийти к выводу, что политические партии с данными реформами могут объединиться для того, чтобы создать сильные политические блоки, которые реально смогут верить в победу во время выборов. Но уввы политические реформы вызвали недовольство у большого количества политических лидеров страны. Среди них отмечается: Себастиан Аджавон (один из главных оппозиционеров Патриса Талона во время президентских выборов 2016 года), Нисефор Дьедоне Согло (бывший президент

Бенина «1991-1996»), Яйи Бони (бывший президент Бенина «2006-2016»). На сегодняшний день из-за политических реформ правительства, в парламенте представлены только 2 политические партии. Такое явление по мнению ученых недопустимо так, как парламент является главным институтом государства обеспечивающий равноправие и демократию.

В заключении данной части исследования отметим, что политические реформы являются необходимостью для политического развития Республики Бенин. Но правительство Патриса Талона в процессе изменения политического строя через политические реформы не сумел уговорить политического класса в частности оппозицию по поводу некоего консенсуса вокруг данных реформ.

Заключение. Политические и экономические реформы в Республике Бенин при президенте Патрисе Талоне без сомнений являются амбициозными. Но нельзя доверять правящей элите, если она даже лучше понимает линию политико-экономического развития страны. Для осуществления политических реформ очень важно отметить, что национальный диалог должен играть ключевую роль. Именно он (национальный диалог) позволит стране объединить все свои силы для достижения более эффективного результата в процессе принятия реформ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Билюга С.Э.* Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Журнальный клуб «Интелрос Век глобализации». 2018. № 2 // <http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/ek2-2018/35909-politicheskaya-stabilnost-osnovnye-podhody-k-analizu-ustoychivosti-politicheskikh-sistem.html>.

2. Официальный сайт правительства Республики Бенин // DOING BUSINESS – Découvrez la synthèse des réformes opérées par le gouvernement pour l'amélioration du climat des affaires au Bénin. 2020 // <https://www.gouv.bj/actualite/672/doing-business---decouvrez-synthese-reformes-operees-gouvernement-amelioration-climat-affaires-benin/>.

3. Официальный сайт президента Патрис Талон // <https://patricetalon.com/portfolio-posts/lom/>.

4. Официальный сайт Википедии. Catégorie: Groupe ethnique au Bénin // https://fr.wikipedia.org/wiki/Cat%C3%A9gorie:Groupe_ethnique_au_B%C3%A9nin.

5. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 1999 // https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/20401.

6. *Штомпка Т.* Социология социальных изменений. М., 1996.

7. Электронная библиотека «ИФ РАН Новая философская энциклопедия». Реформа политическая. 2018 // <https://iphlib.ru/library/collection/new-philenc/document/HASH362b18885da2356a0b8c36>.

---

8. Interview exclusive à Iréné Herman Houngbo et à VOA Afrique: Patrice Talon défend ses réformes politiques. 2020 // <https://www.voaafrique.com/a/benin-patrice-talon-d%C3%A9fend-ses-r%C3%A9formes-politiques/5264821.html>.

9. Mémoire sur les réformes mises en œuvre par le gouvernement du Bénin en faveur de l'amélioration du climat des affaires. 2020 // <http://doingbusinessin-benin.com/>.

ADOHOUNDE YAOVI SYLVESTRE

*Assistant, department of foreign languages,
faculty of humanities and social sciences RUDN;
Post-graduate student of the Peoples' Friendship
University of Russia, Cotonou, Benin*

**FEATURES OF POLITICAL
AND ECONOMIC REFORMS IN THE REPUBLIC
OF BENIN UNDER PRESIDENT
PATRICE TALON
(2016-2021)**

The article is devoted to political and economic reforms in the Republic of Benin under President Patrice Talon. It starts with economic reforms to improve the business climate in the Republic of Benin and ends with the specifics of political reforms. The reforms in general cause discontent among the opposition, which is why the article talks about the importance of establishing a national dialogue.

Key words: *political reforms, economic reforms, Republic of Benin, national dialogue, structural transformation, private sector.*

ЮАР, США, БРИКС: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

В статье рассматриваются отношения Южноафриканской Республики с Соединенными Штатами Америки через призму экономического сотрудничества при политическом противостоянии на мировой арене. Автором выдвигается положение о том, что несмотря на явные признаки политического противостояния по отдельным вопросам международной повестки дня, ЮАР динамично развивает экономическое сотрудничество с США, что иллюстрирует многовекторный характер внешней политики Претории.

Ключевые слова: ЮАР, США, Совбез ООН, БРИКС.

Отношения Южноафриканской Республики с Соединенными Штатами Америки отчасти основаны на соблюдении демократических принципов и поддерживаются многоплановыми двусторонними соглашениями. Южная Африка официально является стратегическим партнером США [5], которые имеют значимое дипломатическое присутствие в Южной Африке и куда с достаточной периодичностью осуществляются визиты американских руководителей на самом высоком уровне [8]. Первый президент демократической Южной Африки Нельсон Мандела посетил США в октябре 1994 года, ответный визит американского президента Билла Клинтона состоялся в марте 1998 года, через два года в мае 2000 США посетил второй президент Южной Африки Табо Мбеки, в ЮАР состоялось два визита президента США Барака Обамы в июне и в декабре 2013 года.

Основной формой двусторонних отношений ЮАР и США является Ежегодный двусторонний форум (Annual Bilateral Forum – ABF), который является одним из структурированных двусторонних механизмов между этими двумя странами. Цель ABF – проанализировать прогресс в отраслевом сотрудничестве и дать рекомендации относительно будущего сотрудничества, которое продвигает интересы обеих стран. Во время форума высокопоставленные официальные лица из нескольких правительственных

ведомств Южной Африки и их коллеги из посольства США обсуждают текущие и будущие аспекты сотрудничества в таких областях, как экономическое развитие, торговля и инвестиции, здравоохранение, базовое и высшее образование, сельское хозяйство, энергетика, водные ресурсы, окружающая среда, транспорт, наука и технологии, а также безопасность [4]. Помимо АБФ, стоит отметить и укрепление поддержки Нового партнерства для развития Африки (NEPAD – НЕПАД) в администрации и конгрессе США, поддержку расширения торговли, в частности посредством Акта об экономическом росте и возможностях в Африке (AGOA – АГОА) и путем использования механизмов стимулирования торговли и инвестиций, таких как двустороннее рамочное соглашение о торговле и инвестициях (Trade and Investment Framework Agreement – TIFA) [1]. Следует подчеркнуть, что Акт об экономическом росте и возможностях в Африке, принятый Конгрессом США в 2000 году, содействует развитию торговых отношений между США и Африкой в целом, был продлен до 2025 года президентом Бараком Обамой. В отличие от других преференциальных торговых соглашений, АГОА является односторонней торговой уступкой США, которая дает наименее развитым и развивающимся странам Африки к югу от Сахары дополнительный доступ к рынку США. Однако данный документ составлен на основе широкого круга условий, таких как уважение и поощрение верховенства закона, уважение прав человека, соблюдение демократических и рыночных экономических принципов. Критерии приемлемости АГОА также диктуют необходимость устранения барьеров для торговли и инвестиций из США. Из всех африканских стран ЮАР удалось наиболее эффективно расширить цепочки добавленной стоимости именно в своем регионе, что в результате позволило увеличить экспорт в Соединенные Штаты продукции из сферы машиностроения, химической и сельскохозяйственной промышленности.

Южная Африка является крупнейшим торговым партнером США в Африке. В 2016 году объем двусторонней торговли между США и Южной Африкой составил 11,2 миллиарда долларов США [2]. В 2017 году ЮАР была 35-м по величине источником импорта США и 43-м по величине экспортного направления США в мире. Двусторонняя торговля товарами в 2017 году составляла 13 миллиардов долларов (5 миллиардов долларов в экспорте и 8 миллиардов долларов в импорте США), по сравнению с пиковыми показателями (16,7 млрд долларов) в 2011 году. Торговля услугами в 2017 году составляла 4,8 миллиарда долларов (2,9 млрд. долларов в экспорте и 1,9 млрд. долларов в импорте США) [3]. Экспортные товары США в ЮАР – автомобили, техника, оборудование и запчасти, самолеты. США импортируют из ЮАР в основном транспортные средства и запчасти, драгоценные и другие металлы, алмазы и химикаты. В 2017 году объем прямых иностранных инвестиций США в Южную Африку составлял 7,34 млрд. долларов США и был направлен преимущественно на производство химикатов и продуктов

питания (51%), профессиональные и технические услуги (9,6%), оптовую торговлю (8%). Объем прямых иностранных инвестиций ЮАР в США составлял 4,1 млрд долларов [6]. Статистические данные позволяют сделать вывод, что за последнее десятилетие экономическое сотрудничество ЮАР и США имеет хорошие темпы развития.

Помимо экономического сотрудничества, отношения ЮАР и США необходимо рассматривать и через призму политических взаимоотношений на международной арене. За последние годы некоторые вопросы международной повестки дня стали поводом политических разногласий между ЮАР и западным блоком во главе с США. В рамках работы Генеральной Ассамблеи и Совета безопасности ООН делегации данных сторон занимали противоположные позиции относительно сирийского и украинского конфликтов, а также политического кризиса в Венесуэле. Линия голосования ЮАР по перечисленным вопросам заметно отличалась от позиций своих западных партнеров. Например, Южная Африка решительно возражала против операции НАТО в ходе ливийского кризиса. Важно отметить, что при этом Южная Африка присоединилась 17 марта 2011 года к ряду других постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности ООН, проголосовав за резолюцию 1973 СБ ООН, согласно которой Организации Объединенных Наций и мировому сообществу нужно было принять «все необходимые меры» для защиты гражданских лиц в условиях эскалации конфликта в Ливии. Операция в конечном итоге была осуществлена НАТО, что привело к противоречивым последствиям. По данному вопросу ЮАР очевидно голосовала по линии западных стран. Стоит отметить, что суть самой резолюции противоречила ряду ключевых принципов внешней политики Южной Африки, такие как невмешательство во внутренние дела других государств (особенно африканских), сопротивление применению силы при разрешении международных кризисов. Проявившееся в этом голосовании несоответствие принципам внешней политики ЮАР в последующем отразилось в поиске иных подходов к решению ливийского вопроса. Изменение курса ЮАР впервые стал очевидным уже на Совещании лидеров стран БРИКС в апреле 2011 года в Китае, когда страна пересмотрела свою позицию и вместе с другими ведущими странами развивающегося мира высказалась против применения военной силы в Ливии. Момент был тревожным для международного авторитета Южной Африки, так как она была единственной страной группы БРИКС, которая во время своего представительства в Совете Безопасности ООН, проголосовала в марте 2011 года за запретную зону полетов в Ливии. В произошедшем изменении своего мнения немаловажную роль сыграла правящая партия Южной Африки – Африканский Национальный Конгресс (АНК), который подтолкнул политическое руководство страны и президента Джейкоба Зуму придерживаться линии поиска «политического решения» конфликта и призывать к остановке военной кампании

НАТО. Очевидно, что ЮАР изменил свою позицию и под влиянием БРИКС, что привело к определенным осложнениям в отношениях страны с западным блоком в целом.

Позже в 2017 году возникли опасения по поводу того, что результаты голосования в ООН могли нанести ущерб отношениям ЮАР с США. В декабре 2017 года, незадолго до того, как Генеральная Ассамблея ООН проголосовала против Соединенных Штатов в связи с решением Администрации Трампа перевести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим, посол США в ООН Никки Хейли предупредила, что она составит список стран, которые проголосовали против Соединенных Штатов Америки. На ежегодном докладе Госдепартамента США Конгрессу о схемах голосования членов ООН, Никки Хейли подчеркнула, что, если Южная Африка последовательно проголосует против США в ООН, ее помощь от Штатов окажется под угрозой [7]. Данная риторика безусловно отражает ожидания США от тех стран, с которыми они имеют плотные двусторонние экономические отношения.

На наш взгляд, в ходе своих голосований в ООН Южная Африка не намеренна была принципиально противопоставлять свою позицию Соединенным Штатам. Скорее, схема голосования ЮАР отражала цели правительства Претории в конкретный момент времени по конкретному вопросу. Очевидно, что за период президентства Трампа представления о внешней политике Южной Африки и Соединенных Штатов не совпадали по разным вопросам международной политики. Данный факт с трудом воспринимался в Вашингтоне, но власти Претории намерены были вести более самостоятельную международную политику, отвечающую интересам ЮАР. Линия развития отношений Вашингтона с Преторией при новой американской Администрации пока неясна. Вероятно, что Администрация Байдена рассмотрит новые взаимные двусторонние и региональные торговые соглашения с африканскими странами, так как срок действия Акта о росте и возможностях в Африке (AGOA) истекает в 2025 году.

В целом, следует сделать вывод, что Южная Африка, как и другие члены группы БРИКС, поддерживает динамичные экономические отношения с США, что соответствует национальным интересам Претории. Политическое противостояние с Соединенными Штатами по отдельным вопросам международной повестки дня может являться следствием скоординированного мнения партнеров (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) в рамках БРИКС. При этом важно отметить, что принятые решения странами группы БРИКС в ООН по ключевым международным вопросам от Ливии до Сирии и Венесуэлы полностью соответствовали нормативным документам внешней политики большинства государств БРИКС. Что касается ЮАР, то страна демонстрирует намерение сохранять многовекторный характер своей внешней политики и найти баланс в своих взаимоотношениях со странами БРИКС и Западом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Двусторонние отношения ЮАР. Сайт DIRCO // <http://www.dirco.gov.za/foreign/bilateral/usa.html>.
2. Cyril Prinsloo. AGOA and the future of US-Africa trade relations, South African Institute of International Affairs, 17 March 2016 // <https://saiia.org.za/research/agoa-and-the-future-of-us-africa-trade-relations/>.
3. International trade center // <http://www.intracen.org/country/South-Africa/>.
4. South Africa-United States Strategic Dialogue: 10th Annual Bilateral Forum (ABF). U.S. Embassy and Consulates in South Africa // <https://za.usembassy.gov/south-africa-united-states-strategic-dialogue-10th-annual-bilateral-forum-abf/>.
5. State Department, “U.S. Relations with South Africa”, December 21, 2018 // <https://www.state.gov/u-s-relations-with-south-africa/>.
6. U.S. International Trade in Goods and Services, 2017 // <https://search.bea.gov/search?affiliate=u.s.bureauofeconomicanalysis&query=south+africa+2017>.
7. UN Voting Report Could Upset U.S.-South Africa Relationship. Council of foreign relations, 2018 // <https://www.cfr.org/blog/un-voting-report-could-upset-us-south-africa-relationship>.
8. Visits by Foreign Leaders of South Africa. Office of the Historian, Foreign Service Institute. United States Department of State // <https://history.state.gov/departmenthistory/visits/south-africa>.

AGONNOUDE BIDOLEY VIANNEY FREDDY

*Assistant of the Department of Political Analysis
and Management of the Peoples' Friendship University
of Russia (RUDN University), Cotonou,
Republic of Benin*

SOUTH AFRICA, USA, BRICS: ECONOMIC COOPERATION AND POLITICAL CONFRONTATION ON THE INTERNATIONAL STAGE

The article examines the relations of the Republic of South Africa with the United States of America through the prism of economic cooperation in the conditions of political confrontation on the world stage. The author makes an assumption that despite the obvious signs of political confrontation on certain issues of the international agenda, South Africa is dynamically developing its economic cooperation with the United States, which illustrates the multi-vector nature of Pretoria's foreign policy.

Key words: *South Africa, the United States, the UN Security Council, BRICS.*

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ЯПОНИИ РАЗВИТИЮ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Автор рассматривает официальную помощь Японии развитию других стран через призму целей устойчивого развития ООН. Согласно проведенному анализу, Япония сосредотачивает свою поддержку преимущественно на Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: официальная помощь Японии развитию, устойчивое развитие Азиатско-Тихоокеанского региона, цели устойчивого развития ООН, официальная помощь развитию, Япония, АТР.

В 2015 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи были приняты 17 целей устойчивого развития на период до 2030 г. (далее ЦУР). Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в своем, выступлении на Политическом форуме высокого уровня по устойчивому развитию, созываемого под эгидой Экономического и Социального Совета (июль 2019 г.), подчеркнул важность ЦУР, предложив сделать грядущее десятилетие десятилетием действий в интересах устойчивого развития.

Япония уделяет большое внимание имплементации ЦУР. На национальном уровне Правительство Японии выделило более ста целей, которые в той или иной степени соотносятся с ЦУР. По мнению А.А. Игнатова [1], особенно следует отметить, проработанность целей, связанных с обеспечением поступательного, всеохватного и устойчивого роста, полной и производительной занятости и достойной работе для всех (ЦУР № 8). Опыт Японии в поддержке ЦУР за рубежом проявляется в ее официальной помощи развитию других стран.

В 2019 г. официальная помощь развитию (далее ОПР) Японии составила 15,5 млрд долл. (1). По данному показателю Япония занимает четвертое место в мире и является самым большим донором в Азии (см. рисунок 1). По сравнению с предыдущим годом ОПР возросла на 7% (с 14,2 млрд долл. до 15,2 млрд долл. в постоянных ценах 2018 г.). ОПР в 2020 финансовом

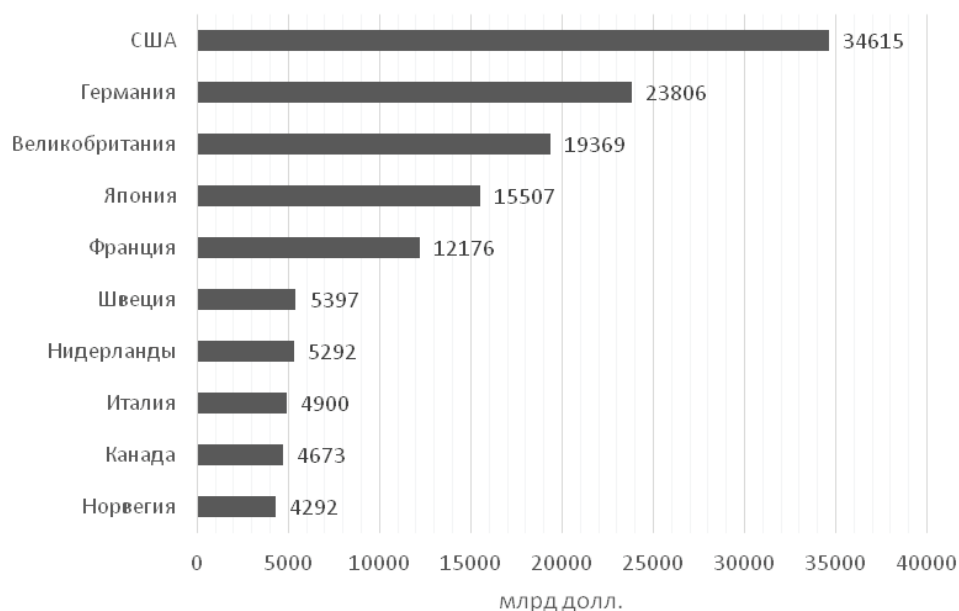

Рис. 1. Топ-10 доноров официальной помощи развитию в 2019 г. (3)

году, как ожидается с учетом кризиса COVID-19, возрастет на 3% и составит 15,7 млрд долл. (2). По доле ОПР в валовом национальном доходе страны Япония в 2019 г. заняла 13 место (0,29%). При этом в 2018 г. данный показатель был равен 0,28%.

По данным на 2018 г., в структуре ОПР традиционно преобладает двусторонняя помощь – 77%. Доля многосторонней – 23%, что ниже среднего значения по Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, 41%). При этом в структуре двусторонней помощи преобладают инфраструктурные проекты – 36%, затем следуют энергетика – 15%, мультисекторные проекты – 10%, вода и санитария – 8% [3] (см. рисунок 2).

Наибольшая доля официальной помощи развитию приходилась на государства с низким и средним уровнем дохода (60%) (4), это страны Азии (59,7% от всего объема двусторонней помощи). Наибольшими реципиентами в 2018 г. были Индия, Бангладеш и Вьетнам (см. рисунок 3). 9% ОПР – страны с низким уровнем дохода (5). При этом 11,3% приходилось на страны к югу от Сахары, что на 10% меньше среднего уровня по ОЭСР [3]. Доля Ближнего Востока и Севера Африки – 11,5%, Латинской Америки и Карибских островов – 2,5%, Океании – 2,1%, Европы – 0,6%. Сразу на несколько регионов приходилось 12,3% [4].

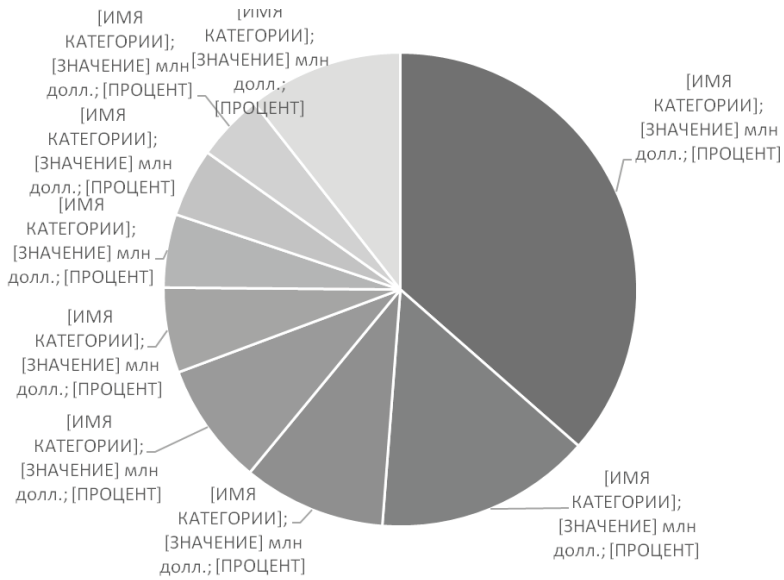

Рис. 2. Структура двусторонней помощи Японии в 2018 г. (3)

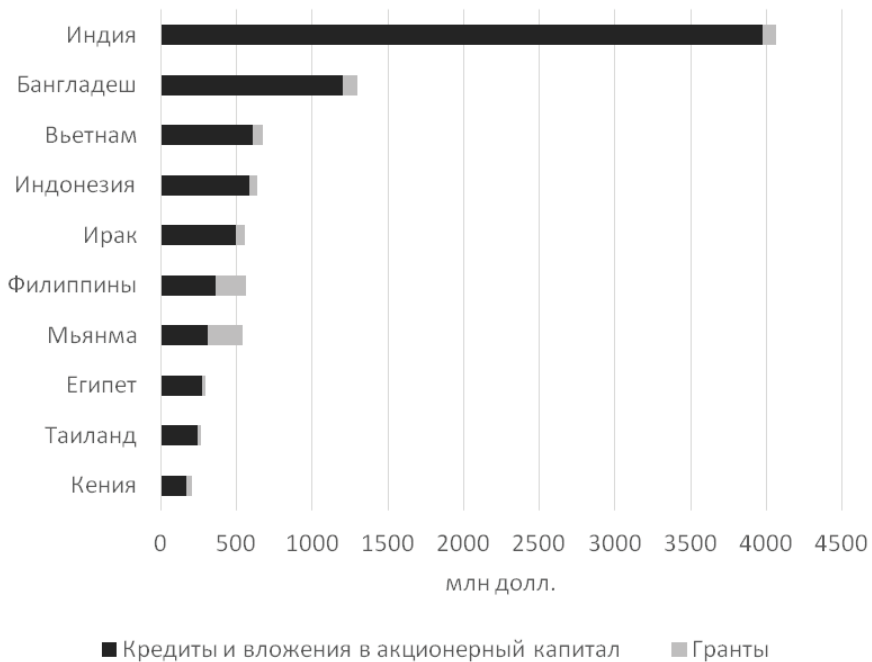

Рис. 3. Топ-10 реципиентов официальной помощи развитию Японии в 2018 г. (3)

Несмотря на фокус официальной помощи развитию Японии на ее двусторонней части, по многосторонней поддержке страна занимает пятое место в мире. В 2018 г. по сравнению с предыдущим годом доля помощи многосторонним организациям возросла на 5%. Самыми крупными реципиентами были Всемирный банк (49%), региональные банки развития (23%; в основном это Азиатский банк развития и Африканский фонд развития), агентства ООН (12%) [3].

Долгосрочные цели развития Японии определены в Уставе сотрудничества в целях развития, подписанном в 2015 г. В этом документе первоочередное внимание уделяется вовлечению японского частного сектора в развитие сотрудничества, в частности в Азии. Устав выделяет три приоритетных направления политики Японии в сфере содействия международному развитию: 1) содействие «качественному росту» в интересах искоренения бедности; 2) распространение универсальных ценностей и создание мирного и безопасного общества; 3) развитие устойчивого и стабильного международного сообщества через противодействие глобальным угрозам [1. С. 199].

Устав закрепляет распределение полномочий между государственными органами Японии и профильными ведомствами, ответственными за реализацию мероприятий политики по содействию развитию. «Мозговым центром», обеспечивающим стратегическое планирование деятельности страны в рассматриваемой сфере, является Управление по продвижению ЦУР, возглавляемое премьер-министром Японии. Связующим звеном и центральным элементом практической реализации политики Японии в сфере развития является Министерство иностранных дел Японии. Непосредственным выполнением запланированных мероприятий занимается Японское агентство международного сотрудничества (JICA). Агентство взаимодействует с другими государственными агентствами, вовлеченными в разработку и осуществление программ в сфере развития: Японским банком для международного сотрудничества (JBIC), Экспортно-кредитным агентством Японии (NEXI), Японской корпорацией по осуществлению зарубежных инфраструктурных инвестиций для городского и транспортного развития (JOIN). Государство берет на себя обязательства по установлению партнерских отношений с другими акторами для привлечения финансирования из большего количества источников [1. С. 199-200].

В статье Раймонда Ямамото «Траектория стратегического использования ОПР и реформы – начиная от Накасонэ Ясухиро до Абэ Синзо» [5] дается более подробное описание политики Японии в сфере ОПР и ее эволюция.

Бывший Премьер-министр Японии С. Абэ в своей речи на саммите АСЕАН-Япония заявил, что страна намерена поддерживать государства АСЕАН в следующих областях: развитие качественной инфраструктуры, зеленые инвестиции, расширение финансового доступа и поддержка женщин. Министр иностранных дел Т. Мотэги выступил на данную тему в декабре

2019 г. и озвучил, что Япония пустит в оборот 3 млрд долл. государственного и частного капитала на реализацию данных приоритетов, включая 1,2 млрд долл. кредитов и инвестиций Японского международного агентства по сотрудничеству в страны АСЕАН [3].

В 2018 г. Япония приложила много усилий для создания общества, в котором «никто не оставлен в стороне». Это одна из постоянных целей развития, основанная на концепции «безопасности человека», которую Токио ставит перед международным сообществом уже несколько лет. Концепция безопасности человека является исключительно значимой платформой для проведения более глубинного анализа первопричин отсутствия безопасности, а также удовлетворения нужд и потребностей в укреплении потенциалов стран и народов. Такой подход является весьма актуальным для сотрудничества Японии и Программы развития ООН в поддержку реализации Целей в области устойчивого развития, будь то сокращение бедности, обеспечение устойчивости к изменению климата и бедствиям или построение инклюзивного общества и укрепление мира [2]. Япония выполнила ряд инициатив в развитых и развивающихся странах, касающихся неравенства и бедности, терроризма, беженцев, вынужденных переселенцев, природных катаклизмов, изменения климата и инфекционных заболеваний. Одной из них было всеобщее медицинское страхование, предоставляющее доступ к основным медицинским услугам. Япония оказывала поддержку странам Африки и другим государствам с недостаточными условиями здравоохранения и санитарии, в т.ч. в их борьбе с инфекционными заболеваниями.

В связи с недавними событиями в Сирии, Бангладеше и Мьянме, число беженцев и вынужденных переселенцев увеличилось практически до 70 млн человек, что превысило уровень конца Второй мировой войны. Япония предоставляет гуманитарную помощь беженцам и другим лицам в трудной жизненной ситуации, в т.ч. женщинам, инвалидам и детям в развивающихся странах.

Токио выступает с инициативой «Сотрудничество в достижении «качественного роста», в рамках которой стремится к экономическому росту, ведущему к самодостаточному развитию в развивающихся странах. «Разделяя универсальные ценности и претворяя в жизнь мирное и безопасное общество», Япония распространяет общие ценности свободы, демократии, основных прав человека и верховенство закона в развивающихся странах, тем самым обеспечивая мир, стабильность и безопасность, а также «прилагая усилия к ответу на глобальные вызовы и продвижению человекоцентричного развития» [4].

В 2018 г. Япония провела ряд международных конференций, связанных с развитием в развивающихся странах, в частности, «Восьмая встреча лидеров тихоокеанских островов» в мае, «Саммит Меконг-Япония» и «Встреча министров. Токийская международная конференция по африканскому развитию» в октябре.

Япония в рамках стратегии «Свободное и открытое пространство Индийского и Тихого океанов», озвученной в 2016 г. Премьер-министром С. Абэ, усилила свою поддержку на Африканском континенте. Стратегия обращает основное внимание на соединяемости Африки и Азии для продвижения стабильного роста двух регионов. ОПР играет важную роль в стратегии и включает в себя усиление потенциала и построение инфраструктуры в Африке и Азии. Кроме того, в рамках вышеуказанной стратегии Япония выступает за свободу навигации, верховенство права, повышение связуемости через качественную инфраструктуру в соответствии с международными стандартами, строительство военно-морских мощностей.

Краткосрочные приоритеты развития определены в ежегодной «Приоритетной политике международного сотрудничества». С 2016 г. этот документ содержит одни и те же главные приоритеты: мир и стабильность международного сообщества, ответ на глобальные вызовы, экономическая дипломатия, продвижение высококачественного роста. Приоритетная политика 2019 г. обсуждает реализацию стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», важность ответа на глобальные проблемы, приложение дипломатических усилий для поддержки японской экономики.

Важной темой поддержки развития является помощь в связи с новой коронавирусной инфекцией COVID-19. Япония интегрирует свой международный ответ на кризис COVID-19 при обсуждении темы здоровья и безопасности человека, которая является одной из наиболее приоритетных, а также экономического восстановления. Если ранее финансирование осуществлялось из бюджета на чрезвычайные ситуации и дополнительных затрат, то в 2021 г. на это будет заложена специальная статья расходов.

В конечном счете, анализ ОПР Японии показал, что Токио предоставляет поддержку развитию преимущественно странам Азиатско-Тихоокеанского региона. При этом особое внимание уделяется обеспечению здорового образа жизни и содействию благополучию для всех в любом возрасте (ЦУР № 3); содействию поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех (ЦУР № 8); созданию стойкой инфраструктуры, содействию всеохватной устойчивой индустриализации и инновациям (ЦУР № 9).

Такой выбор приоритетов указывает на то, что правительство Японии подчеркивает роль ОПР как стратегического дипломатического и экономического инструмента Устава сотрудничества в целях развития и стратегии «Свободного и открытого пространства Индийского и Тихого океанов». Это проявляется, например, в большем использовании двусторонней помощи по сравнению с многосторонней, а также в разрешении на использование военной силы для невоенных целей. Эти тренды являются ясным отражением применения ОПР для продвижения японских интересов в линии с внешнеполитической стратегией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) В текущих ценах.
- (2) В постоянных ценах 2018 г.
- (3) Построено по данным [3].
- (4) В среднем по ОЭСР данный показатель равен 23%.
- (5) В среднем по ОЭСР – 19%.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Игнатов А.А.* Опыт имплементации Целей устойчивого развития ООН // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: Доклады, представленные на VI Международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2019.
2. Япония и ПРООН: повышение безопасности человека в Европе и СНГ / Программа развития Организации Объединенных Наций // <http://www.eurasia.undp.org/>.
3. Donor tracker: Japan // https://donortracker.org/country/japan?gclid=C-jwKCAiA8ov_BRAoEiwAOZogwWvlqY72Hiixbf3XNihRa8cqc-iW_zHXYY-cd dLZpVK2IdPK6DyEMIXoCqNEQAvD_BwE.
4. White paper on Development Cooperation 2018 // <https://www.mofa.go.jp/files/000554942.pdf>.
5. *Yamamoto R.* The Trajectory of ODA's Strategic Use and Reforms – from Nakasone Yasuhiro to Abe Shinzo // Australian Journal of International Affairs. 2020. Volume 74. Issue 6: Diplomatic and Security Practice under Abe Shinzo: The Case for Realpolitik Japan.

M.A. SHOLKOVA

*Post-graduate student of the Diplomatic Academy,
third secretary of the Third department of CIS countries
MFA of Russia, Moscow, Russia*

JAPAN'S OFFICIAL DEVELOPMENT ASSISTANCE AND ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ASIAN PACIFIC REGION

The author examines Japan's official development assistance through the prism of the UN sustainable development goals. According to the analysis, Japan focuses its support mainly on the Asian-Pacific region.

Key words: *Japan's official development assistance, sustainable development of Asian Pacific region, UN sustainable development goals, official development assistance, Japan, APR.*

УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОВЫХ МЕДИА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В ПЕРИОД ПОСТ-COVID-19

В данной статье исследуются особенности влияния COVID-19 на международные отношения и внешнюю политику современных государств в контексте медиадискурса. В период начала распространения коронавируса были закрыты физические офисы ВТО, Генеральной ассамблеи ООН, правительства, Министерства иностранных дел. В условиях невозможности осуществления деятельности в прежней форме, правительства, дипломатические институты и политики организовали кампании по продвижению своей деятельности в новых медиа. Новые медиа стали эффективным инструментом реализации внешнеполитической деятельности современных государств. Однако, с точки зрения политической науки пандемия коронавирусной инфекции все чаще рассматривается как кризис, обостряющий потенциальные и реальные угрозы медиа-пространства.

Ключевые слова: COVID-19, кризис, внешняя политика, Италия, иммиграция, новые медиа, популизм, Twitter, США.

В 2020 году в результате распространения COVID-19 произошел один из крупнейших экономических кризисов современности, оказавший влияния на все сферы как политической, так и общественной жизни. В период начала распространения коронавируса были закрыты физические офисы ВТО, Генеральной ассамблеи ООН и Министерства иностранных дел. В условиях нарастающей неопределенности в системе международных отношений политический процесс столкнулся с вынужденным поиском инновационных подходов. Правительства, дипломатические институты и политики организовали кампании по продвижению своей деятельности в новых медиа. 11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила пандемию коронавирусной инфекции в мире. Об этом сообщил генеральный директор организации Тедрос Гебрейесус во время брифинга в Женеве. Примечательным является тот факт, что информация мгновенно стала до-

ступной по всему миру благодаря новым медиа. «Мы пришли к оценке того, что COVID-19 может быть охарактеризован как пандемия», – так выглядел пост на официальной странице ВОЗ в Twitter [17]. Официальные лица стали «экспериментировать с методами работы, к которым никогда раньше не прибегали. Цифровой мир предоставил множество возможностей, которые способных укрепить и развивать международное сотрудничество», – отмечает исследователь международных отношений Д. Родоньо [4]. Этот опыт освещения событий, связанных с COVID-19 стал отправной точкой и показательным примером для деятельности других пользователей медиа так или иначе связанных с внешнеполитической деятельностью государств.

Крайне важным для осмысления использования новых медиа в контексте внешнеполитической деятельности является понимание уверенного лидерства США в целом ряде областей: «неоспоримая военная мощь и способность ее проекции в глобальном масштабе, доминирование в финансовой и экономической сферах (особенно в сфере инноваций), культурное доминирование и несопоставимые с другими участниками международных отношений возможности в информационной сфере» [2. С. 63-75]. Автором термина также является американский исследователь Р. Ньюман, описывающий в своих трудах новые медиа как «новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента» [14]. Появившиеся в информационном обществе, созданном и подконтрольном Соединенным Штатам новые медиа постепенно становятся основным ресурсом в борьбе за власть и сферу влияния на международной арене.

Период распространения COVID-19 выявил основные достоинства и недостатки использования новых медиа для реализации внешней политики и дипломатии. Исследователи международных отношений разделились на тех, кто считает, что новые медиа обладают рядом преимуществ для ведения политики и тех, кто видит в них угрозу и вызовы существующему миропорядку. Американские исследователи из Центра публичной дипломатии Университета Южной Калифорнии К. Бьола и И. Мэнор рассматривают новые медиа в качестве канала для дипломатической коммуникации, выстраивания диалога с гражданами, находящихся за рубежом, а также в качестве эффективного инструмента конструированию имиджа государства [8].

Рассмотрим опыт использования новых медиа в качестве канала дипломатической коммуникации. Во время пандемии стал активно использоваться формат проведения онлайн-конференций, который стал инструментом организации официальных мероприятий на государственном и международном уровне. В ноябре 2020 года саммит Группы двадцати (G20) состоялся в формате видеоконференции. Основными темами дискуссии стали меры по борьбе с COVID-19, а также процесс восстановления мировой экономи-

ки. По данным Организации Объединенных Наций всего в период с марта 2020 года по конец декабря 2020 года состоялось 1200 конференций онлайн. Такой формат позволил «бесперывно продолжать деятельность, осуществляемую ООН и другими международными организациями», – подчеркивает А. Абделели [4]. Особый интерес представляют онлайн-кампании Министерств иностранных дел, которые столкнулись с поиском решений в трех разных областях: консульская помощь гражданам, оказавшимся за рубежом, приобретение медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты медперсонала, содействие международному сотрудничеству в области поиска вакцины от коронавирусной инфекции. Для помощи гражданам, вынужденным оставаться за рубежом в результате закрытия государственных границ, Министерством иностранных дел были организованы так называемые чат-боты. В сотрудничестве с мессенджером WhatsApp, Всемирная организация здравоохранения запустила специальную службу обмена сообщениями на четырех языках (арабском, английском, французском и испанском), в которой гражданам были доступны отчеты о ситуации, рекомендации о поездках и предостережения о недостоверной информации. Таким образом, система использования чат-ботов, позволила решить проблему с нехваткой человеческих ресурсов и продемонстрировала свою эффективность в условиях кризиса [8].

Современный временной период охарактеризован переходом от централизованного к децентрализованному глобализму [1]. Прежний глобальный миропорядок, основанный на глобальном лидерстве сверхдержав сменяется на такую систему международных отношений, в которой происходит формирование новых центров силы. Среди наиболее ярких примеров продвижения внешнеполитического имиджа в медиа-пространстве следует отметить подъем Итальянской Республики. Имевший негативные реакции в период начала борьбы с COVID-19, внешнеполитический имидж страны приобретает положительные характеристики, а сама политика Италия становится «моделью по сдерживанию вирусов».

Италия стала первой страной европейской страной, в которой произошла вспышка распространения новой коронавирусной инфекции. Два случая заражения были зарегистрированы в Риме в конце января у туристов из Китая [5]. Дальнейшее распространение вируса привело к кризису системы здравоохранения в стране, а первоначальный скептический настрой со стороны правительства вызвал ряд негативных реакций мирового сообщества. Так, губернатор региона Лацио Н. Дзингаретти провел публичное рукопожатие и написал на своей официальной странице в Twitter: «Наша экономика сильнее страха: мы выходим за аперитивом, кофе и пиццей» [18]. Позже у него был диагностирован COVID-19. Неэффективный ответ со стороны правительства привел к растущему числу смертей и, как результат, незамедлительной негативной реакции в медиа-пространстве. Во время деба-

тов Джо Байден приводит в качестве отрицательного примера итальянскую систему здравоохранения [7]. *New York times* называет Италию «кошмарным эпицентром» [16]. *Bild* публикует кадры с колоннами военной техники, перевозящих трупы [6]. С точки зрения конструктивизма, как одного из постмодернистских подходов, все представления о политическом субъекте или объекте транслируются с помощью различных средств коммуникации, в том числе новыми медиа. «В основе постмодернизма лежит анализ языка и дискурса международных отношений, а также истоков и оснований наших интерпретаций окружающего мира», – отмечает П. Цыганков [3. С. 590]. Однако в дальнейшем Рим вводит ряд жестких ограничений, включающих режим самоизоляции и запрет на промышленную и коммерческую деятельность. Спустя полгода в Италии снижается уровень как заражений, так и смертности, который сопоставим с показателями в Германии и в Финляндии – говорится в издании *Foreign Policy* [10]. В современном медиадискурсе отмечается трансформация имиджа Итальянской Республики с успешной демонстрацией «модели по сдерживанию вирусов» [11].

Неоспоримым является тот факт, что даже в сложные времена борьбы с пандемией Итальянская Республика организует культурные мероприятия с соблюдением всех мер безопасности, демонстрируя культурные ценности государства. В сентябре 2020 в миланском соборе Дуомо состоялось выступление хора и оркестра «Ла Скала». Концерт с исполнением «Реквиема» Джузеппе Верди прошел в память о всех жертвах пандемии [13]. Согласно Министерству иностранных дел Италии, культурное продвижение играет ключевую роль во внешней политике страны и является неотъемлемым элементом итальянской идентичности в мире [9]. Таким образом, политика Италии в период пандемии позволила сформулировать тезис о том, что новые медиа являются эффективным инструментом, позволяющим конструировать имидж государства.

Медиатизация политического пространства порождает угрозы и вызовы, которые касаются проблем информационной безопасности. Современные конфликты все чаще определяются как «новые войны» и имеют принципиально новую модель. М. Калдор пишет, что «новая война» подразумевает противостояние не только между государствами и военными, но и между террористическими и преступными группировками [12]. При этом определение «войны» как «войны между государствами» в современном контексте глобализации становится анахронизмом. Дополнительным измерением войны становится технологическая конкуренция, которая может быть продемонстрирована как оснащенностью медицинским оборудованием, так и общим уровнем подготовки к кризисной ситуации.

Среди новых вызовов, возникающих в результате использования новых медиа ряд ученых отмечает рост анти-иммиграционных настроений и поляризации в обществе. Группа исследователей из Германии во главе

с У. Станцелем утверждают: «сегодня мы взаимодействуем с растущим разнообразием действующих лиц, которые охватывают множество различных и сосуществующих общественных областей». Эти разнообразные общественные сферы существуют «бок о бок, иногда не касаясь друг друга; они также могут работать вместе или сталкиваться и разделяться на новые частицы» [15]. Политическая практика показывает, что обострение противоречий в обществе приводит к возникновению анти-иммиграционной риторики в актуальной повестке новых медиа. В США появляются дискурсивные стратегии, связанные с идеями популизма. В Европе зафиксирован новый импульс развития крайне правых партий, ориентированных на продвижение националистической идеологии. Вместе с тем, происходит формирование «границ», разобщающих и поляризующих общество.

На сегодняшний день мир по-прежнему сталкивается с решением проблем, возникших в связи с кризисом распространения COVID-19. В результате изменений, затронувших все сферы как политической, так и общественной жизни все большую значимость приобретают новые медиа, которые становятся каналом коммуникации современных государств. С одной стороны, новые медиа служат целям внешней политики и дипломатии, позволяют конструировать внешнеполитический образ государства и выстраивать диалог на международном уровне. С другой стороны, новые медиа только входят в обиход политологической науки и могут представлять угрозы и вызовы современности, такие как: новые войны, киберугрозы и нарастание поляризации в обществе, которое приводит к возникновению анти-иммиграционных настроений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Костин А.* Геополитика и глобальное управление в условиях формирующегося мирового порядка в начале XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-i-globalnoe-upravlenie-v-usloviyah-formiruyuschego-sya-mirovogo-poryadka-v-nachale-hhi-v>.

2. *Соловьев Э.* Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12.

3. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. Учебное пособие. М.: Гардарики, 2003.

4. *Abdeleli A.* Digital diplomacy in the era of COVID-19 // SWI // <https://www.swissinfo.ch/eng/digital-diplomacy-in-the-era-of-covid-19/46374914>.

5. *Albarelo F., Pianura E., Di Stefano F., Cristofaro M., Petrone A., Marchioni L.* 2019-novel Coronavirus severe adult respiratory distress syndrome in two cases in Italy: An uncommon radiological presentation. *Int J Infect Dis* (2020). DOI: 10.1016/j.ijid.2020.02.043.

6. Armees transportiert Corona-Tote // Bild // <https://www.bild.de/news/ausland/news-ausland/schockierende-bilder-aus-italien-armee-transportiert-corona-tote-69489308.bild.html>.

7. Biden on coronavirus: Medicare for All “would not solve the problem at all” // CNN Politics // https://edition.cnn.com/politics/live-news/2020-democratic-debate-live-updates/h_501d1e381370480bd021916a86029534.

8. Bjola K., Manor I. Digital diplomacy in the time of the coronavirus pandemic // The CPD Blog // USC Center of Public Diplomacy // <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/digital-diplomacy-time-coronavirus-pandemic>.

9. Diplomazia Culturale // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale // http://www.esteri.it/mae/it/politica_estera/cultura.

10. How Italy Snatched Health From the Jaws of Death // Foreign Policy // <https://foreignpolicy.com/2020/09/23/italy-mismanagement-covid-19-health-pandemic/>.

11. How Italy Turned Around Its Coronavirus Calamity // The New York Times // <https://www.nytimes.com/2020/07/31/world/europe/italy-coronavirus-reopening.html>.

12. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era, 3rd ed. Redwood City: CA, Stanford University Press, 2012.

13. Nel Duomo di Milano il Requiem di Verdi per le vittime del coronavirus // La Stampa // <https://www.lastampa.it/milano/2020/09/02/news/nel-duomo-di-milano-il-requiem-di-verdi-per-le-vittime-del-coronavirus-1.39260005>.

14. Neuman W. Russell The Internet and four dimensions of citizenship / W. Russell Neuman, Bruce Bimber, Matthew Hindman // http://www.wrneuman.com/nav_pub.html.

15. Stanzel V. (ed.) New Realities in Foreign Affairs: Diplomacy in the 21st Century SWP Research Paper 2018/RP 11, November 2018.

16. This is the bleak heart of the world’s deadliest coronavirus outbreak // New York Times // <https://www.nytimes.com/interactive/2020/03/27/world/europe/coronavirus-italy-bergamo.html>.

17. «We have therefore made the assessment that #COVID19 can be characterized as a pandemic» // Tedros Adhanom Ghebreyesus // Twitter // <https://twitter.com/drtedros/status/1237800188225478658>.

18. Zingaretti contagiato dal Coronavirus. Il 27 febbraio era a Milano per l’aperitivo anti-panico // IL TEMPO.it // <https://www.iltempo.it/cronache/2020/03/07/news/nicola-zingaretti-lazio-positivo-coronavirus-sto-bene-regione-lazio-partito-democratico-aperitivo-milano-instagram-1291978/>.

O.N. POLTAVTSEVA

*Postgraduate student, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THREATS AND PROSPECTS OF NEW MEDIA IN FOREIGN POLICY OF MODERN STATES IN POST-COVID-19 PERIOD

This article aims to explain the potential for the COVID-19 pandemic to impact on international relations and the foreign policies of modern states. Since the beginning of the coronavirus crisis, The WTO, the UN General Assembly, governments and Ministries of foreign affairs were out of session. While physical diplomacy was under quarantine, governments, politicians have launched new media campaigns that feature their coronavirus-related activities. The new media have become as an effective tool of foreign policy in modern states. The findings reveal, the COVID-19 pandemic is often described as a “crisis”, from a political perspective, is exacerbating real or perceived threats of media space.

Key words: *COVID-19, crisis, foreign policy, Italy, immigration, new media, populism, Twitter, USA.*

МЕНЯЮЩАЯСЯ РОЛЬ ИЗРАИЛЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В данной статье рассматривается изменение роли Израиля в российской ближневосточной политике в советский и постсоветский периоды. Израиль занимал особое место во внешней политике России, в том числе и в советский период. Советско-израильские отношения были жестко подчинены советско-западной конкуренции и были враждебными, учитывая, что Израиль был союзником капиталистического блока. Отношения Советского Союза с арабскими странами в регионе создали еще больший антагонизм между СССР и Израилем, что в конечном итоге ограничило советское влияние на Ближнем Востоке. Российская Федерация, отказавшись от идеологической внешней политики СССР, восстановила дипломатические отношения и развила устойчивые отношения с Израилем на социальном, политическом и экономическом уровнях. Несмотря на меняющийся характер российско-израильских отношений, близость Израиля к Западу, особенно к США, остается критически важной для российской ближневосточной политики и сохранения своего влияния в регионе. После российской операции в Сирии в 2015 году ее рычаги влияния увеличились не только в Сирии, но и в Израиле, в контексте снижения американского интереса к региону. Можно сделать вывод, что хотя имидж Израиля как западного союзника в России со времен холодной войны не изменился, это не повлияло на ухудшение российско-израильских отношений, как это было во время холодной войны; напротив, Израиль стал важным вектором российской многосторонней политики на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: российская ближневосточная политика, Израиль, Ближний Восток, Россия, СССР, Запад.

THE CHANGING ROLE OF ISRAEL IN THE RUSSIAN MIDDLE EASTERN POLICY

This paper discusses Israel's changing role in the Russian Middle Eastern policy during the Soviet and post-Soviet periods. Israel has occupied a peculiar place in Russian foreign policy, including the Soviet period. The Soviet-Israeli relations were firmly subordinated to the Soviet-Western competition and were hostile given that Israel was an ally of the Capitalist Bloc. The Soviet relations with regional Arab countries created more antagonism between the USSR and Israel, which eventually restricted Soviet influence in the Middle East. The Russian Federation, abandoning the ideological foreign policy of the USSR, re-established diplomatic relations and developed stable relations in the social, political, and economic levels with Israel. Despite the changing nature of Russian-Israeli relations, Israel's affinity to the West, notably the US, has remained critical for the Russian Middle Eastern policy and maintaining its influence in the region. Since the Russian operation in Syria in 2015, its leverage increased not only in Syria but also in Israel, within the context of decreasing American interest in the region. It will be concluded that although Israel's image as a Western ally has not changed in Russia since the Cold War, it has not worsened the Russian-Israeli relations like during the Cold War; on the contrary, Israel has become an important vector of Russian multilateral policy in the Middle East.

Key words: *Russian Middle Eastern Policy, Israel, the Middle East, Russia, the USSR, the West.*

Introduction. After the collapse of the Soviet Union remarked the beginning of a new era of global order, to adapt itself to the new order, Russian Federation had a transition period as it strove to formulate its foreign policy priorities during the 1990s until the early 2000s. Different foreign policy schools in Russia, such as liberal, realist, Eurasianist, civilizationist, neo-communist schools, suggested various policies. Notably, at the beginning of Russian foreign policy-making, under the influence of the dominant Atlanticist/liberal idea among policy-makers, such as then-foreign minister Andrei Kozyrev, Russia has sought to develop good relations with the West and accelerated liberalization policies, which can enable access to the Western resources and accelerate Russian integration to the western world. In this regard, Israel has been one of those countries that Russia restored its relations with, following Gorbachev's perestroika. Israel was

assumed as a western ally in the Middle East, and Russian-western relations influenced Soviet/Russian attitude towards it, which sheds light on Russian-Israeli rapprochement. Opposition from Eurasianists and statist to the Atlanticist argument favoring the necessity of the Russian integration to the West gained power in the mid-1990s. After Yevgeny Primakov was appointed as minister of foreign affairs in 1996, he promoted better relations with Arab countries, which were mostly neglected during the early 1990s. This change towards a more cautious foreign policy-making in the Middle East had only a minimal negative effect, if any, on developing Russian-Israeli relations. Notwithstanding the developments in economic, political, and social level between the countries cannot be ignored, mutual contacts with Israel simultaneously with Arab countries with regards to the Arab-Israel conflict had more far-reaching importance for enhancing Russian stance in global politics as a global power which is eligible mediate resolution for the conflict between the sides.

The bilateral relations between the two countries deepened since Vladimir Putin took office in Kremlin. Since then, he has shown interest to Israel and became the first Russian president, who visited Israel in 2005. Putin came to power when Russia had faced very important changes in its threat perception, regarding the financial collapse of 1998, the NATO intervention in Kosovo and the start of the second Chechen war in 1999 [6. P. 11]. These major developments exposing Russia's security challenges in the economy, global and domestic policies outlined its foreign policy course at global and regional levels, which would also affect Russian-Israeli relations. Factors such as close ties with the US, economic and military developments, the Palestinian problem, which was sponsored by the Cold War politics, common enemy-radical Islam render Israeli vector both global and regional foreign policy component. The ideology-driven rivalry between the two blocks for the balance of power in the global extent and the regional policies of the superpowers, in this context the Middle Eastern policies, determined the instrumental role of Israel in antagonistic relations with the Western block in Soviet policies. After the collapse of the Soviet Union, the Russian negative perception of Israel has changed with the new realities of the post-Cold War period. The developing bilateral relations, the war against terrorism, and the Russian-speaking society of Israel have gradually emphasized the two countries' political and sociocultural resemblance. Nevertheless, Israel's image as an American ally has not changed in the eyes of Russian policy-makers, which still has substantial prominence in Russian-Israeli relations. The re-establishment of Russian-Israeli relations prevented Russia's further isolation from the Middle East peace process and regional politics. Russia's Syria operation in 2015 increased its importance for Israel's security as it happened for other regional powers against the backdrop of the faded American presence in the region. The increased coordination between Israel and Russia immensely over Syrian territories contributed to Russian diplomatic power in the region based on its multilateralism.

Israel as a western ally in bipolar world. The Middle Eastern policy of the Soviet Union has shaped by Marxist-Leninist ideology and further by the conflict with the Western imperialist block. The region was central to the balance of power struggle between the superpowers of the 20th century's world before and after World War II. Zionism, aspiring the foundation of a Jewish state in the Palestinian territories, was perceived as a bourgeois nationalist ideology by the Soviet government from its foundation until the 1930s. A Jewish country having close ties with Great Britain would pose a threat to anti-imperialist Soviet interests in the region [1. P. 264]. However, developments during the Second World War, including Jewish mobilization against Nazi Germany, changed Stalin's attitude towards Jewish people and Zionist Leaders. Jewish armed resistance against English presence in Palestine as Arab regimes were collaborating with Britain served hopes of Soviet post-war geopolitical plans on strengthening the Soviet influence in these territories [4. P. 134-135].

The Soviet Union made a great contribution to the foundation of the Israeli state by the economic and military aids during the first Arab-Israeli war, supported the partition of Palestine in the UN to establish independent Jewish and Arab states, following the declaration of independence of Israel in 1947, the Soviet Union was the first to recognize Israel officially. Nevertheless, the Israeli-Soviet rapprochement did not last long due to specific facts on the ground fostered by the conflict of Zionist and Marxist-Leninist ideologies of two governments, such as Israeli financial dependency on Jews of the capitalist world, the Israeli demand for Jewish immigration from the Soviet Union and increasing the pro-Israeli view of Soviet Jews [3. P. 524-526]. The bilateral relations kept being deteriorated by the bipolar nature of world order during the Cold War. The Soviet-Israeli relations were highly affected by the Arab-Israeli conflict entangled by the superpower competition. Soviet government backed anti-Western nationalist Arab regimes, which are the crucial clients of Soviet arms, and endorsed the Arab position in the conflict with Israel [2. P. 127]. The Soviet Union made a great contribution to the foundation of the Israeli state by the economic and military aids during the first Arab-Israeli war, supported the partition of Palestine in the UN to establish independent Jewish and Arab states, following the declaration of independence of Israel in 1947, the Soviet Union was the first to recognize Israel officially. Nevertheless, the Israeli-Soviet rapprochement did not last long due to specific facts on the ground fostered by the conflict of Zionist and Marxist-Leninist ideologies of two governments, such as Israeli financial dependency on Jews of the capitalist world, the Israeli demand for Jewish immigration from the Soviet Union and increasing the pro-Israeli view of Soviet Jews [3. P. 524-526]. The bilateral relations kept being deteriorated by the bipolar nature of world order during the Cold War. The Soviet-Israeli relations were highly affected by the Arab-Israeli conflict entangled by the superpower competition. Soviet government backed an-

ti-Western nationalist Arab regimes, which are the crucial clients of Soviet arms, and endorsed the Arab position in the conflict with Israel.

Under the Cold War rivalry circumstances, the severance of diplomatic relations seemed to Moscow a reasonable step to maintain the balance of power in the region, which would not steer a major conflict between the US and the USSR [7. P. 68]. As Yevgeny Primakov wrote in his book, too, it is widely accepted that this step restricted the role of the USSR in the Arab-Israeli regulation due to the absence of contacts with Israel [5. P. 264]. Israel and the Soviet Union continued six years-long secret talks for the restoration of diplomatic relations until 1977. The Soviets sought to gain a powerful position in the Middle Eastern conflict. However, the Israeli side was eager to rebuild the relations not to change the course of the Palestinian problem but to guarantee Jewish immigration from the USSR. In 1977 Moscow anticipated to shape Middle Eastern policy together with the US, but Egypt and Israel were reluctant to include the USSR in the ongoing secret talks under the American supervision, resulting in Camp David Accords in 1978 [7. P. 106]. The US economic support that it can achieve after the negotiations were critical for Egypt, whose foreign policy was experiencing a pro-American shift. With this shift towards the US in Egyptian policy, the USSR, critical of Israel and Egypt, invested in its relations with the Palestinians (PLO) and Syria. Nevertheless, it could not attain the leverage it had before.

With the changing dynamics in the Middle East, where American power was increasing at the expense of Soviet influence in the region, regional actors have gradually followed more independent and pragmatic policies, which Egypt started under Anwar Sadat's leadership. This led to two tendencies in regional politics. First was growing support to US policies in the region and efforts for better relations with it, and the second was the inclination to use diplomatic means. Having insufficient hard power to afford a military confrontation with Israel, Soviet-friendly countries like Syria undergirded the interest in diplomacy and peace talks. This pragmatist trend in the region kept increasing and is adopted by more countries until today. However, the Palestinian-Israeli problem has kept being one of the key problems in the region, according to which the regional balance shapes. In the early 1990s, the Arab-Israeli peace process has been one of the very few vectors that Russia indissolubly maintained the Soviet legacy in the region, as Russian leaders focused on Russia's integration in the Western world. However, it is worth mentioning that even during the perestroika years, Israel has been repeatedly reminded that it should stop its aggression against the Arab countries.

De-ideologization of foreign policy, acceptance of a more realistic approach in the understanding of the international relations enabled the development of a more multilateral Russian Middle Eastern policy, which could prevent a political polarization that Russia could not afford vis-à-vis the US during the early 1990s. The change in Russian and the Arab countries' foreign policies underlined the lowering importance of the Israeli-Palestinian problem, as it has lost its centrality to the

regional confrontations. Dealing with many problems that emerged in the post-Soviet territories and trying to build a new western national identity, Russia avoided a confrontation with the US in the region. Despite developing relations with Palestinian Liberation Organization, in line with Israeli and American preferences, Russia did not authorize its participation in the Madrid Peace Conference.

Israel as a western ally in the multilateral Russian foreign policy course.

The Madrid Peace Conference in 1991, which is the first diplomatic mission in the region that Russia participated in, contributed to the restoration of Russian-Israeli relations, which developed in economic, cultural, political levels since then. In the early 1990s, the course of bilateral relations was determined by the Russian-western relations as it was during the Cold War, yet this time coordination and cooperation were emphasized. Increased dialog with Israel contributed to enhancing Russian multilateral policy in the region, delivering Russia space for a maneuver. Until the launch of Russia's operation in Syria in 2015, the most critical topics of Russian-Israeli relations were Russian arms-sales and nuclear cooperation with countries hostile to Israel, the Palestinian question. Furthermore, maintaining the immigration of Russian Jews to Israel was a vital stimulus for Israel to have sustainable relations with Russia since the Cold War.

The Syrian Civil War changed the dynamics of bilateral relations. Decreasing American dominance since the last years of the Obama Administration, later Donald Trump's efforts to withdraw the US from the Middle East and his pro-Israeli policies opened several areas for Russia to strengthen its position in the region. First of all, Russia rescued the Assad regime from being overthrown, protected Russian interests, unlike in Libya in 2011. Second, Trump's close ties and policy decisions regarding the Israeli-Palestinian problem rendered Russia a more reliable peace-broker for the Palestinians. Third, its leverage over the Assad regime and the Iranian ground forces in Syria is critical for Israel's security. Russian military maneuver in Syria has been a very successful step to prevent its international isolation following the Ukrainian crisis. Furthermore, the Middle East was an adequate direction for Russia to project power, given its regional experience, existing alliances, the hesitance of western countries for direct involvement in the region following several failures since the 2003 Iraq invasion, moving American interest towards Asia. Russia could acclaim a strong position in the region following the Syria operation.

Russian foreign policymakers leaned from the zero-sum game with the US, which eventually restricted the USSR's influence in the region. Still lacking the Soviets' influence in the Middle East until the early 1980s, Russia follows a realist and opportunist foreign policy in the region. It maintains multiple dialogues with all of the regional actors, supports peace initiatives, even though it is not included, among conflicting parties. For example, Russia announced its expectation that the Abraham Accords, signed in 2021 under Donald Trump's mediatorship, contribute to peace in the region. Russia does not try to replace or

challenge the US in the Middle East. Although the US has not pursued an active policy in the region since the Obama Administration's last years, as it did during the 2000s, it still influences the region in economic, military, and diplomatic levels. The Abraham Accords reveal the ongoing pragmatism among Arab nations and the US leverage in the region, essential for the foreign policy decisions regarding the region.

The bilateral relations it developed with all political players in the region have become the main strength of Russian foreign policy in the region against the backdrop of decreased US interest in the region. Russia consolidated its diplomatic power following the military step it took in Syria, formed the Astana process with Iran and Turkey, also has taken part in the international meetings over the Libya Civil War, became a significant actor in the eyes of regional powers. Israel, among all of these regional players, has a unique place. It is the most important and the closest US ally, a rising regional power in the Middle East, and a party to the never-ending Palestinian question. It is among the world's most developed countries. Moreover, its Russian-speaking society is a potential source for establishing Russian soft power in the country and the region.

Israeli vector is an indispensable pillar of Russian multilateral policy in the region. Russia's stable relations with Israel can contribute to its relations with the US and other regional powers. First of all, as a historical American ally, Israel can help Russia to be involved in regional mechanisms initiated or lead by the US, which can gradually restrain American unilateralism in the region, started in the 1990s. Furthermore, Netanyahu's objective to make Israel a globally influential country has contributed to Russia's growing role in the region. In 2019 the trilateral Jerusalem talks between the US, Russian and Israeli security advisors constituted an example to this view. Although the meeting had no significant outcome, Israel's efforts have indicated a common ground the US and Russia can act as equal external players. Second, the Israeli model of maintaining stable relations with both sides can attract other pragmatic regional countries, who are hesitant to be dragged into a Cold War-like competition between superpowers. Cooperation with Israel and the anti-Israeli or anti-American powers in the region supports its multilateral policy and strengthens its diplomatic leverage. It is in Russia's interest to maintain its strategic position and relations with the regional powers, built since the Soviet period. However, Russia pragmatically employs its relations not to confront the West directly but to expand influence and establish new areas for cooperation.

Conclusion. The Russian assertive Middle Eastern policy began with its military operation in Syria in 2015, varies in many ways from that of the Soviet Union. Since the collapse of the Soviet Union, Russia favored a non-ideological foreign policy, which helped develop Russian-Israeli relations. During the Cold War, Israel was an ally of the Western capitalist bloc in the region, against which the USSR supported Arab governments. Due to its limited resources, both economic

and political, the USSR could not afford the zero-sum game in the region for an extended period. Although rapprochement with the West began with perestroika paved the way for American unilateralism in the Middle East, Russia could be a part of international processes, where it was excluded to some extent, such as the Israeli-Palestinian peace process. Russia, prioritizing not the Middle East but the former Soviet geography, has chosen multilateralism, enabling it diplomatic leverage, the least uncostly way to secure its interest in the region.

In contrast to Soviet policy during the Cold War, Russia developed bilateral relations with all regional actors, which has become its superiority to the US and pragmatically employed these relations to strengthen its position. Including Israel in the group of states, Russia maintains stable relations, has underlined the change in the Russian foreign policy in the region. The close American-Israeli relations are still critical for the Russian foreign policy-making regarding Israel. Nevertheless, unlike the Cold War period, they are an important incentive for Russia to continue better relations with Israel and avoid any isolation that Israeli-American cooperation can cause. On the other hand, Russia's leverage over its enemies encourages Israeli politicians to cooperate with Russia to restrain any threat against its security, which in turn would increase Russian influence in the region.

REFERENCES:

1. *Agapov M.G.* Origins of Soviet-Israeli Relations: "Jewish National Focus" in the Politics of the USSR in the 1920s – 1930s]. Tyumen': "Vektor Buk", 2011.
2. *Campbell J.C.* The Soviet Union and the United States in the Middle East. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1972; 1(401):126-135.
3. J.J. The U.S.S.R., the Soviet Jews, and Israel. The World Today. Royal Institute of International Affairs. 1958; 12(14): 518-532.
4. *Karasova T.A.* Palestine and Israel from World War II to the present. Moscow Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Vorobiev A.V. M., 2016.
5. *Primakov E.M.* Confidential Near East on stage and zakulisami (second half of XX – beginning of XXI century. Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 2006.
6. *Sergunin A.* Explaining Russian Foreign Policy Behaviour Theory and Practice. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016.
7. *Vasiliev A.* Russia's Middle East policy: from Lenin to Putin. New York: Routledge, 2018.

ПРОБЛЕМЫ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В АФГАНИСТАНЕ: ПОЛИТИКА РОССИИ В РЕГИОНЕ

В статье рассмотрена современная политика России в Афганистане с учетом стратегических, исторических и геополитических особенностей региона и интересов страны. Доказана возрастающая значимость России как гаранта по обеспечению переговорного процесса между всеми противоборствующими акторами, широким кругом политических партий и вооруженных группировок внутри Афганистана, включая движение «Талибан».

Россией предложен «Московский формат» взаимодействия региональных держав, который призван выработать консенсус по урегулированию конфликта. Одной из ключевых целей России является укрепление стратегического положения в регионе, защита южных границ и вывод армии США из страны. Выделены основные геополитические треки, которые будет развивать и продвигать Россия для стабилизации обстановки в Южной и Центральной Азии.

Ключевые слова: Афганистан, политика России в Афганистане, «Талибан», стабильность, региональная безопасность, гражданская война.

Развитие мирного процесса в Исламской Республике Афганистан является одной из важнейших проблем, которые привлекают внимание мирового сообщества. Проблема урегулирования положения в Афганистане имеет важное региональное значение. Варианты решения этого вопроса обсуждаются на международном уровне, что придает ему глобальный характер, вовлекая всех крупных игроков Азии, США и международные организации. Особое место занимает Россия, имеющая многовековую историю пребывания в регионе.

Взаимодействие России и Афганистаном началось еще в XIX веке, когда возникло понятие «Большая игра» – соперничество с Великобританией за контроль над Центральной Азией. Позже этот термин был популяризирован в романе Редьярда Киплинга «Ким», опубликованном в 1909 г. Алекс Кули отмечал, что в оригинальной Большой игре британское правительство воспринимало расширяющуюся Российскую империю как угрозу своим колониальным и экономическому господству в регионе [5. Р. 3].

Конфликт утих после того, как граница между Афганистаном и Российской империей была окончательно очерчена в 1895 году протоколами Памирской пограничной комиссии, установившей границу между Афганистаном и Российской империей. Эта граница – ныне граница между Таджикистаном и Афганистаном – остается зафиксированной в Русском географическом мышлении как эффективная Южная стратегическая граница России, а земля за Амударьей всегда рассматривалась как угроза безопасности: источник преступности, наркотиков, нестабильности, исламистского радикализма и вмешательства Запада.

Опасение, что Афганистан становится стартовой площадкой для тайных действий Запада против Советского Союза, являлось одним из факторов советской военной интервенции в 1979 г. Афганская война также оставила среди российских стратегических мыслителей и аналитиков идею о том, что Запад оказывает скрытую поддержку определенным исламистским группировкам боевиков, таким как Исламское государство Ирака и Сирии (ИГИЛ).

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. Россия сделала все возможное, чтобы избежать любого участия в последующей гражданской войне. Но к концу 1990-х г. рост Талибана и связи между народными исламистскими радикальными группировками и чеченскими повстанческими силами, действующими внутри России, вынудили поддерживать группу антиталибских сил Северного альянса в сотрудничестве с Ираном и ныне независимыми государствами Центральной Азии.

Антипатия России к талибам обеспечила на короткое время ее первоначальную поддержку США в Афганистане в 2001 г.

Однако после 2005 г, когда силы НАТО и США начали сталкиваться с растущей вооруженной оппозицией внутри Афганистана, западные усилия по превращению Афганистана в стабильное демократическое государство потерпели неудачу.

В 2014 году основная часть войск НАТО и США ушла с боевых позиций в Афганистане, оставив после себя ограниченный контингент. Это создавало как проблемы, так и возможности для России. С одной стороны, возможный полный вывод американских войск оставит после себя нестабильность на южном фланге России. С другой стороны, этот шаг США можно рассматривать как серьезный провал в Афганистане. Разрыв российско-западных отношений во время украинского кризиса в 2014 году открыл Афганистан как еще один фронт в глобальной конкуренции между Россией и Западом. Российские инициативы в Афганистане дали возможность вновь утвердить Россию в качестве доминирующего геополитического игрока в регионе [6].

Политика действующего правительства Афганистана противоречива по своей сути в отношении движения «Талибан» и не способствует стабилизации положения в стране. Можно отметить, что схема, где лояльность

покупается деньгами, крайне неустойчива и ее реализация может сподвигнуть тысячи афганцев вступить в ряды движения лишь для того, чтобы заработать. Поэтому дестабилизация положения в Афганистане для талибов является средством получения прибыли. С учетом этого, Институт демографии, миграции и регионального развития при взаимодействии с российским Межрегиональным обществом «Движение развития» выделяет три группы талибов: «черные», «серые» и «белые». К «черным» талибам относятся те, кто не является жителями Афганистана и только за деньги участвует в конфликтах внутри страны – арабы и другие нации. Их финансируют для ведения постоянных боевых действий в южной части Афганистана, большинство террористических актов совершаются данной группировкой. «Серые» талибы – это живущие в Афганистане профессиональные военные. Они не имеют никакого отношения к международному терроризму, «Аль-Каиде» и воюют только по причине многолетней нестабильности в Афганистане и деструктивных действий боевиков из других стран на этой земле. Третья группа – «белые» талибы, ее представляют те, кто в силу сложившихся тяжелых экономических условий в стране вынужден участвовать в военных действиях за плату для обеспечения своих семей. При наличии рабочих мест и условий для труда эти люди предпочли бы вести мирный образ жизни, они составляют большую часть вооруженной оппозиции [2. С. 76-88].

Исходя из этого, обеспечение мира в Афганистане военным путем невозможно. В этой связи необходимо, чтобы улучшилась экономика страны и сократилось число граждан, входящих в состав террористических группировок [1. С. 88-95].

Новым направлением афганской политики России стал ряд дипломатических инициатив на региональном уровне. Российские аналитики и официальные лица утверждали, что победить талибов военным путем невозможно. Единственным решением были политические переговоры. Но для политического урегулирования нужен был региональный консенсус. Россия вышла за рамки своих традиционных союзников в регионе, Индии и Ирана, и начала налаживать взаимоотношения с Пакистаном и углублять партнерство с Китаем.

27 декабря 2016 г. представители России, Пакистана и Китая встретились в Москве на трехстороннем саммите по Афганистану. Индия и афганское правительство были недовольны тем, что их исключили, и Москва расширила формат переговоров до структуры, названной «Московским форматом». В апреле 2017 г. в Москве состоялась еще серия переговоров, формат которых был еще более расширен и включал уже пять государств [9].

Дипломатический прорыв России произошел более чем через год, в ноябре 2018 года, когда был проведен саммит региональных держав в Московском формате наряду с внутриафганской встречей с участием талибов. Хотя афганское правительство отказалось присутствовать официально, в зале присутствовали некоторые члены Высшего совета мира.

6 февраля 2019 года в Москве состоялась так называемая первая встреча «внутриафганского диалога». Мероприятие подверглось критике со стороны президента Афганистана Ашрафа Гани, но на нем присутствовали традиционно пророссийские деятели, такие как бывший президент Афганистана Хамид Карзай, а также другие влиятельные лица, в том числе бывший советник по национальной безопасности Афганистана Ханиф Атмар, Атта Мохаммад Нур и другие. Присутствовала также делегация талибов в составе десяти человек. По итогам встречи было принято совместное коммюнике, в котором различные стороны договорились поддерживать постоянные переговоры и общие принципы возможного мирного урегулирования [12].

Последнее на сегодняшний день заседание расширенной «тройки» представителей России, КНР, США и Пакистана, посвященное содействию межафганскому процессу в целях достижения дипломатического урегулирования и постоянного и всеобъемлющего прекращения огня состоялось 18 марта 2021 г. в Москве. В мероприятии приняли участие делегации Правительства и Высшего совета нацпримирения, видных афганских политических деятелей, Движения талибов, а также Катар, и Турция в качестве почетных гостей [4].

Хотя Россия больше не занимала центральное место в мирном процессе во время переговоров между США и талибами, российские официальные лица продолжали свою многоуровневую политику в Афганистане, сочетая три направления: активное взаимодействие на местах с влиятельными силовыми структурами и политическими партиями, включая талибов; поддержание и расширение своего доминирования в области безопасности в Центральной Азии; преследуют ключевую роль в региональной дипломатии и в отношениях с Соединенными Штатами и Китаем. Россия не будет напрямую оспаривать любую сделку между США и талибами, но будет стремиться обеспечить себе влиятельное положение в любой период постконфликтного политического урегулирования [10; 11. Р. 398-419].

Инициативы России по проведению мирных переговоров между Центральным правительством Афганистана и движением «Талибан» отражают решимость бороться с ростом любой незащищенности и нестабильности в регионе. Россия также имеет возможность активизировать Шанхайскую организацию сотрудничества в своих целях, даже в Афганистане, поскольку в будущем это будет использовано в налаживании сотрудничества с Китаем, Индией и Ираном по этому направлению. Важно отметить, что Китай даже больше озабочен стабильностью региона, чем Россия, потому что имеет в своем составе районы с мусульманским населением [7. Р. 215-229].

Подводя итог, можно выделить основные геополитические треки, которые стремится развивать и поддерживать Российская Федерация в очень непростом регионе, где учитываются интересы крупнейших игроков – Китая, Индии, Пакистана, Ирана и что будет способствовать развитию мирного процесса и стабильности в Исламской Республике Афганистан:

- 1) действовать совместно в целях обеспечения политической стабильности в странах Центральной Азии;
- 2) укреплять связи в формате ШОС и ОДКБ;
- 3) добиваться транспарентности в регионе в политической и военной сферах;
- 4) вести борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- 5) противодействовать обороту наркоторговли [3. С. 76-88].

Несмотря на окончание российской и Советской власти в Центральной Азии, Москва продолжает рассматривать границы Центральной Азии с Афганистаном как жизненно важный стратегический интерес для России. Восприятие Афганистана основано на долгой истории российского участия в регионе, которая обеспечила изобилие в стратегической культуре стереотипов относительно видов угроз безопасности, создаваемых афганским конфликтом. В частности, историческое восприятие Москвой Афганистана как стартовой площадки для западных геополитических интересов в более широком Центрально-азиатском регионе, которое восходит к XIX веку. Следовательно, многие из подлинных проблем России в области безопасности в отношении Афганистана сильно окрашены геополитическим прочтением конфликта [8].

В будущем Россия будет также играть огромную роль в становлении мира в Афганистане, так как является одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН и мировой державой. Исходя из этой позиции, Россия способна мобилизовать ООН на вмешательство в мирные переговоры по Афганистану. Более того, в настоящее время Россия имеет тесные контакты с руководством талибов и другими государствами Азии, что является ключевым фактором обеспечения стабильности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бахромзода М.З.* Проблемы урегулирования положения в Афганистане // *Век глобализации.* 2019. № 29 (1).
2. *Крупнов Ю., Батыршин И., Дереникьян А. и др.* Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия: проектно-аналитический доклад. М., 2008.
3. *Лунев С.И.* Проблемы терроризма и подходы к Афганистану в треугольнике Россия-Индия-Китай // *Сравнительная политика.* 2020. № 2.
4. Министерство иностранных дел Российской Федерации. Совместное заявление расширенной «тройки» по мирному урегулированию в Афганистане. Москва, 18 марта 2021 г. // https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4641844.
5. *Cooley A.* *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia.* New York: Oxford University Press, 2012.
6. *Dubnov A.* *Plokhaya igra. Kak Afghanistan idyet v katastrofe,* blog post, Carnegie Moscow Center. April 27, 2017 // <http://carnegie.ru/commentary/68795>.

---

7. Keskin G.F., Alibabalu S.S. Russia's and Iran's strategic policies towards the afghanistan crisis // Trumes Journal of the Humanities and Social Sciences. 2020. No 24 (74/69).

8. Lewis D. Return to Kabul? Russian Policy in Afghanistan. June 2020, Number 060 // <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/return-kabul-russian-policy-afghanistan-0>.

9. Russia to Host Talks on Afghan Conflict, Radio Free Europe Radio Liberty. March 19, 2017 // <https://www.rferl.org/a/russia-afghanistan-central-asia-china-pakistan-india-iran/28378061.html>.

10. Stepanova E. (2020): Russia and the Search for a Negotiated Solution in Afghanistan, Europe-Asia Studies. DOI: 10.1080/09668136.2020.1826908.

11. Stoner K. Russia's 21st Century Interests in Afghanistan: Resetting the Bear Trap. Asian Survey. March/April, 2015. Vol. 55. No. 2.

12. Taliban, Afghan Delegations Hail 'Successful' Moscow Meeting, Pledge to Meet Again, Radio Free Europe Radio Liberty. February 7, 2019 // <https://www.rferl.org/a/taliban-afghan-delegation-say-talks-to-continue/29756223.html>.

SOHRAB BARYA

*PhD student, MGIMO University,
Moscow, Russia*

PROBLEMS OF PEACEFUL SETTLEMENT IN AFGHANISTAN: RUSSIA'S POLICY IN THE REGION

The article examines Russia's current policy in Afghanistan, taking into account the strategic, historical and geopolitical features of the region and the country's interests. The growing importance of Russia as a guarantor of the negotiation process between all the warring actors, a wide range of political parties and armed groups inside Afghanistan, including the Taliban movement, has been proved.

Russia has proposed the "Moscow Format" of interaction between regional powers, which is designed to develop a consensus on the settlement of the conflict. One of the key goals of Russia is to strengthen the strategic position in the region, protect the southern borders and withdraw the US army from the country. The main geopolitical tracks that Russia will develop and promote to stabilize the situation in South and Central Asia are highlighted.

Key words: *Afghanistan, Russia's policy in Afghanistan, "Taliban", stability, regional security, civil war.*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – КОНКУРЕНЦИЯ ЦЕН МЕЖДУ РФ, США И КСА

9 апреля 2020 года при непосредственном дипломатическом посредничестве Д. Трампа было успешно достигнуто соглашение, которое стало ключевым событием в сохранении мировой энергетической безопасности, пребывавшей под угрозой двух сил: обвала спроса из-за пандемии COVID-19 и нефтяной войны между Россией и Королевством Саудовской Аравией, которые в своей совокупности ввергли рынок нефти в кризис. Многонациональная коалиция, посвященная значительному сокращению мировой добычи нефти, реализовалась в рамках нового соглашения: страны обязались удерживать показатели добычи нефти в пределах 9,7 млн. баррелей нефти в день. С 1 июля 2020 года по 31 декабря 2020 года, общая согласованная корректировка составит 8,0 мб/д. Далее последует корректировка 6,0 мб/д на период 16 месяцев, с 1 января 2021 года по 30 апреля 2022 года. Соглашение будет действовать до 30 апреля 2022 года, однако его продление будет рассмотрено в декабре 2021 года. Соглашение, предназначенное для решения проблемы растущего нефтяного избытка, на сегодняшний день представляет собой единственную надежду на стабилизацию ситуации на международном энергетическом рынке, однако, существует множество латентных ее аспектов, свидетельствующих о новых угрозах мировой энергетической безопасности, которые могут исходить от Саудовской Аравии.

Комбинированное давление от нового сценария «пикового спроса», наряду с ослаблением влияния ОПЕК из-за коммерческой ориентации национальных нефтяных компаний, по сути, уничтожит все, что осталось от «структуры» нефтяного рынка и станет началом новой нефтяной эры.

Ключевые слова: КСА, США, Россия, нефтяная война, COVID-2019, энергетический кризис, нефть.

Актуальность-цены на нефть снизились на 40% с начала марта 2020 года (рисунок 1), когда Королевство Саудовская Аравия и Россия не смогли согласовать план действий в чрезвычайной ситуации, обусловленной панде-

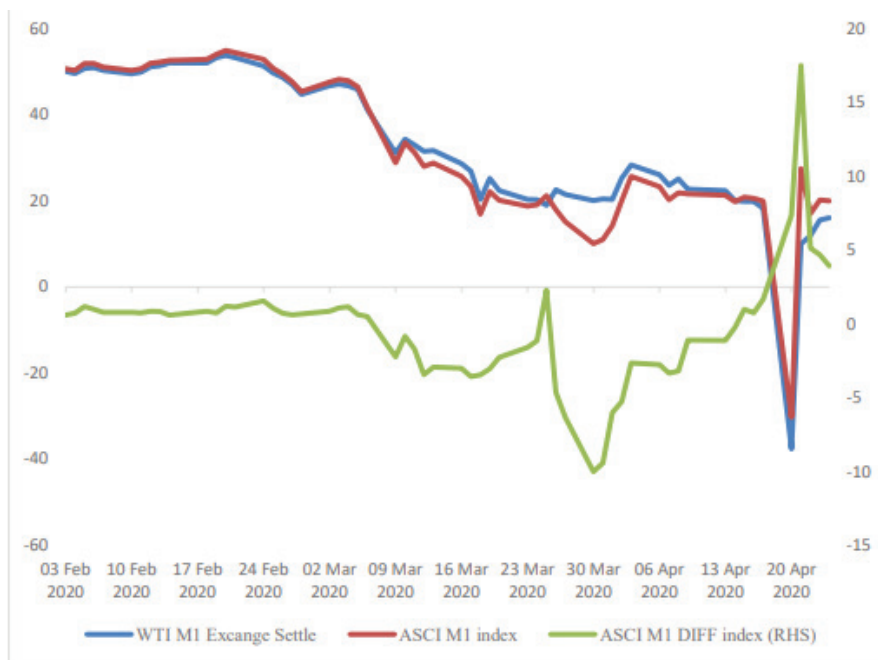

Рис. 1. Динамика показателей рынка нефти в 2020 г. [1]

мией COVID-19 для решения проблемы избытка предложения на нефтяном рынке [4]. После долгих разногласий, Саудовская Аравия начала агрессивную ценовую войну, пытаясь захватить долю рынка у России, ключевого геополитического конкурента, чем поставила под угрозу мировую энергетическую безопасность.

Цель статьи – исследовать актуальное состояние международной конкуренции США, РФ и КСР в аспекте достигнутого 9 апреля 2020 года Соглашения о сокращении добычи нефти и проанализировать дипломатическую роль и геополитические цели инициирования Д. Трампом ряда консенсусов марта-апреля 2020 гг. [8]

Консенсус был достигнут в апреле 2020 года после того, как Д. Трамп вмешался, призвав лидеров Саудовской Аравии и России объявить перемирие в ценовой войне на время ликвидации последствий пандемии [7].

Девятое внеочередное совещание стран-членов ОПЕК и стран, не входящих в ОПЕК, состоялось 9 апреля 2020 года в формате вебинара. Участники поспешили заключить сделку в выходной день. Принимая во внимание текущую ситуацию с пандемией и консенсус-перспективы рынка нефти, страны-участницы утвердили следующие тезисы:

1. Поддерживать в силе положения Декларации о сотрудничестве (от 10 декабря 2016 года); положения Хартии о сотрудничестве (2 июля 2019 года).

2. Скорректировать в сторону понижения общую добычу нефти до показателя 9,7 млн баррелей в сутки, начиная с 1 мая 2020 года, в течение начального установленного периода в 2 месяца, который заканчивается 30 июня 2020 года. В течение следующего планируемого периода 6 месяцев, с 1 июля 2020 года по 31 декабря 2020 года, общая согласованная корректировка составит 8,0 мб/д. Далее последует корректировка 6,0 мб/д на период 16 месяцев, с 1 января 2021 года по 30 апреля 2022 года. Исходным показателем для расчета корректировок являются показатели добычи нефти в октябре 2018 года КСА и РФ с одинаковым базовым уровнем в 11,0 мб/д. Соглашение будет действовать до 30 апреля 2022 года, однако его продление будет рассмотрено в декабре 2021 года [8].

3. Призвать всех крупных мировых участников сектора энергетики внести свой вклад в усилия, направленные на стабилизацию рынка нефти. Подтвердить и продлить мандат Объединенного комитета по мониторингу на уровне министров (ЖММС) и его членов для тщательного анализа общих и равных рыночных условий, уровней добычи нефти и уровня соответствия их Декларации о сотрудничестве от 9 апреля 2020 года при содействии Объединенного технического комитета (ОТК) и Секретариата ОПЕК.

4. Подтвердить, что соответствие дальнейших действий положениям Декларации о сотрудничестве должно контролироваться с учетом анализа статистики добычи сырой нефти на основе информации из вторичных источников, в соответствии со стандартной методологией, применяемой для стран-членов ОПЕК [8].

Проанализировав результаты встречи, мы пришли к следующим выводам. Данная сделка приводит к глобальным перестановкам в международной политической среде на мировом энергетическом рынке. Поскольку ОПЕК не контролирует и не может в одностороннем порядке контролировать мировые цены на нефть, организация должна работать с нефтедобывающими государствами, которые не являются членами ОПЕК +.

ОПЕК+ работает над тем, чтобы мировые цены на нефть установились на уровне, выгодном для всех нефтедобывающих государств. Однако, Россия является членом ОПЕК+, а США - нет. При этом США является значительным импортером нефти. Такая позиция позволяет США в современных условиях выдерживать сбой на мировом энергетическом рынке [3]. Позиция ОПЕК как глобального манипулятора ценами на нефть находится под угрозой из-за того, что бывшие крупные члены уходят, а другие официально не присоединяются.

Если исследовать перспективы достижения консенсуса, достигнутого 9 апреля 2020 года, то следует отметить, что ограничения позволили смягчить ряд проблем на рынках нефти. Но аналитики утверждают, что они

недостаточны в количественном плане и были приняты слишком поздно для того, чтобы стабилизировать ситуацию [5].

В соответствии с Соглашением 9 апреля, Мексика будет добывать 100 000 баррелей в день, что примерно на 250 000 баррелей меньше, чем первоначально добывалась Саудовская Аравия. США, Канада, Бразилия и другие ведущие страны Группы 20, не входящие в альянс ОПЕК, будут удерживать от четырех миллионов до пяти миллионов баррелей в день [8].

Канаду не просили навязывать сокращения добычи ее производителям нефти, однако, снижение произойдет благодаря рыночным силам, так как компании, как правило, добровольно сокращают производство, когда цены падают, что является разумным инструментом, направленным на сохранение энергетической безопасности [9].

Американский институт нефти, крупнейшая группа по торговле нефтью и газом в США, высоко оценил Соглашение по «сокращению поставок в соответствии с более низким спросом на энергетические ресурсы в результате пандемии». Без этой сделки мировая нефтяная индустрия исчерпала бы запасы в течение первых недель мая, а цены упали бы и нанесли непоправимый удар по финансовым международным рынкам.

Поскольку мировой энергетический рынок будет еще долгое время восстанавливаться после нефтяных войн, цена на нефть может некоторое время находиться в пределах исторически низких цен. В то время как мерами сокращения добычи планируется остановить резкое падение цен на нефть и стабилизировать компании и экономику, будущий политический ландшафт мирового энергетического рынка изменился: поскольку США вступают в квази-ОПЕК+ отношения, соглашаясь на сокращение производства, сделка интегрирует США в мировой энергетический рынок и его политику. В краткосрочной перспективе это гарантирует, что американские производители нефти смогут оставаться жизнеспособными и укрепят энергетическую безопасность США.

Способствуя достижению договоренностей между Россией и КСА, Трамп тем самым поставил под удар энергетическую независимость США. Принц Абдулазиз, сын короля Саудовской Аравии и сводный брат назначенного наследника саудовского престола наследного принца Мухаммеда бен Салмана, после получения энергетического портфеля Саудовской Аравии прошлой осенью, показал себя агрессивным игроком на рынке энергетических ресурсов [2]. Президент поставил США в такие условия, в которых страна будет подвержена манипуляциям со стороны иностранного картеля, борющегося за сохранение своей актуальности и устранения геополитического конкурента, стремящегося к обретению новых политических рычагов.

Полагаем, что Россия и США должны объединить усилия для мониторинга деятельности КСА с целью сохранения мировой энергетической безопасности.

По нашему мнению, нынешний кризис имеет много общего с нефтяным «контршоком» 1985-1986 года. В то время мировой спрос на нефть снижался из-за экономического спада в начале 1980-х годов, а также из-за введения мер по повышению эффективности и перехода к «альтернативным» источникам энергии (ядерному и природному газу), введенным большинством правительств ОЭСР. Как и сегодня, возникла проблема перепроизводства из-за появления новой добычи нефти, особенно в области Британского и Норвежского Северного моря. Сегодня большая часть новых поставок поступает из сланцевой промышленности США, что увеличило производство в США с 5 млн. баррелей в день в 2008 году до более чем 12 млн. баррелей в 2019 году («сланцевая революция») [6].

Как и сегодня, Саудовская Аравия испытывала затруднения из-за вынужденного сокращения производства, чтобы защитить цену ОПЕК, и осенью 1985 года она решила дисциплинировать производителей, не входящих в ОПЕК, предлагая скидки и максимизируя производство. В результате цены на нефть упали почти до 10 долларов за баррель, что оказало ужасное влияние на производителей нефти. Американские «независимые» производители столкнулись с банкротством, и начался цикл «мега-слияний» нефтяной промышленности. Страны ОПЕК вступили в фазу политических и экономических потрясений: непродуманная игра Саддама Хусейна, направленная на то, чтобы возродить обанкротившийся Ирак путем вторжения в соседний Кувейт в 1990 году, была лишь наиболее очевидным следствием «контршока».

Несмотря на явное сходство между «контршоком» и «COVID-шоком», различия существенны. Возможно, мы являемся свидетелями начала новой нефтяной эры. В то время как ценовой «контршок» 1985-1986 года привел к массовому расширению мирового потребления нефти, что способствовало неолиберальной глобализации 1990-х и 2000-х годов (глобальное потребление нефти увеличилось с 60 млн. баррелей в 1985 году до 100 млн. баррелей в 2019 году), маловероятно, что ценовой шок 2020 года вернет мировой спрос на нефть выше пика в 100 млн баррелей в день. Это будет особенно верно, если государственные инвестиционные планы по противодействию рецессии, вызванной COVID-19, будут также ориентированы на развитие «зеленых» технологий и инфраструктур.

Комбинированное давление от нового сценария «пикового спроса», наряду с ослаблением влияния ОПЕК из-за коммерческой ориентации национальных нефтяных компаний, может стать началом новой нефтяной эры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Источник инфографики // <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2020/04/Oil-Benchmarks-Under-Stress.pdf>.
2. *Bernard Haykel*. “Saudi Arabia’s Radical New Oil Strategy”, in Project Syndicate, 23 March 2020 // <https://prosyn.org/LmBSCnq>.

---

3. Gardner Timothy, Holland Steve, Zhdannikov Dmitry, el Gamal Rania. “Special Report: Trump told Saudi: Cut oil supply or lose U.S. military support-sources”. Retrieved 30 April 2020.

4. Jack Farchy and Paul Wallace. “Petrostates Hammered by Oil Price Plunge and Pandemic’s Spread”, in Bloomberg, 28 March 2020 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-28/petrostates-hammered-by-oil-price-plunge-and-pandemic-s-spread>.

5. Low crude oil prices, record-high inventories, and low demand drive gasoline prices down”. U.S. Energy Information Administration. 6 May 2020. Archived from the original on 8 May 2020 // www.eia.gov.

6. See B. Fattouh and A. Imsirovic. ‘Shocks and Differentials: How are oil markets coping?’ OIES Energy Comment, Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 2020.

7. Sheppard David, McCormick Myles, Brower Derek, Lockett Hudson. “US oil price below zero for first time in history”. Financial Times. Retrieved 20 April 2020.

8. The 9th (Extraordinary) OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting concludes: No 5/2020 Via webinar 09 Apr 2020 // https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/28.htm.

9. “WTI crude oil futures prices fell below zero because of low liquidity and limited available storage”. U.S. Energy Information Administration. 22 April 2020. Archived from the original on 1 May 2020 // www.eia.gov.

ZHENG YI

*Doctoral candidate of the Department
of Political Science of the East of the Institute
of Asian and African Studies of Lomonosov
Moscow State University,
Moscow, Russia*

ENERGY SECURITY – PRICE COMPETITION BETWEEN RUSSIA, USA AND KSA

On April 9, 2020, with the direct diplomatic mediation of D. Trump, an agreement was successfully reached, which became a key event in maintaining global energy security, which was threatened by two forces: a collapse in demand due to the COVID-19 pandemic and the oil war between Russia and the Kingdom of Saudi Arabia, which together plunged the oil market into crisis. A multinational coalition dedicated to a significant reduction in world oil production was implemented under the new agreement: countries pledged to keep oil production rates within 9.7 million barrels of oil per day. From July 1, 2020 to December 31, 2020, the total agreed adjustment will be 8.0 MB / d. This will be followed by an adjustment

---

of 6.0 mb / d for a period of 16 months, from January 1, 2021 to April 30, 2022. The agreement will be valid until April 30, 2022, but its extension will be considered in December 2021. The agreement, designed to solve the problem of growing oil surplus, today represents the only hope for stabilizing the situation on the international energy market, however, there are many latent aspects of it, testifying to new threats to world energy security that may come from Saudi Arabia.

The combined pressure from the new “peak demand” scenario, along with the weakening of the influence of OPEC due to the commercial orientation of national oil companies, will essentially destroy everything that remains of the “structure” of the oil market and will mark the beginning of a new oil era.

Key words: *KSA, USA, Russia, oil war, COVID-2019, energy crisis, oil.*

DOI 10.35775/PSI.2021.67.3.042

УДК 32.323

М.И. КРАСНОВ

*магистрант факультета экономики
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал РЭУ
им. Г.В. Плеханова), Россия, г. Тула*

П.Д. БУРЛАКОВ

*бакалавр факультета политологии
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва*

М.В. КОЗЛЕНКО

*бакалавр факультета прикладной политологии
Московского педагогического государственного
университета, Россия, г. Москва*

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ ГОЛОСОВАНИИ ПО ВОПРОСУ ОДОБРЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ¹

В статье представлены данные исследования восприятия «Общероссийского голосования по вопросу внесения поправок в Конституцию Российской Федерации» среди молодежи. В работе были предприняты попытки определить ценностные установки, гипотезы, причины и факторы электорального поведения молодежи во время голосования по внесению поправок в Конституцию в 2020 году. Был изучен процесс формирования ценностных установок и их влияние на электоральное поведение. Проведен сравнительный анализ установок молодежи и смыслового содержания предлагаемых поправок. Также были определены факторы выбора стратегии политического поведения студенческой молодежью и спрогнозированы социально-политические последствия конституционных изменений. В ходе исследования было проведено 3 глубоких интервью (участниками фокус-групп стали

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32213.

студенты) и проведен опрос общественного мнения по методике стандартизированного программного онлайн-опроса с выборкой из 500 респондентов с репрезентативностью по полу и региону проживания.

Ключевые слова: общественно-политические настроения, электоральное поведение, студенческая молодежь, ценности.

Характер электоральной активности студенческой молодежи коррелируется с содержательными характеристиками системы политических ценностей указанной социальной группы, что подтверждается результатами ряда исследований [1. С. 356-358; 2. С. 107-110]. Исходя из этого возникает гипотеза о том, что молодой электорат мог проголосовать преимущественно за внесение поправок, если бы большее количество предлагаемых конституционных изменений соответствовало его ценностным установкам. Целью данного исследования является анализ участия студенческой молодежи в «Общероссийском голосовании по вопросу внесения поправок в Конституцию РФ» через ее ценностные установки и политическое поведение.

На первом этапе исследования было проанализировано содержание конституционных изменений и определены основные смысловые группы поправок. Результатом стало разделение поправок на три основных смысловых группы: **поправки, направленные на увеличение полномочий президента, а также пугающие президента, в случае его ухода** (статьи 81, 83, 92, 93, 100, 102, 103, 107, 108, 109, 112, 125); **PR-поправки, направленные на создание позитивного отношения к новой Конституции** (статьи 67, 68, 69, 72, 75, 77, 78, 79, 97, 114, 119, 129); а также **поправки, изменяющие существующие законодательные формулировки** (статьи 67, 70, 71, 72, 82).

Мы попытались выделить основные ценностные установки, которые вкладывали авторы поправок в конституцию в их часть, отвечающую за PR и сопоставить эти установки с теми, которые свойственны российской молодежи.

Термин «ценностные ориентации» ориентации был введен Т. Парсонсом для обозначения социальных способов действия, несколько отличных, по его мнению, от личностных, но вместе с тем взаимосвязанных с последними (здесь и далее термин «ценностные установки» и «ценностные ориентации рассматриваются как синонимы»). Согласно данной концепции индивид при определении линии поведения каждый раз находится в ситуации выбора, представленного субъективным мнением и наличествующими в группе применительно к ситуации нормами относительно социально приемлемой деятельности [5. С. 18].

Ценностные установки – оценочное отношение личности (группы) к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы (или их свойства), цели и средства для удовлетворения потреб-

ностей личности (группы). Они выражаются в идеалах, личностном смысле жизни и проявляются в социальном поведении личности (группы). Ориентации отражают отношение субъекта к условиям своего бытия как результат сознательного, оценочного выбора жизненно значимых предметов и объектов. Совокупность материальных и духовных благ является основой существования определенных систем ценностей.

Определения позволяют судить об установках как социально обусловленном отношении к какому-либо объекту или явлению, как осознании, оценке и готовности действовать в определенной ситуации [3. С. 62]. Возникает вопрос об их соотношении в качестве результата социально-культурного взаимодействия и ценностных ориентаций, выявляемых с позиции определенной направленности деятельности личности. Установка представляет собой «целостное образование, характеризующее личностное состояние субъекта, на основе которого возникает деятельность определенного характера» [4. С. 113].

Далее в исследовании будут проанализированы следующие ценностные установки, транслируемые через поправки к Конституции:

1) Ностальгия по Советскому Союзу, связь с коммунистическим прошлым.

2) Вера в Бога.

3) Культ памяти предков.

4) Культ памяти ВОВ.

5) Защита детства.

6) Семейные ценности.

8) Ответственное отношение к животным.

9) Русский национализм, главенствующая роль русского этноса в РФ.

10) Гордость русским языком.

11) Экономическая справедливость, достойная оплата труда, достойная пенсия.

12) Национальная ориентация политических элит.

13) Общественный консенсус между властью и гражданами, единение усилий в развитии страны.

14) Изоляционизм, нежелание доверять международным институтам.

15) Имперскость, стремление видеть Россию главным игроком на международной арене.

16) Традиционные ценности, гомофобия.

17) Неприятие идеи разделения России, желание сохранить целостность территории РФ.

Таким образом мы можем сделать вывод, что большинство ценностных установок поправок в конституцию напрямую не направлены на молодежь и часто задевают ее лишь вскользь. Мы не видим ни одной ценностной установки, которая была бы более свойственна молодежи, чем людям бо-

лее старшего возраста. Это говорит нам о том, что молодежь вряд ли рассматривалась как основной электорат, который должен был проголосовать за поправки и стать интересантом их принятия. Отсутствие ценностных установок, нацеленных преимущественно на молодежь, свидетельствует о стратегии игнорирования организаторами голосования данной возрастной группы. При этом стоит отметить, что каналы привлечения молодежи к голосованию использовались довольно активно.

На следующем этапе исследования были сформированы по две фокус-группы на базе Российского Университета имени Г.В. Плеханова в городе Туле, Финансового университета при Правительстве РФ в г. Москве и Новомосковского института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева в г. Новомосковске. Учащиеся университетов проявляли схожие настроения в отношении исследуемых проблем: респонденты нейтрально высказывались о внесении поправок к конституции, негатив проявлялся при вопросах, касающихся отдельных тем: изменений сроков президентства, религии, традиционных ценностей. В числе положительных изменений участники фокус-групп отмечали поправки о защите домашних животных, о защите исторической памяти.

В ходе проведения ФГ также были выявлены основные проблемы, касающиеся нежелания голосовать за поправки или вообще отсутствием желания принимать участие в голосовании по поправкам. Осведомленность респондентов о поправках можно охарактеризовать как «ниже среднего». Участники фокус-групп заявили, что голосование «против поправок» является определенным проявлением позиции протеста. Респонденты отмечали, что принуждение голосовать «за поправки» наоборот, усилило негативный настрой и способствовало возрастанию протестных настроений среди их знакомых и родственников. Основной мотивацией для участия в голосовании был назван «вклад в изменение политической обстановки в стране» и «намерение проголосовать против навязанных поправок, тем самым выразив свою гражданскую позицию». Для участников фокус-групп характерно мнение, что большинство поправок не несут пользы для российского общества, а скорее выгодны элитарным группам, которые лоббируют внесение поправок в основной закон РФ. Также было высказано мнение о том, что голосование ничего не решает, а все внесенные поправки в любом случае будут приняты. Респонденты обозначили локальные проблемы в здравоохранении, образовании, которые и стали катализатором протестных настроений среди молодежи, в связи с чем игнорирование голосования выступало больше как протестная акция, нежели отсутствие желания идти голосовать.

Результатом проведения фокус-групп стали следующие выводы: участники слабо информированы о ситуации с внесением поправок к Кон-

ституции РФ. Информацию о вносимых поправках в большинстве случаев была получена из социальных сетей и пабликов, где обсуждали данную тематику. Внесение поправок к Конституции РФ участники фокус-группы характеризуют лоббированием интересов со стороны властей, а не желанием внести позитивные изменения. Поправки об исторической памяти и поправки о защите животных воспринимались более позитивно чем поправки, связанные с традиционными ценностями, религией. Также эксперты выражали негатив по отношению к поправке, позволяющей Президенту РФ переизбираться более чем на 2 срока и к поправкам о суверенитете Российского законодательства.

Следующим этапом исследования стала проверка результатов, полученных в ходе проведения фокус-групп, путем осуществления количественного опроса студенческой молодежи России о восприятии «Общероссийского голосования» по внесению поправок в Конституцию РФ. Было опрошено 500 респондентов, учащихся в российских ВУЗах, из 27 регионов России в возрасте от 18 до 24 лет.

Целью данного этапа было изучение электорального поведения студентов, выявление соотношения конституционных изменений соответствующим и несоответствующим ценностям молодежи, а также целостная картина восприятия «Общероссийского голосования» и процедуры выборов в России.

Согласно результатам опроса, молодежь воспринимает «Общероссийское голосование» как нелегитимную акцию, осуществляемую в интересах действующей власти с применением противозаконных способов достижения нужного исхода голосования и механизмов принуждения (отметили порядка 80% опрошенных). Данное восприятие формируется исходя из-за ухудшения, по мнению респондентов, социально-экономической ситуации в стране (71%) и ограничения социальных прав и свобод граждан (64,5%). На формирование данной позиции опрашиваемых в незначительной степени больше повлияли материалы, публикуемые в оппозиционных СМИ, нежели чем в провластных (34,2% и 31,6% соответственно).

Ценностные установки молодежи формируются исходя из ценностных ориентаций субъектов и являются в некотором роде реакцией на окружающую обстановку. В ходе опроса было установлено, что наиболее соответствующими ценностным установкам молодежи, транслируемым через поправки к Конституции, являются следующие: ответственное отношение к животным (71,1% респондентов); экономическая справедливость, достойная оплата труда, достойная пенсия и поддержка лиц с ОВЗ (64,5%). При этом наименее соответствующим их ценностям респонденты выбрали изоляционизм, нежелание доверять международным институтам (75%); трансляцию традиционных ценностей и гомофобии (73,7%) и поддержку православия (60,5%).

Большая часть молодежи в отношении «Общероссийского голосования» выбирает стратегию активного политического участия (65,8%). При этом 70% студентов, принимавших участие в голосовании, делали это с целью выражения своей гражданской позиции. и ради неиспользования их голоса третьими лицами (66%). Процент молодежи, выбравшей для себя позицию неучастия в «ОГ», аргументировал данный выбор тем, что результаты голосования не повлияют на социально-политическую обстановку в стране, а также неприятием принимаемых поправок и действующей власти.

Опрос показал низкий уровень доверия студентов к принятым поправкам. Больше половины респондентов (53,9%) ответили, что полностью не доверяют принятым поправкам. Одной из главных причин неодобрения стало голосование за полный пакет изменений, а не за конкретные пункты поправок. Наиболее одобряемой поправкой является охрана животного мира и ответственное отношение к животным. Так же важной для респондентов является социальная поддержка и ежегодная индексация пенсий. Наименьшее одобрение вызывает поправка, обнуляющая сроки президентства В.В. Путина, за ней идет запрет гомосексуальных отношений и господство православной религии.

По мнению большинства опрошенных (68,4%), принятие поправок ухудшило социально-политическую обстановку в стране. Лишь 3,9% респондентов отметили улучшение социально-политической обстановки. На фоне этого опрашиваемые отмечают возрастание социальных напряжений в стране и усиление недоверия к действующей власти. Так же наблюдается рост стремления покинуть страну и негативного восприятия несменяемости власти. При этом несмотря на довольно негативное восприятие «Общероссийского голосования», в целом, большая часть респондентов (57,9%) собирается принимать участие в предстоящих выборах в Государственную Думу в 2021 году. Из числа определившихся с тем, за кого предстоит проголосовать, большинство исключает партию «Единая Россия» из числа претендентов на победу и транслирует оппозиционные настроения и негатив к действующей власти.

Исходя из результатов проведенного опроса, можно подвести итог: в целом, восприятие «общероссийского голосования» среди студентов носит скорее негативный характер. Респондентами было отмечено, что поправки были нацелены не на улучшение социального положения российского населения, а ради укрепления позиций действующей власти. Большинство ценностей, транслируемых принятыми поправками, не соответствует ценностным ориентациям молодежи, что объясняет низкий процент положительного голосования по вопросу их принятия. Исходя из этого, механизм влияния ценностных установок на электоральное поведение заключается в следующем: явное несоответствие ценностных ориентаций молодежи и принимаемых изменений приводит к выбору стратегии активного политического участия с явным доминированием протестных настроений.

Выводы. Проанализировав участие студенческой молодежи в «Общероссийском голосовании по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» через призму ее ценностных установок и стратегий политического поведения, мы пришли к следующим выводам: молодежь воспринимает «общероссийское голосование» как нелегитимную акцию, осуществляемую в интересах действующей власти. Данное восприятие формируется исходя из-за ухудшения социально-экономической ситуации в стране и ограничения социальных прав и свобод граждан. Наиболее соответствующими ценностным установкам молодежи являются конституционные изменения, касающиеся ответственного отношения к животным и экономической справедливости. Наименее соответствуют пункты, транслирующие гомофобию и традиционные ценности, а также обнуление сроков президентства. В «Общероссийском голосовании» молодежь выбирает преимущественно стратегию активного политического участия с целью выражения своей гражданской позиции относительно предлагаемых поправок. При этом большинство студенческой молодежи не одобряет конституционные изменения и аргументирует это голосованием за полный пакет изменений, а не за конкретные пункты поправок и самим форматом общенародного голосования, а не референдума, так как это влияет на степень легитимности принимаемых изменений. В целом, молодежь оценивает принятие поправок как негативный фактор влияния на социально-политическую обстановку. Для большинства молодых людей последствиями конституционных изменений стало ухудшение жизни, в целом, и возрастание уровня социальных напряжений и недоверия к власти, в частности.

Следует отметить, что при условии соответствия большего количества поправок ценностным установкам молодежи, «за принятие поправок» проголосовало бы большее количество молодых людей. Ориентированность конституционных изменений на иные возрастные и социальные категории граждан обусловили низкий уровень доверия молодежи принимаемым поправкам. Трансляция в поправках ценностей, соответствующих ориентациям студенческой молодежи, могла стать ключевым фактором в повышении электоральной активности и степени одобрения среди данной категории гражданского населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ежов Д.А.* Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 3 (24).
2. *Ежов Д.А.* К проблеме формирования политических ценностей российской молодежи // Власть. 2018. Т. 26. № 8.
3. *Кон И.С.* Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Серия «Психологи отечества». Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.

---

4. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1961.

5. Parsons T. The Social System. New York: The Free Press, 1964.

M.I. KRASNOV

*Master of the Faculty of Economics,
Russian Economic University named after G.V. Plekhanov
(Tula branch of the Plekhanov Russian University of Economics),
Tula, Russia*

P.D. BURLAKOV

*Bachelor of Political Science Faculty,
Financial University under the Government of the
Russian Federation, Moscow, Russia*

M.V. KOZLENKO

*Bachelor of Applied Political Science,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

PARTICIPATION OF STUDENT YOUTH IN THE GENERAL RUSSIAN VOTE ON THE APPROVAL OF AMENDMENTS TO THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: VALUE ATTITUDES AND POLITICAL BEHAVIOR

The article presents data from a study of the perception of the “General Russian vote on the issue of amendments to the Constitution of the Russian Federation” among young people. Many attempts have been made in this work to determine the value attitudes, hypotheses, reasons and factors of the electoral behavior of young people during the vote amending the Constitution in 2020. The process of forming value attitudes and their influence on electoral behavior was investigated. A comparative analysis of the attitudes of young people and the semantic content of the proposed amendments are carried out. Moreover, the factors of choosing a strategy of political behavior by student youth were determined and the socio-political consequences of constitutional changes were predicted. In the course of the study, 3 in-depth interviews (only students participated in a focus group) and a public opinion survey were conducted using the methodology of a standardized software online survey with a sample of 500 respondents with representativeness by gender and region of residence.

Key words: *socio-political moods, electoral behavior, student youth, values.*

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АМЕРИКАНСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА США 2020 ГОДА

США одно из первых современных государств, серьезно подошедших к развитию федеративного устройства, как на теоретическом, так и на практическом уровне. В данной статье раскрывается реализация фундаментальных принципов американского федерализма на выборах президента США 2020 года с опорой на значимый политико-теоретический труд – «Федералист» А. Гамильтона и Дж. Мэдисона. Целью данной работы является анализ историко-теоретических основ федеративных отношений и их практической реализации на выборы президента США в 2020 года. В процессе работы были выполнены следующие задачи: обозначение исторических, институциональных и социальных факторов существования федерации в США; дано определение федерализма; выявлены историко-теоретические принципы американского федерализма в труде «Федералист»; рассмотрена практическая реализация фундаментальных основ американской федерации на выборах президента 2020 года. Авторами были использованы следующие научно-исследовательские методы – анализ, синтез, метод дедукции, формально-логический метод, для частного рассмотрения отдельных аспектов затронутой нами темы были применимы исторический и формально-юридический метод, для анализа избирательного процесса в разных штатах широко был использован сравнительный метод. Выполнив поставленные перед нами задачи, мы получили следующий результат – рассмотрели практическую реализацию историко-теоретических принципов американского федерализма на выборы президента США 2020 году. В результате исследования сделаны следующие выводы: происходящие изменения в численности, этническом и религиозном составе населения штатов оказали серьезное влияние на электоральное поведение

конкретных штатов на президентских выборах 2020 года. А решающую роль сыграло именно соотношение политических предпочтений разных штатов, а не только общее число голосов, отданных за кандидата от демократической партии.

Ключевые слова: американский федерализм, США, выборы, президент, принципы федерализма, Д. Трамп, Дж. Байден, голосование, штаты, выборы.

Соединенные Штаты Америки являются развитым демократическим государством, обладающим федеративным типом административно-территориального устройства. Высокий уровень социальных свобод, разветвленная структура гражданского общества, уникальная политическая культура, отчасти объяснимы именно высокоразвитыми отношениями федеральной власти и власти штатов. В нашей работе мы обратимся к фундаментальным принципам американского федерализма и рассмотрим их практическую реализацию на выборах президента США 2020 года. В качестве источника историко-теоретических основ возьмем основополагающий документ американской демократии – сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США «Записки федералиста». Конечно, мы не рассматриваем саму избирательную систему как ключевое условие, определяющее особенности американского федерализма, но рассматриваем текущие выборы как пример практической реализации историко-теоретических принципов американского федерализма. Поэтому стоит так же обозначить иные системообразующие факторы данного типа административно-территориальных отношений в США.

1. Исторический фактор. Американское государство изначально формировалось на базе отдельных и частично самостоятельных государственных образований. Первые колонии имели серьезные различия по этническому, расовому и религиозному составу, так же обладали внутриправовыми различиями и неравным экономическим положением. Но главное – политические колонии были обособлены друг от друга и в процессе слияния формировали именно конфедерацию, то есть союз суверенных (хотя на тот момент суверенитет был относителен) государств, сохранявших «свое верховенство, свою свободу и независимость, равно как и всю власть, всю юрисдикцию и все права...» [6. С. 1]. Как правило, конфедерация носит временный характер и собирается с целью решения конкретных задач, в данном случае военно-стратегических. Исходя из этого, какой-либо унитаризации государства не наблюдалось никогда, а данную конфедерацию стоит понимать, как начальный этап построения федеративного государства.

2. Институциональный фактор. США бесспорно является одним из государств-лидеров по развитию демократических институтов на всевозможных

политических уровнях, и конечно, по развитию демократии как таковой. В фундаментальных политических документах [7. С. 25-28] и важнейших теоретических работах идеологов американской демократии [8] ключевым моментом является реализация своих политических прав – выбор собственного правительства, защита от тирании и гражданская свобода. Федерация – это именно та система, которая обеспечивает базовые демократические принципы, она их постулирует и создает институциональные условия для существования практического народовластия.

3. Социальный фактор. В настоящее время США – это «пестрое» государство во всех отношениях. Штаты на протяжении многих лет изменяют свой социальный состав [5], экономическое положение, культурные паттерны и политические предпочтения, условные (а часто и нормативно оформленные) субрегионы выделяемые по различным принципам все чаще изменяют свои составы. При таком уровне социального динамизма и диверсификации территорий федеративное устройство отвечает запросам не только общества конкретного штата, но и всей административной системы.

И так, для перехода к анализу изучаемого нами вопроса, дадим определение федерализма и федерации. Американский политолог Д. Элейзер, президент-основатель Международной ассоциации центров по исследованию федерализма, определяет это явление как «способ политической ассоциации и организации, который объединяет отдельные государства в рамках более всеобъемлющей политической системы таким образом, чтобы позволить каждому сохранить свою собственную фундаментальную политическую целостность» [9]. Стоит отметить, что понятие федерации напрямую вытекает из понимания федерализма, соответственно, под федерацией мы имеем в виду то государство, в котором практически реализуются вышеизложенные аспекты.

А теперь выделим основополагающие историко-теоретические американского федерализма и их проявление на выборах президента США в 2020 году.

Первый принцип, на который указывали Джеймс Мэдисон и Александр Гамильтон в очерке № 55 «Федералист» [8. С. 369-374] – соотношение между представителями и населением не должно быть одинаковым в многонаселенных и малонаселенных штатах. На выборах 3 ноября, минимальное число выборщиков от штата – 3 (таких штатов восемь: Вермонт, Делавэр, Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Аляска, федеральный округ Колумбия), а максимальное – 55 (Калифорния). Численность выборщиков зависит от количества мест в Сенате и в Палате представителей, а места, в свою очередь, определяются в соответствии с численностью населения, по данным переписи, проводимой раз в десять лет. Мы считаем, что изменение численности населения любого штата способно оказать влияние на голосование. Так, по результатам переписи 2010 года Джорджия, Невада и Аризона получили дополнительные голоса выборщиков. В 2020 году

в них развернулась ожесточенная борьба среди кандидатов, и именно эти штаты сыграли решающую роль в победе Дж. Байдена [4]. Так, основополагающий принцип соотношения представителей и населения сохраняется и оказывает влияние на сегодняшний избирательный процесс.

Второй принцип соответствует принципу республиканского правления, изложенного Мэдисоном в очерке № 10 [8. С. 78-86]. Делается акцент на том, что власть конкретного сообщества определяется «посредством простого голосования», где формируется народное большинство и меньшинство. Но такие сообщества могут и меняться, меньшинство превращается в большинство и наоборот. Этот принцип ярко отражается в феномене «колеблющихся штатов», выборщики которых зачастую определяют победу кандидата на выборах президента. По этой логике 2020 год стал не исключением. Хотя помимо Невады, Джорджии и Пенсильвании, «колеблющимися» был еще ряд штатов [1], но именно они в итоге определили то самое большинство выборщиков, которые привели к победе кандидата от Демократической партии.

Третий принцип. Принцип разделения законодательной власти также упомянут в очерке № 9 [8. С. 72-77], который заключается в разграничении ее на две ветви и создании различных способов избрания палат. Данный принцип федерализма проявился не только в непосредственных выборах в Сенат и Палату представителей, которые прошли одновременно с выборами президента, но и в процессе формирования коллегии выборщиков. Ведь сами выборщики зачастую являются конгрессменами, которые в итоге избирают президента. В момент написания статьи голосование выборщиков 2020 года еще не состоялось, но мы можем говорить, что хоть в Сенате и одержали победу республиканцы, большинство в Палате представителей у демократов, у них же общее большинство в Конгрессе.

Четвертый принцип – полицентризма. В очерке № 51 [8. С. 345-351] Мэдисон пишет о том, что всю систему человеческих отношений можно организовать на принципах полицентризма, следовательно, существование согласованности в человеческих обществах, не зависящей от единства власти, возможно. Именно эту идею мы считаем исходным пунктом тех теоретико-организующих принципов американского федерализма, которые содержатся в работе «Федералист». Данный принцип иллюстрируется многими аспектами избирательного процесса в США, а также играет важную роль в процессе правоприменения и управления государством. Но для конкретизации тезиса о полицентризме на выборах 2020 года, можно отметить, что каждый из пятидесяти штатов голосует полностью независимо – независимо от соседних более (или менее) влиятельных штатов; от федеральной властной повестки и от собственных политико-культурных паттернов. Так, Аризона и Джорджия около двадцати лет голосовали за республиканскую партию, но на этих выборах изменили свои политические предпочтения, а Вискон-

син, Мичиган и Пенсильвания (долгое время демократические) в 2016 году поддержали Д. Трампа, но уже в этом году стали сторонниками Дж. Байдена [3]. Хотя и существует деление на «красные» и «синие» штаты, полицентризм в американской федерации не позволяет создать единый центр политической силы и сделать избирательный процесс предсказуемым.

Пятый принцип. Принцип двухуровневой системы упомянут в очерке Джона Джея № 64 «Федералист» [8. С. 423-429]. Он носит не только теоретический характер, но и закреплён во второй статье Конституции. Главной системообразующей особенностью избирательного процесса Соединённых Штатов является наличие двухступенчатого порядка выборов президента. Данная система существует в США с 1789 года и во многом сохраняется из-за консервативных и традиционалистских соображений. Мы не берёмся оценивать её эффективность, но хотим сделать акцент на её федеративных чертах. Так, определяющее итог большинство заключается не в общей численности голосов избирателей или числе проголосовавших за определённого кандидата штатов, а именно в представительстве населения на территории данного штата. Другими словами, победителя определяет федеративная единица (штат) и конкретно её избиратели. На текущих выборах большинство выборщиков и большинство населения соответственно проголосовали за Дж. Байдена, хотя по количеству проголосовавших штатов Д. Трамп оказался впереди. А вот на выборах 2016 года численность избирателей была на стороне Хиллари Клинтон, хотя по числу выборщиков и количеству штатов впереди был Д. Трамп.

Итак, мы обратились к историко-теоретическим основам американского федерализма и проследили их практическую реализацию. Обобщая вышеизложенный нами материал, мы можем сделать следующие выводы:

1. Пестрота американского населения на протяжении всей истории США проявлялась в федеративных отношениях. Этот процесс стал исторической закономерностью, и мы можем увидеть, как он реализовался на президентских выборах 2020 года. Именно происходящие изменения в численности, этническом и религиозном составе населения штатов оказали серьёзное влияние на политические предпочтения штатов. Это наблюдается в том, что традиционно «красные» штаты, которые ранее голосовали за республиканцев, выбрали демократов, что, отчасти, объясняется увеличением числа приезжих в эти регионы.

2. Решающую роль в выборах этого года сыграло несколько общее число голосов, отданных за Дж. Байдена, а именно представительство населения конкретных штатов. Стоит отметить, что система представительства связывает подотчетных избранных законодателей с региональными и местными избирателями, но не с элитой федерального центра. Такое положение гарантирует справедливое представительство в федеральном процессе принятия решений, касающихся данного региона. Это является неким средством коммуникации региональной власти с аппаратом центрального правительства.

3. На выборах президента США в 2020 году были практически реализованы не только историко-теоретические принципы федерализма, но и проявились иные отличительные черты американской избирательной системы. А именно: двухпартийная структура парламента, институт выборщиков, особый статус округа Колумбия и др.

Таким образом, фундаментальные принципы федерализма США, заложенные еще отцами-основателями американской демократии по сей день, оказывают влияние на избирательный процесс в данном государстве. В связи с этим исследования взаимосвязи историко-теоретических особенностей политики и их современного воплощения остается актуальным и по сей день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Исход выборов в США решат «колеблющиеся штаты» // Информационное агентство «РИА Новости» от 03.11.2020 // <https://ria.ru/20201103/ssha-1582766637.html>.

2. Понимание федерации и федерализма в современной юридической литературе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. Ч. 2. № 3 // https://www.gramota.net/articles/issn_1993-5552_2010_3-2_13.pdf.

3. Президентские выборы в США: Актуальные данные в режиме онлайн // TV8 // <https://tv8.md/ru/2020/11/09/karta-prezidentskie-vybory-v-ssha-aktualnyi-dannye-v-rezhime-onlajn/>.

4. Пересчет голосов в штате Джорджия подтвердил победу Байдена // Американский финансово-экономический журнал от 20.11.2020 // <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/414241-pereschet-golosov-v-shtata-dzhordzhiya-podtverdil-pobedu-baydena>.

5. Расовый состав населения США стремительно меняется // Информационное агентство «Российский обозреватель» от 31.05.2012 // <http://www.rus-obr.ru/ru-web/18307>.

6. Статьи конфедерации 1781-1788 года // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/S.America/XVIII/1780-1800/Statji_Konfederat/text.phtml.

7. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под ред. О.А. Жидкова; перевод О.А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 1993 // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm>.

8. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. М.: Издательская группа «Прогресс-Литера», 1994 // http://grachev62.narod.ru/Fed/Fed_ogl.htm.

9. *Elazar D.J. Federalism: An Overview* / D.J. Elazar. Pretoria: Human Sciences Research Council Publishers, 1995 // <https://federalism.org/wp-content/uploads/2016/01/Elazar-Federalism-An-Overview.pdf>.

D.S. STEPANKOVA

*Bachelor's degree student of the Far
Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

D.D. TARASOCHKINA

*Bachelor's degree student of the Far
Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

HISTORICAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF AMERICAN FEDERALISM AND THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF THE 2020 US PRESIDENTIAL ELECTIONS

The United States is one of the first modern states to seriously approach the development of a federal structure, both at a theoretical and practical level. This article reveals the implementation of the fundamental principles of American federalism in the US presidential elections in 2020, based on the significant political and theoretical work – “Federalist” A. Hamilton and J. Madison. The purpose of this work is to analyze the historical and theoretical foundations of federal relations and their practical implementation for the US presidential elections in 2020. In the course of the work, the following tasks were completed: identification of the historical, institutional and social factors of the existence of the federation in the United States; the definition of federalism is given; revealed the historical and theoretical principles of American federalism in the work “Federalist”; the practical implementation of the fundamental foundations of the American Federation in the 2020 presidential elections is considered. The authors used the following research methods – analysis, synthesis, deduction method, formal-logical method, for private consideration of individual aspects of the topic we touched upon, the historical and formal-legal method were applicable, for the analysis of the electoral process in different states, the comparative method was widely used. Having completed the tasks assigned to us, we received the following result – we examined the practical implementation of the historical and theoretical principles of American federalism for the 2020 US presidential elections. As a result of the study, the following conclusions were made: the ongoing changes in the size, ethnic and religious composition of the population of the states had a serious impact on the electoral behavior of specific states in the 2020 presidential elections. And it was the balance of political preferences of different states that played a decisive role, not just the total number of votes cast for the Democratic candidate.

Key words: *american federalism, USA, elections, president, principles of federalism, D. Trump, J. Biden, voting, states, electors.*

ПРЕЗИДЕНТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИЛЬХАМ АЛИЕВ: ВНУШИВШИЙ ДОВЕРИЕ? (Рецензия на статью Улькер Мустафа кызы Мехдиевой «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)»)

В рецензионной статье критически анализируются теоретические и практические аспекты актуальной в политической науке проблемы политического лидерства. Подчеркивается неординарность подхода автора статьи Улькер Мустафа кызы Мехдиевой и самого названия заявленной темы исследования «Имидж политического лидера в контексте истории (на примере Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева)», а также научная значимость такого рода исследований для постсоветского политического пространства.

Ключевые слова: *имидж политического лидера, Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, Карабахский конфликт, контекст истории.*

Политические и смежные с ней науки столь долго возятся с концепцией политического лидерства, что могло показаться странным – вновь и вновь возвращаться к этой теме [2]. И хотя до сих пор мало продвинулись в деле концептуализации политического лидерства, живые примеры и образы политиков все же будоражат интерес к изучению. И к попыткам понять и концепции, и вне их, или с опорой на известные концепции, смыслы и суть деятельности конкретных политических фигур [13]. В действиях каждого из них, даже самого «заурядного, есть что-то необычное, неожиданное, негармоничное, нетипичное. Каждый из них, даже в том числе и театрально расставленные на политическом подиуме статисты, обладают какой-нибудь резкой, бросающейся в глаза чертой. Драматургия персон со столь нестандартными личностными проявлениями, политики без принципов, сознательно далекие от идеального мира, – это одна из дюжины причин, почему тема политического лидерства не перестала быть в центре научного и лите-

ратурного описания и анализа. Другая причина – экзистенциальные вопросы текущего времени, неопределенность и турбулентность будущего, резкое понижение уровня безопасности (глобальной, региональной, личной). И что удивительно, так это то, что заявленная актуальность в этой ситуации важности лидерских качеств для политиков, потребность в лидерах с новыми качествами, находит возможным утверждать – миру нужны лидеры, приверженные либерализму, инклюзивному и эгалитарному порядку [14].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3. С. 17-34; 4. С. 97-102; 5. С. 20-33; 6; 7. С. 188-195; 8. С. 35-42; 9. С. 5-16; 10. С. 239-251; 11; 12].

Однако проблему политического имиджа лидера нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Неужели такого рода вариации лидерства и лидеров действительно будут востребованы, когда по утверждению исполнительного председателя Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе Клауса Шваба, «кризис COVID-19 показал нам, что наши старые системы больше не подходят для 21 века. Он обнажил фундаментальное отсутствие социальной сплоченности, справедливости, инклюзивности и равенства. Сейчас исторический момент, время не только для борьбы с вирусом, но и для формирования **системы для пост-короны**» [1].

Мы позволим себе в этом случае, развивая высказанную мысль, интерпретировать ее в следующих терминах: будущее, будущая система и порядок, это поле битвы, побед и поражений, где нужными и востребованными будут лидеры пост-короны, лидеры, приверженные пост-либерализму, лидеры пост-инклюзивности.

Мы по многим причинам уверены, что коль вся предыдущая история не стала препятствием в преодолении или хотя бы уменьшении бедности и несправедливости, то вновь становится на эту же дорожку с лидерами-поводырями либерализма и инклюзивности, – это пустая, устаревшая в концептуальном аспекте и вредная в политическом плане затея. Эту версию предпочтительного политического лидерства и типа лидера мы не хотели бы абсолютизировать. Но для современного политического бытия и набирающих силу тенденций восприятия и рефлексии, такой исход не исключен.

Постсоветское политическое пространство, как мы полагаем, дало не много, но все же некоторое количество ярких и запоминающихся примеров и образчиков отрицательной генерации как раз того типа и тех политических лидеров, которые своим идеалом посчитали убеждения либерализма, декларируемой борьбы с бедностью, коррупцией за свободу и справедливость. Не называя имен, назовем страны, где такой тип был взращен и укоренился. Это – Украина, Грузия, Армения, страны Балтии.

Не будем утверждать, что такой тип политических лидеров был вне контекста и вне сложившихся тенденций и ожиданий к смене лидеров как внутри самих стран, так и во вне. Не настаиваем на том, что этот тип политиков является уходящей социально-политической натурой. Они остаются, им аплодируют, им даже еще верят и доверяют.

Если мы верно описываем сложившуюся ситуацию вокруг определенного типа политических лидеров, то ради научного интереса, можно хотя бы гипотетически предположить, что существует и уверенно демонстрирует свое присутствие в политике другой тип политического лидера. Одним из таких политических лидеров, на наш взгляд, как раз и является Ильхам Алиев. Детали и нюансы этого типа политического лидера, его конструируемый образ (имидж), проявившийся наиболее ярко и мощно в период Второй Карабахской войны, предлагает нам к.и.н. Улькер Мастафа кызы Мехдиева в статье «Имидж политического лидера в контексте истории».

Названная статья, на наш взгляд, представляет собой развернутую версию формирования или создания имиджа современного политического лидера в контексте определенного события, позволившего его реальному носителю обрести дополнительную популярность среди широкой общественности. Такой подход в широком смысле можно рассматривать как определенного рода теоретическую доктрину, которая укладывается в общую схему по изучению института политического лидерства. Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, автор статьи осознанно ввел в текст ряд известных имен, специалистов по имиджологии. И представил(а) палитру мнений и соображений, которые отражают как бы достигнутый уровень теоретического освещения данной проблематики. Признавая за автором статьи право на определение полезного эффекта от той или иной теоретической позиции, что может быть оправданным, и что можно включить для реализации своего замысла, – отметим. Примыкая по некоторым основным вопросам формирования имиджа и восприятия образа политика к совершенно определившимся в научной литературе взглядам и позициям, автор несколько не связал себя с буквой и кодексом какой-либо концепции. Такая позиция, с нашей точки зрения может иметь двоякое значение и последствие. С одной стороны Улькер Мастафа кызы Мехдиева не заражена ортодоксией, с другой – привлечение множества теоретических работ и их положений не стали отправной линией оформления концепции, которая для автора была бы генеральной, базовой опорой подготовленной статьи. Вот почему авторский текст – **«в таком ключе** (выделено нами) было бы интересно изучить имидж одного из современных лидеров, сумевшего поставить точку в многолетнем конфликте между двумя постсоветскими государствами», – как бы висит в неопределенности. Не очень понятно без определения позиции относительно теоретико-концептуального выбора, к чему сам автор склонен примкнуть, что имеется в виду, когда он пишет – «в этом ключе»!!!.

Наше замечание рекомендательного свойства нисколько не отрицает и не подвергает сомнению авторское видение и способ раскрытия и анализа доступного и обширного материала. Есть подозрение, что автору статьи хотелось бы преподнести и описать формируемый в короткие сроки нестандартной ситуации, в которой действует Президент Республики, имидж как можно более яркими и выразительными красками. Но не скажем, что Улькер Мустафа кызы Мехдиева поддалась искушению быть более субъективной, чем объективной. Хотя для этого много оснований и причин. Объектом исследования оказалось не только отражение в виде имиджа, формируемого образа с помощью самых изощренных и эффективных средств, лучшими специалистами. В центре внимания был неординарный человек, политик самого высокого класса, да еще в момент его триумфа. Автор статьи вольно или невольно была очарована и находилась под впечатлением, которые водили ее умом и способом передачи мыслей в словах. Если так интерпретировать авторскую работу, то не стоит сухо и формально принимать текст, который в других обстоятельствах, среди других авторов и героев статьи, мог бы быть просто текстом простого повествования. Нет, здесь по-иному формируется идея, настроение, восприятие, когда читаем: «Речь идет о Нагорно-Карабахском конфликте, нашедшем свое разрешение лишь после окончания 44-дневной войны. Именно в контексте этой войны хотелось бы рассмотреть образ президента Азербайджана Ильхама Алиева, сумевшего принести своей стране столь долгожданную для нее победу».

Один только этот исходный текст многое может сообщить и поведать о замысле и потенциальной научной ценности данной статьи. Но, оказывается, что этого мало. И мы видим, как автор статьи вновь возвращается к этой фабуле, к прямым намекам и полунамекам, чему он посвящает свои изыскания. И главное, что еще важнее, тем самым определяется глубина, перспектива, потенциальные и ожидаемые результаты научного поиска. Об этом пишет автор следующее: «Для достижения данной цели в статье был проанализирован образ президента Азербайджана Ильхама Алиева в разрезе Второй Карабахской войны, завершившейся победой Азербайджана. Автором были подробно изучены основные компоненты образа, повысившие уровень доверия к президенту среди абсолютного большинства населения страны. Особое внимание в статье было уделено выступлениям Ильхама Алиева в период войны, как в местных, так и в иностранных средствах массовой информации...». И далее – удалось «выявить факторы, наибольшим образом влияющие на позитивное восприятие имиджа политика народными массами».

Наверное, можно согласиться с автором статьи, что победа Азербайджана в войне за Нагорный Карабах повысила популярность президента до невиданного за все годы его пребывания у власти уровня. Признаком такого уровня популярности президента стал образ Алиева как «своего»,

человека из народа. Это уже, как считает Улькер Мастафа кызы Мехдиева, своего рода трансформация образа в глазах населения. И что важно, этот перелом в образе был, оказывается подготовлен, обеспечен и реализован самим президентом. И доведен до степени высшего порядка. Сконструирован был образ Ильхама Алиева как «победоносного верховного главнокомандующего».

К чему подводит материал статьи, так это к тому, что имидж и образ президента Алиева, в том метафорическом, мифическом или реальном виде, не столь важно, этот образ стал данностью современной политической, социальной и даже культурной жизни Республики Азербайджан и достоянием ее граждан. Граждане страны тоже были включены в этот бурный процесс, вовлечены в войну, победоносные результаты которой не могли не подготовить почву для успешной имиджевой для Президента политики. Но надо отдать должное, и автору статьи удается, в этом ее серьезная заслуга, на примере особенно многочисленных выступлений Президента показать: Алиев не только политик, но успешный политик, продолжатель в какой-то степени той политической линии, которая ему досталась по наследству и по праву наследника. Среди новой сугубо либеральной плеяды политиков на постсоветском пространстве, это наиболее интересная для современной политики и для научного изучения фигура. Ее особость и отличительная черта – в умении комбинировать и с эффектом сочетать традиционные, даже консервативные приемы с демократическим стилем позиционирования и представления самого себя. Если найти то слово, которое бы соответствовало его природе и коррелировалось с его современным имиджем, то лучшее слово здесь – «внушивший доверие».

Многочисленные примеры из столь же многочисленных интервью Ильхама Алиева, это тот материал, на котором в основном построена доказательная база, не только что собой представляет имидж Президента, но и что собой представляет Алиев-политик и Президент. Да, в этих интервью Ильхам Алиев так легко, или это только так кажется, что легко, отбивает словесные наскоки дотошных и цепких журналистов. В его ответах нет признаков неуверенности. Нет в них и позиции глухой обороны. Он быстро переходит в наступление, а обширные знания и эрудиция позволяют ему жонглировать словом, фактами, примерами. Конечно, надо думать, что Президент знал силу и возможности свои выглядеть перед широкой аудиторией с самой лучшей стороны. И умело и широко пользовался этим приемом. Но не только активное включение себя в информационное пространство создавали ему удобные и выгодны условия для поддержания и развития своего имиджа. Было бы наивно и упрощенно думать, что имидж Ильхама Алиева зависел только и исключительно от подобного рода акций и действий.

Улькер Мастафа кызы Мехдиева понимая и видя по многочисленным источникам и данным многофакторность явления и феномена, приходит

к необходимости расширить поле и пространство того, что в политической науке обычно трактуют компонентами имиджа политика. Здесь традиционно обращаются к таким компонентам, как: привлекательность, физическая сила, активность. Все эти компоненты, естественно, дополняются элементами умственной, физиологической, психологической структуры человека, умелое пользование которыми позволяло Алиеву внушить к себе доверие граждан Азербайджана, преодолеть недоверие со стороны внутренней оппозиции, получить достаточное доверие внешних влиятельных сил и лидеров. Как выясняется, по всем или большинству из этих компонентов Ильхаму Алиеву равных либо нет совсем, либо он многих и многих по важнейшим и основным компонентам превосходит. Полагаем Улькер Мустафа кызы Мехдиева пошла в этой части своей интересной и многообещающей работы по накатанной исследовательской стезе. Мало что, как нам представляется, здесь можно было получить и добавить к известным фактам, сообщениям. Как и не много дополнительного и неизвестного оказалось в багаже исследователя. Но как бы критически не относиться к этому приему, собственно, этот прием несколько не испортил самого положительного впечатления от статьи. Не повредил этот прием и его содержательное наполнение имиджу Президента. Но если оценивать полезное значение этой работы, то мы бы отметили специально несколько признаков, прямо и опосредованно имплементированные статьей. Резонна, уместна и оправдана здесь финальная позиция автора статьи: «о результатах политического курса Ильхама Алиева можно будет судить лишь спустя годы». В текущую же бытность следует обратить внимание на следующее:

– Президент Ильхам Алиев является нестандартным образчиком и примером современной плеяды политических лидеров. Он не занимает линейку самых признанных лидеров, но его нестандартная фигура выпукло выделяет и отличит его от ему равных. В чем это нестандартность и отличие? Для него, человека и политика определенной культуры, религии и воспитания более-мнее ясно – всякая идеализация возникает благодаря сознательной ретуши, либо близорукости. И то и другое может быть решающим фактором в его выборе своих партнеров и компаньонов внутри страны и особенно во вне. И степени следования в фарватере этих выборов. Это касается конечно же отношений Алиева с лидерами Турции, России, США, Европейских и мусульманских стран;

– для пережившего и проживающего в суровых испытаниях Ильхама Алиева, политика – не враждебная стихия. Поэтому ему просто изгнать из себя сентиментальность, зорко смотреть вокруг и ничего не призравать больше, чем чувства своих врагов и оппонентов. Национальным героем он и такие как он могут быть только для восторженных наций и в моменты восторга. В политике такие как Алиев – воображаемые политические персонажи. Воображаемый образ Ильхам Алиев конструирует сам и для себя, внушая доверие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Глобальная перезагрузка или Новый Мировой Порядок // <https://fingaring.livejournal.com/26358.html>.
2. Зарубин В., Макаридина В. Математический анализ политического лидерства в современной России // https://www.researchgate.net/publication/332663389_Mathematical_Analysis_of_Political_Leadership_in_Modern_Russia.
3. Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. Политический сепаратизм: сущность и отчаяние сущего (мыслимого и деятельного) // В книге: Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Сер. «Труды научной школы проф. Н.П. Медведева». М., 2019.
4. Медведев Н.П. Современные проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).
5. Слизовский Д.Е. Политическое лидерство: методологические проблемы исторической интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2003. № 4.
6. Слизовский Д.Е. Политическое лидерство на Руси (история, опыт, проблемы). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2002.
7. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).
8. Слизовский Д.Е. К вопросу об актуальных проблемах и перспективах развития Содружества независимых государств // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 4 (18).
9. Слизовский Д.Е. Можно ли было избежать распада СССР: призма событий тридцатилетней давности и современности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24).
10. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Грани политического сепаратизма. Размышления над прочитанным // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 3 (29).
11. Чаевич А.В. Миротворческая деятельность России в урегулировании региональных конфликтов на постсоветском пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 1 (70).
12. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева. М., 2019.
13. From Xi Jinping to Nancy Pelosi, These 6 Leaders Shaped the World in 2019 // <https://time.com/5748983/2019-influential-leaders/>.
14. Kumar Ashwani. The leaders we need in today's world // <https://www.thehindu.com/opinion/lead/the-leaders-we-need-in-todays-world/article32406726.ece>.

D.E. SLYZOVSKIY

*Doctor of Sciences (history), Professor,
Peoples' Friendship University of Russia (PFUR),
Moscow, Russia*

**PRESIDENT OF THE REPUBLIC
OF AZERBAIJAN ILHAM ALIYEV:
SOMEONE WHO INSPIRED CONFIDENCE?
(Review of the article by Ulker Mastaf kyzy Mehdiyeva
“The Image of a Political Leader in the Historical Context
(on the example of President of the Republic
of Azerbaijan Ilham Aliyev»))**

The review article critically analyzes the theoretical and practical aspects of the current problem of political leadership in political science. The author of the review emphasizes the originality of approach taken by Ulker Mastaf kyza Mehdiyeva's and even of the title of the stated research topic “The image of a political leader in the context of history (on the example of President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev”)), as well as the scientific significance of this kind of research for the post-Soviet political space.

Key words: *image of a political leader, President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev, the Karabakh conflict, historical context.*

НАШИ АВТОРЫ

Абрамова Мария Алексеевна – доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, Россия, г. Новосибирск (marika24@yandex.ru).

Авакян Дарья Айрапетовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (avakyan88@mail.ru).

Агоннуде Бидолей Вианней Фредди – ассистент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Республика Бенин, г. Котону (freddyagonnude@mail.ru).

Адамова Мария Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Института международных отношений Пятигорского государственного университета, Россия, г. Пятигорск (939192@mail.ru).

Адоунде Яови Сильвестр – ассистент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов, Бенин, г. Котону (oksmall@mail.ru).

Альжаруан Мохд Хиер Джаруан – кандидат политических наук, Россия, г. Москва (men.cutie-2015@yandex.ru).

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор Хэйлунцзянского института иностранных языков, КНР, г. Харбин (maya.astv@gmail.com).

Байков Сергей Андреевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ), Россия, г. Москва (baykov94@yandex.ru).

Барья Сохраб – соискатель аспирантуры МГИМО(У) МИД РФ, Россия, г. Москва (Nikolay.n.n@yandex.ru).

Басов Олег Николаевич – аспирант Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (basovon@yandex.ru).

Бубнов Александр Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Бурлаков Павел Дмитриевич – бакалавр факультета политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (burlackov1@mail.ru).

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского соци-

---

ологического центра Российской академии наук; декан социологического факультета РГГУ, Россия, г. Москва (natalivelikaya@gmail.com).

Венцель Сергей Владимирович – аналитик Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Воронина Наталия Александровна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права РАН, Россия, г. Москва (natalia.a.voronina@gmail.com).

Ву Тхи Хыонг – аспирант кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета, Россия, г. Тула (voprospolitolog@yandex.ru).

Гималаев Вагиз Гаяльдинович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Чувашского Государственного университета имени И.Н. Ульянова, Россия, г. Чебоксары (m.rodionova@mail.ru).

Данилова Анастасия Ивановна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (danilova99_99@mail.ru).

Добрынина Мария Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Жетпысбаев Сейсембай Калижанович – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор ПГУ им. С.М. Торайгырова, Республика Казахстан, г. Павлодар (zha6752@yandex.ru).

Исмоилова Гулшода Хайитовна – преподаватель Каршинского государственного университета, Республика Узбекистан, г. Карши (avazov.75@bk.ru).

Кандыба Родион Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Института международных отношений Пятигорского государственного университета, Россия, г. Пятигорск (kafedra0607@mail.ru).

Козленко Мария Владимировна – бакалавр факультета прикладной политологии Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (mashakozlenko@gmail.com).

Кочетков Егор Евгеньевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва (kochetkov.work@gmail.com).

Краснов Михаил Игоревич – магистрант факультета Экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова), Россия, г. Тула (krasnov1@mail.ru).

Мажидов Омонтош Исомиддинович – исследователь Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан, г. Ташкент (vabank_2385@mail.ru).

Мазуев Артур Арвиевич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (a.mazuev@gmail.com).

Мандрицкий Максим Юрьевич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (mixsev@mail.ru).

Манкиева Аза Вахидовна – кандидат политических наук, доцент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти Северо-Кавказского института – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Пятигорск (Aza.mankieva@mail.ru).

Менаждинова Александра Ринатовна – студентка магистратуры «Политическое управление» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (ms.menazhdinova@mail.ru).

Миронов Семен Ильич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (semenilyich@gmail.com).

Моисеев Анатолий Васильевич – кандидат военных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор, профессор кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (moiseevanvas@mail.ru).

Муравых Анатолий Иванович – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Назаров Александр Данилович – профессор, доктор исторических наук, заместитель руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института, Россия, г. Москва (helena_nazarova@mail.ru).

Назарова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, заместитель директора по персоналу, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Никитенко Евгений Григорьевич – генерал-майор, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmurav@yandex.ru).

Никушкин Антон Борисович – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nikushkin94@gmail.com).

Новоженина Ольга Петровна – старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, г. Москва (olganov@mail.ru).

Пилягин Константин Александрович – аспирант Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург (voprospolitolog@yandex.ru).

Полтавцева Ольга Николаевна – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (olga.poltavtseva@gmail.com).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (setjpo@mail.ru).

Пряхин Владимир Федорович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ; профессор кафедры дипломатии МГИМО, Россия, г. Москва (pryakhin2010@mail.ru).

Родионова Марина Евгеньевна – кандидат социологических наук, PR & GR Директор Celebrium Labs, доцент, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (m.rodionova@mail.ru).

Савельева Ульяна Сергеевна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (saveleva9406@mail.ru).

Савельева Мария Анатольевна – аспирант кафедры социологии и психологии в политике факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Санчат Сайдаш Сайын-оолович – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Новосибирск (tuva_ulus@mail.ru).

Семёнова Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России, Россия, г. Москва (semenova-o-v@yandex.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Степанькова Дарья Сергеевна – студент-бакалавр Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (stepankova.ds@students.dvfu.ru).

Тарасочкина Диана Дехвановна – студент-бакалавр Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (tarasochkina.dd@students.dvfu.ru).

Трофимова Кристина Михайловна – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (trof-kristina@narod.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (a_tushkov@mail.ru).

Тюков Никита Анатольевич – кандидат исторических наук, исполнительный директор Центра общественно-политических проектов и коммуникаций; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий МПГУ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Фарниев Сослан Аланович – соискатель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Россия, г. Москва (farnievan@gmail.com).

Федоренко Ульяна Владимировна – аспирант кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (ulyanatheone@gmail.com).

Фельдман Павел Яковлевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (pavelfeld@mail.ru).

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, г. Москва (rggu2007@rambler.ru).

Чжэн И – соискатель кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (zdiamor@gmail.com).

Шангараев Руслан Насимович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России; член-корреспондент

Академии военных наук и Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва (ruslan.shangaraev@dipacademy.ru).

Шаповалов Владимир Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института истории и политики МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Шолкова Марина Алексеевна – аспирант Дипломатической академии МИД России; третий секретарь Третьего департамента стран СНГ МИД России, Россия, г. Москва (sholkova.m.a@gmail.com).

Эбру Биринчи – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ebrubirinci61@gmail.com).

Ян Фулинь – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков, КНР, г. Харбин (yangfulin@hiu.net.cn).

OUR AUTHORS

ABRAMOVA M.A. – Doctor of Sciences (Education), Leading Researcher, Doctor of Pedagogical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia.

ADAMOVA M.A. – Candidate of political sciences, associate professor of the department of International relations, political science and world economics, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

ADOHOUNDE YAОВI SYLVESTRE – Assistant, department of foreign languages, faculty of humanities and social sciences RUDN, Post-graduate student of the Peoples' Friendship University of Russia, Cotonou, Benin.

AGONNOUDE BIDOLEY VIANNEY FREDDY – Assistant of the Department of Political Analysis and Management of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Cotonou, Republic of Benin.

ASTVATSATUROVA M.A. – Doctor of Political Science, Professor, Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China.

AVAKYAN D.A. – Candidate of political sciences, senior lecturer of the Department of philosophy and sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

BASOV O.N. – PhD Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BAYKOV S.A. – Postgraduate Student, Department of Political Science and Law, Moscow Regional State University, Moscow, Russia.

BUBNOV A.YU. – Candidate of philosophical sciences, docent, associate Professor of the Department of history and theory of politics, Moscow State University, Moscow, Russia.

BURLAKOV P.D. – Bachelor of Political Science Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

DANILOVA A.I. – Bachelor of International Relations and Law Department, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

DOBRYNINA M.V. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of economics, management and finance, Moscow Institute of Electronic Technology, Moscow, Russia.

EBRU BIRINCI – PhD Student, Department of Comparative Politics, Moscow State University, Moscow, Russia.

FARNIEV S.A. – Applicant for the Department of Political Theory, Moscow State International Relations (University), Moscow, Russia.

FEDORENKO U.V. – PhD student in the Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

FELDMAN P.YA. – Candidate of political sciences, Associate Professor of the Department of philosophy and sociology, the Academy of labor and social relations, Moscow, Russia.

FULIN YANG – Vice-rector, Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China.

GIMALIEV V.G. – Doctor of Philosophy, Associate Professor of Department of foreign languages N2, I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

HUONG VU THI – Graduate student, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Tula, Russia.

ISMOILOVA G.I. – Teacher, Karshi state university, Karshi, Republic of Uzbekistan.

JARWAN ALJARWAN MOHD KHIER – PhD (Political science), Moscow, Russia.

KANDYBA R.A. – Candidate of political sciences, associate professor of the department of International relations, political science and world economics, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

KHLOPOV O.A. – PhD in Political Sciences Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

KOCHETKOV E.E. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor of the Department of History of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia.

KOZLENKO M.V. – Bachelor of Applied Political Science, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

KRASNOV M.I. – Master of the Faculty of Economics, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Tula branch of the Plekhanov Russian University of Economics), Tula, Russia.

MAJIDOV O.I. – Researcher at the Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

MANKIEVA A.V. – Candidate of political sciences, associate Professor legal support of the activities of the authorities North Caucasus Institute-branch, Russian Academy of National Economy and Public administration under the President of the Russian Federation, Pyatigorsk, Russia.

MASUEV A.A. – Postgraduate student of the Department of philosophy and sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

MENAJDINOVA A.R. – Master's Degree student, RANEPa, Moscow, Russia.

MENDRITZKI M.YU. – Postgraduate student of the Department of philosophy and sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

MIRONOV S.I. – Postgraduate student of the Department of philosophy and sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

MOISEEV A.V. – Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Ph.D. of Military Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

MURAVYKH A.I. – D.Sc. (economics), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NAZAROV A.D. – Professor, Doctor of Historical Sciences, Deputy Head of the Department for scientific work, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia.

NAZAROVA N.A. – Deputy Director for Personnel, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University of the Russian Federation, Moscow, Russia.

NIKITENKO E.G. – Major General, Cand. Sc. (History), professor, Department of Public administration and National safety of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

NIKUSHKIN A.B. – Post-graduate, Department of History and Political Theory, Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

NOVOZHENINA O.P. – Senior researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

PILYAGIN K.A. – Post-graduate student of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia.

POLTAVTSEVA O.N. – Postgraduate student, Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

PRYAHIN V.F. – Doctor of Political Science, Professor, International Relations Dept., RSHU; Professor, Diplomacy Dept., MGIMO-University, Moscow, Russia.

RODIONOVA M.E. – PR & GR Director of Celebrium Labs, Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science of the Financial University of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SANCHAT S.S. – Postgraduate, Department of State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

SAVELEVA U.S. – Russian Politics Department, Faculty of Political Science, PhD student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SAVELYEVA M.A. – PhD student of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Moscow State University, Moscow, Russia.

SEMENOVA O.V. – Senior Lecturer at the Department of Public Administration in Foreign Policy Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia.

SHANGARAEV R.N. – Ph.D. of Economic Sciences Associate Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences and the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

SHOLKOVA M.A. – Post-graduate student of the Diplomatic Academy, third secretary of the Third department of CIS countries MFA of Russia, Moscow, Russia.

SLYZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

SOHRAB BARYA – PhD student, MGIMO University, Moscow, Russia.

STEPANKOVA D.S. – Bachelor's degree student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

TARASOCHKINA D.D. – Bachelor's degree student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

TROFIMOVA K.M. – Postgraduate student of the Department of philosophy and sociology, Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Ph.D., Professor of International Relations and Law at Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

TYUKOV N.A. – Candidate of Historical Sciences, Executive Director Center for Socio-Political Projects and Communications, Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

VELIKAYA N.M. – Doctor of Political Science, Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Dean of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

VENTSEL S.V. – Analyst of the National Center for Information Counteraction to terrorism and extremism in the educational environment and the Internet, Moscow, Russia.

VORONINA N.A. – Candidate of Sciences (law), Senior researcher at the Sector of Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ZHENG YI – Doctoral candidate of the Department of Political Science of the East of the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ZHETPYSBAEV S.K. – Ph.D. In Economics, associated Professor, Department of Management and Political Science, PSU named after S.M. Toraigyrov, Pavlodar, Kazakhstan.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты   **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 3 (67), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.03.2021

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал

«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал

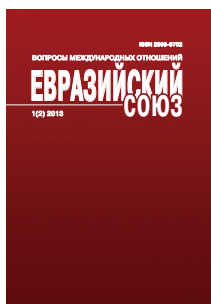
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная				Количество комплектов						
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											